Resistance and
Opposition
Arts
Review

ROAR: Номер шестой

Вестник
антивоенной
и оппозиционной
культуры

От редактора

Год. Кроме слов боли и ужаса по поводу того, что с момента полномасштабного вторжения России в Украину прошел год, мне очень трудно подобрать еще какие-то слова сегодня, 1 марта 2023 года, когда выходит этот номер. Но я попробую сейчас не просто поблагодарить всех, без кого этот номер был бы невозможен, — я попробую рассказать отдельно об одном из наших авторов, прекрасном украинском поэте Владе Петренко, чьей работой на украинском языке (и ее авторским переводом на русский) открывается поэтический раздел номера. Благодаря Владу ROAR с этого дня меняет название — и не только название.

Влад предложил нам опубликовать его замечательную, на мой взгляд, и очень важную поэму «Конго», написав, что видит в этом возможность диалога культур в условиях войны и первые шаги к миру, потому что, на его взгляд, такие шаги необходимы и важны. Для меня было честью опубликовать поэму и ее (выполненный Владом же) перевод на русский язык, сделанный по моей просьбе: я хотела, чтобы «Конго» прочитало как можно больше людей. Однако с этого момента было бы неправильно — и мне это показалось совершенно очевидным — расшифровывать ROAR как “Russian Oppositional Arts Review” / «Вестник русскоязычной оппозиционной культуры» и называть русскоязычную версию издания «русской» в меню на сайте. Поэтому читатель может заметить ряд изменений:

1. ROAR теперь расшифровывается как Resistance and Opposition Arts Review. Полная русскоязычная версия названия — «Вестник антивоенной и оппозиционной культуры».
2. Ссылка меню из английской и будущей французской, итальянской, японской и других возможных версий на основную версию журнала обозначена как ‘Ukrainian/Russian’;

3. Для нас будет честью и дальше публиковать работы наших украинских коллег на украинском языке — с переводом на русский язык или без него, по их желанию.

Теперь мне остается лишь сказать, что я безмерно благодарна всем, чей труд и чье доверие позволяют ROAR существовать: авторам, команде, читателям. Огромное спасибо каждому, чьи стихи, проза, эссе, пьесы, арт- и саунд-работы опубликованы в этом, шестом номере издания. И огромное спасибо потрясающей редакционной и переводческой команде ROAR (состоящей исключительно из волонтеров). Я хочу поблагодарить поименно тех, кто работал над украиноязычной/русскоязычной версией номера: шеф-редактора Марию Вуль и наших редакторов и корректоров Юлию Исакову, Марка К., Марию Рогову, Ольгу Чайку, Соню Кобринскую, К. Б., Антона Кухто и других. За английскую версию огромное спасибо ее шеф-редактору Татьяне Рудяк, редакторам Sarah Bloxham, Stephanie Sandler, Jackie Dobbyne, Sandy Balfour, Colleen Moor, Robert Darwen, Michael Antman, Doug Reed и Michael Kleber-Diggs и потрясающей команде наших переводчиков. И, конечно, этот номер вышел только благодаря нашим верстальщицам — М., И., Елене Урман, Инар Искендировой, Анне Орловой, Лилии Сафроновой, Марии Цвайг и Марте Восьмовой.

Отдельное спасибо Вете Сбитниковой и ее команде, обеспечившим дизайн и техническое функционирование сайта.

Выход седьмого номера ROAR запланирован на 24 апреля. Мы начали формировать этот номер уже сейчас и будем рады рассмотреть стихи, прозу, арт- и саунд-произведения, имеющие отношение к основной тематике издания, в любых форматах: пожалуйста, присылайте их на адрес roar.review.2022@gmail.com.

Я хочу добавить лишь несколько предложений, которыми традиционно заканчиваю каждое письмо редактора: мы уже сейчас с нетерпением ждем момента, когда ROAR можно будет закрыть навсегда, — то есть момента, когда больше не будет нужды маркировать определенный сегмент культуры в качестве стоящего в оппозиции к преступному российскому режиму — просто потому, что этот режим прекратит свое существование. Но пока этого не произошло, мы сделаем все зависящее от нас, чтобы ROAR продолжал выходить.

С уважением,
Линор Горалик,
издатель и главный редактор ROAR.

1 марта 2023

Стихи

Влад Петренко

КОНГО

I

Parlé

1

Під чорним кутом зору дивитись на те, як повільно, наче у кіно, падають стіни.

Це все, що ми знали про війну, вона виявилась нудною і марудною як глевкий дощ, у якому втопаємо мов у тривожних снах. Кожен вибух, освіжаючий наче крижана вода, коли ти хворий, постійно хворий, і тобі потрібні ліки, Doctor Angelicus зламав ногу і не приїде. Самотність в такі хвилини — великий гріх, ще більший — гортати новини, це виснажує. Надмірна кількість тривог. Скільки сьогодні зафіксовано поранених і вбитих? Якщо щось відбувається з тобою, то важко уявити собі, що це відбувається з іншими. Їх так само начиняють демократією. Збережи Боже їх душі від гніву, дай їм любові більше ніж є у мене. Можливо, вона не влучить в ціль, а піде в молоко, розлите над степами і містами нашої багатостраждальної країни. Хто багато страждає, тому воздається. Пастирі пасуть свою паству. Блаженні юродиві не подають, тільки нагадують, підказують, вказують в той момент, коли погляд проковзує повз. Зло мов миша, що не хоче бути поміченою, вона не дає спокою по ночах, все шкребеться по кутах, під лавою, за холодильником. Я довго пересипаю гречку в баклажку. Час вимірюється голодом, який заповнює собою порожні місця. Їж його. Суп, кашу. Якесь каміння в світовому шлунку, його не перетравити, хто б міг подумати, що доведеться їсти цеглу, що залишилась від Ієрихона? Кара приходить за гріхами, гіркі води ріки затоплюють дороги, дорога потрібна

для того, щоб повернутись. Зрештою, свобода урізується береговою лінією, за нею лише непевний ґрунт моря, такого ж чорного, як шкіра шахтаря, що їсть на вечерю і на сніданок вугілля, запиває склянкою нафти. Для білих і міцних зубів необхідне молоко, прозоре і тепле як погляд матері, яка завжди знає де ти, бо тіло її перед очима, і воно народжує все і тебе також.

2
маятник
гаряча червона вишня усміхається з дерева
її серце — тверда кісточка
тіло її наповнене кров'ю
маятник
колючий каштан похмуро жовтіє зберігаючи всередині тонку і ніжну шкірку
маятник
горобина ще тверда
зроблю з газети зброю
буду стріляти по горобцях що просять під вікнами їсти

3
заправлені ліжка
порожні уніформи
коридорами ширяться запах хлору і музика Бетховена «Ода до радості»
м'яке світло висвітлює подушки складені трикутниками
в них ще гніздяться сни просякнуті страхом і людським потом
величезні зелені яблука ядучі наче трава в травні
кругло лежать на столі
їх шкірка виявилась набагато тоншою ніж ти думав
приємно знімати її гострим ножем
яблука не пручаються
їм не потрібен наркоз
ні місцевий

ні загальний
дурна думка і банальний фантом
в дзеркало не подивишся
їх прибрали подалі, а то раптом хтось роздивиться власну смерть?
заправлені ліжка
порожні уніформи
жарти вивітрилися у кватирку
«Ода до радості»
гримить!
гримить!

4
обличчя — зім'ятий картон
на ньому відобразилась вся ця бурхлива ніч
вигини, подряпини, синці — сліди від нігтів, сліди від зубів
хитра кішка крадеться вздовж паркану
голуби дурні
нічого не підозрюють
недарма Божий птах
груди землі
грудень пустять погрітися в кав'ярню чи ні?
чи досі там спить старий волоцюга
якому нікуди більше вертатись
він завжди рахує дірки в штанях
в стріхах і душах
вільно самому з собою і навіть не страшно
страх вислизає із рук малих дітей і жінок
цьому завжди спокійно
його могили вже перепахали трактором
йому ні для чого зберігати обличчя
кожен має право бачити вирок до його винесення
до того як його нанесуть на шкіру і ти не підеш танцювати
між розвалин школи в якій твоя перша вчителька
причащала тебе знанням, а однокласники доводили, що все
з тим Богом можна вирішити на задньому дворі

так мій милий
борода опускається в чорну масну наче нафта каву
усяке горе горить
але не всяке гріє

5
пальма не боїться лева що лежить в її тіні
вона відважно підставляє сонцю своє струнке тіло
відчайдушна пальма
пляма сонця
хто знає що там по той бік відваги?
що тут по той бік тіла?

6
говорили — вороги! вороги!
радіоприймачі
у них ростуть роги
тверді носороги
хитрі анаконди
вбивці холоднокровні
говорили — вороги! вороги!
ворони
ворони
ворони

7
полин відкриває полонку сну
ось тремтить він на вітру
серце — рівний стукіт копит
кінь в снігах
білий на білому
скоро все занесе зима
і повня заглядатиме у мій рот
де пісня колись жила

8
горби териконів
верблюжа жила
жало мого ножа
грішило

9
змія землі зникає за горизонтом
поїзд слідує без зупинок
паузи — коми
довга дорога сну без розділових знаків
важко втримати рівновагу
я колись все розкажу
де у землі жало
і як вона жалить в п’яту

10
списи очерету
списки у яких я не хотів би побачити свого прізвища
зуби — зникли
біла слонова кістка
зима
зникають вуста і брови
Doctor — що робити коли тобі вуха присилають поштою?
ніщо змінити не можна
вірую тільки у ваші золоті руки
які пришиють мій голос до мого горла.

11
Це було на одній з безіменних станцій, яких безліч у нашій країні. Там, де ліс наступає на колії, а колії прикидаються зміями, старий продавав стаканами сіль, він виловлював її ситом із моря і вислюком привозив сюди, на малий ринок, де продавали одіж, насіння, фрукти. Одного разу він спіткнувся і впав, розбився на безліч голів, які не знають причин, які не хочуть причин, їх поскладали в корзини і знову продають

на маленькій станції, але вже більш галантні кавалери, ніж старий і скрипучий дід, в безіменнім краю на краю листа, на якому пальма одна.

моя мама привезла мені соляну лампу із Соледару
я вмикаю її, і вона горить теплим світлом
я вимикаю її, кімната опускається в ніч
і ніч в ночі заповнює очі

II

La rivière

1
де південь?
де північ?
де захід?
де схід?
розібратись в географії складно
адже ця ріка падає зверху вниз.

2
піду в ліс позбираю ягоди
впізнаю хворобу на твоєму тілі
непомітні червоні пухирці
поскладаю їх в корзину
спалимо зло у вогні
тільки не знали ми
що не варто
кидати у вогонь вибухонебезпечні предмети

3
Я ніколи не міг зрозуміти, що зі мною не так? Чому моє тіло схоже на чорне вигнуте дерево, що нависає над рікою? Ріка одягалась в лід, береги в біле. Моє тіло стояло поламане в кількох місцях, подалі від інших дерев, для

них я був недостатньо чорним, а для снігу недостатньо холодним. Десь всередині мене циркулює кров, яка змушує функціонувати усі органи: печінку, шлунок, нирки. Конго напуває усіх звірів, пташок, людей, які низько йому вклоняються для того, щоб зробити ковток. Я подумав, а як! Я кину їм шматок своєї печінки, може вони визнають мене за свого? Але все було марно. Тоді я кинув їм шматок свого серця і раптом побачив, що левиця впала мертвою.

4
тріщинка на пальці — лінія проведена олівцем
рідина заповнює собою будь-яку форму
Бог це щось що є
вклонитись життю
визнати його першість
витерти пиху наче пил з підвіконня
будь обережним
речі завжди крихкі
ніколи не знаєш який в них процент води
але і краплі достатньо щоб побачити океан
очі
краплі
водогони

5
La fontaine

я бачив, як помирала моя бабця, була страшна спека і вона втратила свідомість на городі
— одна чаша для смерті
я бачив у її очах любов, коли вона пестила мене
— одна чаша для любові
я бачив її життя крізь призму історії, яка малювала міста, піднімала їх і руйнувала вщент
— одна чаша для часу, який дає і забирає
я бачив її у лікарні, вона не впізнала мене, чи впізнаю я сам

себе? питання, на яке мені дасть відповідь остання чаша
і вона для неї

6
Mémoire

ножицями обрізаю пофарбовані фотографії
ріжу контури
проводжу межу між тими хто був і тими кого не стало

7
Cercueil

живі квіти для мертвих людей приносять на Червону гірку
горе часто грабують і перепродають
або біля атракціонів
або біля бюро ритуальних послуг
або-або вибір максимально наближений до дійсності
труна прямокутна
як багатоповерхівка на околиці міста
поволі гниють зуби і вікна
хочеться солодкої вати
червону кульку
щоб мама взяла за руку
хочеться не впізнавати мертві квіти для живих людей
у замучених клітках кварталів

8
Поля покрили шинелями і отримали болота, якими ходять
чоловіки, що хочуть взяти зірок з неба і причепити їх
на погони, але вони не знають, що виліплені зі шкіри
обличчя дуже швидко втрачають форму. Гарячі руки війни
торкаються щок, носа, потилиці. Рештки шкіри прилипають
до одностроїв, стікають прямісінько в берці.

я чую як лопаються кавуни
як вибухають на сонці вони
шурхотить захід і палає схід
моя ріка стає червоною двічі на день
ось вже нескінченну кількість зим
я вийшов з дому обіцяючи любити тебе завжди
гоїться і відкривається знов
тихшає і швидшає течія
із ран

9
Конго
Кон-го
Хтось б’є в гонг
Кон-го
Бон-го
Бон-го
Го
Го
Го
Горлиця
Горло лиця
Горе
Герой тримає рукою рій бджіл що жалячи помирають
Смерті мед я тоді збирав
Коли кричав
Кон-го
Кон-го
Конго!
Конго!
Конго!

III

Mélancolie

1
Сидячи перед комп'ютером у своїй квартирі в Кіншасі, я дивився фільм Жана-Люка Годара. Друзі питали мене — як ти можеш спокійно дивитись кіно, коли французька армія обстрілює ракетами міста нашої багатостраждальної батьківщини? Деякі з них казали — «у тебе немає жодного патріотизму», і дійсно, після перегляду «Маленького солдата» я відправляюсь на пошуки патріотизму і ніде не можу його знайти — ні в шафі, де лежить засохле печиво, ні в пральній машині, де лежить кілька пар брудних шкарпеток. Я не знаю, що відповідати моїм друзям, половина з яких вже давно в Луанді, Парижі, Нью-Йорку, а інша половина стала до лав «Збройних сил Демократичної республіки Конго».

Я дивився на гарних французьких жінок.
Анно! о Анно! — вона вкрала моє серце, і я лежу довгими ночами рахуючи вибухи і думаю про її задиркуватий погляд, чи можна уявити, щоб вона покохала б мене, якби я народився в Латинському кварталі, носив м'якого капелюха і костюм Hugo Boss? Я ніколи не дізнаюсь, чим пахтить тіло Анни. Я намагаюсь пригадати свою першу жінку, її обличчя, волосся, манеру говорити, але спогад цей розпадається на якісь неясні уривки, вони склеюються з твоїм образом, Анно! Тільки з тобою. Аплікація із шматочків розірваного кольорового паперу. Як в дитинстві на уроках ізо.

Ранок
Диктор випльовує із радіоприймача — чорні, чорні, чо чо чо оооо ччч іііі; її тілллооо булооооо знайденооо… Де ж її знайшли і хто її міг полишити? Жан-Люк більше не знімає кіно. Він помер. Це якось несправедливо. Я хотів би бути схожим на Жана-Поля Бельмондо і навчитися стріляти

харизмою з обидвох рук, щоб перемагати холодні серця. Жодного цинізму, тільки: Amour, Amour, Amour. Вона розквітає на стінах мого міста, хто залишиться байдужим? Викину радіоприймач, розберу його на деталі, він дратує мене, жовтизною свого корпуса. Кляте сонце випалює усякий здоровий глузд.

Erik Satie, Gnossienne № 3
Музика заповнює простір. Поволі стає легше дихати. Усмішка Анни перед моїми очима нерозділене кохання ненависть.

Gnossienne № 4
Вимкнули світло і воду. Для чого мені світло, якщо у мене є 7 томів «В пошуках утраченого часу»? Я матиму чим зайнятися. Для чого мені вода, якщо зовсім скоро сезон дощів? Цікаво, чи Золя плакав, коли писав «Пастку»? Пастка, пастка, пастка… падаю в темну діру, яка відкрилася на шкірі. Я не одразу її помітив, тільки відчув, як голка болю входить десь між лівою лопаткою і хребтом.
П'ю гнилу воду. Друзі машуть мені по той бік Гудзону. Квіти прилаштовуються до нових ґрунтів. Соковитий, ядучий газон американських міст, у наших джунглях такого не зустрінеш. Чудеса демократії виглядають саме так, і варто це пам'ятати.

Pizza Hut і ніяк інакше
війна це бренд, що добре продається на заході
захід за сірими пірамідками гір
драконячі зуби
рот
метр глибиною
десь там моя Анна снідає круасаном і кавою
дивиться France 24

«як тебе не любити, Париже мій, місто тисячі дахів»
і все таке інше
Ні! Ні! Ні! і ще раз Ні! я залишаюсь читати і перечитувати
«Квіти зла»
вони посадили їх в поганий ґрунт, їм не вдасться зробити те,
що вони зробили із собою.
невинно розпалювали ненависть на площах.

розквітали вогні і плавились ночі
в цей момент я любив ворогів більше ніж друзів

Terra Incognita

багато хто думав, що сяючі голови прозрівали пітьму,
а виявилось навпаки.

2
хвиля за хвилею
захлинувшись в словах
я не можу їх більше давати в борг
могила німа
поета дома нема

3
ця історія має закінчитися холодним морозним днем
в передчутті Нового року, коли північні люди дістають
із шаф запилюжені штучні ялинки, щоб відсвяткувати в
родинному колі прийдешнє свято
в цей час я лежу на своєму ліжку в самому центрі Кіншаси і
вдивляюсь в темряву,
залишаючи білки очей на противагу

4
Exode

янгол — нічний портьє
відпускає малі гріхи
заміняє попільнички в номерах
прощає все за невеличку платню в 25 лір на добу
хто ще допоможе пережити самотність
в Стамбулі зима
і часто бувають раптові зливи
я готовий проміняти батьківщину на страх перед турецьким алфавітом

5
і з любов'ю до себе минулого
підходячи до воріт Царгороду
увійду в нове життя
як Босфор входить в Мармурове море
у ньому застрягають кораблі-спомини
які не дістанеш
ні скальпелем
ні пінцетом

CONGO

(*Автоперевод с украинского*)

I

Parlé

1
Под чёрным углом зрения смотреть на то, как медленно, словно в кино, падают стены.

Это всё, что мы знали о войне, она оказалась нудной и долгой, как вязкий дождь, в котором утопаем, словно в тревожных снах. Каждый взрыв, освежающий словно ледяная вода, когда ты болен, постоянно болен, и тебе нужны лекарства, Doctor Angelicus сломал ногу и не приедет. Одиночество в такие минуты — большой грех, намного тяжелее, чем листать новости, это истощает. Чрезмерное количество тревог. Сколько сегодня зафиксировано убитых и раненых? Если что-то происходит, то сложно представить, что это происходит с другими, их точно так же начиняют демократией. Господи сохрани их души от гнева, дай им любви больше чем сам имею. Возможно, она не попадёт в цель, а уйдёт в молоко, разлитое над степями и городами нашей многострадальной страны. Кто много страждет, тому воздастся. Пастыри пасут свою паству. Блаженные юродивые не подают, только напоминают, подсказывают, указывают в тот момент, когда взгляд проскальзывает мимо. Зло словно мышь, что не хочет быть замеченной, она не даёт покоя по ночам, всё скребётся по углам, под лавкой, за холодильником. Я долго пересыпаю гречку в баклажку. Время измеряется голодом, который заполняет собой пустые места. Ешь его, суп, кашу. Какие-то камни в мировом желудке, их не переварить, кто бы мог подумать, что придётся есть кирпичи, что остались от Иерихона?

Наказание приходит за грехами, горькие воды реки затопляют дороги, дорога нужна для того, чтобы вернуться. Во всяком случае, свобода урезается береговой линией, за ней только неуверенный грунт моря, такого же чёрного, как кожа шахтёра, что ест на ужин и на завтрак уголь, запивает стаканом нефти. Для белых и крепких зубов необходимо молоко, прозрачное и тёплое, как взгляд матери, которая всегда знает, где ты, потому что тело её перед глазами, и оно рождает всё, и тебя тоже.

2
маятник
горячая красная вишня улыбается с дерева
её сердце — твёрдая косточка
тело её наполнено кровью
маятник
колючий каштан хмуро желтеет сохраняя в сердцевине
тонкую и нежную кожу
маятник
рябина ещё тверда
сделаю оружие из газеты
буду стрелять по воробьям
они под окнами просят еды

3
заправленные кровати
пустые униформы
коридорами разносится запах хлора и музыка Бетховена
«Ода к радости»
мягкий свет освещает подушки сложенные треугольниками
в них ещё гнездятся сны пропитанные страхом и
человеческим потом
огромные зелёные яблоки
ядовитые как трава в мае
кругло лежат на столе
их кожица оказалась намного тоньше чем ты думал

приятно снимать её острым ножом
яблоки не сопротивляются
им не нужен наркоз
ни местный
ни общий
глупая мысль и банальный фантом
в зеркало не посмотришь
их убрали подальше
а то вдруг кто-то рассмотрит собственную смерть?
заправленные постели
пустые униформы
шутки выветрились в форточку
«Ода к радости»
гремит!
гремит!

4
лицо — смятый картон
на нём отразилась вся эта бурная ночь
изгибы, царапины, синяки — следы от ногтей, следы от зубов
хитрая кошка крадётся вдоль забора
глупые голуби ничего не подозревают
не зря Божья птица
грудь земли
декабрь
пустят погреться в кафе или нет?
до сих пор ли там спит старый бродяга
которому некуда больше возвращаться
он всегда считает дырки в штанах
в крышах
и душах
свободно самому с собой и даже не страшно
страх выскальзывает из рук малых детей и женщин
этому всегда спокойно
его могилы уже перепахали трактором

ему незачем сохранять лицо
каждый имеет право видеть приговор до его вынесения
до того как его нанесут на кожу и ты не пойдёшь танцевать
среди развалин школы в которой твоя первая учительница
причащала тебя знаниями а одноклассники доказывали что
всё с этим Богом можно решить на заднем дворе
так мой дорогой
борода опускается в чёрный маслянистый как нефть кофе
всякое горе горит
но не всякое греет

5
пальма не боится льва, что лежит в её тени
она отважно подставляет солнцу своё стройное тело
отчаянная пальма
пятно солнца
кто знает, что там, по ту сторону отваги?
что здесь, по ту сторону тела?

6
говорили — враги! враги!
радиоприёмники
у них растут рога
твёрдые носороги
хитрые анаконды
убийцы хладнокровные
говорили — враги! враги!
вороны
вороны
вороны

7
полынь открывает полынью сна
вот дрожит она на ветру
сердце — ровный стук копыт
конь в снегах

белый на белом
скоро всё занесёт зима
и полная луна заглядывает в мой рот
где песня когда-то жила

8
горбы терриконов
верблюжья жила
жало моего ножа
грешило

9
змея земли исчезает за горизонтом
поезд следует без остановок
паузы — запятые
долгая дорога сна без знаков препинания

10
копья тростника
списки в которых я не хотел бы увидеть своего имени
зубы — пропали
белая слоновая кость
зима
исчезают губы и брови
Doctor — что делать когда тебе уши присылают по почте?
ничего изменить нельзя
верую только в ваши золотые руки
которые пришьют мой голос к моему горлу.

11
Это было на одной из безымянных станций, коих множество в нашей стране. Там, где лес наступает на железнодорожные пути, а пути притворяются змеями, старик продавал стаканами соль, он вылавливал её ситом из моря и на осле привозил сюда, на малый рынок, где продавали одежду, семечку, фрукты. Однажды он

споткнулся и упал, разбился на множество голов, которые не знают причин, которые не хотят причин, их сложили в корзины и снова продают на маленькой станции, но уже более галантные кавалеры, чем старый и скрипучий дед, в безымянном краю на краю листа, на котором пальма одна.

Моя мама привезла мне соляную лампу из Соледара
я включаю её, и она горит тёплым светом
я выключаю её, комната опускается в ночь
и ночь заполняет глаза

II

La rivière

1
где юг?
где север?
где запад?
где восток?
разобраться в географии сложно
ведь эта река падает сверху вниз.

2
пойду в лес пособираю ягоды
узнаю болезнь на твоём теле
незаметные красные волдыри
сложу их в корзину
сожжём зло в огне
только не знали мы
что не стоит бросать в огонь взрывоопасные предметы

3
Я никогда не мог понять, что со мной не так? Почему моё тело похоже на чёрное изогнутое дерево, нависающее над рекой. Река одевалась в лёд, берега в белое. Моё тело

стояло изломано в нескольких местах, вдалеке от других деревьев, для них я был недостаточно чёрным, а для снега недостаточно холодным. Где-то внутри меня циркулирует кровь, которая заставляет функционировать все органы: печень, желудок, почки. Конго питает всех зверей, птиц, людей, которые низко кланяются для того, чтобы сделать глоток. Я подумал, а если! я брошу им кусок своей печени, может, они признают меня своим? Но всё было впустую. Тогда я бросил им кусок своего сердца и вдруг увидел, что львица упала замертво.

4
трещинка на пальце — линия проведённая карандашом
жидкость заполняет собой любую форму
Бог это что-то что есть
поклониться жизни
признать её первенство
вытереть надменность как пыль с подоконника
будь осторожным
вещи всегда хрупки
никогда не знаешь какой в них процент воды
но и капли достаточно чтобы увидеть океан
глаза
капли
водопроводы

5
La fontaine

я видел, как умирала моя бабушка, была страшная жара, и она потеряла сознание на огороде
— одна чаша для смерти
я видел в её глазах любовь, когда она гладила меня
— одна чаша для любви
я видел её жизнь через призму истории, которая рисовала города, поднимала их и разрушала до основания

— одна чаша для времени, которое и даёт, и забирает
я видел её в больнице, она не узнала меня. узнаю ли я сам себя? вопрос, на который мне даст ответ последняя чаша и она для неё

6
Mémoire

ножницами обрезаю покрашенные фотографии
режу контуры
провожу границу между теми, кто был и кого не стало

7
Cercueil

живые цветы для мёртвых людей приносят на Красную горку
горе часто грабят и перепродают
или возле аттракционов
или возле бюро ритуальных услуг
или-или выбор максимально приближенный к действительности
гроб прямоугольный
как многоэтажка на окраине города
постепенно гниют зубы и окна
хочется сладкой ваты
красный шарик
чтобы мама взяла за руку
хочется не узнавать мёртвые цветы для живых людей
в замученных клетках кварталов

8
Поля покрыли шинелями и получили болота, которыми ходят мужчины. Они хотят взять звёзд с неба и прицепить их на погоны, но они не знают, что вылепленные из кожи лица очень быстро теряют форму. Горячие руки

войны дотрагиваются щёк, носа, затылка. Остатки кожи прилипают к униформе, стекают прямо в берцы.

я слышу как лопаются арбузы
как взрываются они на солнце
шуршит запад и пылает восток
моя река становится красной дважды в день
вот уже бесконечное количество зим
я вышел из дома обещая любить тебя всегда
утихает и ускоряется течение из ран

9
Конго
Кон-го
Кто-то бьёт в гонг
Кон-го
Бон-го
Бон-го
Го
Го
Го
Горлица
Горло лица
Горе
Герой держит рукой рой пчёл что жаля умирают
Смерти мёд я тогда собирал
Когда кричал
Кон-го
Кон-го
Конго!
Конго!
Конго!

III

Mélancolie

1
Сидя перед компьютером в своей квартире в Киншасе, я смотрел фильм Жана-Люка Годара. Друзья спрашивали меня: как ты можешь спокойно смотреть кино, когда французская армия обстреливает ракетами города нашей многострадальной родины? Некоторые из них говорили «в тебе совсем нет патриотизма», и действительно, после просмотра «Маленького солдата» я отправляюсь на поиски патриотизма и нигде не могу его найти, ни в шкафу, где лежит засохшее печенье, ни в стиральной машине, где лежит пара грязных носков. Я не знаю, что отвечать своим друзьям, половина из которых давно в Луанде, Париже, Нью-Йорке, а другая половина стала в ряды Вооружённых сил Демократической республики Конго.

Я смотрел на красивых французских женщин.
Анна! о Анна! — она украла моё сердце, и я лежу долгими ночами, подсчитывая взрывы, и думаю про её занозистый взгляд, можно ли представить себе, чтобы она полюбила меня, если бы я родился в Латинском квартале, носил мягкую шляпу и костюм Hugo Boss? Я никогда не узнаю, чем пахнет тело Анны. Я пытаюсь припомнить свою первую женщину, её лицо, волосы, манеру говорить, но это воспоминание распадается на какие-то неясные обрывки, они склеиваются с твоим образом, Анна! Только с тобой. Аппликация из кусочков разорванной цветной бумаги. Как в детстве, на уроках ИЗО.

Утро
диктор выплёвывает из радиоприёмника — чёрные, чёрные, чё чё чё ггггглллаааааззззаааааа; её тттттттеееелллллооооо былооооооо найденоооооо… где же её нашли, и кто её мог

бросить? Жан-Люк больше не снимает кино, он умер.
Это как-то несправедливо. Я хотел бы быть похожим на Жан-Поля Бельмондо и научиться стрелять харизмой с двух рук, чтобы побеждать холодные сердца. Никакого цинизма, только: Amour, Amour, Amour. Она расцветает на стенах моего города, кто останется равнодушен? Выброшу радиоприёмник, разберу его на детали, он бесит меня желтизной своего корпуса. Проклятое солнце испепеляет всякий здравый смысл.

Erik Satie, Gnossienne №3
Музыка заполняет пространство. Постепенно становится легче дышать. Улыбка Анны перед моими глазами неразделённая любовь ненависть.

Gnossienne №4
Выключили свет и воду. Зачем мне свет? если у меня есть семь томов «В поисках утраченного времени»? Будет чем заняться. Зачем мне вода, если скоро сезон дождей? Интересно, плакал ли Золя, когда писал «Западню»? Западня, западня, западня… падаю в тёмную дыру, открывшуюся на коже. Я не сразу её заметил, только почувствовал, как игла боли входит между левой лопаткой и позвоночником.
Пью гнилую воду. Друзья машут мне по ту сторону Гудзона. Цветы приспосабливаются к новым почвам. Сочный ядовитый газон американских городов, в наших джунглях такого не встретишь. Чудеса демократии выглядят именно так, и об этом стоит помнить.

Pizza Hut и никак иначе
война это бренд который хорошо продаётся на западе
запад за серыми пирамидками гор
зубы дракона
рот
метр глубиной

где-то там моя Анна завтракает круассаном и кофе
смотрит France 24

«как тебя не любить, мой Париж, город тысячи крыш»
и всё такое прочее
Нет! Нет! Нет! и ещё раз Нет! я остаюсь читать и
перечитывать «Цветы зла»
они посадили их в плохую почву, у них не получится сделать
то, что они сделали с собой.
невинно разжигали ненависть на площадях.

расцветали огни и плавились ночи
в этот момент я любил врагов больше чем друзей

Terra Incognita

многие думали, что сияющие головы прозревали тьму
но оказалось наоборот

2
волна за волной
захлебнувшись в словах
я больше не могу давать их в долг
могила нема
поэт дома нет

3
эта история должна закончиться холодным морозным днём
в предчувствии Нового года, когда северные люди
достают из шкафов пыльные искусственные ёлки, чтобы
отпраздновать в семейном кругу грядущий праздник
в этот час я лежу на своей кровати в самом центре
Киншасы и всматриваюсь в темноту оставляя белки глаз в
противовес

4
Exode

ангел – ночной портье
отпускает малые грехи
меняет пепельницы в номерах
прощает всё за небольшую плату в 25 лир в сутки
кто ещё поможет пережить одиночество
в Стамбуле зима
и часто бывают внезапные ливни
я готов променять родину на страх перед турецким
алфавитом

5
с любовью к себе прошлому
подходя к воротам Царьграда
войду в новую жизнь
как Босфор входит в Мраморное море
в нём застревают корабли-воспоминания
их не достанешь
ни скальпелем ни пинцетом.

Варвара Петрова

йорона на два лица

белое небо
обстоятельства
от руин больницы на западе
это действительно
до разбитой машины в смятой траве
из ряда вон
на востоке
выходящие

обстоятельства
день день день

светло как в реанимации бьёт в глаза чёрт возьми
и ещё какие-то люди воют и без неё воют
и не ждут ни полночи ни луны оземь
бросаются и обращаются в тень дрожания своих
оторванных рук год назад тому
и компульсивной перепроверки радионяни
ночами
вдруг вдруг
вдруг

ходит босиком и солнце заждавшись впивается в гниющий
череп по глазу на ребёнка по глазу на убитого одного
чем ты плачешь Йорона неужели
водой в которой дети твои
не нашли себе вдоха не нашли всполоха огня себе на
каменном пепелище
мёртвым
день и ночь замурованным в пургатории
оставьте мёртвым как не сказал бы кем бы ни мнил себя
упившийся
потребитель утех Малинче

мертвецов своих забирай день Йорона
умирай по случаю дня

рыба крупнее река крупнее
эта река крупнее меня
чем угол поворота спиной
чем площадь касания
одной руки некоторой другой

доставали из глаз брёвна и сучья и что попадалось под руку
и половину складывали в плотины
а вторую пускали на острые листы со строками про брёвна в своих и сучья в чужих
глазах и буквы
собирались в костёр *а над тобой горело пятое солнце* и возьмите
Владимиро-Суздальский
чернозёмный клин результат многотысяче
летней вспашки неплодородных земель который
в результате привел к тому что они перестали
отличаться от естественно плодородных следовательно каждое семя упадёт в
землю *слышишь Малинче каждое наше семя упадёт в землю* кромешный
с востока до запада чернозём
камнем разжечь огонь и тёрн обернуть золой и от спасения не укрыть голубиных глаз

река
эта река крупнее *Teotziné*
эта река крупнее всего на свете *эта река крупнее нас*
брёвна
тонут предательский ворс размокших страниц
или путаю белое ленты перья *платье твоё Йорона*
погас
погас

обстоятельства

солнце не всходит и не заходит наверное оно за облаками
но у них нет
очертаний

это действительно

вот они
стоят
окнами целыми
доро́гой ровной
краска не шелушится
кофе по двести
матча имбирь черника

из ряда вон

столбы чистые
деревья чистые
решётки чистые

выходящие

верь мне, великая внеположность
верь мне, сладчайшая непричастность

обстоятельства.

осторожно
двери
закрываются
двери рассказывают
добро
по техническим обстоятельствам пожаловать в тишину

мир приносит свои дары
на возрождение в фарс

раз: возьми полукруг
людей по форме укуса — почему вы ещё не уехали? —
между белой
пеленой и вылизанной дорогой
нет ни кровинки а за черничный твой матча латте милая
я козлиными шкурами обложу мкад

раз-другой:
у кровавой пиньяты
стены спаяны, да и из тебя
никакое вязкое конфетти;
сунулся в воду — вживись в выжившего, выдумай, куда
идти

раз и навсегда:
ко ло ко лом из во рса
за бе то
ни ро ва нным
ба раньим ро гом
и
мею
щий уши
да промо
лчит

раз уж мы не помним, сколько нас:
антиматерия колыбели
антиматери вне времени

иллюминация:
ты не видишь
Йорона
но никто никогда не гас

aunque la vida me cueste
врасту непреходящим знамением проходящим людям

no dejaré de quererte
глухой воздух издёрганный фантомной гарью

no dejaré de que
no dejaré
no

The account of the user that created this world has been inactive for the last 5 months. If remains inactive in the next 28 days, the account will self-destruct and this world will no longer have a creator.

****

дождь будет лить тридцать шесть часов
запасайтесь едой и чаем
вечно бодрые телеграм-каналы
пишут, что отменяются активные выходные
предварительно не запланированные

пусть Москве горами не взять тебя в окружение
но и здесь для дождя заготовлены котлованы
небоскрёбы выстраивают щитами стеклянную черепаху
небоскрёбы готовят дубинки для непокорных
так что когда начнётся — останьтесь дома

дождь будет лить тридцать шесть часов
по прогнозам синоптиков на квадратный метр
с неба выльется около пяти литров крови
и тогда из бетонной короны для ничьей головы
или розочки с закупоренным горлышком
как бы резко ни закипела жидкость
ни одна лягушка не прыгнет в небо

дождь будет лить тридцать шесть часов
скрещивайте руки
скрещивайте пальцы
опустите к груди голову
выпрямите корпус
бейте ногами воду
до последней капли

если не получилось — бегите
врассыпную дворами
ловите птиц
вытягивайте скотов
уговаривайте пресмыкающихся
и когда никакая плоть не останется в одиночестве,
не ложитесь в воду под кипарисы
по стеклу пройдите до кипарисных досок
отплывите домой

Виталий Зимаков

****

пора признаться я проспал первый снег

она шла в безразмерном пуховике

на виду у всех

а на моей руке

свернулась кошка

не хотелось тревожить

вот и уснул смотря документалку про туринскую лошадь

у ручья утками переполненного снег

и снег шли по изуродованной москве

шли снег и снег и колонны военной техники

о которых настя пишет обогнать включить аварийку

ехать десять км в час чтоб хотя бы на десять минут позже

кому зима ледостав амниотической жидкости иокасты

нагромождение слов регламент-отправки-посылок

в следственный изолятор снег

и снег

****

если что и держит в воздухе первых зимних дней

то следы силуэтов отвесных камней аны мендьеты

три недели молчавший в стокгольме август

закончив летний курс по археологии

мобилизованные жалуются на условия

задержания в открытом пространстве

камерных сюжетов об отношениях между музыкой

визуальным искусством и суд на месяц продлил

срок предварительного заключения

новый проект дома культуры

развивает и усложняет разговор

красный отсвет на досках

янош сыграв отца в туринской лошади

говорит мы тоже хотим покинуть это место

остаётся ежедневная ставшая рутиной

всё более и более бессмысленная

суд не прислушался к аргументам защиты

****

дом вмёрзший в лёд

и его довоенный дым

вмёрзший в лёд вместе с ним

дальше так растёт себе плывёт

свеча как запишет мария башкирцева в дневнике девятого

декабря сломана на четыре части и горит со всех концов

сейчас кончается ноябрь есть ещё время через лес

у шереметьево пока нейросеть рисовала свободную

россию (она не справилась) на сосне прибитая кем-то

табличка с надписью веруй в господа и ты ветка вмёрзшая

в лёд рядом с корнями и их камнями что так растёт-плывёт

словно это вокруг всё остановилось посреди

подвижного госпиталя с его костром

пропахшим хлороформом

****

все мои друзья покончили с собой до войны

я давно разговариваю в основном с кошкой

а эти тексты будто голос запитчен на восемь октав

такой вот скульптурный пластилин

когда запивал пивом донормил

поднимался на последний этаж пока пил

хотелось написать подборку про анобабочек и бисакодил

кому не похуй

ведь больше нет самого любимого в мире города

***

оставаясь с больным

не забудь что он может себе навредить

что полоса деревьев разделяет поле

на слова ионафана из первой книги царств

и брошенный кем-то диван со следами лап

проросшим сквозь него травам

до первого снега ржаветь

старым горным велосипедом сузуки у дома теннoджи

выцветшая ткань темнеет силуэтом понтийских гор

шеренгой выстроенных не по росту деревьев

оставаясь с больной

какой бы ни была родной

подстраиваясь под смены настроения и галлюцинации

всё сложнее различить где заканчивается болезнь

Фото автора

Наталья Бесхлебная

Текущая ситуация

.

От слов отшелушивается тонкая прозрачная пленочка как от тыквенных семечек

Под ней что-то похожее на сгоревшую кожу

Оно слезает отслаивается

А там маленькие беззащитные словечки

Их поверхность такая нежная чуть нажмешь останется отпечаток

Лежат как кусочки детского пластилина спинка к спинке в большой упаковке

Как слепые младенцы в гнезде голых землекопов

Не бойся малыш посмотри какие они милые

Бери скорее из них можно вылепить разные фигурки

Наше темное время эти мрачные обстоятельства новую реальность непростую обстановку страшные события мир такой какой он теперь ситуацию в которой мы все оказались

.

В нынешнем контексте после февраля

Не может быть но было — наступил март

Дальше не верится но все шло как обычно

Весну сменило лето будто порядок не нарушен

К осени мы сбились со счета

Сентябрь — это седьмой месяц восьмой или девятый

Вдруг вернулась зима

Стала на площади с пустым белым листом

.
Как бездомный на помойке в поисках теплой одежды

Как уточка в полынье в поисках размокшей корки

Ходим вдоль зимы в поисках правильных формулировок

Как в анекдоте про пьяного под фонарем

Опустишься на колени ползешь по снегу ощупываешь каждый сантиметр

Хотя знаешь прекрасно — слов тут нет

Ты не то что потеряла их в другом месте их просто не было

.
Ночью во сне видела я грузинский флаг

Домик в Армении с видом на горы

Айву

Турецкие авиалинии в виде двух параллельных прямых

Сексуально привлекательных норвежских полицейских

Фулмун на острове Бали

Красивые лица казахских женщин

Жилье в Буэнос-Айресе как насущную проблему

Утром проснулась поехала на ДК Компрессор

Купила сноубутсы Крокс всего за две тысячи

Дочь почти не носила говорит мужчина

Теплые на зиму самое то

Там где она сейчас говорит ей не нужны

.
Линия соприкосновения с ужасом

Пальцы торчащие из-под земли под Харьковом

Как остановить текущую ситуацию нынешний контекст

Порезанный палец дрожащие пальцы пальцы стучащие по клавиатуре что ты делаешь когда ограниченно готова к жизни

Серия громких звуков в моей голове

Прилет снега

Возвращение снега на голые пальцы деревьев

На крыльцо ногтевого сервиса

На крыши наших домов которые не подвергаются
неконтролируемой трансформации

Сидим взятые под контроль присоединенные
освобожденные

.
Текущая ситуация течет кровью

Как мать убитого новорожденного

Течет ее молоком

Просроченным суслом речей о солдатской доблести

Потом из резинового сапога выданного вместо теплой обуви

Окопной жижей

Самоцензурой на публичном мероприятии

Стекает по нашим лицам

Капает с подбородка спикера на его микрофон

Приходится носить с собой много одноразовых салфеток

Дома течет с потолка на полу расставлены тазики
разложены тряпки

Но это не помогает

.
Прийти не смогу
лечу в Алматы
вот прямо сейчас собираюсь в дорогу

Не доеду физически
снег метель
скользкие ботинки

Это так круто
смело и важно
я бы очень хотел
но я увы
заболел

Так что мероприятие пройдет в гибридном режиме*

*Мнение организаторов может не совпадать с отсутствием участников

.
Новогодняя елка из колючей проволоки

Новогодняя елка из запрещенных книг

Новогодняя елка из чувства вины

Новогодняя елка из наших тел

У меня был точно такой зайчик с барабаном

А у нас такая же послевоенная курочка папье-маше

Мама украшала только шарами и мандаринами

Дождик мы не вешали из-за кошки

Никто не взрывает петарды не чокается просекко не смотрит праздничные видео

Качаются на остывших пальцах серебристые орешки
стеклянные дирижабли

.
В конце февраля 2022 года
На Марсе
Был найден камень в форме цветка
Изображение камня сделал марсоход Кьюриосити
Что значит — любопытство
Появилось предположение что это окаменевший цветок
Но нет
Это какая-то конкреция
Минеральная конгломерация
Отложения
Существующие в разломах
Надежды
Снова не оправдались

Лета Югай

Детские песни

***

May we all have a vision now and then
Of a world where every neighbor
is a friend...
Новый год. Начало декады.
И я боюсь соседей.
После пожелания счастья
они могут пожелать смерти всем несогласным, потерь всем имеющим, заключения всем свободным. А я в ответ пожелаю смерти их главнокомандующему.
Лучше остановиться на первой строке и не заходить дальше.
Только ты, моя любовь, позволяешь жизни продолжаться. Я держусь только за
me and you.

Я помню, когда
The future's in the air
Can feel it everywhere…
Волшебное движение перемен.
Конечно, и тогда люди страдали,
и тогда умирали,
но содержание кислорода в разговорах было такое, что кружилась голова и резко хотелось спать наши прекрасные сны — о месте для жизни, прямо здесь. Это было больше, чем надежда — будущее окружало нас.
В настоящем осталось лишь многослойное прошлое. Один тонкий слой имеет этот синеватый отлив свободы. Но больше никого в мире не интересуют прогулки по
Gorky park.

I’ll need some information first,
Just the basic facts.
Прочитала где-то, что всё наше нежелание жить —
наследие Второй мировой. Человек должен пострадать,
чтобы приобрести экзистенциальный опыт.
— Но зачем? — округляет глаза моя студентка, тряхнув разноцветной гривой.
Я подумала, глядя на неё: наконец-то наше время перестало быть послевоенным, и века не прошло. Это было год назад.
А сейчас —
Is there anybody out there?

Another mindless crime...
Ещё одна новость. И ещё одна.
Говорю себе,
находясь по эту сторону границы:
ты не тот, кто принимает удар и держит улыбку. Ты тот, кто не может остановить.
Твоё сердце разбито, но право на горе под сомнением.
Для тебя
the show must stop.

***

Шёл отряд по берегу, шёл издалека —
Пела бабушка маме, качалась люлька, рекла река,
Речь-ручеёк закручивалась в засыпающей голове,
След ли кровавый стелется там, по сырой траве.
Лодочка наша качалась, того гляди накроет волной,
Век-мой-зверь-мой, читала мама над спящей мной.
Как мы лежали с сыном, мечтали, чтоб время не проходило,
А оно проходило, и било в колокол, и било
Наотмашь. Не бойся, малыш, ни волка, ни чёрта, ни мыши,
Бу — новостей или их отсутствия бойся — тише, тише…
Кот на крыше, котята — выше, пристроились на трубе.

Кисонька шла из кухни и плакала по тебе.

***

Мёртвые иногда заходят,
Тела их теплы.
Младенцы лежат на руках,

Ой эте-мене, словно цвет нераспустившийся,
Ой эте-мене, словно ягоды незрелые,
Ой эте-мене, словно ветки переломаны…

Я ем сладкую кашу,
Ложку за дедушку, р. 1922, лежащего в земле,
Качая его правнука, р. 2022, лежащего на руках,
Ложку за них, толпящихся на кухне, заглядывающих в комнату.
Прошлое, будущее и настоящее.
В этот год любой стол поминальный.

Ой эте-мене, приходите, все убитые,
Ой эте-мене, тут столы да принакрытые,
Ой эте-мене, у нас свечи призасвечены.

Она спрашивает:
«За что вы нас убиваете?»
А дальше — слово за слово:
«Ну как у тебя с молоком?»
«Да вот, — говорю, — брызжет в пять струек, ребёнок захлёбывается и плачет».
«Это ещё ничего, — отвечает. — А у меня после смерти молоко стало какое-то странное. Мой ведь постарше, а с лета не прибавляет. Но кормить буду хотя бы до года».

Ой эте-мене, чего в людях век не водится,
Ой эте-мене, в добрых век да не случается,
Ой эте-мене, даже мыслью не помыслится…

«А то, — говорит, — дома так тесно, что за поминальным столом приходится стоять.
Вот, ходим-путешествуем.
Жалко, что при таких обстоятельствах.
Ну, счастливо, мы ещё обещали зайти к родным».
Сын внимательно смотрит в пустой дверной проём.
И вдруг улыбается
И гулит незнакомой тёте
И своему сверстнику у неё на руках.

Вера Павлова

+
Я гражданка мира.
Думаешь, нужны
наши песни, лира,
гражданам войны?
Не нужны. Но спеты.
Не сердись, Харон:
на бронежилеты
навлон переведён.
+
Появляется ностальгия,
говорит: а ты понимаешь,
что, может быть, больше не увидишь
дом двадцать корпус четыре
квартиру шестнадцать? А индекс?
Ты помнишь почтовый индекс?
Небось и код подъезда забыла?
Луплю по щекам наотмашь,
говорю: а ты понимаешь,
что тысячи, сотни тысяч
не увидят своих любимых,
потому что они убиты?
Сто пять ноль семьдесят семь.
Код — два один три четыре.
+
Родина-мать-ехидна
листает мою тетрадь:
детка, тебе не стыдно
убитых перебивать?
Что им твои куплеты,
твой покаянный псалом,
на илистом дне Леты
поющим с закрытым ртом?

+
осінь военного року
добра и зла поединок
гробик размером с коробку
для зимних армейских ботинок
прости безымянное чадо
два дня дышавший младенец
из рукотворного ада
беженец невозвращенец
+
Не потому, что я хорошая,
не потому, что я плохая,
стенографирую, как в крошево
дробятся стены, оседая,
дом превращается в пожарище,
тела в безжизненную жижу.
И в луже крови остывающей
себя, как в зеркале, я вижу.
+
Горестные итоги.
Голоса в горле кость.
На болевом пороге
мнётся незваный гость.
Входит. Во тьме кромешной
обнял. К устам приник.
Вырвал лукавый грешный
нежный родной язык.
+
Да будет свет! Свеча, лампада.
Да, света будет маловато,
но мы затеплим два–три ватта —
и расточатся силы ада,
и озарятся лица милых,
и выяснится: не сломил их
князь тьмы, свечу задуть не в силах
в подвалах, в окнах, на могилах.

+
А потом приходят Мы,
дышат на печать
и бросают в трюм тюрьмы —
в тряпочку мычать,
прятать слёзы под матрас,
метить ногтем дни —
Я. За что? За то, что Нас
называл Они.
+
Что ты, дура, натворила!
Сыновьям берлога —
коммунальная могила
зимнего окопа.
Думаешь, утроба танка
сохранит ребёнка?
Тут вчера была землянка,
а теперь — воронка.
+
Декабрьские сумерки ранние.
Что слышно из Заокеании?
Отметят, отменят праздники?
Какие конфеты-пряники
лежат под ёлкой, украшенной
звездой рубиновой башенной,
пулемётными лентами
и орденами посмертными?
+
Из Тель-Авива и Будвы
путь преграждает домой,
на родину с маленькой буквы,
Родина с прописной.
Измайловский парк, Подмосковье,
амфитеатр БЗК —
всё замарано кровью.
Багрова Москва-река.

+
соцсети те ещё скрижали
и всё-таки ни дня без строчки
пишу о мировом пожаре
на догорающем листочке
и слышу детский плач за стенкой
и вижу опустела полка
буржуйка топится нетленкой
горит прекрасно
жаль не долго
+
Не откосить. И всех скосили
до одного, за ратью рать,
и больше нет мужчин в России,
некому женщин опылять.
«Как некому? — выходит Первый
в короне, на котурнах, ню. —
Я нацедил цистерну спермы,
я всю страну осеменю!»
И пашня принимает семя,
и наступает срок родин,
и вот оно, младое племя, —
все мальчики. Все как один.
Все колют ботокс, носят ролекс,
воюют топлес. Горд отец.
Но, к счастью, есть эдипов комплекс.
На том и сказочке конец.
+
Кровав, кромешен, бесприютен,
уходит год.
Христос рождается, а Путин —
наоборот:
глупы волхвы его, закатна
его звезда.
Земля, роди его обратно.
Огонь. Вода.

+
Какой народ, такие и колядки,
такие кондаки и тропари.
Кровавый эпос вырви из тетрадки,
написанное на костях сотри,
история! Не по плечу поэту
подснежников, растаявших в руке,
непрекращающаяся беседа
с убитыми на мёртвом языке.
+
Певец размолвок и соитий,
сладкоголосый краснобай,
ныряй в водоворот событий,
детей убитых отпевай,
увековечивай увечья,
изобличай ужасный век,
бери уроки красноречья
у красных рек, кровавых рек.
+
Взлетают красные ракеты.
Ни слова о войне и мире.
Март. Одиночные пикеты
с чистым листочком А4
студенток в тоненьких чулочках.
Ты говоришь, в аду зазорно
писать стихи? На тех листочках
пишу весь этот год, Адорно.
+
Век с цепи сорвался, бешеный.
Мастер благозвучий лирных,
до последней буквы взвешивай
на аптечных, ювелирных,
что тобой увековечено,
рассекречено, воспето —
человечность, человечина
на тарелке людоеда?

Дмитрий Брисенко

***

Среди обветшавших построек,
Будто слоёный пирог,
Отражённый от стен и железных коек,
В воздухе плыл говорок.

В электричке о чём-то пели,
Громко гудел сигнал,
В карманах тихо скрипели
Спички и чёрный нал.

Электричка везла на дачу,
Зима ускоряла шаг,
И, выпив «Козла»,
Заклинали удачу
Гог, магог и залётный маг.

02.12.2022

***

Дела давно минувших дней
Как свитки бигудей.
Дома уехавших друзей
Как восковой музей.

Я иногда в них захожу
И только нахожу
В окне — пейзаж, на кресле — плед,
Былых событий пыльный след,
Вот кто-то смотрит мне вослед,
Я тихо ухожу.

Туман в разломах всё плотней,
Всё медленней ручей.
И разбивает пену дней
Незримый Енисей.

Здесь волк с собакой спор ведут,
Кому вступать в права,
Гремит над кладбищем салют,
Плетёт тенёта каракурт,
Сжимает челюсти манкурт,
И вянет трын-трава.

25.11.2022

***

и твой
удел
и мой
удел
остаться
не
у
дел

01.11.2022

***

Давай умчимся в Воркуту
На самолёте Ту.
Там бродит трепетная лань,
Там солнце спозарань
Сияет вольтовой дугой.
Седой городовой
Кивает, привечая нас,
И наливает квас.

Почилим в славной Воркуте,
Да, времена уже не те,
Совсем не тот Майами-Бич,
А впрочем, местный бич
Расскажет на своей тахте
О вечной мерзлоте,
И мамонта подземный гул
Услышим в темноте.
Уснём с тобой на леднике
В скрипучем гамаке,
И нас закружит Вельзевул
В небесной Воркуте.

25.10.2022

***

По законам военного времени
Пространство скатали в рулон,
Отделили его от времени,
Погрузили в товарный вагон.

По законам военного времени
Стрелки выгнулись на часах,
Пристегнули будильник к стремени
И привстали на стременах.

По законам военного времени
Растворились среди полей,
Пересох родничок на темени,
По мощам воздался елей.

Тишина, лишь шаги командора
Отмеряют запретный час.
По законам военного времени,
Святый Боже, помилуй нас.
Даже если не помним имени,
Сохрани и помилуй нас.

21.10.2022

***

Дышала осенью природа,
Григорий вышел на крыльцо
И охренел; ему в лицо
Огнём нацелилась природа.
Григорий вышел на крыльцо,
Огонь покалывал лицо,
И не было в огне том брода,
И не было там ничего.

19.10.2022

***

Когда горизонт планирования
Сократился до одного часа,
Сергей Петрович вышел во двор,
Сел на скамейку и стал вспоминать
Разные события из своей жизни.

В основном вспоминалось детство,
Поездки к морю, арбузы, веселье.

В это время из подъезда вышел
Аркадий Семёнович, чей горизонт планирования
Сократился до десятка минут.
Он сел на скамейку рядом с Сергеем Петровичем,
Они поздоровались и замолчали,
Каждый пребывал в своих мыслях.

Оказалось, что им совершенно
Не о чем разговаривать, хотя раньше
Они вели довольно продолжительные,
Содержательные беседы
Об особенностях осенней миграции гусей,
О росте уровня радиации на фоне
Глобального таяния ледников,
О суперакциях в «Дикси» и «Пятёрочке».

Их диалоги иногда перерастали
В жаркие диспуты.
А сейчас один только вздыхал да спрашивал:
Ну, что, Семёныч, как оно?
А другой вздыхал да махал рукой:
Да как-то оно так, Петрович,
Как-то оно так.
И они опять погружались в молчание.

А потом, с горизонтом планирования
В одну минуту, к ним примкнул некто,
В ком не сразу они признали
Своего старинного друга
Александра Генриховича.

Он тоже сел на скамейку
И в ответ на расспросы,
Чего ждёт от будущего, которое
Стремительно надвигалось
Из-за угла их старой пятиэтажки,
Назначенной под снос,
Мог только мычать.
Зато о прошлом рассказывал внятно
И без путаницы в мыслях.

«Однажды мальчишкой бежал
От разъярённого водителя камаза.
Он притормозил и выскочил из кабины,
Когда увидел, как мы швыряли
Камнями в лобовое
Стоявшего на обочине бульдозера.
Место было заброшенное, безлюдное,
Старые развалившиеся цеха,
И мы лазили по ним просто так.
А он принял близко к сердцу,
Мы еле сбежали, я на обратном пути
С разбега распорол себе лоб
О натянутую колючку».

Александр Генрихович показал на шрам,
Но его собеседники ничего особо не разглядели,
Видно, с годами шрам стал одной из трещин,
Проложивших русла на его лбу.

А вскоре Александр Генрихович тихо исчез.
Спустя какое-то время следом за ним
Исчез и Аркадий Семёнович.
А вскоре не стало и Сергея Петровича.

Их горизонты планирования сжимались,
Пока не достигли нулевой отметки
И далее отрицательных величин,
Превратившись, метафорически говоря,
В горизонты неведомых, странных,
Печальных событий.

14.10.2022

***

Однажды утром ранним
Вышел я во двор,
Там стоял Егор.
Ты слышал, он сказал,
Что днём вчерашним
Под бой курантов
На кремлёвской башне
Наш главный совершил
<Роскомнадзор>?

И тут же двор пришёл в движение,
Все стали падать и вставать,
Восторг и горе, удивление,
Сердечный клапан стал стучать,
Дыханье в воздухе клубилось,
И воздух будто бы кипел,
И люди по двору роились,
И старший по подъезду пел.

Но тут вдруг ударил гром посреди синевы,
Москва покинула русло и стала притоком Невы,
И будто бы комья белого снега упали с неба,
И вот я прижат к земле и, как корка хлеба,
Лежу, ненужный, под спудом белых пальто,
Шикарных белых пальто деликатного кроя.

Но слышу вдруг, как двор сотрясает поступь,
И ветер с гор, и туман, и чернеют кости,
И тает снег, и рвутся нитки пальто,
Во двор заходит новый серый Никто.

04.10.2022

***

Солнце лучиком разбудило,
Ты вгляделся в провалы снов,
Двадцать пять килограмм тротила
Разворотят всё до основ.

Кто завёл тебя в тёмный лес,
Кто, как старый лагерный пёс,
То на кость глядит, то на горло зека
И ни в ком не зрит человека?

Под ногой скрипит чешуя ракет,
В небесах кричит злой чирок,
Выкликая список вселенских бед,
Выдаёт тебе номерок.

17.07.2022

Полина Бородина

***

просто это жизнь, и надо её проживать
даже если не будет больше
дней, когда хочется прикоснуться к кому-то
дней, когда дырявые колготки приносят радость
дней, когда думаешь о себе
проживать, что бы там ни случилось
даже если самое хорошее позади
даже если самое хорошее никогда
даже если самое хорошее после титров
или перед титрами
как женщина, которую двадцать лет бил муж,
а потом она встретила любовь всей своей жизни
и через месяц узнала, что у неё рак в последней стадии
нырять каждое утро в этот холодный бассейн жизни
и плыть, выдыхая под водой, как учил папа
даже если придётся торговать снежками
или несбывшимися надеждами
даже если каждый квартал открывать музей несбывшихся надежд
и выставку «россия, которую мы потеряли»
даже если больше ни с кем не прыгать через костёр
не поджигать от веточки самокрутку в карпатах
не одевать своих мужчин в юбки
не целовать женщин
не мечтать для себя
не есть за столом, накрытым клеёнкой в шишечках
даже если не получится думать только о том,
как так вышло, что в японии десятого века
стихи писали сплошь женщины
даже если всегда отматывать людей по таймлинии до зимы прошлого года,
заглядывая в окошко их совести

даже если уже не купить этот сборник пушкина в 12 голубых томах без цензуры
не протоптать тропинку на льду исети
не посмотреть на каменец-подольский
не сжечь чучело масленицы в своём дворе
даже если не выйдет на вопрос: «ты откуда?»
ответить: «из россии» и заткнуться
заткнуться и больше ничего не говорить
+++
рыба пела, и пила, и плясала
я хмелела и на солнце сгорала
догорали светлячки, и в ауле
горечавки лепестки ветры гнули
умывались мы тогда ркацители
розовели и от пота блестели
вместе бегали в поля, рвали вишню
и лежали на траве как булыжник
я худела и глядела, сочиняла, берегла
оторвать душу от тела не хотела, не могла
я искала, и плясала, и ныряла, и ваще
гоготала и глотала, мир был щедр
а сейчас вокруг пустырь
я собака-поводырь
мой хозяин умер
в деловом костюме
а сейчас вокруг беда
убегайте кто куда
лимфа не водица
успевай проститься
рыба пела, и пила, и плясала
я себя не берегла и терзала
доедали великаны хинкали
и на нас в оскале слюни пускали

+++
летят дроны,
летят дроны
над чужою головой.
ходят девушки в зелёном
по раскрашенной тверской.
летят дроны, летят птицы.
из неназванных глазниц
выползают вереницы
ослеплённых и немых.
летят дроны, летят мухи,
дни летят, как поезда.
пёс пятнистый вислоухий
пьёт водицу из пруда.
летят дроны, летят стрелы,
мяч летит через забор.
я лечу как угорелый,
чтоб успеть на светофор.
летят дроны,
ходят кони
по холодным снам чужим.
смерть, насытившись, уходит
покурить за гаражи.
летят дроны,
хочут дроны,
оживлённые грехом,
чтобы люди и вороны
молча падали ничком.
ходят люди,
ищут люди
то невесту, то беду.
в шведской глиняной посуде
варят зелье и еду.
летят дроны,
летят дроны,
хорошо идёт товар.

в прусский воздух закопчённый
выпускаю первый пар.
летят дроны
из-за моря,
из-за леса,
из-за гор.
летят дроны,
несут горе,
я несу домой кагор.

Олег Губецков

1
Name Same Buchstabe
школьники учат
бытийную скороговорку
так проще запомнить правило

немцы славились вивисекцией
где еще так умели
раскладывать по частям живое
отсеивать лишнее

дитя формулу не забудь
Имя Семя да Буква
вот то что останется

в памяти у вселенной
разложившись органикой

ты смешанное склонение

2
флексия это когда
отмечаются изменения в корне Слова
мутации
внутренней формы нации
страх кастрации
контрреволюция

ох уж все эти англосаксы ваши
слишком аналитические языки
и все у них не для исуса
а только для хлеба куса

флективные дело другое
влекут за собой нарушения сна
ночная поллюция
половая дисфункция

но лишь духом святым питаясь
рождается вундеркинд
говорили отцы святые

3
отделяемые приставки
явление чисто немецкое
жду конца фразы — понять смысл Твой
жду как второй мировой
холокоста
войны ядерной
судного дня

приставки неотделяемые
что скрепы твои духовные
явление очень русское

и я ничего не жду
ты беги офицер

be-, ge-, er-, ver-, zer-
чтоб усвоить наречие чужеземное
надо выучить скороговорку

но сколько ж еще
повторять за другими
ведь это влечет

нарушение речи
слабость сфинктера
кишечную непроходимость
так вот почему все обратно-то ртом выходило

бе-, ги-, о-, фи-, цер-
беги и не оборачивайся

apocalypto

а пока
leap to conclusions не надо
а poka
поцелуи в губы
а poka
лимб нам шелтером будет
а пока
lips to lips

a potom
будет leap in the dark

***
сусальное злато
кокошники как новейшее ноу-хау
реликтовая религия
Слово мертворожденное

здесь в лесах этих
вдохнешь полной грудью
угарного газа
свою смерть найдешь

горе тебе третий рим
от тука земли обитанье твое
от заворота кишок гибель

тело твое издохшее
собаки сожрут
дьявол высосет душу
черную
нефтяную

***

экстренная операция
специальное хирургическое вмешательство

цветущее юное тело
о том не просило

оторванных регионов конечности
убитые клетки люди

поля городов бывших
бритые налысо
авиатерапией
химионалетами

опухоль раковая
в половину земного шара
дышит на ладан
лечит чужие тела
метастазами

злокачественное образование
в четвертой стадии
и генная инженерия пропаганды
уже не поможет

нет смысла уметь отличать кровь
на руках палача
от крови
на руках шарлатана

Саша Княжицкий

*****

забывается речь горечь выпить и лечь
литься течь как пустой батискаф
утекает в песок влагой стиснув висок
ускользающий слог отыскав
ничего посреди фонарем посвети
ангел мой сохрани и спаси
опрокинутый дух сотворенный из двух
где на страже трехглавые пси
он растрачивал пыл ради пепла и был
заперт в теле своем как з/к
и ворочал во рту золотую орду
первообразом праязыка

*

так выводили ее на убой
желтая юбка и верх голубой
только кивни и она без
долгих раздумий разделит с тобой
неопалимый каннабис

дым в голове пустота тишина
нить перерезана и сожжена
ни короля ни паяца
больше не дочь не сестра не жена
нечего больше бояться

Игорь Ильин

НАЗВАНИЯ НЕТ

1.
Писать о ней не страшно.
Она меня не касается,
она просто застревает внутри
и никуда не уходит.
Уходят другие. Другими.
И не возвращаются.
А она… она остается.
Они — уходящие — невыносимы:
они жадно отнимают твои последние строчки (такие
важные сейчас,
такие, казалось бы, надежные),
которые не предвидеть, не выразить, не объяснить:
…… …… . …. …… ……, ….. … ……. … .
… ….., … ….., … ….., … ….. .

И вот по жилам твоим, по мозгам,
по уникальному твоему существу течет, передергиваясь, та,
которая тебя воспитала сначала,
а затем предательски полюбила,
всеми своими душераздирающими,
бесчеловечными фибрами —
это она, дружок.
Это именно та, о которой ты не хотел бы думать.
Не хотел бы мечтать, фантазировать, грезить,
видеть сны, рассказывать увлекательные истории, врать.
Та, которую ты не хотел бы встретить на выпускном.
Она уже здесь, с тобой.
Кушай с булочкой маковой.
Твоя взяла.

2.
Надо всего лишь хорошенечко оттолкнуться.
От любви, от ершистых ветвей,
от постылых неотложных забот.
Подлых жаворонков.
Паттернов, предрассудков, воспоминаний.
Людей.

В какой из моих квартир выключатель в прихожей
присутствовал слева?
Рука бьется подранком о бетонный простенок,
не замечая очевидного:
нет никакого простенка,
там — пустота,
лишь жгучий рубиновый глаз сверлит меня из подвала
*изъеденных воспоминаний.**

На моих — без памяти двенадцать,
а твои — позавчера остановились.

Надо просто посильнее оттолкнуться,
приложить чуть больше усилий —
оторваться, выпорхнуть, отлететь.

Когда тебе подарили этот яркий кулон?
Кто?
Ты любила его?
Почему вы не поженились?
Ведь тогда бы я не родился.
Родился бы кто-то другой я.
Или где-то.

Детский рисунок — это детский чертеж мироздания.
Выпуклый, словно линза огромного разноцветного
теле-микро-калейдоскопа.

В него бы легко поместился весь этот гребаный мир
целиком.
К счастью, ребенок еще не знает этого мира.
Еще не увидел его во всей леденящей красе,
так, как его едва выживший (может быть) брат.

Надо оттолкнуться,
приложить все усилия.

От связей, привязанностей,
бессвязных теней,
от пошлой бескомпромиссности и упрямства,
от чувства вины и тревожных синиц.

Пока не поздно. Пока еще можно что-то спасти.
Пока эта тьма (моя тьма, твоя, наша) не проглотила,
не перетерла, не сожрала
этот птичий, застывший, раненый,
очумевший от яростных вспышек,
ускользающий мой циферблат.

3.
Сынок, послушай, мне надо уйти…

…послушай…

…мне надо…

Сынок…

…ненадолго.
А мама?
Мама… мы обязательно, скоро совсем, увидим маму.
Мы снова, как раньше, будем все вместе. Послушай меня,
как стемнеет, если я еще не вернусь, выбирайтесь отсюда,
идите в сторону нашей дачи. Ты же помнишь, где это?

Уходите из города, прячьтесь, держитесь подальше от дорог, и открытых участков, и военных — только подальше от военных, запомнил?
Я после найду тебя. После. Найду. После. Ну, чего ты? Ты же не один здесь,
не один, слышишь? Только держитесь вместе. Хорошо?
Я вернусь. Мы вернемся.

Через несколько дней в другом подвале другого дома
дверь неожиданно, тяжело отворилась:
незнакомая форма, чужие движения, голос, запах, шаги.
Ты не папа.
Пойдем, я отведу тебя к папе.
К папе?
Да, к папе.
Он жив?
Пойдем, я отведу.
Всех вас.
Здесь ненадолго.

Папа, папа, па-па-па-па-па…

Вот мы и встретились, пап. Вот мы и встретились.
И с мамой увидимся.
Ты же обещал. А папы никогда не обманывают.
Теперь я знаю наверняка.

4.
Я делаю чайники, что вы от меня хотите?
Эти чайники идут на передовую.
А я делаю чайники.
И все.

Один, два, три, четыре…

Ты все еще питаешь иллюзии?
Все еще продолжаешь ждать?
Не надо.
Он не вернется.

Да, он не вернется, я знаю, догадался уже, и…

Конечно, я понимаю…

…больнее всего, что он продолжает жить,
ходить на работу, писать, говорить,
улыбаться, гулять по тем же бульварам, по тем же местам.
Как же так? Ты же сам, помнишь, учил нас любви.
Как же так?
Зачем он это сказал?
Ведь только рукописи горят, слова — никогда!
Неужели все ложь?

Ну что ты хочешь, чтоб я сделал?
Чтобы его не существовало?

Я хочу, я хочу все, все вернуть назад.
Сделай как было.
Я хочу, чтобы его никогда не было.
Никогда!

Хорошо, но ты должен кое-что знать.

Кое-что?

Тогда и тебя не станет.

И меня?

Увы. Только один автор переживет свое творение.
К тебе это не относится.

…шесть, пять, семь, восемь.

И никого не стало.

(Ноябрь 2022 — январь 2023)

Алена Максакова

PERVUJ

***

Завтра я увижу рим
Я расскажу ему обо всём
О моём непокорённом городе
О друзьях
О войне

О том что я сама не верю
Что это произошло
С нами

Urbi et orbi

И рим
Поверит

***

Отдельный ад
Для несущих только добро
Kрасоту
Вне грязи
Kрови
— Пойдём попоём в крыму
Почитаем стихи о любви
Солдатикам

Там не будет места
Грязи
Kрови
Агрессии

Только
Натуральные
Веганские
Консервы

***

RAKETA

Я выхожу на площадь
На антивоенный протест
Нас много
Мы громкие
Мир должен узнать
О Харькове

О Наташе

Её роддом
Обстреливают
Каждую ночь
Запрещённым оружием
Каждую ночь
Нарушая запреты

Мы собрали деньги
На защиту моего города

Дома вижу пост друга
Ракета от Славика

Закрываю глаза
Понимаю

Завтра у ракеты будет моё имя

***

Тятя тятя
Ваши дети
Притащили мертвецов

В них взыграло ретивое
Крови
Дедов и отцов

Тятя тятя
Будь готов

Тятя тятя
Мы в сети

Божевсехнаспощади

KARTINA
Над нашей кроватью
Висит картина
Мужу она не нравится

Картина скорее неумелая
Вода
Берег вдали
Рассвет

Я знаю
На ней днепр
Киев
Узнать сложно

Мне подарила её тётя
В мои 12
Ну как тётя
Жена дяди

На тот момент
Почти бывшая
Они как раз пытались
Снова
Не получилось

Встречали новый год
Тётя приехала с моими кузенами
Из киева
В наш харьков
Привезла картину

Я надела мамино платье
Зелёное
И свои ещё детские колготки
Красные

Ещё были бабушка с дедушкой
Ба и де
Как модно было говорить
Но они не вмешивались
Праздник был для молодых
Новый год
Для новых людей

И рассвет над днепром

Потом тётя уехала
Брак распался

Первым умер дядя
За год до моих 25
Потом де и ба
Тётя умерла
Когда я уже жила в Германии

Кузены перестали звонить
Ещё тогда

И теперь каждое утро
Я подолгу смотрю на стену
Я жду рассвета над днепром

***

— Ты должна излучать свет
— Мы несём добро

А во мне
Разбомбили
Электростанцию

А во мне
Веерные отключения

Во мне
Сегодня
Нет света

***

Мы разделим с тобою травму
Это всё что у нас осталось
И вина
Коллективного
Много
Выпьем
Да?
И разделим горе
Вот моё
Отломи
Кусочек
И попробуй

***

DEMOBILIZACIJA

Мёртвые всегда молоды
Молодеют после смерти
После жизни
Откусывают
Молодильное яблоко
Вечной юности
Вечной выпускной
Фотографии

Дембельского альбома

***

Рок-концерт во время войны
Почти митинг
Мит
Разом

Выходя покурить
Мы кутались
В жёлто-синие флаги
Было тепло

На самых хитовых вещах
Малышей сажали
На плечи

Внезапно меня кольнуло

Да
Дети
Только
На плечах
Женщин

Все танцуют
Все танцуют
Я тоже танцую

И плачу

***

Хочу сегодня
Поэзии без поэзии

Помните
Было у девочек
Макияж без макияжа

Я хочу назвать
Войну войной
Убийц убийцами
Бомбардировки бомбардировками
Сказать об этом
Без поэзии

Не
#Надхарьковомкрасивыйзакат
Не
Вотэтовотвсё

***

I**ZRAZEC**
Моя жизнь
Довоенного образца
Стала частью
Старого изразца
Не согреться
Скорей
Только раниться

Но картина
Глубокая
Немножко лубок
Но я там
Очень похожа
На себя

А сейчас
Нет

***

VARVAR

Прочти и сожги эту книгу
Мой ласковый варвар
Забудь этот текст
В мире есть
Много интересного
krasivogo
Секс например

Парижа нет
Его придумали

И меня нет
Но меня никто не придумал

Сожги
Меня

***

Вот я
Который когда-то был
И тот кто любил меня

Потом были странные времена
Страны и тишина

Сначала между нами война
А после и вовсе война

Я помню того кем когда-то был
И помню
Только
Любил

***

Я люблю тебя
Стало совсем другим
Теперь
Я всё так же люблю
Чувствую
Ощущаю
Понимаю
Я потерял многих
И не потерял
Тебя

***

Мы откроем бутылку виски
На развалинах Карфагена

Выпьем
Помянем Цветкова
И будем жить дальше
Дольше

***

А что не лечится любовью
То не излечится совсем
И не пытайтесь
Не пытайтесь
Пить травы
Крокодилов есть

Любовью можно
Оставайтесь
Здесь

Вадим Ямпольский

***

Мне нравится теперь о будущем не думать,
оно уже пришло, лицо его в пыли.
Всё обратится в прах, осталось только дунуть:
у камня замерев, стоят богатыри.

Налево — тишина, торчат из трупов стрелы,
вороны не спеша слетаются на пир.
Направо — тот же вид. Один бродяга смелый
стоит среди снегов с табличкой «миру — мир».

Сейчас его возьмут и отведут в кутузку,
потом сошлют навек в далекие края,
он любит отчий дом, он говорит по-русски.
Но гордо промолчат Алеша и Илья.

Их лошади мрачны. Их голоса простыли.
Им после объяснят, зачем вся эта жуть.
Добрыня не пришел, давно лежит в могиле.
Потом его вдове заплатят что-нибудь.

Данила Давыдов

***

мандельштам — уже не ворованный воздух.
в московошвеевском пиджачке
мирно беседует с новым поколением пушкиноведов.

а цветаева-то давно:
у тарусских костров многократно сидела
в окружении приблатненно поющих про лебединый стан.

ходасевич вглядывается в глаза обезьянке,
пытаясь понять, что она хочет сказать.
но супруги гарднеры еще даже не начинали эксперимент,
и ему не узнать, как ценят и любят их всех неистовые ревнители.

можно представить их портреты
на растяжках, что скрывают
уничтоженные здания
в захваченных городах

***

там — о чем не могу, не имею права.

зато здесь сколько угодно, куда ни глянь,
пускай однородное, какое-то приведенное к единому знаменателю,
зато много, много, и оно лежит, бесстыдно раскинувшись,
обнажив ну вот представь себе, да:

вот такое возвышенное.

иного и не надо,
говорят, зажмурившись от нарастающей с каждым часом вседозволенности,
и вообще, говорят,
еще неизвестно, какую позицию занял бы ныне покойник

Евгения Доброва

Снег падает тупым концом

* * *

В дачном поселке Тарасовка,
куда ездила точить цепи
для бензопилы,
я снова купила
это калифорнийское недорогое вино
из винограда зинфандель,
на этикетке медведь-циркач
в котелке и на велосипеде.
Что он делает,
этот осколок былого,
в подмосковном сельпо?
Я взяла две бутылки,
чтобы уж выпить так выпить,
или наоборот,
попивать неспешно и церемонно,
созерцая диковинного медведя,
нарисованного американским художником,
докатился же как-то он до России
на велике своем цирковом
с огромным колесом и вторым маленьким.
Прошлое наливается в мой бокал,
прошлое заливается в мой рот,
бокал пустеет,
медведь в пакете с мусором,
нет прошлого,
да и что вообще есть?

* * *

Снова дождь. Отдала яичный белок сороке.
Читала антивоенные чаты
и чаты беглецов.
Нетопленый дом, туман,
дыхание стекол.
Бегство многолюдного лета
с переполненными ресторанами.
«Так это их последнее лето, —
подмечали блогеры, —
чуют, что больше не будет
и надо успеть».
Сорока склевала яйцо
и улетела.

* * *

Снег падает тупым концом.
Сияет город, обжигая чернила каракатицы района.
А вот твой дом, еще минута или две.
Со слабым шорохом
искрится время,
словно на просеке под проводами ЛЭП.
А вот балкон, куда ты выставлял
вазон с геранью.
Тут наплывает снежная завеса,
и уплывает в космос бывший дом.
Ты помнишь, как с балкона шарик улетел
и нитка, спутница его и привязь?
Над головой кружится пустота.

Манка

Растерянный русский мужчина
с пачкой манки в руке в Стамбуле,
в супермаркете «Бим»,
ее вертит и так и эдак,
не понимает, что за еда,

язык этот варварский не понимает,
это ыканье, юканье, бульканье,
эти хвостики под буквами,
эти точечки над.
Такая тоска в глазах.

* * *

Сможет ли Вронский
затянуть обратно корсет Анны Карениной?
Дождь — испариться из лужи,
поезд — прибыть ко времени,
шар — докатиться до лузы?

Подавится Наполеон пирожным?
А де Фюнес — оливье?
Возможное съест
невозможное?
Шаг
поглотит сто лье?
Сможет ли ночь дневать,
станет ли день ночлегом,
пролитое масло — снегом?
Для улетевших в небо
будет ли там кровать?

Тревожный сон переводчика
Виктору Качалину
Быт, бытие, сиюбытность, бытийствование —
друзья мои были,
из книг приплыли,
в другие поплыли.
Хлопает дверь,
скоросшиватель
стучит,
дом отражает удары,

веревка закручивается
и раскручивается.
Смерть, забегание-в-смерть, смертийствование,
сиюсмертность.
Тук-тук-тук.

* * *

Бывают дни, когда температура
и не могу пошевелить английским,
раппорт обоев высветляет луч,
потом нанизывает комнату, кровать,
они коловращаются, летят,
почти уж улетели,
но
танцует муха на щеке —
и держит в этом мире.

Евгения Некрасова

Наивные разговоры о войне

Война, хватит тут ходить,
Тебе лишь бы всех убить.

***

Дядя-дядя Королев, ты мой дедушка-Мороз.
Скажи там на небе ракете подобреть
И в космос, не в дома, лететь.

***

Надо мной пролетела ракета,
Пока я шагала за кофе.
Местная ракета, выпнутая работать.
Когда я ставила на стол капучино,
Она вонзалась в чужое небо.
Ракета, а ну-ка домой возвращайся,
На тебя не буду ругаться.

***

Дорогие мертвые дяди и тети,
Дореволюционные, советские, постсоветские.
Вы в облаках сидите,
Глядите, что происходит.
Пожалуйста, закройте небо,
Чтобы ракеты не вылетали.

***

Танк, а танк — ты что, решил, что ты панк?
Зачем набил татуировку зет на бóке?
Зачем нацепил бирюльку-стиралку на пузо?
Зачем харкаешь в дома и людей ядрами?
Ты пытаешься привлечь внимание?
Тебя всё равно не встретят с цветами.

***

Одних детей убиваешь,
Других типа так спасаешь?

***

Сделали «братские» секретики по стране,
Стеклышки положить забыли,
Но секретики всё равно раскрыли,
Скольких уже убили,
И детский поэт закопан в земле.
Стеклышки — линзы камер,
Которые фоткают всё на войне,
Чтоб на память им и мне.

***

Государство — это мы.
Почему же пацаны
Собрались и вдруг решили
Наступать от всей России?

***

Кто такой герой?
Тот, кто не ходит в бой.

***

Папа нужен,
Нужен муж,
Брату лучше б не убиться,
И сынок мне пригодится,
Не отправлю их войне,
Мужики нужны и мне.

***

Когда закончилась война,
Мы остались теми,
Кто всё это наделал,
Но мы сделались теми,
Кто этого уже не делает.

***

Когда я вырасту,
У меня будут дети,
Когда они вырастут,
У них будут дети.
Когда дети детей моих детей вырастут,
Они ещё будут платить репарации.

ЕГарина

Обыватель

Загипнотизирован нападением тигра на бизона,
ротовым пищеварением анаконды, заглатывающей
молодого каймана,
калечением людей на боксерском ринге.
Ютуб изобилует подобным контентом,
и чайник, вскипев в запотевшем окне кухни,
пока не выльет жестокость на чьи-то руки,
недостоин названья «домашний помощник»;
его службу хозяин не заметит —
заворожен агонией подорвавшегося на ручной гранате.

Коридор для кухни — тонкий кишечник:
хозяйская конура спасает от всех гадов, кроме тех, что в нем, —
пока ни пить, есть, ни охотиться, сношаться не хочет,
ищет подтверждение, что он — канон,
а иначе
зачем нужны резцы, клыки — только за этим:
жевать и кусать, рвать от поврежденной плоти,
стекленеть глазами,
каменеть лицом,
пропадать внутри себя самого,
пока жертва не умолкнет;
в боли другого чувствовать насыщение
холодом взмокших подмышек…

Он просмотрел Бучу, Мариуполь, Краматорск, Харьков,
Киев, Донецк, Херсон…
(Алгоритм подсунет еще, если нравится)
Хозяин всем доволен, главное — удовлетворен.
— Че — бонобо? Они где? В Зухре?
— В Конго. Там с 80-х война непрерывна. — Не слушает,
гнет дальше:

— Мы и этих макак накрутим на гироскопные двери. Шоб у них тоже свисало до крови. Пудом накормим
с кола, чтоб бежали по Европе, бывшим братским, ранам третьего мира,
встретим конвульсиями
лягушки, съевшей ядовитого паука. —
Сказал и притих. Чайник тоже. Огнем не кропит.
В кухне ночь.
По трубам тишина улетает в самый мрак.

Одно небо над нами, одно —
разны окна. Набежит ветер — вдребезги стекла.
Будет небо, будет небо красно-желтым,
будет кто-то, будет кто-то убит осколком
Одно небо над нами, одно —
крестит огнем минометным, прижимая любовников, отверткой
протыкает печеночный бок.
Одно небо, одно…
Но плачет ребенок не в небесах, не где-то,
здесь, за стенкой,
чьи-то разматываются сердца. Они есть.
Оно — есть, хоть следам неизвестны.

Екатерина Деришева (Харьков)

*

<фаянсовая кромка смерти>
отчаяние в глазах подростка раздвигает тектонические плиты
{сердце маленькой птицы бьётся всё чаще пытаясь выжить}

*

под одеялом террора из бетонных перекрытий
мама папа и неродившийся ребёнок
уснули
обнявшись

*

тело
обклеенное пластырем и бинтом
существует

*

{граммофон доигрывает кардиограмму птицы}

<Белая смерть>
город оброс настом вторжения

часовня в карстовом сердце оплакивает солью
будущую жизнь

погрузят на несколько лет
в пермское море — оболочку города

<каменная крепость переливается на свету в ожидании первого дождя>

просыпаются скульптуры из соляных кристаллов

стихотворение, откуда все выходят
все выходят из теней

тень из движения
тень из сленга
тень из дыхания
тень из снега
тень из тени

рассчитываются на первый второй

без имени
голоса
отпечатков

злые
складываются в >< и <>

умирают

Инна Кулишова

***

Пшеница похожа не на косицу,
но на прикрепленные друг к другу сердечки,
словно девочка во садочке вышивает,
узор вышиваем.
Ходит Каин по полю, рубит скот да ведет ослицу,
скоро вырвется она, заговорит, а за ней овечки,
разбегутся, дадут потомство, кто во кровь, кто выживает,
входит в Йерушалаим.

А узор цвета чьих-то волос не расплелся
за века и дни, колосится
по земле и флагу, радуя чьи-то очи.
Кто срубил березу во поле, тот не знает голоса
ни ее, ни колоса, ни калины, птицы
на какой поют дни и ночи.

А серденько к серденьку жмется, бьется,
плетет узор, о
который небо трется щекой, как вода в колодце,
шепчет кожному серцю: скоро, скоро.
19.06.22

***

Когда неразбочивые звуки вдалеке всякого марша
принимаешь за гимн враждебной страны
Когда святые маршируют и рай
только в их воспаленном воображении
Когда грянул гром но апокалипсис
спокойно идет своим ходом
Делаешь шаги по квартире осознавая что каждый
следующий может кончиться
чем угодно

В любую секунду
Перечислять чем все равно что
считать секунды одна за другой
одна за другой до тех пор
пока и они не кончатся
лично для тебя
Так и ходишь как стрелки
большая и большая
маленькая и маленькая
Но как не хочешь быть that number
ибо не хочешь быть
как бы ни хотелось быть
это и есть круги
Куда бы ни ступали святые
их шаги враждебны как бы ни думалось об обратном
не будешь в их рядах ибо ничьи ряды
Все ряды ничьи и никто
к ним не причислен
не причислит
Заслуги и причисления ходят разными конями
по зачеркнутым внешними барьерами кругам
словно восьмеркам
перечисления бесполезны
Числа секунд непроницаемы как лица
святых после того
как они отмаршировали как отзвучали марши
гимны и прочие ритуалы после которых
гром возвращается восвояси
и ждет следующего часа
а всадники сидят у костра и поют
идиотские песни о прошлом
раскуривая трубку мира не сего

их кони жуют травку
в красивом темном саду
и даже не ржут
и молчание бестелесно
3–5.07.22

***

Голый голубь сел на глобус,
ищет воду и зерно,
словно я все больше горблюсь
и смотрю, что снесено

пеплом, что нести с собою,
звал ли кто, иль я звала.
Крылья пахнут вражьей зброю,
клюв кровит, а в нем стрела.

Лишь моргнешь — и сброшен, вздернут,
изнасилован пейзаж.
Ни деревьев и ни комнат,
крах и пепел, птах и краш.

Меч несу взамен оливы,
вашу кровную стрелу,
Живы ли, многолюбивы?
Как спущусь к вам — и умру.

Что клюешь, кровавый голубь,
дух мой нежный, на земле
черной, словно я, как голем,
зарождаюсь на золе.

Если жив, лети отсюда,
если нет, иди сюда.
Я над глобусом, паскуда,
распростерлась неспроста.
6,7,9.07.22

***

вместо космос произношу кокос.
все как-то скурвилось до плода.
падающего тяжелее ос.
убитых за ненадобностью в мире да.

мир, не дающий таких плодов.
что способны быть, не убить, не есть.
не быть съеденными, бодрствовать off.
все включено в стра-да-ния, в прах и в плес.

ень кончается тьмой, начинаясь ей.
в звуки, коко-дым не-т продолженья та-м.
осмос красив, как нечто, но слышно бей.
зде-сь, где е-т потворствования плодам.
17.07.22

***

Чистое тело вышло купить продукты,
или разжечь костер, если нету дома,
или сказать на звездное небо «ух ты»,
или старушке читать что-то из канона.

Вымыто, нагоуханно, гравитационно.
К пуле, расстрелу, удару готово, и гнутый
шар разломить, разломиться хлебом иском/нным.

Чистое тело летит среди тел и ходит,
смотрит вокруг, не смотрит, ломит, ломает.
Ты так хотел? Так хотела? Хотело? Да вроде.
В роде единственном, body единственном, а лет

так и не хватит на каждого, чистое боди,
бади, სხეული, ꠇꠞ, tіlo и что-нибудь с краю,
где разложившийся боги мн. ч. на-блю-да-ед.

Чистое тело не рухнет, не рухнет, не рухnet.
«Уэбб» молча фоткает то, чего нет, что знакомо.
Вот оно я, отчего так сегодня колотит?
Словно бы жизнь свою кто-то кому-то не дарит.

21.07.22

***

Мальчик трех лет разрывается от ракет.
Маленький фейерверк.
Мамина радость, бабушкин человек,
папина гордость, летит красно-бурый свет.

А на свет летит то ли бабочка, то ли му-
ха, ха-мит крылышками, садится на.
Мамину радость, бабушкину
отраду, папину... А впрочем, их до хрена —

радостей, мух, бабочек, по частям
в стороны, вверх,
и крылышки об закат. Мир не сошел с ума. Сам
такой, и такой вовек.

Кто еще думал не так, оглянись, идиёт,
ай, пусть идет, притворяется и идет.
Мамина радость, бабушкин свет,
папина гордость красно-бурая берет след.
25.07.22

***

Маленький звук
оторвавшийся делает круг
возрастая как гриб
Или нимб
Небось снова опять на Руси
где трава не расти
думает рыбка-травести
залегая на дне
Хорошо хорошо мне
что не я там
на татаро-монгольской Руси
где трава не расти
где гуляет свободное зло
по домам
повезло
Я на дне ни село
ни город а только дно
Словно павшая на ночь стена
и окно
заколочено а она
оторочена сшита по берегам
Хорошо хорошо я не там
и не надо мне ныть во всю прыть
мол чего же ты Русь
как блядь
скачешь по югу северу
африкам азиям точка ру
называешься именами которые не понять

не даешь одному не верна
никому
покачаю звук потяну
губами воду которой не пить
и останусь спать
Хороша хороша кровать
Да и некуда плыть
28.07.22

***

Границы прогуливаются по территориям,
словно искривленное ружье, каждый раз
меняя направление, то есть прицел.
Кто еще цел, старается пригнуться или
перепрыгнуть. Словно змеи, время от времени
поднимаясь наполовину вертикально
для установления потенциальных жертв или
потенциальных территорий.
Словно руки, обнимающие любимого,
прежде чем воткнуть в него нож,
но, может, и отпустить
на войну.
Границы образуют пересеченную местность,
то есть высеченную, сверху напоминающую
стройную геометрию с разбросанными
сухими ветками. Которые надо собрать
для большого костра.
Границы гуляют рука об ручку,
нога об ножку, змейка о змейку,
слегка покачиваясь, как пьяные
в каком-то центральном парке,
где занимаются любовью, колются,
выгуливают зверей, детей, помирают,
убивают, где все так красиво и страшно.
31–1.07–08.22

***

Эторфусскийсаркофаг,
ни орлов, ни львов, ни бы-
ков, совсем не Tierkampf*,
*то кровавый бой зверей,
что-то kampf, но больше баг,
в смысле бэк раунд судьбы,
унд еще какой-то вей,
многггоуваж... pardon... шкаф,

эторфусскийбатискаф,
ни узорной бахромы,
ни еще чего-то там,
через тыщутыщу лет,
это фаг, а в нем не мы,
ха-ха-ха, археолог,
не копай, не сей подлог,
плод кровавейших забав,
пустотел, пустокурган,
пустотам, нас нет, наснет.

Ты прочел? И я прочел.
Жалко, больше нету пчел.
Никого, чтоб отнимать.
Нам всё медвяная падь.
А то б водку на меду...
Брось, закапывай, иду.
1.08.22

***

Когда зацвел мин даль
никто не шел ту да ль
февраль трепал листы
железа и глисты
ползли из тела вон
в бараки всех времен
мин даль хороший для
не здесь где есть земля
не здесть тут миндаля
и шагу не ступить
начать кончать не пить
мин даль давно зерно
півник поет оно
чирик ля ля фьюить
когда не быть не быть
2.08.22

***

Небо над вечером тихо стояло
люльку качало
Вечер плескался малый синюшный
в чашечке кофе
Узкая струйка коричневой крови
шла к подбородку
словно младенец пил тоже из чашки
и тоже выжил
Капля стекла попавшего в сахар
трогала небо
Голое небо как глаз стекленело
резаной крышей
Целая чашка в ней кофе остаток
бился об стенки
Губы на вечере запеклись да так
и не обсохли
16, 17–18.08.22

***

Лицо его напоминало
потрепанные обложки книг
грома-адной библиотеки, в которую
целились букинисты уже как лет десять.
Но попасть в нее сумели лишь снаряды, как их там,
российского производства, и он ходил, ходил, ходил
возле развалин многоэтажки, с которой свисали квартиры,
и звал своего кота,
который не хуже него забирался в книги
и погружался в собственный мир. В которых они
оба, видимо, и остались, каждый в своем по разные
стороны этого света, клонящегося во тьму, о чем
недвусмысленно
напоминали китайские гексаграммы,
и нет, кота не звали Шекспир, Шредингер, Гомер, Овидий,
он был просто кот, и его выраженье лица теперь
переместилось
на лицо владельца бывшей библиотеки с котом, и не было
больше
на нем напоминанья никакой обложки со стертыми буквами.
Все обложки сорваны, сняты.
Только белый лист. Без названия.
В Начале.
18–19.08.22

***

Ты готов побыть на время сталинистом,
нацистом, чекистом, пофигистом и пр., чтобы немного
погреться
на пляже у самого синего моря,
идти по тропинке самого хвойного леса,
переходящего в лиственный, слушать мягкое
шевеленье листьев и, присаживаясь на пенек,
кормить и поить приходящих к тебе отовсюду зверушек,

и да не оскудеют руки твои,
погруженные в их ласковую шерсть, благо что́ есть
бо́льшее наслаждение, чем тихое прикосновение к зверю,
дабы всякая флора и фауна была напитана
радостью? Ты готов пожертвовать той
единственной частью, которая есть ты в лучшем
виде, способном впоследствии утончить тебя для
восшествие через узкие врата... Заменив на такую.
Да не важно. Готов?
Просто готов — чтобы хоть ненадолго отказаться от ада
жары, нагнетающей пламень взрывов, ударов, состраданий?

— Что ты кажешь, друже? Мне не видно во тьме,
с кем теперь говорю, борюсь, отдавая
жизнь вместо той частицы, что предательски утончает,
но прошу, не высушивай кровь мою, не
растлевай тело мое — дай зверям насытиться и напиться,
если им не дано быть обласканными, а траве —
не глотать грязь подошв и железа.
Дай ему восставать не из мертвых, но из
тленья, чтобы каждый пришел и пил и ел.

Знаю я, каким синим бывает море.
Знаю я, как пахнет в лесу. За мною
не посылай никого.
Перемирие у зверей накануне
великого водопоя.
Пусть прохлада хранит их,
а тело мое насыщает все то,
от чего отказался взор, нюх и слух, даже если
это было бы ненадолго.
19.08.22

***

Возмездие. Мозвездие.
Падают фосфорные звезды из
русского языка.
Сокрушают дома, сердца да бейцы.
Серпень[1] бьет не добьет. Сонце в мозку[2]
як вибух.[3]
Гвозди в «крещении» заколачивает.
Каждая буква состоит в отношении со
звуком взрыва.
А за ними плетутся чужие
Миломилосердсердному пословицы-поговорки.

Везде я, говорит Он, везде я.
Соняхи[4] растут вверх и вниз.
У Вероники[5]-мышки семечки в окопе с языка
слетают. Сыта по горло. А в горле немцы,
русские, кто там еще, свои в доску
враги на горящих нивах.
Кошка к мышке бежит. Пливе кача вброд[6],
а за ней мошкара. Песок
бьет по лицам, а не вода, где живы
все, абсолютно живы.
Катятся в руки Сизифовы с горки.
25.08.22

---

1 август
2 солнце в мозгу
3 взрыв
4 подсолнухи
5 так назвали мышку украинские солдаты, кормившие ее в окопе
6 «Плывет утка», украинская народная траурная песня

***

Золотой венок прилип к черепу
то(т) ли цезарь то ли спортсмен до
ли после ненашей эры
Золотой телец стоит и жует чрево бу
дущего из которого сыплется до
революционный шик гондоньеры-
палеоэлиты шевелящейся аки черви на пракрасной дорожке
ведущей в инфраклассный ад
имперических тиранозалов где стерты титры
Череп смотрит Венок натирает Листья рожки
растут из висков наверх оставляя трещины золотят
туристический бизнес При нем Земля обретает анфас Афродиты
голова огромная голова которой торчит из ее болота
Обрастает Земля волосами растений
Полегли войска за и против по останкам гуляют законы
каждой взятой страны Но спортсмен или цезарь и листья
на них остаются Золотой телец их сжует эх настенный
незверь сувенир златой ясный перец жрет И его же кто-то
распилит продаст И при нем Земля обретает лик горгоны
со всем мусором по орбите Так вы значит из Тбилиси
Мы из доброго-вечора-ми-з-України
нынче Возле нас огнем горят виноград и пшеница
никакого золота наші очі червоні а коровы сдохли убиты куда им
до телят тельцов теперь Наши руки ноги из праха глины
Наша жизнь и смерть ловушка Не выбраться и не смыться
из силков Не выбиться в лю А выбор за каждого сделал Каин
Мы покойные дети Авеля имя траур
на иврите английском любом говорим и маємо чого немає

Золотые листья грызут кости черепа смена года не для них Значит будем маяться воевать и рапор
товать в молитвах о грехах своих Скоро скоро მალე[1] male Аве Аве майне цезарюшка Мы в другую сторону идем немедля.

Водим воду за собой как утяточек
мама в мир глаголов не слов плавать ходить а летать как
Вода катится ручейками
за нами
по пустыне коленами по пустыне вина и хлеба
Тушим тушим
Воду мертвую и живую
в пустыне пьем и льем на мельницу нам це чомусь треба
Аве отче идем в другую
сторону а где та сторона а где мать и батька
нам не те не эти и нечего нам ответить
есть сосцы волчиц тигриц дикобразов медуз медведиц
Вода тащится вслед за нами струйками В осень
особенно Если все же выпадет лист златой последний остаточек
эх שאר[2] мой shear push in push in
подберем растворим в воде и вверх подбросим
5.09.22

Фак фолк
Не рыдай те сыночка
мати ер и на спиночке сыночка
во родной стороночке
моей стороночке
лежит помирает
добра не наживает
Добро его унесло
как он добро

1 скоро, вскоре (груз.)
2 «остаток» на иврите, особое значение этому понятию придается у иудеев и христиан (см. пророка Исаию и т. д.)

нажитое другими
Из дома живаго
раньше живого
потеряет имя
потеряет слово
Не рыдай материночка
не восстанет сыночка
не за близких и дальних
не за родину-шмодину
не за семью-убью
не за врагов не за друзей
нет тут крайних
детей каиновых
а другие не выжили
там все повыжгли
Зажимает в горсти
кусок своей кости
по твоей-своей глупости

Не рыдай матерюночка
по своей дочуночке
что с трудом рождена поздняя
единственная
лечей людила медикозняя
вся терапевт кардиолог
каррр теперь она лиственная
посреди дорог
доченька
от которой нету моченьки
только сочатся моченьки
ушек обласканных ржавая вся
А не пошла родила бы сыночка тоже жалася
по стенам пыталася
по губам
разгадать

куда пошлют убивать
во моей стороночке
нас по детеночке
уби поги мати
не рыдай
коли дала
дать

А мы пели пока лопала
сь жизнь по сосудам
по кишкам по костям по сердцам
как перекресткам дорог
дорог дорог
где какая (не)дорогая
Бьется не бьется вздрагивая
пересечений груда
орудия страстей
оружейных дел мастера
постара
кардиологический хлам грамм гам
терапевтический хлам гам грамм
ангелов слушает подперев подбородок
безбородый безразличный смотрит в потолок
наш оттуда отсюда
Слушает нас тишины не трогая

А мы пели назад хотели
Да пусты места на земле и в теле

Пусть теперь бог-единорог
пожалеет тех кто смог
но не смог
23-24.09.22

***

Им дают убежище
что ж читаю уебище
Ох язык мой чудовище
выжженных мыслей лежбище
Чье ты жилище детище
Что еще что еще хочешь раздеваясь в рубище
на кой хуище раскручивая хуище
Мне ль не лежать на кладбище
тихо бессловно несведуще
под подошвами скопища
полчища по щепоти дорог ни с кем поприща
не прошедших но шедших на чужое пастбище
от тебя отделившись вообще
Кто там бежит левой правой ще
не подставляя будуще
Недоговоренность не щадяща
храматность свеч/жепожарища
каждой буквы выпуще
ной голубем пулей в хранилище
безъязыкого небища
Нет там для них удилища
Ни для кого вместилища
Ни для кого узилища
сплош-ной-е уходбище
Человек только зверя прозвище
буквы туловище
звука чудище
Где зарыто мое сокровище
там кровищи тьма
пустоты тюрьма
каждый сам сама
сходят нах с ума
Боже Боже Божище
28.09.22

Лиза Минаева Где мне было хорошо — там я не писала

28 декабря 2021 года. Начало до начал. Егор П. Москва

Ограждение падает на тело
cause life imitates art

год был непростой.
год был хуёвый.
вроде взрослый,
должен быть — умный
(опять ставлю никому не нужное острое слово
выше благополучия в личной жизни),
ты сказал:
«хотел бы я увидеть,
как умирает человек,
своими глазами».
я не сказала,
что видела,
сказала —
не советую.
ты ответил:
«а я не просил советов».
срезал!

в своей голове я слышу коллективный вопль тысяч обезумевших от горя женщин.
коллективный вопль тысяч женщин, по им одним ведомым причинам
любящих самых разных мужчин:
талантливых
красивых
подтянутых
больных
странных
срамных
жестоких
некрасивых
злых.
я растворяюсь в этом звуке,
я умираю вместе с их любимыми.

год был непростой.
год был наполненный докуда надо потрясениями,
психическими и визуальными.
визуальными, да.
но ни один чётко выстроенный,
коллективно отработанный фильм не способен потрясти больше,

чем десятисекундная драматургия жизни
под занавес года.

я думаю вот что

судьба и жизнь
(и смерть)
человека
(любого)
это неизмеримо больше,
чем его взгляды и дела.
кто не способен осознать этого,
мыслит очень узко

я так думаю.
я в этом убеждена.

24 февраля 2022 года. Такси. Москва

Привет) 16:34

Узнала? изменено 16:34

Привет привет 18:25

Так так)) 18:32

Кстати, тебя не смущает, что мне 21?) 18:33

А должно? 18:38

Конечно же нет) 18:40

Я ради приличия спросил, типа культурный 18:40

А вопрос некультурный 18:40

Хм 18:41

И правда 18:41

Не рассчитал 18:41

Извиняюсь)) 18:41

Так вот 18:41

Что я хотел предложить 18:42

Есть кубик тут 18:42

[имоджи с кубиком] 18:42

Бросаем по очереди)

Если падает чётное — ты задаёшь мне любой вопрос,
который тебя интересует)
Если нечётное — то я задаю 18:42

Детский сад конечно))) 18:43

Но веселее, чем душный вопрос
«Расскажи о себе») 18:43

Да, это здорово) 18:43

Но я сейчас на пути в аэропорт 18:44

Предлагаю сыграть чуть попозже 18:44

Договорились) 18:45

1 марта 2022 года. Белград

Квартиры без хозяев выглядят грустно.
Как ты там, моя одинокая квартира?
Тебе повезло больше других.
Ты не была взорвана в девяносто девятом,
тебя не обстреливают сейчас,
твои выжженные чёрные окна-глаза на репортёров BBC немым укором не смотрят.
Ты просто спишь.
Застыла.
Ты ждёшь.
Ты ждёшь.
Ты дождёшься?
Оставила гору одежды, не вместившейся в чемодан, на кровати.
Кропоткина,
Гертруду Стайн —
«Войны, которые я видела»
и «Записки революционера».
Галину Рымбу и Анни Эрно взяла,
и вышиванку, сшитую прапрабабушкой.

Я сказала бабушке, что на день рождения уеду
на пару неделек, а потом, конечно, к ней,
ведь у неё подарок
(подарок, верно, в конверте
и много ещё найденных в шкафу под кроватью вышиванок);
обняла лягушку Квакушу:
мою самую верную,
самую любимую
(лежала на пианино двадцать шесть лет назад,
когда дышала в большой комнате над картошкой,
когда сняла покрывало с головы, надышавшись,
подняла голову
и увидела Квакушу).
«Ну ладно, может, вы ещё встретитесь», —
сказала мама.
(Я даже не думала о том, что нет.)
Присели на дорожку в темноте.
Квартира, где я родилась.
Квартира, где я прожила тридцать один год
без четырёх дней
Папина квартира на Рязанском проспекте.
Мама не любила её с момента как въехала туда —
там вечно одни проблемы,
одни проблемы, которые ей решать.
Мама прожила в ней большую часть жизни,
но так и не смирилась…
Я вот научилась мириться с Рязанским проспектом.
Ну и кто из нас хочет туда больше, мам?
Мама, на пороге апокалипсиса все вокруг женятся,
а я за тридцать один никого не накопила —
я в тебя проросла.
But after all, we really did have everything, didn’t we?

11 марта 2022 года. Белград

в шестой за две недели квартире
гель для душа пахнет кадилом
это значит, что я освятила
свою вульву
анус
и подмышки
все поверхности и уголки тела освятила
на которые хватило:

- маленькой силы белградского бойлера
- пропускающей воду сломанной двери

я снова безгрешна
чиста

как всегда
но эмиграция
мне не нравится

огонь их ракет
НАШИХ ракет
огонь наших ёбаных смертоносных ракет
не достигает Белграда
он оцепенел
заледенел
просыпается в марте градом
и смеётся
огонь их ракет
наших ракет
огонь наших ёбаных смертоносных ракет
достигает моих снов
как супермужик из сна попозже, что членом
достигает до сердца
и смеётся:
«Это мэтч!»
мы смотрим на них из окна,
зачарованные объёмом
обуянные ужасом
мы кораблики из морского боя
но нет
не мы
мы
немы
давно
немы
немЦы
нет
мыться
кадилом
тереться
мочалкой
тереться
стыдиться
не стыдиться
каяться
бояться
не отмыться.

13 марта 2022 года. Где-то

Хочу стать счастливой фоткой в инстаграме, тычущей в экран обручальное кольцо назло всем бывшим кинувшим обещавшим не прочитанными сообщения оставившим

любить хочу
рожать хочу
а так бывает?
просто жить
работать
просто жить
просто работать и жить
покупать мягкие полотенца и душистое мыло
обставлять комнату
расставлять книжечки по полкам
я хочу жить
они хотят воевать
я хочу жить
их жизнь — убивать

18 августа 2022 года. Мюнхен. Изар

Когда ехали с вокзала в первый,
семнадцатый дом, они сказали:
название реки — Изар
Как его запомнить? Ну просто от Лиза отнимаешь Л,
а дальше там уже разберёшься.

Я не взяла открывалку для пива
и не смогу насладиться берегом как все.
Восемнадцатое августа,
последний тёплый день.

Там, откуда я, привыкли:
тёплый день?
Рви, рви, юзай каждую секунду,
тепло закончится, а что потом,
шесть-семь-восемь месяцев тёмного
холодного ада —
надо запасаться впрок, готовиться к холодам,
собирать тёплые часочки по углам.

Я выгоняю себя из дома,
я бегу урывать последние часы тепла,
я спускаюсь к берегу, как все —
перешагивая через ограждение.

Пиво, пиво, пиво,
пары, пары, пары

простые купальники на красивых фигурах и троицы —
они всегда ходят троицами,
неразрывными троицами

на всех пляжах Европы сидят
ходят загорают играют у берега
скиталицы-троицы:
бабушка за пятьдесят с обесцвеченными волосами,
ухоженная с ресницами и ногтями дочь
и её ребенок
они выделяются глазами-волосами
и тройственностью своего союза
они обсуждают бытовое
что приготовить на ужин
и сколько это в гривнах
как хочется скорее домой
и собираются «домой»

капельки дождя иголочками
покалывают тело,
я закрываю книжку и убираю глаза
я покалывания на коже от тёплых
капелек дождя но схуяли
доносится до меня вопрос с другой стороны реки
схуяли я должен платить?
нет
ты мне объясни
схуяли я как мужик
подожди
нет подожди
стой
ответь!
с какого хуя он мою девушку…

они пьют пиво на берегу:
девушка со светлыми волосами
и парень с раскосыми глазами
казах
бурят
якут
я не знаю
я знаю: я русская.
меня в школе учили:
Россия — многонациональная страна.
В ней живут
русские
украинцы
белорусы
евреи
буряты
грузины
татары

удмурты
и ещё сотни разных народов
национальностей
этносов
дружно живут, друг друга не трогают
говорят по-русски, страна-то одна

У одних в земле золото,
у других — нефть,
у третьих — олени,
а что у них там с языками что с жизнью
что с религией что с культурой
да господи какая разница, ну интересно —
найди в библиотеке книжку и почитай
в учебном плане такого нет

есть только война
Великая
Отечественная.
этот подвиг нам не забыть
эту боль никогда не простить
будем помнить вечно и ценить
небо мирное
над головой

Над моей головой мирное небо Мюнхена
Мой офис построил фюрер
потом он проиграл
и мы поменялись местами
Дождь собирается, я пока нет
со своей стороны реки
из своего партера
изучаю динамику зарождающихся
отношений:
с рыбой и пивком
он гладит ее по плечу
он ест рыбку
он кричит
они молчат
они тихо слушают музыку с телефона
он кричит
она громко хихикает
он гладит ее по плечу
она кладет голову ему на плечо

часы на церкви святого Лукаса бьют
а меня бить не надо — я сама с этим
прекрасно справляюсь

косяками
порогами
кухонными шкафами и полочками
словами тех, кто помог безвозмездно
(абсолютно безвозмездно
ты ничего не подумай —
мне это ничего не стоит
а тебе большая помощь
мне приятно помочь человеку
в трудной
жизненной
ситуации)
И теперь хочет секс.

Я продолжаю наблюдать.
он целует её руку
они молчат
он кричит
он кричит
они молчат
он молчит и смотрит ей в глаза
они наконец-то впервые целуются

Часы на церкви святого Лукаса снова бьют
В Мюнхене начинается ливень.
пары с пивом
и он
и она
и я
все соскакивают с насиженных мест и бегут
я бегу
бегу
бегу двадцать минут до дома
бегу и мокну
мокну я
мои трусы
и книжка стихов поэтессы из Львова
и сумка-шоппер
и новенький
купленный взамен украденного в Барселоне телефон
авто сигналит
я бегу
живая
живая
живая
живая

18.08.2022 года. Мюнхен

Рыжеволосые немецкие девушки
на своих сильных плечах
как завещала Ангела
тащат мир

Они и меня, порой теряющую силы, дотащат
принесут ящик фруктов
рабочие визы из чиновников и посольств выбьют
найдут деньги
найдут ночлег
дотянут из багажника матрас с Симбой и Муфасой
уложат спать
научат отдыхать
и приготовят домашний пирог.

Моя армия непобедимых девочек
бывших девочек
и небинарных персон
Ты держись, мы все преодолеем.
Нужны будут деньги — пиши.
Скоро придет зарплата, я сделаю перевод.
через пейпал
через корону
через юнистрим
через черт знает что —
мы найдем способ
возьмем сим-карту из мешочка
и все разрулим
ты только держись
только не стесняйся нужды в ноготочках
если на них держится твоя менталка —
Для жизни и здоровья важна красота.

Мои девочки во Франции,
США, Алжире и Голландии
Мои девочки-открытые-двери
мои девочки-страдающие-сердца
мои девочки-исцеление
мои девочки-материнские-руки
мои девочки-прощение
мои девочки, переёбанные грузовиками
предательствами
клеветой
нищетой
Харви Вайнштейном
Егором Беликовым

и всеми, кого-пока-нельзя-называть
мои девочки-фурии
мои девочки-активистки
девочки-режиссёрки
девочки-критикессы
девочки-борцухи-за-мир
девочки-поэтессы

Держимся, девочки
Держим на плечах планету-потолок.

25.08.2022 года. Мюнхен. Даша Д.

Boom boom clash
Crush! Fire!

I feel bad about feeling good
I know I should
respect:
the dead
dying
death itself
and its horrifying
power.

I feel it glowing, blossoming inside my chest
I feel it glowing, growing, crawling:
Oh I've been waiting for it
Oh now it has started
I feel:
blood engenders blood
and hatred breeds hatred.

I'm escaping to Europe
My soul's captured by rancor

RuZZia's eating my heart
RuZZia's lurking inside
Hatred says: let them die
let them die
let them die
Outscreaming the reason it works well like a spy
like my own
private
inner KGB
painstakingly
so carefully

it scrubs mercy out of me

Pumped up with hatred, I hear the twats saying:
she was good.
I feel bad about feeling good.
I know, I should
not
Yet I do.

Then you say:
she WAS good indeed……..

The picture shatters.
The inner demon's dead.
I'm waiting for the others.

20.11.2022 года. Лондон

Ложечку за мамочку,
ложечку за папочку на небесах,
ложечку за бабушку на небесах,
встречающую из школы, это так неловко,
что хочется провалиться сквозь землю и на бабушку раздражаться,
ложечку за вторую бабушку,
за третью,
за жаркое лето на Волге,
за бабушкины пирожки — жареные и печёные, с луком и яйцом и с капустой,
за топик с фотографией из фильма «Титаник» — до него ещё нужно дорасти,
за разбросанные по подъезду шприцы и героиновых наркоманов — они все умрут к тридцати с небольшим.

За старый рынок в Жигулёвске и пиратские аудиокассеты за пятнадцать рублей,
за новый рынок в Щёлково — алиэкспресс начала двухтысячных — сокровищницу сокровищ,
за блеск для губ с ароматом арбуза и блёстки для глаз,
за новогоднюю школьную дискотеку, где мальчик, что нравится, не позовёт танцевать,
за картонку, стоя на которой, примеряешь джинсы со стразами,
за купание в Волге и чудесное спасение от торчащего со дна острого крюка,
за то, чтобы бабушкин муж бил её пореже да не очень сильно.

Ложечку за эфир MTV между походами в музыкальную школу,
ложечку, чтобы учительница фортепиано не била завтра по рукам, а учитель сольфеджио не давал диктант.

Ложечку за падающий в темноте ноябрьский снег и кассету Земфиры в плеере,
за подъём в семь часов — в восемь надо выходить в школу,

за одноклассника, 12 сентября 2001 года перед первым уроком с фурором изображающего падающий самолёт,
и за новенькую, украинку, приехавшую из США и не продержавшуюся в классе и двух недель — так её затравили.

Ложечку за юную Лизочку, чистую, как весенний ручеёк, который каждый видел не больше раза, ну двух раз в жизни, мечтающую о любви, семье и детях,
ложечку, чтобы её насиловали не слишком жёстко,
чтобы спаивали не слишком сильно,
чтобы от одиночества не сошла совсем с ума в свои двадцать,
чтобы не сильно била себя по ногам и рукам.

Ложечку за новогоднее настроение, которого никогда нет, которого, возможно, и не существует в природе.

Ложечку за всё, что умерло, ушло, растворилось, было и будет уничтожено,
за всё, что осталось лишь в закоулках памяти.

ложечку за архивы жизни
ложечку за воспоминания

Ложечку за могилки на нашем кладбище —
надо организовать мониторинг
уборку
фотоотчёты на вотсап

съешь ещё немножечко,
ещё ложечку горькой доли —
всё наладится
всё улучшится
всё пройдёт
только съешь ещё ложечку
ещё ложечку
ещё ложечку
ещё ложечку

Мария Ботева

***

у снусмумрика вдруг появился отец
очень старенький очень больной
очень кашляет капризничает брызжет слюной
снусмумрик не успевает пелёнки менять
не успевает заваривать чай приносить в постель
папа снусмумрика не хочет спокойно лежать
то поговори со мной то дай мне тебя обнять
посмотреть на тебя мой ты или не мой
нет похож похож вот и царапина на курительной трубке
с того же края одна другая как на моей бывает
снусмумрик нервничает
уже давно пора выдвигаться в путь
но папа папа ни охнуть и ни вздохнуть
и ни уйти никуда никуда
ни в осень дождливую
ни в большие снега
не податься в бега
а надо надо бы
вот и морра объявила большую охоту
который месяц без остановки
независимо от того кто ты
она тебя заберёт
своим животом прижмёт
к земле приморозит подует посмотрит в глаза
и вот тебе и конец
пора пора не до жиру в любые края убегать
но папа папа снова просит его обнять
снусмумрик думает куда мне тебя девать
отец куда мне тебя девать
свалился на голову а зачем
не оставаться же здесь совсем
совсем здесь уже нельзя
и чем дальше тем будет хуже

не убегает слушает за палаткой шаги
там топают муми-тролли собирают на зиму хвою
их семейство не трогает
ни царизм ни ковид ни коммунизм клятый
ни кличка евнух ни слово пархатый
скажете такого не было что ли
да было было но от них отстало к ним ничего не пристало
как это им удаётся
на все расспросы муми-папа только смеётся
и продолжает жить как будто нет ничего вокруг
ни межапарка ни тёмного леса
ни этого кругом ужасного тёмного мрака
и за спиной ни исторического ни филфака
как будто ты чистую доску из дома горящего вынес
но что же думать об этом снусмумрику совсем некогда
снусмумрик берёт бумагу и чертит вертикальную линию
слева рисует плюс справа рисует минус
думает пока не сделаю с этого места не сдвинусь
но ничего не пишет мешает какой-то звук
шуршание непрерывное приближается морра
приближается время разлук
морра подходит к палатке карандаш падает из руки
снусмумрик сглатывает слюну набирает побольше воздуха
спрашивает ты к кому спрашивает ты за кем
морра таращит глаза отвечает пришла вот
о нет говорит снусмумрик о нет
закрывает голову спальником
не убегает

Никита Губушкин

Будняя

конской дозой жизни в потной мышце
дышит
недодуманное слово
недопонятый аспект
стеклянных шприцев
слабости суровых
зазубрины шершавости
за забориной участков
тел
глаз на глаз и зуб на зуб не попадают
в тесной слитности соседства
опустошённых
дел
забылись формы
нормализованной любви
колпачного знакомства
триединого начала
многотысячной толпы
ртутной испариной думавших лбов
травятся вши
под воем военного горна
пиши
неокругляемым чувством
под духом
сколько может голова
стерпеть
джоулей информационного порно
и в кожевных мастерских
так не воняло грустью
прахом и пухом
кукольной страстью
к единоначалию
и объяснимой логике
исподмышечной преисподней
её неизбывных мечт
стоит ли жизнь
неупотреблённых наркотиков
отдуревшего в малом
креслотеатре
я не уверен
в независимости мозга
от печени и селезёнки
другого
одинокого буксиромотора
сощурься созрей
в океане и влажно и сыро
как в киосках
от кислых конфет
невидимость неба
сетчатка белок роговица
лизать трафарет катаракты
сухим языком
залезать в праведность гаремов
она смотрит на жизнь
как на невымытый пол
антропоморфная данность
корешок моей библии
недобор недоверия
каждый шаг день проникновение
для неё рубикон
номер стотыщ двадцать первый
выдроченный профиль её
каноничный прыщ
на лице тотема
высказанных до абсолютного
дна
подёночных жизней
мельтешение
глистообразных мыслей
окаменевшей ночью
в коридорах глинистых голов
сколько акров рецепторной поверхности оплодотворил фараон
в этот год (нашей эры)
непростительно много
помещается за щеку слов
и там остаётся
ограниченность стран
как гарант защищённости
подросткового секса
это нормально
если не встал
не пошёл в сторону
разрешения жизненных ориентиров
всем достанется поровну
от подкидного счастья
обгромленных квартир
стоптанность
речи обманщиков
завещавших
убогоподобленному племени
моих предков
хорошую смерть
фанаты мёртвых душ
синих костюмов
и бесплодного
семени маразм крепчал
бетона и вёдра
запершись за простынёй с цветами висли
размножались мысли
времени не хватит в коммуналке на рассвете рыскал
чтоб пробиться частных лиц точёный новояз сжав свою невиновность
в межкирпичье зазревавших морщинил немытой рукой
недоубийц отчленённые образы
ведь это естественно патриотической любви
как быт в измерении я вышел
несогласных городская грязь из душевых
и смытая в строчку
их непризнанной любви в сщуренную щель
погребение под нежной
кожей как апогей
совместности
граммовка слёз подкупольной площади
разит тяжестью всех революций
болезненным паводком
бездумной шалости нежности
существование смысла только в секунде
разатомизация в вечном
стремлении жить
горловое молчание действий
крутит углы

проскользни
расплющься
сощурься
созрей

Ростислав Ярцев

НИКУДА НИКОГДА

Бог прощает всех, кто смог
не пойти убить других,
но себя убил притом.
На могиле снег лежит,
и могила полным ртом
говорит о снах твоих:
это было хорошо,
это я тебя любил.
Не пропало, не прошло.

* * *

Делаешь хорошо —
думаешь, делаешь хорошо
и благодарности ждёшь?
Хуже, хуже до дурноты.
Чёрную душу и кровь на руках —
чёрную кровь соучастия пьёшь,
сговор кровей сторожишь.

Не запинается скорая ложь,
а выбивает из жил
первую полосу дрожи.

Не трожь. Коже положен режим.

Благодари. Догори и отдай,
что темноте задолжал.
Нетерпеливо глядят фонари
на рукоятку ножа.

* * *

Закрой глаза.
Смотри внимательно.
Тебе я стану братом, матерью,
опаской тьмы, обманом памяти.

А ты мне будешь светом выстрела,
стрелою света, сном чужим.
О, как разлуки наши выспренни,
какой у жирной тьмы нажим.
Графит крошится, слёзы катятся.
Пообещай надёжно прятаться.

Ещё хоть что-нибудь скажи.

ЭЛЕГИЯ НА СТОРОНЫ ТЬМЫ

*

Уходят в горе моряки.
Им ужас Божий не с руки,
и я гляжусь вослед.
Ещё безумью вопреки
движенья споры и легки,
красив холодный бред:
не сердце умерло в груди,
а просто разговор.
Куда кого ни посади,
сто лет уродства впереди
и вечности позор.

*

Начинается лихорадка:
тело стаёт ледяная грядка,
горка, грибная дрянь.
Выйди и глянь
на себя спозаранку
или обратно грянь.

*

Куда-то спятится телец,
и нет ни боли, ни сердец —
огонь небытия
окурком пенку снял и мнёт,
и город молодости мнит,
что с ним останусь я.
Он горе горю говорит,
он горе понял зря.

*

Другой обезумел и хочет любви:
возьми, — говорит меня, —
вовсе возьми, —
а я среди этой ужасной возни
тихонько сходи с ума.
Мои города вороного стыда,
я с вами уже никуда никогда,
я сам — лебеда-ерунда.

*

Мой город,
в котором болеет любовь,
где молод,
и где на голодную плоть
сползает безумия холод, —
мне молодость больше не довод,
не вывод!
— За взвод людоедов
спасибо провоете деду?

*

Отчаянье всё — и отчаянны все.
Мой город в кровавом бежит колесе,
внутри — магазины, театры,
вчера, и сегодня, и завтра,

но жжётся над ними вины провиант.
Куда ни пойди, навсегда виноват
останешься — тихая правда.
А мне говорят: ну и ладно.

*

Ворота из тьмы обступают,
скоро окажемся мы
там, где никто не знает, —
не хватит ничьей головы.

*

Прости, родная сторона,
моя душа! Беда одна:
когда успела-съела тьма
тень твоего ума?
Свихнувшись, ешь своих детей,
и в бесконечности смертей
теперь смердишь сама.

*

— Ужé смердит! — она кричит,
а Он и говорит:
— Иди и выйди, Лазарь, встань!
И вышел, вышел сам.
Что он увидел в лютой тьме,
в смертельной пелене?
Что обессилел чёрный враг,
что погасили мрак.
Что будет радость, будет свет,
а смерти нет и нет.

*

И в горе, в хоре моряки
глядят на маяки,
поют и пьют, и с ними пью,
и с ними я пою.
Чумные песенки легки,
как будто нет тоски.
Иди, иди на край доски,
прости меня, прости.

Саша Кулиш

Тварь

1

Россия, которую я люблю,
поджигает военкоматы
Россия, которую я люблю,
взламывает федеральные каналы,

Россия, которую я люблю,

Прячется от глаз гестаповцев мордора,
Задыхается в пепельных лабиринтах мордора
Среди крашеных башен картонного мордора,
(в подвале одной из них
корчится лысая тень)

2

Россию, которую я люблю,
зовут Саша, и она умирает в сизо,
Россию, которую я люблю,
пиздят уебки из овд братеево

Россию, которую я люблю,

Растоптали черные туши росгвардии мордора,
Заглушили экранные визги глашатаев мордора,
Отправили на зону басманные гоблины мордора —
чтобы спасти
одну юркую тварь.

3

Тварь, о которой я говорю,
шпионит, врет и бьет исподтишка,
Тварь, о которой я говорю —
убийца, вор и каннибал,

Тварь, о которой я говорю,

Владеет стадами и пашнями
паучихами, баньками, бойнями
яхтами, марками, мордами
пустыми министрами, куклами
калеками и военкорами —

а значит, не владеет ничем,

4
Только плешивой головенкой трусливого Голлума,
Хваткими лапами жадного Голлума,
Тощей душонкой ничтожного Голлума —

только это осталось у твари,
гниющей в темной норе.

С чего начинается

1.
Родина начинается с травинки на щеке утопленника, а заканчивается поленницей из отрубленных рук

Когда дышишь её воздухом, в горле рождается опухоль
раковые клетки плодятся, строят страну,
слипаются в партии, сипло поют:
Спи, сын —
Бел, рус —
Ставь стим,
Бей в ус

Дуй в Крым,
Бей крыс,
Се-
дым вер-
нись

2.
Ведь правда сладко и приятно вернуться на родину,
Пропасть в мясистых кремлевских объятиях,
В жирной складке
московской сердечной мышцы

Приятно никогда не уезжать отсюда,
Зарастать прозрачной водой,
Наматывать струну на шею, как шарф,
Подставлять горло гнилым клыкам
Морозного деда

Приятно застыть в янтарной коме,
умереть слэш уснуть
И видеть сны о все той же родине

раке, коррупции, царской эрекции,
вялом жандарме у ляжек Варшавы

Видеть сны о рябиновых флагах,
о голых расстрелянных куклах,
березовой каше
тотоше кокоше
дворцах мертвецах
и белеет ли в поле пороша...

3.
Алеша из песни не спит —
ему хорошо
Он мертвый гранит
А я — порошок,

песочная крошка, покинутый пляж —
белеет ли в поле плюмаж,
боится ли всадника конь —
Останется вонь

Останется чушь,
Изрытая оспой гранитная глушь,
Избитый гвардейцами белый бутон —
Об этом поет, причитая,
больничный бетон...

4.
И знаете,
когда слышишь его песню,
зрачки наконец-то закрывает лёд,
наконец-то можно уйти в себя и задохнуться там

Где щуки раскрывают игольчатые пасти и медленно
всплывают вверх брюхом,
Где русалки хлопают синими губами
И китовые туши догнивают на дне

Можно залечь среди этого мяса,
наконец-то достичь идеальной иммиграции,
монгольского ила,

Мягко зарыться в него распухшим раковым телом
и ждать, когда остановится сердечная мышца,
а с ней и песни, и похороны,

и пандемия, и паника,
и рак, и тиран, и москва,
и родина

За Мариуполь
--
Бескрылые ангелы в масках
сидят на карнизах
Нависли ножи
над московской пустыней
Почти не видны сквозь метель
силуэты повешенных.
**-
В бронежилетах стрельцы
вмерзли в сугробы
По-рыбьи хватают буран
бородатые губы
Это ночь вашей казни,
людоеды кадырова
-
За что ты нас вешаешь, боже?
За Мариуполь.
**
Подземные судьи плодятся
в брюхе страны
Вирусы едут на шее
крысиного войска
Три четверти всех россиян
поддержали войну
Три четверти всех россиян
харкают кровью
-*
Сдыхают в забитых больницах
За Мариуполь.

* * * *

Бескрылые ангелы в масках
стоят у кремля
Гремит канонада
в вымершем городе
Это шаги командоров —
за вовой пришли
Пусть выбросит мячик
и голову
**-

Пора отвечать головой
За Мариуполь.
*---

Сима Несуразная

В моей фашистской стране

Иногда ночью
В моей фашистской стране
Я выхожу на балкон послушать дыхание моего двора.

С балкона моей фашистской страны
Я смотрю на притихшее футбольное поле, на панораму дорожек,
На дальний предел, где мой дом отражается точно таким же домом.

Моё присутствие едва ощутимо,
Рассеяно в сонном вздохе на тёплых губах,
Которые лето чуть приоткрыло в моей фашистской стране.

В моей фашистской стране
У меня есть знакомая ива, каждый из листьев которой
Достоин отдельной, очень особенной песни —

В положении серебряной стороной вовнутрь,
В положении серебряной стороной наружу.

Теряя связь

всё началось
не помню точно с чего
с подрагивания материи
едва заметного холодка, пробежавшего по поверхности
напряжённого тона, в котором как будто
ничего такого и не было
а потом уже завертелось
ну и взлетело на воздух
всё, что было хорошего и плохого в
ком или чём
но фишка не в этом

и не в хорошести или плохости
а фишка в том
как оно поднимается выше и выше превращается в белую
лепестковую копоть теряет связь
со всем, до чего нам есть дело

Охранительные позиции
Шла и видела листья, лежащие на асфальте
(разрозненные, на почтительном расстоянии друг от друга
— был ещё только август),
как вдруг каждый лист заменился на тело человека,
на мёртвое тело человека.

Через секунду я вынырнула оттуда, куда провалилась,
восстанавливая дыхание и констатируя:
сыта по горло преобразованиями,
не хочу никаких экспериментов и поисков новых форм —
хочу, чтобы листья остались листьями,
тела телами,
а люди людьми.

Что он чувствует, о чём он думает, чего он хочет и чего он не может
посреди озверевшего беснующегося мира
который уже перестал делиться
на вооруженных чудо-богатырей, пиздящих самых обычных
и — их же — самых невероятных людей
на взрывы и изнасилования
на фейсбучный неадекват
так вот, посреди озверевшего беснующегося мира
стоит никем не замеченный человек

стоит
смотрит огромными глазами
затравленными и жадными
стоит совершенно один
застывший
хмурится и молчит
прижимает к груди динозаврика

больше всего на свете он хочет уйти
и кроме этого желания нет практически ничего
нет куда уйти
нет как уйти
нет можно ли вообще из этого уйти
и из чего из этого, как обозначить это словами

нет практически ничего
а есть
только желание, которое так огромно
что, казалось бы, просто не может не сбыться
если бы только не эта прикованность взгляда
странная невозможность оторваться

интересно, что чувствует динозаврик
прижатый к груди
посреди озверевшего беснующегося мира?
о чём он думает прямо сейчас?

он думает боже какое ничтожество
какое ходячее вымершее недоразумение
знающее как помочь тебе и помочь тебе неспособное
неспособное заговорить неспособное дать понять
что вот как я стал нестрашным в твоих объятиях
названный ласковым несерьезным именем
всюду тобою носимый
так ведь и мир
озверевший беснующийся

Призрак свободы / Держать в голове
в какой-то воде,
на каком-то ветру,
наверное, что-то колышется
откуда нам знать
без ветра, без ветра
здесь, в нашем скромном филиальном адкýу?

осталось ли где-то
(опять ничего не вышло)
ещё не испытанное, не выпавшее как шанс?
задача — держать эту мысль в голове:
где-то там, в воде, на ветру, для нас
осталось, колышется, осталось, осталось
(опять ничего не вышло)

Андрей Романов

[###]

когда тот свет на этом свете светит,
глаза, как линзы, видят всё наоборот:
данко данте в ад ведёт

I
миру нужно было где-то делать пустоту. и
пахоту устроили, когда придумали россию.
сначала взрос ушиб, потом зацвёл порез,
а тот созрел в дыру (в особую, не
западно-восточную, в свою).

теперь дыра во всём.
бескрайняя тоска нашла края и собирается расти.
всё по заветам русского пути —
уверенно не знать, куда идти.

II
шагать по жёлтым кирпичам —
безвольная дорога.
у нас нет плана, мы ставим
на авось и бога.
в ужасе и наугад шарахаемся по нескончаемым
лесам-степям-полям,
аптекам, фонарям.

III
скажи, кукушка,
кто виноват? что делать? где же кружка?
теперь догадываюсь смутно,
что же нам так больно и так трудно.

идёшь, а только стаями летают вороны.
русский путь ведёт туда, куда весь мир послал, —
на все четыре стороны.

[###]
конец света уже кончился
можешь открывать глаза
мы сразу умерли.
зима.

что до? собачий холод
и лишь случайные наручные следы ушей
нам делали чуть-чуть теплей

метель чудес и славных слов
хоть прошлый год и был суров
но впереди, иов, удача
не иначе

и всюду бог

шелушится к губам шершавый слог
шуршится шёпот снега к капюшону
несётся 45 кашалот за 30 медяков
глотать озябшего иону

и высадить его в войну.

был страх
затем хлестала кровь
и только страх и кровь
по плану
вновь и вновь

с тех пор мы суть озлобленных руин
стеклянных глаз
горблённых спин
убийц воров послушных псин
в нас лишь брехня и нафталин.
тили-тили трали-вали
так нам предки завещали.

я люблю тебя, авель,
и ненавижу тот проклятый день
и тот уродливый камень.

……

как мне знакомо всё в аду:
и темно и пьяно и убого
дураки и дорога
дорога
дорога.

[###]
повторение имени. архитектура времени.
резкий жест, красный свет, русский бог —
триединый воспалённый шов.

тихий дон. осенний плен.
по радио будущий псалом поёт вертинский.
мой дом не славит память, он жаждет перемен.
октябрь крючит ожиданием грядущего мороза,
сухая краска облетает с стен.

весь год уже сто лет сезон простуженных соседей,
беспомощный бардак квартир, собачий труд за ни гроша
и всемогущая душа.

в автобусе сонливые тела потерянно касаются друг друга
и слышно хриплые слова:
вова, вова, вова — чума.

[###]
на твой безумный мир
я научился просто грустно жить:
в спокойствии беседовать о горе
и о смерти неба говорить.
стали звёзды ледяными, пугают миллионы лет,
хотя, конечно, человек страшнее, чем его скелет.

скажу сейчас с последней прямотой:
в этой пустыне чахлой и скупой
я клялся больше не любить,
любовь и жжёт, и губит —
в сплошные губы вывернет.
а когда замолкнут звуки песен,
рот разложится на мёд и плесень.

по всей земле мело, мело.
у ворот иерусалима солнце чёрное взошло.

с поляны коршун поднялся —
старый дом мой ссутулился.

[###]
теперь зима, уж год зима.
мороз гнёт спину, ёжит кожу.
от виноватой крови нет тепла.
вокруг так много зла и мало светового дня.
больнично-рыжую реальность кружочками показывают
от фонаря до фонаря.

исхода нет, но есть аптека.
наперегонки с собой
великая страна бьёт все рекорды века
по шкале бека.

сейчас вокруг почти совсем нет бога.
если вдруг найдёшь, храни его внутри.
и живи внутри.
удобно замри, отвердей,
порасти мхом, стань шёпотом,
дёрном, валуном, корой,
листвой, орехом,
эхом.

онейрическим стежком
собери, что разлетелось.
пусть снится,
как с осколками случилось много рук,
что те срослись тактильной вязью,
нашей трогательной связью.

спи, ещё поспи, не открывай глаза,
что видят какое-то не тут, пускай они поспят.
им можно не смотреть на кровь, что капает со стен и с рук,
и на ботинки, что скользят,
когда с мифических колен нас поднимают в настоящий ад.

Елена Мамонтова

Солдат

Я не нужен родимой стране,

Но, наверно, сгожусь на войне.

Я закрою в окопе дыру

И великим героем умру,

Наведя именной пистолет

На нациста двенадцати лет.

Человек удивительный

Вот идёт человек удивительный.

Нет, не удивительный —

Подозрительный!

Нет, не подозрительный —

Подозреваемый!

Нет, не подозреваемый —

Обвиняемый!

Нет, не обвиняемый —

Осуждённый,

Нет, не осуждённый —

Заключённый.

Нет, не заключённый —

Запрещённый.

Всё, что непонятно и чудно,

Навсегда

Теперь

Запрещено.

Какие-то люди

Забудь этот адрес и это окно —

Оно для тебя не одушевлено.

Быльём поросло то, что было жильём,

И ты по земле ковыляешь гольём

Без писем, без памяти, без якорей,

Без окон, без горницы и без дверей.

А взгляд возвращается в это окно,

В котором что было, то сплыло давно.

Какие-то люди глядят сквозь стекло.

Но столько солёной воды утекло

В расщелины улиц, аллей, площадей,

Что как-то плевать на каких-то людей.

А ты?
— Поедем к Полине?
— Полина в Берлине.
— А может, к Ларисе?
— Лариса в Тбилиси.
— Тогда, может, к Ване?
— Иван в Ереване.
— А может быть, к Ваде?
— А Вадя в Белграде.
— Тогда, может, к Уле?
— Ульяна в Стамбуле.
— А я? А ты?
— А мы в Алматы.

Иван Цуркан

***

слова не слушаются

пальцы не двигаются

заполняю эту страницу

совершенно автоматически

не зная что сейчас напишу

может вот это
17.05.22

***

то что я хотел бы выразить предельно ясно и немногословно

то что я хотел бы выразить предельно ясно и немного
то что я хотел бы выразить предельно ясно и не
то что я хотел бы выразить предельно ясно и
то что я хотел бы выразить предельно ясно
то что я хотел бы выразить предельно
то что я хотел бы выразить
то что я хотел бы
то что я хотел
то что я
то что
то

что-то такое
хоть что-то

не получилось
19.07.22

***

(перерезать все пуповины)

ветер под вечер
расправил все плечи
покалечил и изувечил

в кране капает вода
ни туда и ни сюда

в стене
не работает
выключатель

всю ночь
меня тошнило с температурой
и вот наконец
на дне раковины я увидел ответ:

чего нет, того уже нет
и не будет

никто не пойдет под венец
никто не воскреснет

спета песня
одна вторая четвертая
мертвая

нету песни
радостной
нет никакой
ни одной

(все вместе)

если общие слова заболела голова
ла ла ла что-то там
или бла-бла бла-бла

слишком глупо,
абстрактно

не напишу

ночь растущая как трава
слепотекущая мгла
в череп
в уши
в глазницы

с утра
я уже не не увижу ничьи новые лица
и палец будет вместо ключа

все прекратится

никто не услышит криков «врача, врача»
врач превратился в грача
улетел и уже не вернулся

пружины блокнота похожи на
хребет неизвестного существа

пока
300 000 солдат ходят по кругу

тело сбросят с крутой высоты
под откос под трамвай под кусты

кто-нибудь
убери этот ящик подальше
забудь

но я не хочу забывать

не тяни эту нить

я могу разрубить

растопить
растворить
раздробить

я хочу заземлить

удалить
что еще остается

дождь шумит за стеной
пусть шумит
или пусть не шумит а молчит —

ночь разбухнет как чаща
как жидкая
гуща
в стакане

ночь как буря и буря как ночь
растолочь растереть превозмочь

что-то вроде такого
пустое

я не вижу глаза как глаза

и уже не слышу прозрачные голоса

я в беде и в беде не вижу конца

(до кого я могу дотянуться)
21–22.09.22

***
человек плачущий у стены
лицом к ней

а я
не буду делать вид
что ничего
не
происходит

я буду постить и фотографировать стены

пока не поздно

вроде
нет аппетита
и не до сна

стану сомнамбулой блуждающей по ночам
рыдающей слезно

потому что страшно везде
и у этой самой стены
даже больше чем где-то

(над которой я пролечу бесплотней любой из теней)

внутри этой стены
человек видит сны
меня же нет в ней

он как и я не видит огней
просто плачет
идти ему некуда

и если подойти ближе
у него не будет лица

(лицо сливается со стеной от начала и до конца)

а на ощупь его голова
все сильнее вжимается,
падает

в эту бесцветную ровную длинную серую стену
конец сентября ‘22

***
прямо сейчас

смотрю и фиксирую

как тонконогий паук
поймал зеленую стрекозу
небольшого размера

как он уверенно, машинально
заворачивает ее
в кокон из паутины

двигая всеми своими ногами
попеременно
то одной то другой
и так далее

и вот уже уползает
в глубину паутины
чтоб есть

(под потолком —
братское кладбище
мух, пауков
в цоколе лампы)

вывода здесь не будет
25–26.08.22

***
но я буду думать что это розовый единорог

и что когда я прыгну в окно, то разобьюсь не сразу
у него наверное восемь ног
и волшебный лиловый гребень, который не виден глазу

только вот глаз не сомкну ведь это волшебный лес
а не что-то такое откуда уже не вернуться
как там: лес таит много чудес
и вода в нем застыла как молоко на блюдце

может это вообще кисельные берега — здесь нет
ни кошмарной войны, ни сосущего одиночества, ни разлуки
ложащейся пудовой гирей в ответ
на глупые сообщения и заламываемые руки

а я так и не вырос так что мне не нужна пыльца
чтобы лететь, парить да бросьте не буду я прыгать
просто вниз посмотрю не увидев лица
зовущего ужинать мама я носом не буду шмыгать
Ереван, 24.06.22

***

дважды кипела вода и дважды

полночь часы пробили
зато
никого не убили

зато
перестало темно быть
вот ведь

газа синеет цветок

и тепло и не страшно
и можно
спать не боясь тишины

лицезреть разноцветные синие сны
в трепещущем пламени

ощущаемом как
протяни свою руку
расплавится не обожжет

легко только поколет в ладонях
и вот

в равновесии медленном этом
место уступит предметам
обычным вещам

свистит металлический чайник
покатый зеркальный
а пар вырывается сам

что-то блещет взрывается там
в глубине отражаясь
но здесь

только комнаты темный кусок

холодильник гудит

зато газа синеет цветок

и я рад что я здесь

стены, комната, кафельный пол

есть то что есть
то что есть
Ереван, 5–6.11.22

***
нужно просто выйти и объяснить что всё это сон

заспанным бледно-зеленым людям
в подвалах тоннелях

***
правда сразу хочу сам себе сказать
что никогда я не был членистоногим
ползающим по изумрудной траве
в лепетании птиц чернилами изрисованных
у голубого как иней ручья

***

меня сейчас не должно быть здесь
но вообще-то я здесь, и это происходит и существует

***

все бесцветно не только цвет отменили
также и голос и крик

***

наяву
я говорю и кровавой талой водой изо рта вытекают
невнятные звуки
втекают в глаза растворяясь
из ушей вылетают куда

***

как будто и не было

***

ноги
врастают в паркет
прорастают сквозь кафель блестящий
язык мой кровоточащий
неспособен членораздельное произнести
никого спасти

***

иду по тоннелю

***

пока
насекомое бьётся в испуге
под колпаком
его ловят огромные руки
в стеклянной рубашке гляди
вот он и мертвый

карабкаясь по желобам
пришел в темноту чтоб увидеть

***

вот ползу на своих на двоих
на двоящихся
на чужих на дрожащих троих
есть шесть щупалец праздных и разных

их чем-то нужно занять,
оторвать как слишком прекрасных

***

или перистым белым крылом
крошащимся в пальцах

упаду а он спустится в темноту

***

показалось приснилось

***

саднящий ожог на руке

кости перья щупальца раны

***

глубже, без стона

***

здесь все белое бомбы бесцветны
может ангел а может и взрыв

без следа и без звука

***

взгляд направь как глаза на бумагу

будет белой

так выше смотри
6.12–12.12.22, Тбилиси

Лина Калинка

***

Наступает зима от волос до костей,
Мое горло болит от плохих новостей,
Сколько можешь — скажи, сколько скажешь — дадут,
Белый лед на реке от мороза раздут,
Что еще говорить, ты всё знаешь сама:
Отступают войска, наступает зима.

***

Вот этот серый дом,
Вот этот голый сад,
Вот этот полный стрём,
Вот этот вечный ад,
Вот эти гопари,
Вот эти холода,
Вот эти алтари,
Вот эти нет и да,
Вот этот тихий звон,
Вот эти тополя, —
Вот твой кошмарный сон,
Вот родина твоя.

***

Как же плохо как жить плохо по асфальту и по льду я амбассадором бога к дому
твоему приду открывай грызи куличик расскажи какой мне быть мы умеренно
двуличны мы уверены как бы быль про космос в пятилетке про разнузданный конвой самолетик на конфетке там лежит он как живой там он вождь отец народов там он то и там он сё всем поэтам муза в морды, маяковский и басё, все писали как умели про величие страны продолжают еле еле

или выдохлись увы алые как кровь знамена с
крупной солью серый хлеб и проклятьем заклейменный в
небе тянется как лэп как
косые на бумаге строчки строчки наугад броненосная
громада всадники идут в закат

а теперь затылок чешем
глядя в рай из-под земли
мы же в общем те же те же
почему же не смогли?

***

Нарисуют ведь, так не скроешься
За настроечками приватности.
Будут спрашивать: «А чего еще?
Ну тебе же пора бы уже расти.
Побросали же птицы гнездышки,
Побросали же кошки маленьких,
И тебе бы, моя хорошая,
Лучше бросить бы эту панику».

Посмотрите, какие солнышки,
Посмотрите, какое облачко!
Вынимает меня до донышка,
Провожает меня до области.

Распоследними, видно, силами
В пересохшую землю тужатся.

«Нарожаешь мне новых, милая.
Да не верь ты всем этим ужасам,
Устаканится, распогодится,
Ну и что тут такого страшного?
С нами Путин да Богородица,
Наливай уже, да не спрашивай».

Жестко спать, если ты не стелешься.
Я не знаю, не знаю, чего еще.

Угольками ли, акварелями
Нарисуй меня настоящую.

нетипичное
что делать, если хочется
кого-нибудь за шиворот
и за́ море, и затемно
не довести домой?
что делать, если отчество
тебе давно навыворот?
простой, необязательный,
несказанный герой?

что делать, если выдача
нерелевантна сущности?
простейшие приятности
не донесут добра.
ты навсегда убыточен
в своей простой тщедушности.
проси об адекватности
со сроками вчера.

повывели, повымыли,
повыли на растущую,
вдохнули, сдохли, выдохлись
и побрели домой.
какая нерушимая,
какая темнотьмущая,
судьбинушка завидная
наш нерушимый строй.

***

В итоге всё снова сводится
К такому простому набору,
Что мне даже страшно:

Прядь, падающая на скулу,
Серьезные глаза, которые за очками делаются беззащитными,
Улыбка, которая ускользает, стоит обратить внимание,
Руки с тонкими пальцами,
Угловатость, чёткость, резкость,
Кожа, перечеркнутая линиями:
Чернил, ткани, шрамов.
То, как она говорит.
То, как она слушает.
То, как она пугается.
То, как она поет.

У меня пересыхает горло.
Я глупо смеюсь.
Я строю из себя не пойми что.

Где-то между нами
Летят ракеты,
И не только на карте.

Я не знаю, хочется мне плакать,
Вывернуть себя наизнанку,
Спрятаться
Или раздеться.
Хочется мне смотреть
Или отвести взгляд.
Точнее, хочется смотреть,
Но отвожу.

Я бы хотела перестать думать хотя бы о чем-то из этого:
Как она выглядит, когда чем-то увлечена
(Мне бы хотелось, чтоб она была так увлечена мной),

Или

Как моя страна напала на другую страну
В 5 утра больше полугода назад.

Но об этом получается думать только вместе:
Линии под майкой,
Наручники за спиной,
Интерес в глазах,
Пытки и взрывы,
Брошенные кошки,
Пальцы у губ,
Люди в метро,
Смелость и ярость,
Надежда и вера.

Мария Дахмаева

***

53 доллара
— суточные по курсу ЦБ
и дополнительные выплаты 8000 руб. в сутки
за активные наступательные
300 тысяч за самолёт
200 за вертолёт
за уничтоженный БЛА, БМП, БМД, БТР, МТЛБ, САУ, С-300
дадут 50 тысяч
как и за «Бук», «Тор», «Осу»
и боевую машину реактивной системы залпового огня
если ты наиболее отличишься там, муженёк, сынок
100 тыс. сверху
за лёгкое ранение 74 211,60
за тяжёлое 296 846,40
плюс единовременная выплата 3 000 000
ты давай там поактивней
как раз пора поправлять сарай
и машина барахлит
если повезёт то ещё и по инвалидности
лучше конечно первой группы
не ссы
работать больше никогда не придётся
не будь трусом
жги
рви
коли
если сдохнешь, то все 5 000 000
единовременно
единовременно

так что
можешь
вообще
не
возвращаться.

Ольга Татарникова

От автора: *Я сельский учитель-филолог. Наивно полагала, что живу в демократической стране, где можно открыто говорить о своей гражданской позиции, была замечена прокуратурой и вынуждена из школы уйти. Горько, что ничего не умею сделать в противовес тому, что делает моя страна. Всего и умею, что писать. Пусть хотя бы люди знают, что не все мы, русские, одним миром мазаны.*

«Жил на свете человек маленький»
(Роберт Рождественский)
«…о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!»
(И. С. Тургенев)

Жил на свете человек смиренный.
И смиренно он вытерпел школу.
И смиренно пошел на работу.
И смиренно пошел воевать.
Что надеть ему, видимо, выдали.
Что поесть — по калориям — тоже.
Песню выдали. Без вдохновения
подставлять себя пуле негоже.

… А когда он упал — пусть без лишней ретивости,
но смиренно отдав свою жизнь за страну,
и в великом-могучем недостало правдивости
объяснить нам, зачем он пошел на войну.
24–26.02.2022

Анна Русс

***

Алёне восемь
Она живёт в убежище
С дедушкой
Всю свою жизнь
С самого начала Войны

Бункер очень большой
Там есть воздух
Вода

Мужчины
Ходят в наружность
На охоту
За топливом
Иногда

Они не возвращаются

Алёна ходит в школу
С другими детьми
Раз в неделю
Работать в цех

У неё есть друзья-ровесники
Но дед ей дороже всех

Он сильней и умнее
других стариков
Самый смелый
и опытный
Разбирается
В разном оружии

И поэтому он
Почти постоянно

Снаружи

Ужас

Он приходит домой
Приносит вкусные вещи
Белый хлеб
Карамельки
Курочку

Обучает её рукопашному бою
Рассказывает
Как рыбу ловить
На самодельную удочку

Алёна застилает ему кровать
Жарит гренки
Наводит уют
Не представляет
Как она будет жить
Если деда снаружи убьют

Когда же она закончится
Эта война
Жалко деда
Он один у неё
И она у него одна

По ночам залезает
К нему в кровать
Говорит
Что боится
Без него засыпать

Говорит
Дедушка
Я так крепко тебя люблю
Обещай мне
Что не умрёшь никогда
Обещаешь?

Конечно да
Внучка
Невозможно поверить
Ты правда любишь меня
По-настоящему
Без притворства

Весь этот бункер
Все эти люди
Камеры
Весь этот хрупкий мир
Для тебя одной
Для твоих этих
маленьких ручек
Пальчиков этих
Щёчек

Без тебя моя жизнь
Сплошная
Чёрная
Разверзающаяся
Всё шире
Дыра

Она спит давно
На его плече
А он лежит
С глазами открытыми
До утра

Боится пошевелиться
Потревожить сон её
Поднимается только

Когда стучат в дверь
Вымуштрованно тихим
и быстрым стуком

Шепчут

Владимир Владимирович
Пора

***
Ну, какие уж тут итоги, майн херр
Год был сложным
Но плодотворным

Два фильма
В одном из них впервые выступила
как соавтор сценария

Одиннадцать интервью для прессы

Шесть выступлений на радио

Двадцать четыре выступления
перед поклонниками

Из них восемь — в военных госпиталях

Да, в военных
Госпитали — это другое
Многие из тех, кто меня слушал
Никогда оттуда не выйдут
Некоторые — совсем мальчишки

Один передал мне просьбу
Поцеловать его
Ни разу в жизни не целовал девушек
Лежачий
Лицо полностью обгорело
Я смогла только коснуться губами
Влажной марли у него на лбу

Что же они творят
Сколько жертв во всей Европе
Сколько таких мальчиков
Слепо верящих

Продолжающих кричать
«Мы победим!»
Кого победим?
Кто нам угрожал?

Рождество мы встречаем
Полуподпольно
Какое-то безумие
Запретили праздновать
Из-за того, что Иисус был еврей

Я поняла, что все эти годы
Живу в своей реальности
В которой жить непросто
Но нет всей этой жестокости
Я просто не могу
Жить в мире
Где есть
Вся эта жестокость

Не могу сниматься
Играть роли
Выступать
Петь

Поэтому у меня свой мир
Где есть место любви и празднику

Знаете, меня ведь могут арестовать
За эти слова
Но я верю
В следующем году будет мир
Наши мальчики вернутся домой

И через год
По любимому Берлину
Всюду будут развешены не свастики
Не вот эта нацистская символика
А рождественские украшения
И будет праздник

В каждом доме

Фройе вайнахтен
И с новым
Тысяча девятьсот сорок пятым
Годом

***
Дорогой фейсбук
Спасибо, что ты
Внимателен к моим интересам
Но
Мне глубоко пофиг:

Танец Уэнсдей Аддамс
Какие у кого аватарки от Lensa
Какая роль у Кикабидзе была лучше всех
Кто будет играть Ведьмака после Кавилла
Будет ли живопись после Midjourney
Была ли красивой великая Чурикова
И каковы были её политические взгляды
Почему похудела Лана Дель Рэй
И набрала вес Адель
Или наоборот
И как похудеть мне
Все эти твои хреновы
Йоги для лица
Кетодиеты
Интервальное голодание
Пофиг
Будет ли ещё играть в кино Эмбер Хёрд
Кто кому какой родственник в HoD
Насколько вырос индекс хачапури с марта
Давно ли скурвился Хабенский
Вернут ли Эдди в пятом сезоне
Будет ли Макс слепой
Или живой

Честно говоря, мне даже пофиг, будут ли пить шампанское
На открытии выставки художницы Кати М.
И ПВО или не ПВО мне пофиг

Сейчас мне не пофиг только, что девочка из города Д.
плачет над мёртвым котом
Не зная, живы ли её родители (нет)

***

Хочется напить и умереться
А куда-то надо там переться

Надо как-то просыпать вставаться
Надо не сдавать и выживаться

Как-то надо вериться надеять
Потому что хули тут поделать

Страшный мир стреляется бомбит
Котик улыбает не боит

Дима Снус

***

две тысячи двадцать второй пахнет трупами,
впитавшейся в черную землю кровью,
непохороненными людьми,
плывущими по реке раздутыми
телами,
сложившимися над головой этажами,
бесконечными в трубке гудками.

две тысячи двадцать второй пахнет толпами,
как плацкартный вагон, переполненный пассажирами,
только в сумках случайные вещи,
квартирами,
куда не вернутся,
трещинами
в стене размером с машину.

две тысячи двадцать второй пахнет страхами,
костлявой рукой, подчиняющей.
потерянной волей,
расчеловечностью,
болью,
которую нечем заткнуть,
которая больше не лечится.
любые слова будут мимо,
как и молчание.
и всегда недостаточной
помощь
и сострадание.

две тысячи двадцать второй пахнет пулями,
достигшими цели,
унесшими в холод могилы
невинных.

запомни.
на каждой из них
навсегда отпечатано
наше имя.

Евстолия Тулинова

***

Умри, если не можешь
остановить пули сердцем
воскресить младенца
найти слова
уехать
говорить «Нет!» громко
простить себя и других
начать всё заново
вздохнуть
уснуть

Умри, если не можешь
проглотить всё это
жалеть наших
а тех ненавидеть
писать героям
(а не политзаключённым)
выносить зеты
импортозамещать
верить телевизору
надеяться на победу
любить свой мир

твой мир из картона
декорации сменяются
крашеные яйца, электрические ёлки
С Новым годом! Будьте здоровы и сча...
Нет, не ты
Ты лежи, лежи мёртвая,
лох, предатель, чудовище, гниль
под пулями и проклятиями
замри, молчи, не дыши

Егор Сальников

Точка У

Укрой меня ковром своих бомбардировок
Укроти строптивый дух ближнего твоего
Укрепи веру мою в обнажение боеголовок
У крови, сбежавшей от нас, траектория ПВО
У крана с красной кнопкой начисто срывает башню
Укрась ИКЕА-руинами евроремонт окопа
У крика женщины нет звука. Сильнее ебашь, но
Укроп кипит вне зависимости от прихода Прокопа
У Крыма, у Краматорска, у Кременчуга и Кривого Рога
Укради паспорта и приглашай на выход с вещами
У! Красота. Какая чудная сверкающая расстилается тревога
УК РФ прерывает ваше дальнейшее вещани…….
Март 2022

Виталий Лехциер

***

гейдельбергский человек нашёптывает эстетику

шигирскому парню — тот полагает: «отстой»

вопрос остаётся: как быть поэтом

в таких-то обстоятельствах?

лось из верхнего мира кивает медведю

из нижнего, предлагает вспугнуть

уточек, плывущих от озера

к озеру, — потом их найдут в торфяных болотах

все одеревенеют, окостенеют

превратятся в остывший шматок свинца

на поле боя, поражающее устройство

недоумение шигирского парня

шигирский поэт раздумывает над вопросом

древнего немца-африканца

не знает ответа, улыбается

всеми ликами своего тулова

zигование на каждой входной двери

метрополитена, и там, где выход

и ещё там и там; гейдельбергец

анонсирует новую ветвь эволюции

она начнётся через 11 тысяч лет

через 800 тысяч лет

мы её почувствуем оттуда

откуда не дотянуться

дерево, черепки, наконечники

танковые стволы под стеклом

осколки бомб и скелеты убийц

на металлических скрепах

имена останутся, не пожрутся

ими будут пугать, просить заткнуть уши

лоси разнесут о них весть

на все миры, утки их проклянут

***

какое унылое гетто

ритмические щелчки пальцами

рядом с ушами

слежение глазами за источником света

постукивание по рукам и плечам

социолог говорит

что война приобретает личный характер

месть, семейная травма

эмоциональное бремя

***

светлое будущее перестало существовать

сложные чувства релоцируются

подозрительность, стыд, ностальгия

слепая ярость

остались считаные часы

гражданская война рвёт связи

невозможно договориться

наложенную заплатку

смывает волна страха

***

вензель метафоры — не украшение

на оградке кладбища погибших

от рук исторических личностей

истерическая личность

гегелевских спецслужб

аппаратный червь

читает историю публично

по телевизору

чёрно-белый танец мессии с глобусом

безнаказанность не схватывается метафорой

отдаёт приказы

убивать, умирать

в ожидании выступления

на монументе

Liberty

Иван Полторацкий

9 июля 2019

перипатетика

Михаилу Немцеву

пишу тебе из центра утопического настоящего

в котором мы можем прогуливаться

вечером и после обеда

как свободные люди

философ

охваченные пламенем бесконечного разговора

смотрим как медленно сгорают слова

неотправленные письма

неслучившиеся стихи

однажды

они воскреснут и сложатся в книгу

в которой уже не будет страниц

только чаша воздушная

между деревьев

вернувшихся

с войны за движение слова во времени

между огнём и бумагой

насилием и молчанием

между ножом

и яблоком

я обещал тебе рассказать о том как невыразимо прекрасны

молчаливые юные матери с такими детьми

каждое утро катающие коляски

по пустому осеннему

парку победы

вот я рассказываю а наши дети занятые созидательным

трудом и мгновенным познанием строят убежища

чтобы в неотвратимо наступающем будущем

было укрытие у них и у нас

потерявших опору

мы сдали свои города без возможного сопротивления

бесцельная юность в побегах слёзы на лестнице

горький вкус унижения в молоке и хлебе

цена поражения синдром самозванца

что из этого им оставить

я выражаю уверенность в том что чужая война непременно закончится

а наша уже не начнётся если не продолжать борьбу за моральное

превосходство очередную гражданскую бойню

высокий слог и гордое терпение

вдалеке от столицы

ещё есть надежда на женщину в ожидании которой

ты находишься постоянно внутренне собранный

она растёт из гнезда своих плеч

перекатывая в ладонях

пару зёрен любви

тебе прекрасно знаком этот танец философ

умение падать и подниматься

над собственным телом

над ростом истории

её красота

нераскрытая карта прикосновение иного взгляда

аккуратно укрытого в трепетном женском теле

расплетающаяся на запредельной скорости

нить из солнечного сплетения

то есть сама судьба

жизнь проходит по непредсказуемой траектории

я счастлив всем точкам соприкосновения

тому как нас подталкивает друг другу

представь себе тот кто стоит за этим

в невечерней тишине и сиянии

перебирая в памяти твои письма на долгих прогулках

вспоминая твой голос я мысленно возвращаюсь

к нему раскрывшему тайну присутствия

и с доступной огню теплотой

обнимаю тебя философ

13 февраля 2022

последняя война двадцать первого века

закончилась так же внезапно как началась

кто её начал?

демоны восседающие на троне из нашего страха?

маленький человек познавший пределы власти?

случайность соскользнувшая как палец с курка?

кто её остановил?

менеджер ушедший в ретрит на неделю

только ради того чтобы небо очистилось?

Джон Леннон поразивший копьём дракона капитализма?

или это мы её остановили сами того не зная?

последняя война двадцать первого века

занимала так мало времени

что никто не успел написать в дневнике «держитесь»

последняя война двадцать первого века

закончилась без комментариев

полным поражением полной победой

погибшие на этой войне

долго потом не могли уснуть

выжившим

не удалось проснуться

а

яблоко лежавшее на столе

необратимо исчезло

1 марта 2022
нет войне
мой

великий

и

могучий

сжался

до

двух

коротких

слов

понятных

на

любом

языке

4 марта 2022
первый конь промчался мимо

стало всё невыносимо

конь второй принес меню

можно к первому коню?

третий конь откроет рот

станет всё наоборот:

и четвертого коня

мы выносим из огня

5 марта 2022
бедная буква Z

ей так одиноко в кириллице

что возникает соблазн

добавить еще одну

или на вертикальную Z

наложить горизонтальную Z

чтобы она завертелась по часовой

смертельно опасная

обыкновенная буква

она ни в чём не виновна

требую скорейшего

и бесповоротного

освобождения

буквы Z

а также всех остальных

символических заключённых

!

___

рейх рейх рейх

рейд

рейд

рейд

рейв рейв рейв

7 марта 2022
книги
книги

нужны

чтобы

блокировать

окна

при

взрыве

11 марта 2022
Размышления возле засохшего дерева
Что я могу?

Рисовать пацифику на снегу,

заполнять глубокий колодец снегом,

заниматься бегом.

19 марта 2022
вот

и

все

молитвы

погибли

кроме

одной

неделимой

для всех веществ

для всех существ:

господи помилуй

господи помилуй

21 марта 2022
у мира

стали

такие тонкие

косточки

что страшно

к нему прикоснуться

у мира

стали

такие острые

чёрточки

что больно

на него смотреть

у мира

стали

такие нежные

пяточки

что трудно

его держать

но

надо

к нему прикоснуться

надо

на него смотреть

надо

его держать

этот

страшный

этот

острый

этот

новорождённый

мир

29 марта 2022
работники рассвета

тактильное такси

пока вы спите где-то

мы Господи спаси

мы Господи спасибо

пока хоть где-то есть

прекрасное пласибо

божественная жесть

мы адресанты ада

подземные цветы

мы Господи не надо

мы Господи не ты

31 марта 2022
Аврора, Аврора,

Не питай уицраора.

Посмотри, как славно:

Ночь. Аптека. Навна.

2 апреля 2022
Зказка о добле и зре
Зро называет себя доблом

и ставит воплос леблом:

«Готов ри ты погибнуть за свободу добла от зра,

тем борее есри Лодина сама тебя позвара?»

«Всегда готов» — торько так отвечайте, дети,

И это самая плекласная смелть на свете.

___

А добро? Отстаньте уже от добра. Оно встаёт на работу к пяти утра: сеять хлеб, штопать раны, грудью кормить детей, ему не до зла и разных его затей. Оно не готово спорить, есть ли поблизости зло или зла никакого нет, ему нужно топать туда, где ещё не проложен свет. Нужно укладывать кабель, петь песню про белого медведя и мамонтёнка, нужно идти туда, где рвётся, потому что всё время тонко. Нужно идти туда, где страшно, потому что некому больше туда идти, добро никого не зовёт с собой, оно просто встречает людей по пути. Его сердце болит, его слёзы текут, его кровь одинаково красная там и тут.

Его легко не заметить, легко сломать, но, узнав однажды, нельзя не узнать: добро на вкус солёное и сладкое, словно мать. Добро не знает добра и зла, но знает, что есть помехи, мешающие распространению холода и тепла. Так что, если можете, дети, отстаньте уже от добра, а если не можете, то прильните к нему покрепче: вам вставать на работу к семи утра.

6 апреля 2022
крутится вертится

русская смертница

слюбится стерпится

смирится смеркнется

катится светится

свастика сверстница

красная девица

чёрная лестница

явится денется

сгинет останется

мёртвая пленница

сонная странница

крутится ветрится

птица наместница

русская смертица

райская вестница

8 апреля 2022
время прибывает

времени слишком много

навигатор машины времени

окончательно заблудился

стрелки его приборов

не могут остановиться

— может спустимся ближе к поверхности

сбросим балласт туземцам?

— это уже невозможно

видишь как колеблется контур сейчас

— да и местные

помнят только точку отсчёта

— мы бы могли устранить пробоину

если бы знали когда это всё случилось

— что делать?

что нам вообще остаётся?

— ожидание. забвение

и другие невозможные вещи

9 мая 2022
всякая тварь печальна

после салюта

небо ровное как обложка альбома «равноденствие»

после салюта

жрать хвою прошлогоднюю горькую

горькую после салюта

собирать разноцветные стёклышки

после салюта

разговаривать с мёртвыми

после салюта

в освободившемся небе

тоненький серп луны

над жёлтой полоской заката —

долгожданное поражение

после салюта

21 июля 2022

как много людей

родилось до войны

а некоторые даже во время

каждый раз когда я вижу

упоминание о чьём-нибудь

дне рождения

то пишу:

любви и мира

любви и мира

любви и мира

...

засохшее деревце

которое я поливал

больше в силу привычки

однажды выпустило

зелёный листочек.

6 октября 2022

я дважды жил в раю

в аду ещё ни разу

в чистилище пою

куплеты по заказу:

чистилище моё

прекрасное навеки

зачем лицо твоё

мне прыгает под веки?

в раю был райский сад

и папа был без мамы

как жить туда назад

я знаю из рекламы:

рай о рай

окошко напротив ада

рай о рай

единственная награда

открыты три главы

четвёртая бесплатно

никто среди живых

не ждёт меня обратно

есть пара дел в аду

на эти выходные

но я уже иду

на радости земные

гори-гори мой храм

огонь беги из храма

и свет по всем фронтам

лети как телеграмма

8 октября 2022
миллион голых роз
I. *Почему России нет на карте планеты?*
II. *Куда исчезают экзоскелеты?*
III. *Что известно о пользе зла?*
IV. *Что значит «Родина всех позвала»?*

Важные эти вопросы, дети, мы должны обсудить в понедельник с утра. Заодно скорректируем ваши личные нейросети и распределим новогодние номера. Приходят все обязательно, считаю по головам. В случае пропуска объяснительные от пап и мам. Это зона вашей ответственности, прошу отнестись с уважением к ней. Больше у нас не будет таких замечательных дней.

Дорогой наш учитель, мы понимаем, что вы очень старенький, и расстроить вас не хотим,
но мы нормальные дети галактики: по воскресеньям гуляем, по понедельникам спим.
Поэтому как-нибудь сами, пожалуйста, переустановите себе софты.
С уважением, дети 7-Е уровня. В приложении очень красивые голографические цветы.

13 октября 2022
тень на колёсиках от гроба

уже почти в моём дворе

но я как белка из спанч-боба

иду в прозрачном пузыре

в нём кислород из гардероба

и свет из дыр в календаре

мы были счастливы особо

уснув в одной такой дыре

снаружи страшно до озноба

внутри монета на ребре

земля как белка из спанч-боба

летит в прозрачном пузыре

11 ноября 2022
снег
выпал снег

словно любовь к людям

и мы за него умирать будем

написал бы я если был бы одним из поэтов некроросии

но смерть — некрасива

поэтому

выпал снег —

обезболивающее на долгий период

и ночью я не сразу решился шагнуть из такси и ногу занёс над поверхностью снега, потому что не мог нарушить его границу — неужели теперь в строгой графике

будем жить

а наутро все дети играли в снежки

и снеговики повсеместно поднимались из чёрной земли

будто вернулись все те кого мы потеряли за осень

и лето

3 января 2023

Господь не дал нам волю к аду

и мы устроили блокаду

закрыв без света и воды

его в мерцании звезды

отдай нам волю к аду гад

не то мы будем наугад

любить и резать всех подряд

но нет — кругом безвольный ад

и мы без света и еды

сидим в мерцании звезды

Коринфия Фуе

КИРИЛЛУ и Матвею Л.

Если все ещё помнишь- Сбербанк.
Капсульный отель 4U
Город S.-Pt.
Пр- кт Суворовский. Дом 1/ 8.
Если помнишь Суворов умер 18 мая.
Литера В. 1800 года.
19.11.22. По привычке набираю: 20.
Чек 0004.
ПАО Сбербанк. Оплата.
Терминал. Мерчант.
Если помнишь- MIR(0000006581010).
Карта: (Е) 4457.
Клиент /
Сумма(руб)- 800.
Если помнишь, как остались одни.
Комиссия за операцию- о (руб).
Ноль, как одобрено.
Код авторизации:
Номер ссылки:
Подпись клиента не требуется.
DDEBA35B57B9850C08767BD172513.
Получение денег для пожертвования.
Заработано 2,21 Р.
Вы поддерживаете 1 цель.
Творчество.
Творчество.
Установка приостановлена. 03: 33.
Ожидание подключения к WI-FI…..
Санкт-Петербург- 4 03:24.
Нет добавкам.
Быстрая зарядка(1 час 29 минут).
Ощущается, как минус 11.
Как писать о себе и о том, что волнует?

Ответить. Прочитано. Удалить.
Облачно. Бесполезно.
Подробнее- полезно.
Ожидание подключения. Вывод данных.
Управление. 20 ноября вс.

- 9% заряда.

Закрыть все: родился, учился.
Грёза. Фото. Поиск. Общие. Библиотека.
У меня такое ощущение- старость.
Что не так?
Грязный храм Преображения.
Бог прощ…
Дали попрощаться с…
Рыбаки с…
Серафим из древних ле…
Сегодня обновляем “ Дай…”
Вся правда о…
Video message.
На лекции разберём как со….
С днем рождения дорог….
По секрету…
Вам отправлено приг…
Чеченцы отобрали те….
Переводы из Д’Аннунцио…
Лучи солнца.
Без права переписки. Ссылка на Моё.
Roar. War. Яр. Ро.
Анти Яр. РО. ru.
Четвертый номер. Все открывается.
Saved messenger. Oct 25.
Контрабанда февральского мороза
Бетона, графики, этажей и жизни.
В. Я. Глаза…
В. Я. Глаза…
И. В. Дали…
И. В. Дали…

В. Вот. Вы.
Вы. Высылаю. Ваши.
В. Года. 19. 11. 22.
В. С. Я.
Запомни. На. Где.
В. Я. Глаза…
К. Когда. Когда-то были мы в?
В. Я. Глаза…
В. I. U. A.

- I.
- You.

U.
I the same way things have
I the You Young and the kids will be
I have to say I love you so very deeply
The best thing for all ages has come
But it would also help if you were able
The first time I had a new phone
The best way for us is for us and to
You are not going through this process
The best thing to keep your business on
The first time I was going through my life
The only reason why
The first
The only
The best
The first
The save up of your time is not the same
The best way
The best thing
There is no need to apologize and thank God for me that is the best way for us.

- I.
- The.
- You.

!#1. Word. Пробел(язык, выбор, речь).
Вернуться назад×××××?,;:”’-)(*&^%P#@!][><_/=÷×+0987654321
Юбъьтимсчя. Подняться. эждлорпавыфхзшгн. Обрести над собой две точки. Ёкуцй0987654321.
Вновь вернутся.
В. Я. Глаза.
Штрафбат. В. Если. Я. Ясно: и- я- а.
В. Дышать. Покачусь.
В. Я. Глазами: она- и- в- с - вас- и- в- вы.
Выдох. Цепочка. Если. В. Я. И.
Вот. Во. Вон: как - я- в.
В. Года. И. В. Года: в.я. глаза…
27% Нет звука. 04: 24.
Мегафон. Тинькофф. В. И. И. Из . Зла.
В. Я. Глаза.
Ну что ты использовала Т?(6 ч. назад).
Не прочитано- брат с черной маской.
Папа, а почему мы живе…(день назад)
Побег от найма. Мужчина в очках. Ава.
Не прочитано.
Анастасия- ясно(
Скорая помощь. Шарф снуд и рыжесть.
Здравствуйте. Работа моделью СПб.
Услышала Вас, Спасибо.
Да, извини. Сама могла б…
Вы: повсюду двери открытия,...
Голосовое сообщение(вова).
Извини(3 недели назад).
Вы: извините, поспрашиваю е…
Какие женщины чаще ста…
Подарок 3 недели назад.
Русский. Русский. Русский.
В. Я. Если.
В. Я. Если.
В. Я. Если.
По дате просмотра: 04: 33. 30% 4G.

I the You.
I the You.
I have a friend who has been trying this.
I have I missed.
I the same thing.
You are not.
You are not.
The best way.
I have I.
Вы сохранили и пока не открыли.
Две вкладки. Две вкладки. Две вкладки.
Посмотрите- там наверняка.
Нравится 59.
Стихотворения принимаются на адрес
Рождественский.
В. Я. Если. В. Я. Если. В. Я. Если в- я?
1 час 9 минут до полной зарядки.
Экстренный вызов- сенсорное касание,
Сенсорное голодание.
Я женщина или или или или или кто я
Черт подери кто я среди знаков кто я?
Где мое и в чем мое место?
В чем мой смысл?
Мысль опосля приходит в пять утра:
0:1.
Округ смольнинское.

••

Мария Малиновская

***

я говорю: война. ты говоришь: *джон адамс.*
знаешь оперу «доктор атом»? послушай, там столько
поэзии.

я говорю: *мне страшно.* ты говоришь: *я счастлив.*
сейчас у нас лучшее время, самое безмятежное.
встречи между LA и москвой,
неторопливое узнавание друг друга.

и пчелиная матрица в семнадцать крылатых палуб
каждый вечер неслышно отрывается от воды
и покоится там, где летит,

как стрела, как боевой снаряд,
в непрерывной ловушке движения.

утром по громкой связи нас будит кейт,
первая женщина-капитан океанского лайнера.

на стенах красочные панно с чернокожими геями.

лгбт-микс в «закатном баре» в семь.

там одни пожилые традиционные пары
пьют «марракеш мул» и глядят сквозь закат,
как большие усталые мулы.

чувство вины — не за то, что ты здесь сейчас,
а за то, что ты здесь сейчас и не можешь прожить
это *самое прекрасное время узнавания друг друга*
на самом этически безупречном круизном лайнере мира

когда гибнут люди
твоей страны,
которая виновата
в том, что гибнут люди
другой страны.

а тебе вот-вот закроют рот
ледяным казённым поцелуем,
оставляющим без языка
всех, кто говорит об этом.

но здесь мы об этом не говорим.

— переживать можно только о том,
что поддаётся нашему контролю, —
рассуждает американец с тягучим произношением,
за которое хочется целовать его с языком.

— война не под моим контролем,
поэтому я о ней не переживаю.

ровные водные массы катятся за окном,
корабль стоит, как дом, и вместе с тем движется.
он устойчивей любого моего дома.

бармены жонглируют бутылками каберне.

мужчины на негнущихся ногах
и женщины с вдовьими горбиками
танцуют пляску смерти.

уж лучше видеть это сквозь слёзы в молодости,
чем в старости сквозь пелену безразличия.

особенно если оценивать
шансы дожить до старости.

мы знакомимся в ночь на 14 февраля
и говорим до рассвета.

в ночь на 24-е он пишет: *я люблю тебя.*
*если мир на*бнётся, пусть хотя бы это будет сказано.*

весенние ночи проводим в эмирате фуджейра.
воздух накрывает в темноте
внезапными горячими волнами,
которые словно идут с того света.

мы по новой учимся любить
в дни бучи,

не зная об этих днях,

ничего не желая знать.

и секс для нас впервые
не насилие над собой,
не боль,
не унижение,
не стыд.

мы зачинаем всех детей мира
в полутёмном люксе мирамара,

пока в мире идёт война.

а ночами блэкаутов и бомбёжек
на открытой палубе с живыми садами
я вжимаюсь лбом в стеклянное ограждение,
как в тюремную решётку времени.

ты говоришь: *мы с тобой уже победили,*
перед нами теперь вся жизнь.
я живу одним днём.

— ты слишком взрослый,
а я слишком ребёнок,
в этом наша беда, —

успеваю сказать, перед тем как выбежать вон,
то есть повести себя неподобающе,
нарушить идеальную среду
для счастья по умолчанию,
прервать его искусственную возгонку —
то, чем нужно заниматься здесь,

потому что через неделю вернёшься
туда, где боль — часть жизни,

где за боль не чувствуешь вину,

где обвиняют уже в её недостатке.

и будешь смотреть, как уезжают другие,
туда, где их ждут
миграционные службы,
программы адаптации,
съёмные комнаты,
бедность, реальная бедность,
а не огромные несбыточные корабли,

с которых не выставить фото,
не поделиться бесконечным горем бесконечной радости,
ведь сюда попадают только счастливые люди.
и в том, что ты счастлив, нигде не найти утешения.

Михаил Капилков

SOS в стиле модерн

По сообщениям прессы Петербургу
не хватает денег на уборку улиц из-за
трат на восстановление Мариуполя.

Гроба с размытого кладбища
Плывут по улицам!
«Медный всадник»

Люди идут
по заснеженному городу,
не оставляя следов,
метель, минус три, — с Невского 56
(претенциозный ранний модерн,
Отто Вагнер, Виктор Орта,
истончённые до хрупкости стойки,
огромные окна,
в подвале флигеля по Екатерининской улице
чернорабочие роют траншею)
сбрасывают обледенелость, —
сворачивают на проезжую часть,
обходят, останавливаются,
зевают, глазеют,
взрослая девушка голой ладонью ловит снежинки,
те растворяются, не успевая закостенеть.
Снег метёт не первый день,
если свернуть с Невского,
«заканчивайте переход, заканчивайте переход»,
хоть на Мойку, хоть на Екатерининский канал:
сугробы, сугробы, сугробы,
параллельный марш по Гороховой
сильно затруднён, утоптанный снег
сам по себе скользкий, но часто скрывает
совершенно скользкий лёд, хватаются

за столбы, за стены, падают, встают,
чертыхаются, идут к перекрёстку,
машину заносит на повороте,
мутный зелёный свет,
спускаются по сугробу,
через дорогу, через Безымянный Ерик,
снег вьётся в каменной беседке
внутри огромного фонаря из папье-маше,
смотровая площадка повторяет
треугольную форму открылка, голубоглазый
Святой Живоначальной Троицы
лейб-гвардии Измайловского полка,
как на открытке, всегда лазурней городского неба,
у быков жадно плавают утки,
хватая рыльцами последнюю воду,
фонтаны были смыты большим наводнением 1777,
почти весь С. Петербург был на два локтя под водою,
в лесу на Васильевском острове большая часть
наилучших и наивеличайших деревьев погибла,
множество партикулярных домов были смыты до основания,
небольшой купеческий корабль переплыл мимо Зимнего
дворца,
боцман 1, боцман с женою 2,
одного подканцеляриста мать, жена и дети,
у копииста жена беременная и дочь,
кают-юнга 1, матросских детей 3, женщин 2, матросов 6,
плотников 6,
это только в Коломне и Галерной гавани
по официальному донесению генерал-полицмейстера,
государыня императрица Екатерина Алексеевна так
осерчать изволили,
что тот преставился, не прожив и двух дней,
анекдот, но весьма в духе времени,
по набережной не пройти:
сугробы, сугробы, сугробы,
на уборку улиц не достаёт ассигнований,

Егор Францевич рачителен как немец,
скуп как ростовщик, злые языки уверяют,
что дед его литовский раввин,
пока ещё можно проехать,
Audi Avant тёмной масти брызжет слюной,
пока ещё много на вид совсем новеньких
немецких и английских авто,
контрабандисты провозят через литовскую границу,
в Доме Мельцера напротив Торгового дома Гвардейского экономического общества
продавали автомобили Fiat, тут же размещался Kodak в году этак 1908,
угловой цилиндрический эркер с двойным куполом
вносит романтическую нотку, гармонирует с главкой Финской церкви,
каждую субботу бесплатный концерт органной музыки,
а из Голландской орган перенесли в Капеллу,
саму церковь, как и следовало, передали кукольному театру,
говорят, Анна Иоанновна премного веселилась, узнав об этой оказии,
наконец в 2020 во Фрисландии нашли замену работы Марта Вермейлена,
пожиже, но акустика в ротонде превосходная, как в чреве кита, никаких синкоп,
вокруг Конюшенного двора сплошь инославные храмы,
с самого начала селились мастеровые из северной Европы,
уже совсем под занавес появился Храм Воскресения Христова,
да и тот строил Парланд, скончавшийся в 1919 году в Петрограде от истощения,
могилу размыло ленинградское наводнение 1924 — ровно век спустя,
после этого не верь в совпадения,
в ЦУМе продолжают продавать роскошный хлам,
жаль, закрылся Cartier у Полицейского моста,

«Что подарить Матильде?» —
недоумевает великий князь,
глядя на застывшую Неву из окон возведённого дворца.
Монетный двор чеканит памятные монеты, награды,
«Петербург (сердечко) Мариуполь Forever»,
Дворец пионеров имени Жданова,
фавориты, наследники, августейшие особы, всё это
позабылось,
но зеркало запечатлело Пушкина с лёгкой на подъём N. N.,
тут была одна из первых подъёмных машин,
демонтировали, пионеры не носят кринолин,
на Аничковом мосту четыре мужика
коня пытаются запрячь в саночки,
женщина падает,
рухнула, как подкошенный столп,
бросился поднимать,
«Оставьте, дайте ей умереть», —
пропели промёрзшие до звона тени,
сугробы были для них убийственны,
прибыл с фронта в отпуск,
щёки лоснятся от жирной тушёнки,
после Невского пятачка попал в сущий ад.
Не хотел, чтобы переименовывали Ленинград:
в чёрной-чёрной комнате на чёрном-чёрном столе
в чёрном-чёрном гробу встаёт мертвец, он протягивает
отмороженные руки и ворочая синюшным языком, говорит:
«Верни мне моё сердце, сынок».
Сугробы, сугробы, сугробы,
никогда не выкидывали хлеб,
особенно чёрный,
за катыши ругали.
«Немцы сделали меня голодным», —
оправдывался в 1994,
кормя себя очередной грушей в заснеженном Нью-Йорке.
Купцы, ремесленники, извозчики, мельники, инженеры,
менялы,

торговали пушниной, хлебом на Волге,
просроченными векселями,
сплавляли лес по глубоководным рекам,
но голодом не торговали,
хлеб берегли, сгребали,
на сухари, на чёрный день.

Пушкин хорошо писал,
особенно о наводнении
и неудивительно, что вскоре умер,
лучше бы уже не написал,
особенно про гробы;
так и кажется, что вот-вот
уже не сугробы, а гробы поплывут
с размытых кладбищ по гранитным набережным,
мостам, от Адмиралтейства по Невской просеке
мимо Переселенческих слобод и Итальянского сада,
заполнят просторные окна-витрины
всех этих восхитительных универмагов,
возведённых по последнему слову техники
сто двадцать лет назад.

С Дома Зингера
сбрасывают наледь, заодно падает
белоголовый орлан, чужая залётная птица,
веретено швейной машины чеканит по тротуару:
…---… омоновцы быстро накрывают её брезентом,
засовывают в автозак, там уже дожидается птица
с разбитым клювом и заломленным за спину крылом,
«переход Набережной канала Грибоедова разрешён»,
сворачивают на проезжую часть,
обходят, останавливаются,
зевают, глазеют,
взрослая девушка голой ладонью ловит снежинки,
те растворяются, не успевая закостенеть.

Снег метёт не первый день,
всё лучшее уже позади,
как у звезды дискотеки восьмидесятых,
если свернуть с Невского,
хоть на Мойку, хоть на Кривушу:
гробы, гробы, гробы,
докладывают Верховному:
«Могилизация прошла успешно, товарищ генерал Мороз!» —
тот потирает руки, давно так ничего не радовало его
холодный взор.
пятница, 13 января 2023 г.

На краю света
«В первый день нового года
нужно встать до восхода солнца,
заварить свежий чай, положить
кусочек льда над дверью юрты
или на балконе квартиры».

«Нельзя им подобрать слов:
ни мученик, ни креститель, ни предтеча,
а пресвятую деву если перевести по-ихнему,
то выйдет не наша Богородица, а какое-то
шаманское божество женского пола».

Грипп, чёрная книга с золотым тиснением,
издательство «Северо-Запад», 1994 год,
плотная сухая бумага пылится от прикосновения,
глухой собачий кашель, «Русские демономаны».

«Обходят всех соседей со словами:
“Пусть детей у вас будет много!”,
“Пусть вас будет много!”,
“Белой душой зацвести вам!”»

«Как рассказать им смысл слов, —
недоумевает рассказчик, —
когда они и ни змеи и ни голубя
никогда не видали, — и добавляет, —
и даже представить себе не могут».

Как проповедовать народу, чей язык
скорее отображает жизнь животную,
чем умственную?

«Лесков был самым читаемым автором
средней русской интеллигенции,
больше Толстого, Тургенева, Достоевского.
Я вырос в среднеинтеллигентской семье,
мой отец был рядовой инженер».

Печатали избирательно,
и тиражи были пожиже,
и писали о нём не так много.
Репутация была подмочена,
запечатлённый ангел
русской литературы.

«Буряты верят, что на рассвете
богиня Палден Лхамо объезжает
землю и подсчитывает живые души».

Что хуже, когда они соприкасаются
с жизнью проповедников,
своим дикарским взглядом видят,
что те живут не так, как учат.
А других христиан они не знают,
книг не читают и им не верят.

Лёд оставляют для её лошадей,
а чтобы спящих не приняла за мертвецов,
растапливают печь, больных окропляют.

«Человек, его права и свободы
являются высшей ценностью.
Признание, соблюдение и защита
прав и свобод человека и гражданина —
обязанность государства».

В центре мало мест для выгула собак.
Сочельник. Бульвар на Большой Конюшенной:
две крупные собаки играют в морозном снегу.
Поводки так заплелись, что я перепутал хозяек.
Кобель пытается оседлать рыжую суку,
та показывает зубы, она крупнее и сильнее.
Хотошо — бурят-монгольский волкодав, или бурятская собака, —
в РКФ решили, что волкодав может быть только один,
щенок, десять месяцев, её тётка в Бурятии гоняет волков.
Хозяйке кобелька сделалось обидно,
ещё и принял его за лабрадора,
а это золотистый ретривер
необычайно светлой масти, ровесник.
Протягивает визитку,
дома ещё две таких девочки,
летом живут в доме, а зимой здесь.
«Хорошо с Хотошо».
суббота, 7 января 2023 г.

Перед Рождеством
Он слаб, он не выдержит этой порки.
Родитель № 1

Никто не знает сына кроме отца.
Родитель № 2

Мой мальчик сказал мне:
«У меня когнитивный диссонанс,
я состою в Обществе “Паники”,
я не знаю, как дожить до утра
без селёдки и чипсов,
и не хочу ваш тёплый компот».

Такой молодой,
а уже думает о прекрасном,
о мимолётном;
всё прекрасное мимолётно,
но не всё, что летит, прекрасно,
опадает листва, гнёзда приходят в негодность,
месяц черпает лужу из грязной ладони.

Я не знал, что ответить.
Я не считаю, что детям надо врать
и предлагать выдуманные обстоятельства,
а не те, где жизнь измеряется в пешках.

Это было ещё до того,
как произошли те события,
что переменили моё представление о вере
в землю, требующую крови:
«Кто вы по крови?» —
тогда прозвучало ответом:
глупо, так глупо и стыдно,
стыдно, что не слышу — не слышу
голоса крови, что кровь не пьянит,
но отрезвляет похлеще рассола,
и если что и слышу, так это шёпот,
когда тихо и ночь. Теперь,
теперь я дал бы совсем другой ответ,
или ответил бы вопросом на вопрос:
«Что вы за люди, если слышите
голос крови, а не голос органа любви?»

В человеке пять литров крови,
в женщине нет четырёх, у младенца
на хороший стакан портвейна.
Я не слышу голоса предков,
ни тех, ни этих, вообще никаких,
я хочу оставаться в покое,
как тело, что никуда не летит.

И ведь знаешь,
что потом будет стыдно,
но становишься ватным,
податливым, непрекословным.

Как стыдно.

Но тогда я думал другое:
«Я не могу тебя избавить от супа,
от ненавистного варёного лука
в курином соку, мать считает,
что это полезно для твоей
конституции, её не переубедить,
она простая земная женщина,
что верит вдовьим рассказам,
из поколения в поколение
они передают друг другу
этакую дичь.
Когда ты всё это проживёшь,
то поймёшь и её и меня,
нам было непросто, мы были
слишком разные, разные интересы,
разный горизонт планирования,
даже по крови — из разных чернил».
Я хотел на кого-то свалить
ответственность за всё земное
и просто заговаривал зубы;
болела душа.

Но сказал:
«Ночь — напёрсточник
даёт сеанс одновременной игры
сразу на миллионе досок вслепую,
время течёт по левую руку,
погружая в летейскую стужу
фигуры в Летнем саду,
речь не пойдёт о победе, —
нет, перехитрить, переждать,
сделать достаточно ходов
до следующего контроля,
при этом, пытаясь сохранить
пешечную структуру, ферзя,
если повезёт, хотя бы одну ладью,
ладьи нужны для утренней переправы,
иначе придётся возводить понтонные мосты
из сдвоенных, строенных пешек.

Утро настанет, куда ему деться,
за бугром не нужны лишние солнца,
и вот уже кони, что полночи бродили,
полночи спали стоймя или вповалку
с полонённой пехотой, весело ржут
навстречу рассвету, что волшебным фонариком
вскрывает диагональ белопольного офицера, —
милый мальчик, его необходимо сохранить
во что бы то ни стало, ценой любых жертв и усилий,
если надо, отдай отдалённую защищённую проходную
по линии “h”, но умоляю тебя, сохрани этого невзрачного
на первый взгляд офицера, он несёт в себе свет,
фианкеттируй его, придави пешками…
Кстати, о пешках,
это самая благородная фигура:
приносит себя в жертву
ради абстрактных порой абсурдных идей
вроде инициативы, вскрытия линии или диагонали,

чушь… покидает дом, чтобы не возвратиться,
а если… то только с триумфом.

Ну вот видишь, уже начинает светать,
спи, когда светло, засыпать не больно,
всё в этой жизни идёт полосами,
хоть иногда и кажется, что чёрные
перехватили инициативу, это мираж,
просто наша Земля неустойчива,
иногда теряет ориентиры,
но всегда находит дорогу назад
на исполинские плечи
черепах и слонов.
Я тоже устал, сегодня надо идти,
я двое суток не видел дневного света вживую,
всё смотрел, как ты не спишь, засыпаешь
и снова не спишь. Я клал холодную руку
на жаркий лоб — ужас бульдогом вздымался:
запястье, предплечье, шея, висок,
и вот уже левая сторона пылает,
пульсирует, как вырванное сердце,
такой огненной мигрени
я не припомню с тех пор, как был
мальчиком и не понимал
почему все кругом не видят
эти разноцветные точки,
вся ночь состоит из них,
темноты нет, это самообман,
просто люди не видят, что
всё состоит из этих очень маленьких…

Это важно.
Однажды я случайно подслушал
как в пустыне шептал раскалённый песок,
примерно так:

“Зло, только зло, только зло
не нуждается, только зло не нуждается
в оправдание, только з-з-зло”, —
с тех пор не мог успокоиться,
всё время что-то искал, находил
и снова терял сквозь песок
и больше не спал, сторожил,
но когда под ногами песок…
Пока не обрёл тебя.
Теперь,
теперь сторожу твой сон,
чтобы горящий песок не обжёг
твои ушные раковины.
Ты моя самая большая любовь,
больше всей жизни,
я слишком поздно тебя повстречал.

Вот хорошо, я вижу, ты уже спишь,
когда свет, это совсем не страшно,
а мои глаза должны соприкасаться
с солнцем, иначе они завянут
и я не буду видеть эти разноцветные…»
Я не его успокаивал, себя.

Всю ночь они брали штурмом
его бастион, отгрызли кусок,
но он не сдвинулся с места,
и король был польщён
такой службой белого офицера,
наградил его недоеденной пешкой.
Время остановилось,
на моём циферблате всегда
без пяти ночь. Цейтнот.

Мой мальчик давно стал большим,
таким же как я, не больше, не меньше,
но я помню его маленьким с горящим лбом
на моей ладони, никогда не забуду, никогда,
даже если мы все проживём ещё тысячу солнц.
Я искренне рад, что он больше не думает о прекрасном,
о мимолётном, что не даёт спать
и только зря раскачивает висящий флажок.
Это зрелость.

Его мать нашла своё женское счастье,
как и мечтала, у неё большая семья,
ей некогда ворошить прошлое и думать о тайнах.
Не простила,
не захотела или не смогла.
Она простая земная женщина,
добрая, верная жена,
но разве она могла понять
размах происходящего,
целокупность всех доводов мира,
у нас не было другого выбора,
мы сделали то, что должно —
пожертвовали временным ради вечного,
и он теперь всегда здесь в наших сердцах.

***

Родиться в самую длинную, самую непроходимую ночь,
до ближайшей набережной сто километров,
песок бьётся о латунь уличных фонарей,
угораздило же тебя, сынок.
И хотя давно отжужжал глицериновый ав,
в лампаде теплится восемь или девять ампер,
больше семи не видит человеческий глаз, но снега
в этой глуши не выпросишь даже у оглашенных,
скорее мёртвых поднимет шофар.

В храмовой микве мерцает одна на весь город звезда,
всё напряжение вбирает Иерусалим, но
что-то привиделось, померещилось заштатным факирам,
на всём пути мальчишки были от них без ума,
Вифлеем гудит как пчелиный рой:
«Сногсшибательные! Сумасшедшие! Непрошеные
дары! — лалы, смарагды, яхонты, бурмицкие зёрна!»

Только младенцы не спят,
считают овечек в загоне,
ягнёнок чешет рога и копыта об угол печи,
перед рассветом всегда самая невыносимая ночь,
мысли делают по несколько оборотов в секунду,
пройден ещё один КПП,
маги разворачивают дары, —
что там сверкает
белизной раскалённого
иерусалимского камня?
Мрамор, политый водой,
нет, не мрамор, это…
Это снег, теперь на Рождество
всегда будет светло и нарядно
в этой дыре.

Суббота, 24 декабря 2022 г.

Никита Рыжих

***

нет хуйне промовляє акація
пиру пир аддикціонує коаліція
бринить на могилах цветок пластик
бурлить военно поэтическая обстановка

солдат делает отсос автомату
с газированной мо(чо)(чей) мыслей

газ идет по трубам вен
по трубам газовой камеры
целаноалого сердца

стрічка беззмістовних символів майорить на
товарище майоре из се(р)верной дыры
страны
не отмеченной на карте
памяти

фаллос ракеты стремится найти труповагину
бергманосолод скандинавохолод взрывоторжествует

увесисто висят оборванные провода прошлого
искра слез залетает в виски
человек возле вывески и непонятно куда идти
вперед или у майбутнє

сьогодні все індивідуально сумно квітне
нічийність троянди помножена на
поле степь без конца края
имперскотарий
черная северная дыра
которая
засасывает

нас
нет
ні
niemand

***

Внутри нас выкорчеван сад райнеров куниц
Каждый раз покупая в магазине бутылку колы
Нехотя рисуешь норку в которой прячется гиацинт морфемы плача
Холод листьев в темном лесу становится хрустом
Холод листьев в темном лесу становится христом
Абсолютное зло под ботинком
Хруст под ботинком
Или хруст изнутри?

***

После использования
На автомат капнула жидкость: кровь или сперма?

***

я хочу ораторий газа
я хочу уловить синтаксис трупов цветов
я хочу чтобы дереву стало больно от листьев известной травы

ТРАВА это стекло
ТРАВА это дом где тебя ждут

на рассвете в лесу собираем кишки убитых солдат
на рассвете в лесу собираем шорох убитых листьев

***

я ненавижу вещи за то что они могут отсутствовать
я ненавижу вещи за то что они могут не жить

красный

выплывает черный лебедь и машет веткой крыла

синий

белый воздух прозрачен и чист
черная совесть пуста и прозрачна

оранжевый

больше всего на свете люблю порноактеров и когда
умирают известные на весь мир режиссеры

***

мы выросли из объема
боли-воды в утопленников
ящерицы минут разбегаются
что теперь делать

Юлия Таннельвиц

***

мы все мертвы
вы живы жаль
тунец ни рыба
ни печаль
отравы рты
мои жевал
кроты травы
не увидал
лицо отцу я
показал
отец сказал
пустой юнец
ступай поспи
изблюй тунец
скрипит качель
сопит кадет
ты сед а я
приятель сер
приму и сердце
полимер
я тунеядом угощен
отцом прощен
и мать прощен
большой лицо
большой отец
кирпич большой
больших телец
мы все мертвы
вы живы жаль
тунец ни рыба
ни печаль
а

***

эха яшва вадад
внутри снаружи
и сосуществование
со жгутиками
кровососуще гнусно
неоперившийся папоротник
сожжёт любя
обманщикам
обнимашек
старательно сабадегандо
по швам рассосавшимся уж тишорток
шуршащий латекс
нитрил или хуй знает
прошу вас пройти ещё раз
как много предметов
в вас из металла
кладите в лоток
чтобы вниз не тянуло
спасибо петр

***

как прекрасны на горах
скрепы склер
сквозь плексиглас вопиющего
риспаун риспаун
мем с котиком
наверху пустоты
стал моим перформативным актом
во избежание зажатия
явил меня в бытие
миссия зебр воронение
комкать макать в копоть
бугры голов
примерять скрип
мыть ткать тлеть

парсить скрипты
памяти припятей
колен пьеты
плоти крипты
приснодитя приснодитяти
желчный пузырь во христе
человек лежит на кровати
в человеке много костей
костьми
возьми
человека который разбирался в вине
человека который кричал волки
человека который решал проблемы
человека который клеветал
человека который контактировал
человека который был активен ночью
человека который арендовал помещение
человека который агитировал
человека который знал много слов
человека который хранил хлам
человека который являлся сильной личностью
человека который мыл окна на высоте
человека который чинил электронику
человека который принял кусок дерьма за президента
человека который терпел боль
человека который боялся всего
человека который смеялся последним

***

допоможе великий ану
не перекрестясь выйду и встану
полетит залетит огневушка
кухаркину внуку в ушко
от базальных ганглиев до геморроя
кровавые норы роя
семь дочерей эа

шесть дочерей нео
пять дочерей иа
и останется тільки соль
изыди идолище в юдоль

Алёша Прокопьев

***

Поговорим о штампах
штампами поговорим
военными штемпелями
ккоппыттами ссинними
весами созвездий
пробирной палатой
как делать стихи
лошадью ходи!
лошадью пойдём
по алмазам хрустальным
иноходью инописьма
на почте «псалмокопытной»

памятникам — boy!
времена меняются
история мчится
телега на ходу
легка как пушинка
11 букв
литерным мчит
тупин в купе
ойя нет
пушки(н) в тупике
кто ж его посадит

жизнь это памятник
памятник памяти
памяти жизни

жизнь помянни́к
пряник племянник
Vanjetschka Prjannikow
детцкая штоль?

датская боль
блятская моль
до си бемоль

честно смести
свести подчистую
убери с-ка руки!
я тебе не поеду
я тебе кохаю
пахаю цитатами
центон наше всё!
Zehn Tonn Hammer
Global Profanation

рукой Челлини
скинем центон
с корабля на бал
памятник пленник
младой военнотленный
краткость сестра
сестра моя жизнь

сестры моей лик
всё снег да снег
на чахлой повилике

Кирилл Азерный

***

Медработница в военкомате,
сколько крови сдать тебе
для положительного результата?
Сколько накончать тебе на халат,
чтоб его обелить?
Чтобы, сука,
порвать твоё тело на белые флаги,
чтобы, сука,
мне было на чём писать.

***

тому, кто берёт меня в твои руки,
я говорю я оружие поражения,
я не выбираю рук, в которых я нахожусь,
и ущерб от меня похож по симптомам на грипп,
на гриб, говорю. И ещё оглушённые рыбы
уже говорят о капитуляции

***

A L I N E

Жестом, обозначающим мир, ты режешь бумагу, и в каждом
камне, чёрный от крови,
кусочек ваты зажат

***

Я клянусь тебе, что нас двое. Я слышал про эти
ножи-отраженья, и тени сырые, и что
человек, считая до двух, не досчитывается пяти, и что
вообще
человек не умеет считать до нуля и до двух, но клянусь,
что нас двое я видел как сталь отражает
лицо, как оно не умеет подняться я знаю

железное зеркало вкус его знаю и взгляд.
Я знаю, как было бы если б
согнули меня изнутри и размножили в принтерах ветра,
который уже собирает черные листья дождя. На допросе,
когда отвлекается мент и как будто не видит тебя,
я скажу, что нас двое.
Я говорю тебе мы.

***

Объяви себя крепостью, внутри которой
на одной свече закипает огромный свинцовый чан.
Где, чтобы встать на часы,
нужно при ослепительном свете уснуть.
Оставь этот огонь на ночь —
когда-нибудь у тех, у кого хлеб с маслом, закончится хлеб,
и они отдадут нам масло

***

Я знаю тебя достаточно хорошо, чтобы
ничего не найти тебе подходящего на гаражной распродаже,
где мы с продавцом открыли, наконец, пустой портсигар
и не знаем, сломали его или так и надо.
До меня долетают
обломки русского бля,
а я турист — из тех, которые не могут
толком сказать, откуда они

***

Слово твердеет и кончается налицо. Речь неприятна мне,
как жир на вчерашней тарелке. Твой жирный словарь
заплетается в макаронах синонимов.
Почему я должен участвовать в этом?
Мои руки отражают друг друга в зеркале дела.

Смыкаются на шее молитвы.
господи, как объяснить тебе, что вместе пишется слитно?
Язык ебётся во рту.

***

Старая полуглухая собака вместо кости приносит трость.
Вещь хочет умереть вместе с хозяином, но различает ли вещь хозяев?
Смерть — это пыль на глазах, или пыль в глаза?
Он сказал — пусть слеза удивления будет твоей последней слезой.
Ты вспоминаешь, что Майкл Кейн ещё жив, и рябь времени, как ящерица, пробегает по камню.
Поверхность любви покрыта царапинками имён, но они неглубоки.
Смерть — сон, кончающий в руку.
Стоит долбоёб в военной форме хорового лицея.
Эй, говорит, и потом громче (хотя я не дальше, а ближе)
эй, говорит, пидорас, как мне проснуться домой?

***

Мир — это местоимение.

Матвей Соловьев

С НЕЖНОСТЬЮ РАСЩЕПЛЯЮСЬ
(новая русская эсхатология)

усыновить голодного оленёнка
взорвать патриарха

I. ЗВЕРЬ СРЫВАЕТСЯ

грудная клетка гражданства выдохлась — обескровлены, отступаем.
картонные конструкции вмёрзли в мертвородящую почву родины —
в такую не похоронишь павших на дискурсивной войне. не хоронить же себя? заживо.
остаётся лежать и стынуть, покрываясь сахарной коркой льда.

я уже чувствую мессианский пыл. никогда я не мёрз так нежно. так горячо и влажно.
плавлюсь и вмерзаю в зимнюю мостовую.
ледяным шипом пронзаю масло кремлёвской брусчатки.
горю, боже, синим пламенем. экстатически.

СРОЧНАЯ НОВОСТЬ ПРОВЕДЕНА ОПЕРАЦИЯ ПО СВЁРТЫВАНИЮ И ПЕРЕБРОСКЕ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА НА ТЕРРИТОРИЮ ТРАНСЦЕНДЕНТНОГО

российское гражданство упразднено. паспорт продан бродячим цыган_кам.
ухожу в русский лес, обрастая корой, танцуя с дикими пчёлами.
праволиберальную консервативную партию и неоколониальную политику
редуцирую до воцарения антихриста. *мои руки развязаны*

ничто не освобождает лучше конца истории

лес дышит паром звериных утроб — я вдыхаю и слышу родину:
она — процесс. мистический опыт.
сквозь еловые ветви — бесконечная генерация теорий и практик.
я срываюсь и верещу *да здравствует таёжная рабоче-христианская*
вооружённая община леворадикальных пацифистов-платоников
бродячая секта монашеский орден огульная ересь тайная заповедь
коммуна повстанцев отряд поисковый домашний очаг посиделки с гитарой
масонская ложа лесная сторожка и тёплые ветры израиля
воспоём же любовь на руинах и смерть на руках матери
нежность случайного выстрела в шею спишем на слабость к берёзкам
я правда люблю тебя сильно прости что стал деструктивен
что пью листопад заедая мёртвым зайчонком но это такая позиция
я против охоты я только за наблюдение
я лучше доем за волками мясо лесного оленя оно ведь священно а завтра
мне подрывать поезда и тихо молиться о дочке
ещё не видевшей солнца

II. СВЕРХСЖАТИЕ/РАСПЫЛЕНИЕ

умерло междуречье

свалка истории лихорадочно егозит. промышленные отходы вступают в случайные связи.
я видел отчаянное совокупление монаха-бенедиктинца с молоденькой суфражисткой —
родился кит, жаждущий красноречия. он умер у меня на руках, вот и я — зеркало,
сваха при научно-исследовательском институте гуманитарных наук.

свожу первомайскую демонстрацию с пятой колонной. чёрную сотню — с прайдом.
с войны привозят гробы, а я, отражая мир, потихоньку теряю самость.
на губах обсыхает слово: бонапартизм.

(сегодня мы стали абстракцией — теперь никогда не умрём)

мертвея стержнем, обретаю обширность. пишу: родная, давай заведём детей,
ведь я, полюбив постструктурализм, мечтаю лишь об одном:
корнями врасти в чернозёмную почву, смоченную дождём.

мы плотно обставим дом, милая:
гидравлический пресс, баллон со сжиженным газом, компрессор, водонапорная башня.
железным деревом растопим семейный очаг возгорания.

(семья — первая ячейка сопротивления)

родная, ты очень красива, когда кровоточат руки.
целую лимфоузлы, шумы в левом предсердии почитаю за шёпот моря.
идиллия мягких тканей касается диафрагмы.

твои черты проецируют изображение дочери на купол поздней реакции,
и, наполняясь отцовским чувством,
я взрываю кортеж президента, взрываю кортеж министра, взрываю кортеж патриарха.

(ВАС НЕ ЖАЛЬ УБИВАТЬ — ВЫ САМИ СТАЛИ АБСТРАКЦИЕЙ)

III. МЕРТВО/РОЖДЕНИЕ

— только бы не родился сын, — сказала ты, одеваясь, и подумала:
не родилась бы дочь

пришедшие с обыском не поймут, но пустая колыбель — высшая степень протеста.
пропорционально обратное подобие гроба всасывает пространство,
стягивая перспективу детской, замыкая на себе голоса.

впервые в истории сработал антиматеринский инстинкт

пришедшие с обыском спросят, не ждём ли мы пополнения.
ты подорвёшься в уборную — кровотечение, сильная рвота — все улыбнутся, мол, ясно;
ты бросишь сквозь зубы: срублено на корню.

политический аборт — вид материнства

ушедшие ни с чем натоптали в прихожей. снимая отпечатки сапог, смотрю на тебя
улыбаешься хищно: иранской революционеркой, афганской беженкой,
украинской вдовой, русской домохозяйкой,
мёртвой ивуарийской слонихой с выдранным браконьерами бивнем,
разрушенной детской больницей.

толстым полицейским,
трусливым военным.

ты в лоб говоришь: отныне каждая новорождённая девочка — сестрёнка Христа,
мне ангел явился во сне и поведал такую вот притчу:

собрал Господь на горе Фавор три супружеских пары, честнейших во всей Иудее,
и сказал Господь: дарую вам власть менять течение мира, просите себе инструменты.
и первая пара коленопреклонно просила: Господи, даруй нам меч справедливый —
земле предавать заблудших овец, способствуя перерожденью.
и дал им Господь торжествующий меч, и двое вооружились.
и пара вторая просила смиренноголосо: о, Господи, даруй нам слово —
острее тощих колен слепых палестинских сироток.
и дал им слово Господь: и ртами коснулись природы.
и третья пара просила, ступни орошая Божьи: Господи!
когда заржавеет меч, секущий правые руки,
когда пересохнет рот от воплей запёкшейся крови,
когда похоронят последние мечты о гражданском обществе в Российской Федерации,
даруй нам, Боже, политическое высказывание такой силы, чтобы видели все —
и цари, и князи, и патриархи — и ничего не могли сделать, и, благословив, сгинули.
и услышал Господь, и устроил ложе, и дал им дочь.

Андрей Родионов

***

Катя милая, запомни Рождество
Двадцать третьего, седьмое января
Я почти что не запомнил ничего
К веткам лип прилип кусочек янтаря

По замёрзшему невидимому сну
Ни о чём уже не хочется гадать
Невозможную, далёкую весну
Надо семечками птицам возвращать

Где ты, Петя, где ты друг мой дорогой
Стрелы памяти по-прежнему остры
Говорят, что ты в Чаралах костровой
Где на пляже релоканты жгут костры

Только здесь уже ни брата, ни сестры
Между лип застряло солнышко-кокос
От древесной ледяной коры
Отражается мне солнце прямо в мозг

Здесь нетающий от солнца снега воск
Тут холодная последняя война
Где шепчу я, с днём рождения, Христос
А в ответ мне гробовая тишина

Из сугроба черенки чернеют роз
И скрипит моя забытая страна
Нежно слушаю я, выйдя на мороз
Чтобы птицам класть в кормушку семена

_____

Давай о чём-нибудь хорошем
Пока Украйну мы ябошим
Давай о чём-нибудь прекрасном
О нашем подвиге напрасном

Давай про островок погибших
Корабликов, сиречь Нон-Фикшн
Про ярмарку, там, где Прилепин
И где читают зет-поэты

Где мат нельзя, подвинься, пидор
Тебе же интересен Пригов
Когда его Милицанера
Лишили флёра постмодерна

Когда ты изучаешь холод,
Не покидай холодный город
Где серым птицам снег накрошен
Не надо думать о хорошем

А хочется

_____

Где серебряная дамба
Переделкино мое,
Посмотри, ты видишь, мама,
Тут есть вход в небытие

У его свинцовой ряби
Не могу я не гулять,
Но в его бездонной яме
Очень страшно пропадать

То ли русская культура,
Для которой я микроб
То ли смерть, ее микстура
Кодеиновый сироп

Это он, мой личный опыт,
Непосредственный контакт
Я реально слышал топот
Ножек бледного коня

Только коник этот странный
Страшный коник этот блед
Оказался обезьяной
И прошло уж сорок лет

Первый раз довольно рано
Повстречался мне примат
Я столкнулся с обезьяной
Ровно сорок лет назад

В Переделкино был лагерь
Пионерский, так сказать
В нем держали обезьяну,
Гуттаперчевую блядь

У неё за пищеблоком
Была комната и цепь
И она ходила боком
И её дразнили все

На приличном расстоянии,
Чтобы не могла достать
Пацаны кидали камни
Пионеры, так сказать

Обезьяну эту, Фроську
Защищал, что было сил
А они кричали: брось-ка
В неё что-нибудь, дебил

Раз по грёбаной округе
Повели нас всех в поход
Фроську тоже взяли, суки
Переделкинские, вот

На привале воспитатель
Вдруг спустил её с цепи
А что может покусать их
Не подумал, зацени

Пусть она была как моська
Ей в глаза взглянул, глупец
Посмотрела моя Фроська
И я понял, мне пиздец

И презрев всю нашу смену
Камни, палки и пинки
Вдруг вонзила мне в колено
Свои страшные клыки!

Пусть я тоже ненавидел
Тех, кто мучил и дразнил,
Но припомнилась обида,
А попался я, дебил

Этот очень грустный вывод
Навсегда остался здесь
На колене, еле видный
Обезьяны злобной месть

Словно русская культура
Так отметила меня
Я смотрю на вещи хмуро
Обезьяну не виня

Тут не косят траву и не чистят кору
Тут разводят для маленьких птиц мошкару
А закат в этом парке, как красный удав
Средь некошеных трав пил лавандовый раф
Но когда после этого всходит луна
Одинокая песня оттуда слышна
В луноход, в луноход
Посадил врага народ!

По луне я поеду теперь, по луне
В странной, собранной наспех железной херне
И не нужно писать, и не нужно читать
И войну не закончить, и жизнь не начать
Темнота, и не видно почти ничего
Незаметным туманом покрыта трава
Кто из Сеченова, с Новодевичьего
Они тоже наверное слышат слова
В луноход, в луноход
Посадил врага народ

Когда состав вошёл в тоннель
И за окном холодный мрак
Что будет впереди апрель
Уже не думаешь, дурак

Сначала впереди сентябрь
Людская смерть, людская скорбь
И только лишь потом октябрь
Ох, брат, пожалуйста, ускорь

Я больше не могу терпеть
Нет, я могу, нет, я могу
Я, может быть, могу теперь
Но завтра, но октябрь в снегу

Я даже золото дерев
Ещё сполна не увидал
Сентябрь раскрыл свой львиный зев
А я уж осень прозевал

Как будто мне впаяли срок
А может, мне впаяли срок?
А поезд ехал на восток
Какая разница, дружок

Срок 22, год 22
Вот год и срок, они вдвоём
А мы сидим, жуём слова
Но эти не пережуём

Выходит из дома моя москвичка
Она садится в метро на Марксистской
В больницу она приезжает к часу
В больнице её облучают радиацией

У неё микродоза радиации
Мелькают пустые подземные станции
От онкоцентра до Марксистской
Я жду встречи с моей москвичкой

А в её городе, где родилась она
Тоже намечается радиация
Черти рисуют красные крестики
А после идут обсуждать это в рестики

Ты снимаешь курточку, серебряную курточку
Сердце моё, моё нежное слово
Когда придёт радиация на нашу улочку
Я обниму тебя, ты здорова

Небо — новый формат картинки
Снизу дымом заволокло
Чтоб никто не увидел типа
Что реально произошло

Небо — новый формат тусовки
Когда смотришь устало вверх
А какие у бога кроссовки
Сигаретного дыма мех

Не для дела, скорее для смеха
Я пытаюсь понять, не пойму
Ты, художник, чего не уехал
Почему? Почему? Почему?

А художник (в глазах только небо
По которому стелется дым)
Улыбнётся и скажет, а это
Мне уже пятьдесят один!

Мне холодно, глаза закрытые
Шепчу бессмысленную херь
Друзья, друзья мои забытые
Где вы теперь, где вы теперь

Затихли, слиплись как от холода
Зима-зима приходит в нас
И все слова мои по поводу
Похитил серый ганджубас

Мозг разделён Москвой и Киевом
Два полушария больны
И не чемпионатом мира, но
Чемпионатом, брат, войны

Где вы теперь, вы ждёте в Турции
Когда вернётся всё назад
Но мир не нарастёт, как устрицы
На ваш окаменевший зад

А может, обо мне вы вспомните
И скажете, а как там наш старик?
А может быть, в музее «Полторы комнаты»
Лиловый снеговик мне подал пуховик

_____

Константин Рубахин

* * *

он кричит даже камни от площади
пропустившие век по себе
ускакали, как серые лошади
только флаги в подставках людей

он кладет славословия порох
и анафему на иных
кто накрыт будет вечным позором
под ковровой работой войны

мы следим за москвой телефонами
она тоже за нами следит
звезд на башнях глазами огромными
пока птичка к нам в сени летит

мы домá для себя понастроили
только знаем — не эти дома
будут наши курганы просторные
сотни лет по вайфай раздавать

кто найдет подключения точку
тот услышит радостный шум
как веселое русское гойда
прошибает платоновский ум

площадь радостная, площадь красная
покричит и пойдет по домам
и москва, как всегда безопасная
будет сниться, скучая по нам

* * *

лесная кочка точка ком
болотистая местность
в сухом ночует военком
заснув с бутылкой в кресле

и гладкий на бумаге план
не видя обстановки
закопан вместе с нами в хлам
взорвавшейся бытовки

нас по деревне недород
и смертность самогонна
немногих город уберег
от трудодней сезонных

на огороде мать одна
на комаров полынью
замахивается, будто на
НАТО эскадрилью

у нас в селе уклад простой
кто не работал в поле
тот каждый может быть второй
если не первый воин

за все хорошее толпой
отпиздим кого надо
и выпьем все за упокой
пропавшего солдата

однако выбравшись в поля
чужой нам украины
мы стали списком а до я
потерь невосполнимых

* * *

мир летит, как куски вороньи
из ожившей земли воронок
достает векá из москвы
разворачивая всесторонне

и трясет за грудки
в бетоне
разрушая мосты

что-то треснуло в Багратионе
крымский мост собирается в Крым

как красиво горит Театр армии
Спасской башни прекрасен наклон
а ее обитатели палые
демонстрируют главный закон

и лежит на плитке правительство
и палаты обе лежат
а над площадью Старой таинственно
камикадзе-дроны кружат

мы Россию спасали от Гитлера
от французов и ложного Дмитрия
ото всех, населявших Кавказ
наконец и от нас

* * *

нам кричат отойди от экрана
и не лезь с красной рожей туда
где твои динозавры иваны
осыпая грызут города

в кирпичах и бетоне годзилла
разрывает такому же пасть
и кино это многих убило
им еще предстоит к нам упасть

на спокойные белые дюны
на зеленые сумерки крон
это кажется — мы невредимы:
просто нервный канал поврежден

неподвластны невидимы ноги
встали впутавшись в строчку глаза
на обочине в завтра дороге
мы попутку ловим назад

* * *

это личный мой конвой
призраки у дома
брат и дед мой неживой
бабушкой влекомый
почему она всегда
в этом буром платье
как сто лет сковорода
маслом его красит
бьется рыба из реки
в черной сковородке
бабушке шипят бруски
жареной картошки
чтоб терпела и ждала
брата николая
чтобы делала дела
слезы забывая

чтоб на всех
пришедших к ней
после трудной жизни
наготовить окуней
не испортить тризны

* * *

боль подождет в стороне
пока неся нож в спине
восхищаюсь родною страною
она как вина во мне
и чтоб позабыть о вине
ворота настежь откроем

где набежим мы на
пики дурного сна
черви у деда в чреве
и сливы уже поспели

те что сажал он вдоль
окон к соседям пока
не превратилась боль
в спелого червяка

вот он лежит внутри
тела моей страны
мне ее как ни смотри
не разглядеть вдали

только с утра в телефон
ленты ее новостей
как незакончен сон
постапокалипстей
с каждым нежданным днем

я на свою смотрю
родину через гугл
этот забор храню
в памяти где я угол

малым в пять лет поджигал
бил меня дед найдя
я даже его не узнал
от оплеухи летя

ниже от дома сарай
где-то под ним пистолет
мы из него с тобой
а до нас с бабушкой дед

а до него иоганн
которому ствол отец
на удачу отдал
и очевиден конец

дальше деревни лес
зеленый хоппер змеей
ест мою родину бес
рты набивая землей

* * *

полны ботинок мертвых поля ее лежат
осенняя распутица
под ними грязь расступится
и выйдут сторожа

земля спала под палыми
листвою и костьми
которые запалывали
чтоб проросли к весне

зачем ее будили
тротилами тряся
теперь она расступится
и разойдется вся

по ртам и по карманам
по стынущим домам
придет в посылках мамам
зеленым пацанам

их поровну разделит
на все свои поля
в зеленое оденет
весенняя земля

* * *

где мы ловили на донку лещей
и в тихий дон унывали
мир состоял из понятных вещей
я воду носил в умывальник

сидел под черемухой, книгу читал
как кровь проносилась по селам
как резались братья полвека назад
отсюда и до Ростова

и снова полвека, и тот же Ростов
и путь до тех мест мне заказан
встают надо мною шкуро и краснов
а с ними прилепин и шаргунов
и морис с прохановым разом

мне холодно ночью на воле сидеть
жду катастрофы, дрожу я
все мрак отнимает в календаре
как комиссар у буржуя

лежат мои люди в лежащих домах
их снегом прикроет зимою
в засохших бурьяном хоперских дворах
уже не прочту ничего я

* * *

маленькая дырочка
в коже голубой
под ногтями нитками
черный перегной

он в земле ладонями
помощи искал
колотил в агонии
по грибным местам

ровно день до этого
он сюда пришел
за лозой и ветками
чтобы шалашом

как в походном детстве
обнести свой быт
и на этом месте
до сих пор лежит

* * *

всю жизнь виноваты,
что смертью не взять
по счету останемся дóлжны
наши тела на войну полетят
держа крепко души в повдздошьи

и носят они нашу плоть со стыдом
когда она выйдет из дома
и вытрет штык-нож о зачищенный дом
и молча пойдет к другому

нас сыплют как вирус
дешевле ракет
закредитованный мобик
он молча поедет, а с ним и сосед
сокамерник, соалкоголик

нас сделали много нам жизнь не нужна
ничья — ни своя, ни собачья
теперь наконец-то не пилит жена
желает нам всем удачи

мы ищем фортуну по вашим домам
по магазинам, конторам
война сему дому мир всем ворам
и слава главному вору

* * *

девятый год величия в запое
легальная объявленная месть
за кислый хлеб, за то что били в школе
за то что не учили нас уметь

теперь вернется сторицей потеря
враги в поклоне бомбы в синеве
и наконец-то правда, чтобы верить
и наконец-то маршем, чтобы все

* * *

моя земля слетела
и потекла назад
в ней мусор завертело
и пятна как в порту
чернеющие нефти
как рыбии глаза
огромной черной рыбы
плывущей на боку

на ней моя деревня
закопаны деды
под чешуей наверное
их крутятся гробы

казачий круг решает
кто прыгает в донбасс
кто рыбу догоняет —
не заводи баркас

кому она подохла —
тот выйди с плавника
покинув нашей воблы
родные берега

мы восемь лет по осени
считаем рыбий газ
моя земля нас бросила
и уплыла от нас

* * *

а из нашего окна
лезет хтонь по стенке
z-образна и стройна
богомол обыкновенный

сука женщина война
секс бойца последний

а из нашего двора
одноклассников орава
в девять начали с кота
в десять кончат в клаву

и тюрьма, как пирожок
за удачу с полки
там мелки точит дружок
делаются волки

из счастливчиков бойцов
заводил дворовых
нет других у них концов
чем один хуевый

* * *

— куда мы сегодня — за хлебом?
— нет, вчера привезли
— тогда, может, с ваней соседом
умоем кого-то в крови?

— соседа вчера сам отпиздил
он смотрит ночами в окно
и слишком многое видит
— тогда доставай вино

— оно еще не созрело — пена, видишь, идет
осталась в погребе странная тема
вроде не водка, а прет

племянник собрал под горою
вроде каких-то грибов
давай их поделим, поляну накроем
посмотрим — будет чего

нам странно глотать салаты
без водки лежат огурцы
зато как-то в солнце закатном
как будто живые цветы

они говорят что-то тихо
как мать или листьев печаль
когда как из жизни врачиха
отпрашивает октябрь

ты видишь в траве копошенье
как будто там воздух живет
как будто мы стали большими
и мать нас не узнает

как будто нам жены не близки
а вроде домов из костей
и дети, как раки из миски
пока не занялся костер

нас странно тут всех воспитали
мы стали один человек
с одним рационом питанья
с движеньями как у всех

и вот мы теперь человеком
своим, как ослом по доске
идем за границу, за реку
с каким-то оружьем в руке

там дети и люди такие
ну тоже — один человек
а мы их в кусты неживыми
и мы для них страшные все

смотри, как ползет муравей тут
наверное, сахар упал
пойду постелю телогрейку
а ты пока скатерть поправь

* * *

там сидит одноклассник — почти в могиле
перемотанный короткой френдлентой — десяток патронов
он там, потому что мало его любили
он там, потому что нет у него партнеров

даже когда женился — вокруг непонятно кто
когда шел непонятно с кем на рыбалку
вот поймал огромного карпа — лайков на сто
сделал фото, повесив его на палку

вот родился ребенок — кричащий живой комок
не поспишь теперь года два или десять
если раньше бросить все это мог
то теперь только если себя повесить

как тут кстати война! и зарплата тебе и родина
и жене только жалко тебя и стыдно
что в уме ее смерть твоя уже продана
а тебе и так всегда нравилась Украина

* * *

что крылатые ангелы не соберут
то ракеты зачистят крылаты
соседи мои по подъезду идут
как на рыбалку в солдаты

им будет дана плащ-палатка, мешок
и, может, патронов тяжелый рожок
в который не дунешь, не хрустнешь
с мороженым шариком вафлю смешав
и долю жене протянув и смеша
его по щеке ее пустишь

не будет у них больше памяти той
где солнечный скучный бурлит выходной
аттракционов ромашки
и дети бегут и хотят карусель
а ты сладкой ватой только присев
отмахиваешься от мошки

теперь ты играешь в другой автомат
и ноги подшиты кирзою
ты мерзнешь, и голоден, и виноват
что ватой сам стал и землею

* * *

за мною ходит родина
по глаза в шарфе
за мною ходит прошлое в капюшоне
что в карманах спортивных твоих галифе?
что у меня, вас кроме

мы петляем по Риге от двора к двору
родина караулит уже у двери
намекая глазами, что весь не умру
ну и что сам умру — тоже сложно поверить

как же без родины умирать,
не поймав взгляда ее холод в сердце
ей все равно — она многодетная мать —
нарожает еще, а со мной встретится,

с прошлым сойдясь в рижском уютном уголке
двор соседний, город в морозной коме
камер нет, да и кому дело до галифе,
до моего прошлого в капюшоне

* * *

пора перейти с языка
на ручные бомбы
с фотокамеры
на ночные приборы

с головы переставить
питание на ноги
и пойти аватаром
туда, где такими воюют боги

где зима превращает отдых в пытку
где прикрыть себя просишь любую ветку
где заносит тебя, соплю зеленую,
корявую злую пылинку
на волне взрывной во взлетающую калитку

где не скажет никто спасибо
что живой, и что мертвый тоже,
разве взять оружие
из карманов повыгресть
то, что тебе казалось жизненно нужным
пока ты был васей или сережей —
глупым, трусливым или, еще хуже, — отважным

боль от холода смешивается с болью от крови
из пробитых участков кое-как ношеной плоти
все скоро кончится страх, пригреется горе
а смысла и не было в этой — казалось — работе

ты лежишь во дворе, твои проиграли боги
тут с крыльца ссал подросток и ходили гуси
бог положит плейстейшн, пойдет делать уроки
и гусей загонять, а то со двора не отпустят

* * *

по этой мокрой улице мы шли
вдесятером
с отличным кокаином
и ротшильдским вином

москва держала за руки,
любила по дворам
уже как в пьесе жанровой
что-то грозило нам

мы падали под ноги
танцующих в ОГИ
работали в останкино —
там, где сейчас враги

и с лозунгами грубыми
ходили по тверской
и становился клубом
автобус ментовской

теперь одна всем улица —
иду по гугл-стрит
и лица попадаются
тех, кто теперь следит

за тем, как там знакомые
московские углы
и тополя огромные
присадки той поры

и кажется, что прошлое
заметно только нам
что так же все хорошее
творится по дворам

но отпадает бывшее
как человек болел
и ты к нему, отжившему,
приехать не успел

Москва молчит по улицам
не спрятаться в домах
в которые врывается
за обыском зима

прожита без остатка,
как до войны Берлин,
куда не смог с тридцатого
вернуться ни один.

* * *

любая мать, чей сын убит укропом
продолжит биться за его почет
пока не разведут по камерам укромным
тех, чей чердак над картою течет.

нам станет больно наконец-то хором
застрявшим в красной мумии москвы
которая привыкла к разговорам
как своей смертью остальных накрыть

мы в ней, как в Ленине, как в метрополитене
единственная воля нам дана —
на карте мумии выбрать направление
в какую сторону идти с ума

ложись, солдат — живой ты или мертвый
тебя укроп цветущий сбережет
тут хутора и каждый водит черта
как личный реактивный самолет.

Антон Погребняк

Французский текст дается в авторской редакции

Le Tombe d'avorton

Parmi les barricades combat de rues
En retraite à Pere Lachaise
Sentiment derrière le froid clôture du cimetière
Ils ont dit au revoir sur la tombe d'avorton
Il les a survécu à tous les dwarf de fer
Le premier president de la Troisième République
Alors le temps réconcilie les ennemis contradictions aplanit
Il a parlé avec curiosité indifférente
Examen les fleurs fraîches le site de leur execution
Personne dans l'ensemble grand Paris ne se souviendra
Où elle est la tombe d'avorton
Personne ne déposeront des fleurs.

Среди баррикад уличных боёв
Отходя к Пер-Лашез
Чувствуя спиной холод
Кладбищенской ограды
Прощались друг с другом клялись могилой шибздика
Он пережил их всех железный карлик
Первый президент Третьей республики
Посмеялся над их клятвами
Время знаете ли примиряет врагов сглаживает
Противоречия
Говорил он с равнодушным любопытством разглядывая
Свежие цветы
На месте их расстрела
Никто во всём огромном Париже
Не вспомнит где же она могила шибздика
Никто цветов не возложит.

2017

***

У него нет глаз, на нём нет лица
«Сплин», 1996

Когда я последний раз его видела
Говорила ты о бывшем муже
Еле сбежала
От такой великой любви хотел пошутить но
Тебе было не до смеха
Он реально псих чуть ли не плакала ты когда он
Нашёл твою страницу на фейсбуке
Там город был указан теперь он знает куда я от него
Он приедет и
Я пытался объяснить нельзя вот так просто взять и найти
Ну да ты знаешь какой из меня утешитель
Когда твой сын вырос настолько
Чтобы задавать неудобные вопросы
Ты уже замела следы
Вы не расписывались ребёнку ты оставила
Свою фамилию
Никаких зацепок аист принёс
Когда мы официально
Вступили в войну ты
Пыталась его пристроить подальше от
Боевых действий у тебя были связи но
Он сам пошёл в военкомат ведь это святое
Защищать свою родину
Такой чистый наивный
Юноша твой мелкий
Он вернулся
Как раз когда я заскочил к тебе
На чашку чая
Всю дорогу молчал глядел исподлобья
Пирожные в горле застревали я поспешил откланяться
Как только дверь за мной устроил безобразную сцену

Я значит кровь проливаю а она
Путается со всякими чаи гоняет
Из твоего бара бутылку коньяка всю вылакал
А знаешь говорит как я впервые
Убил человека
Под бердянском укры внезапно пошли в атаку
Он прямо передо мной нарисовался
Такой в возрасте мужик наверное командир
Это я потом подумал
А так даже испугаться не успел
Руки сами всё сделали с близкого расстояния
Почти в упор
Документы его взял на память как талисман
От пули говорят оберегает
На фронте хаха становишься суеверным
Вот кстати достаёт из внутреннего кармана а там
Имя фамилия а главное фото
Ты тогда чуть в обморок не
Да ладно садись чего вскочила
Давай ещё по одной за победу
Обними меня что ли
Я вернулся.
2018

***

Всенародный советский праздник
Рождества Христова
Маленький человек перед алтарём
Камера выхватывает застывшее лицо
Руки сдавили тоненькую
Церковную свечку
Беззвучно капает воск
В храме проходит
Спецслужба.
2018

***
путин иди нахуй
это была техническая запись
для корректировки
мироздания.
26.04.2022

Мариуполь
I
О.П.
Помнишь ты нас сосватала
к своим родственникам на море если честно не понравилось
Ну да теперь всё по-другому
никакой таможни не надо бумаги заполнять на границе
деньги менять
просто сел в поезд и
Это ничего что они там не то сгорели при бомбёжке не то их зачистили
вместе с городом фигня война море-то осталось
пляж правда хреновый был
с нефтяными разводами.

II
О эти братские могильные объятия

Города побратимы
Мы предложили они не смогли отказать
такие братские
могильные
объятия
станет мёртвым всё до чего эти руки дотянутся
Нет больше границы и оттуда сквозняк не захлопнуть и
они уже здесь на наших улицах безмолвные призраки
что им теперь голод обстрелы тут вон какое солнышко в
объятиях набережных

можно двинуть по рекам и каналам глазеть на
достопримечательности
фасады трещинами
корчатся
под взглядами их чёрными прозрачными пустыми
воротниками.
21.05.2022

Ты говоришь XLVI
Ты говоришь
моя совесть чиста я всегда был против
Дада против
все вы против про себя с фигой в кармане
а вслух что ты сделал когда ещё можно было
предотвратить
участвовал в акциях протеста фиксировал нарушения на
выборах
может судился с этими тварями
нет ты смотрел очередной сезон игры престолов и
закрывал ипотеку
что сделал ты когда эти твари развязали войну
когда той самой фашистской силой тёмною вдруг
оказались мы
ты вышел на площадь или хотя бы призвал в своём
блоге
прекратить кровопролитие
у тебя даже блога нет

Ты говоришь по крайней мере я в этом не участвую
А куда уходят твои налоги
Даже если зарплата твоя черна как копоть есть ещё ндс
двадцать процентов с любой твоей сраной покупки
возьми калькулятор
сколько военных преступлений ты оплатил из своего
кармана
рассказывай о том как ты не участвуешь

Ты говоришь а сам-то
Да я такой же как ты
тебе легче от этого?

29.12.2022

***

I hope the Russians love their children too.
(Sting)

Мы ненавидим своих детей
мстим за голодные девяностые им не понять
у них трагедия когда вайфай отваливается да мы с
магнитофонных кассет
загружались
вкус нового коктейля для них резковат мы спирт рояль из
под крана бодяжили
и ничего
слишком легко им достаётся привыкли на всём готовеньком
Мы ненавидим своих детей
мы не хотим не допустим чтобы у них было лучше чем
нетушки давайте по нашему чтобы говно чтобы нищета
кто разрешал вам жить красиво
сначала у старших спросите
вот вам самое высшее образование солдатским ремнём
научим родину любить духовные скрепы от горла до
подбородка
Мы желаем смерти своим детям
в чужой стране где чужие люди их ненавидят
почти так же сильно
как ненавидим своих детей мы отцы и матери
новых нарожаем более послушных
с нами бог.
17.07.2022

***

Gott mit uns.
Девиз на пряжках солдат вермахта (1935–1945)

God’s not on our side because he hates idiots also.
из фильма «Хороший, плохой, злой», 1966

Бог против нас
Иначе за что нам все эти наказания
плохая погода бездарные командиры
партизаны наконец
ведь это же наша территория которую мы освобождаем от нацистов
это у них в тылу должны быть партизаны а не у нас
иначе как вмешательством высших сил и не объяснишь
Бог против нас так незачем ему поклоняться
освободим нашу церковь
от всяких там сопливых неукради неубий возлюбиближнего
явно сочинённых заокеанскими хозяевами
этого проповедника из Назарета как там его
В конце концов он умер две тыщи лет назад согласно отчёту
офицера фсб руководившего казнью
Если же он воскрес как утверждают его последователи
то наш с вами долг объявить его иностранным агентом
Он явно против нас.
25.12.2022

Макіївка 01.01.2023
Бом бом куранты ура сапогами задвигались ящики
потянулись кто железной кружкой
у кого пластиковый стаканчик
чья то фляжка булькнула атмосфера тёплого
домашнего праздника
Давай селфи с боевыми товарищами жене отправь чтобы
она там не очень за тебя нормально у нас всё да откуда

трофейная тут восемь лет уже наши стоят ну как бы наши
хаха всё украдено до нас о смотри газманов ебать ещё
живой не они там конечно по ящику толково задвигают а я
всё равно не пойму зачем мы здесь ага странно оно вышло
до сих пор как во сне приколись а ведь ни у кого из нас
такого нового года не
    завыло заскрежетало в воздухе
    растянулся
    лопнул
    звук
    посыпались стёкла потом
    сдетонировало
и не будет.

06.01.2023

***

На той стороне
парка
ещё лето
полосатая кошка не касаясь листьев
опавших в зубах её
осени запах
слезами мазков по серым разм ы в а
по зелени жёлтым краям огненных сполохов горько-сладких
оттенков
обнимать деревья кто мы гости явленного
Вот на скамейке пёстрая перчатка
цвета осени.

26.09.2021

Чёрная комната 2022
В соавторстве с бессознательным О.П.
Как на детских рисунках отпечатки сапог
Да как святые отцы благословляют убивать
На улице зигует белая ночь
Я заклеил окно мусорным мешком

Припев:
Научи меня жить в чёрной комнате
Научи меня жить в кромешной тьме

Матюгальник задыхается криками ура
Там у них очередной военный парад
На лестнице шаги, на лестнице возня
Я придвинул книжный шкаф, где была входная дверь

Припев
Электричества нет, разрядился телефон
Из крана третий день ничего не течёт
И не смыть с ладоней весь этот стыд
Не смыть эту грязь, этот липкий страх

Припев
Если видишь вспышку, считай до десяти
Если слышишь грохот, считай, что повезло
Если не слышишь, значит, не успел
Завяжи глаза выстрелом в упор

Припев
А вот и он, Судный День, как пришёл, так и ушёл
Больше нет ничего, совсем ничего
Соскреби с подоконника убитое стекло
И воскресни, протянув ладони дождю.
30.06.2022

Эссе

Беня Жирон

Год назад мы оголтело следили за зимними Олимпийскими играми — так, будто сами когда-то были спортсменами. Мы — не были. Нам говорили: как только кончатся соревнования, начнется война. Мы не верили, отрицали, сомневались.

В необратимо приближающейся войне есть что-то завораживающее, как в триеровской «Меланхолии». Особенно для нас — не украинцев, не россиян, жителей других, но близких к возможному конфликту стран, наблюдающих со стороны. Прикрывшись олимпийскими флагами, мы задрали головы, открыли рты и ждали, что через мгновение обрушится известный нам мир.

Дождались.

Весна войны

Моя бабушка — фашист. Говоря это, я испытываю стыд. Такой же чудовищный иррациональный стыд, какой охватывает одиннадцатилетнего ребенка, стесняющегося привести «крутых» одноклассников в однокомнатную квартиру, где он живет с младшим братом, родителями и старым котом.

Больше всего на свете бабушка любит и чтит своих родителей: Юлию Моисеевну и Иосифа, которые делали все, чтобы закончилась Вторая мировая война. Всю жизнь бабушка верила и учила нас: никогда больше.

Моя бабушка — ребенок войны. Она не выбрасывает черствеющие кусочки хлеба. Даже в самый урожайный год, когда яблоки с дачных яблонь некуда девать, она срезает с плодов гниль, чтобы из хороших кусков приготовить компот, варенье, пирог… чтобы ничего не пропало.

Под шарлотку и детский гвалт мы открываем шампанское и спорим, хохоча, что лучше: «Абрау-Дюрсо» или, скажем, «Вдова Клико». Я выпиваю лишнего, идеологический спор становится жарким. Бабушка — цирлих-манирлих — молчит, но тяжко вздыхает: «Как это мы упустили девку?»

Раньше, когда семья собиралась вместе, бабушка вставала в шесть утра и готовила всем кашу, жарила оладушки, варила кофе; мы просыпались позже и слетались на запах. Всю жизнь на кухне у бабушки были кастрюли для мясного и для молочного. А теперь оказалось, что моя еврейская бабушка — фашист.

Больше месяца мы не виделись и не говорили. Теперь пару раз в неделю перекидываемся короткими смс: «как ты?» — «норм, а ты?». И за этим молчанием я очень горько вздыхаю: «Как это мы упустили наших бабушек?»

Лето войны

Когда бабушка с дедом завороженно смотрели российские новости и вздыхали о судьбе России, мама говорила: «Чужая страна — чужое горе». В этом году оказалось: страна-то чужая, а горе — наше, наше общее. Страшное, общечеловеческое горе, сжирающее все на своем пути, как гусьгусевский Колобище.

«Гигантское Колобище катится по Тверской и добычу ищет…»

24 февраля Машка, моя умная старшая сестра, объявила: «Мы не можем не встречаться с бабушкой и дедом, но мы все — и они тоже — должны молчать о войне. Мы не будем это обсуждать, иначе у нас не будет мира».

«Он ушел от бабушки много лет назад и съедал на пути своем всех подряд…»

Летом на даче, когда наш двор заливал ливень, а поля Украины горели и содрогались от взрывов, мы молча выходили курить на крыльцо. Тихо-тихо, чтоб не спугнуть шаткий мир. Бучччч-ччччча - чччь - мол-чи.

«Колобище сметает все на своем пути. Не надейся, от него не уйти, не увернуться и не укрыться в сквере…»

Во всей этой канители каждый пытается узурпировать право на боль. К гражданам Украины прибавились те, кто никогда не бывал в этой стране, но обнаружил в себе украинскую кровь. К испуганным россиянам прибавились русские всех мастей и русскоязычные всех национальностей и стран. Каждый считает, что у него болит сильнее, доказывает, спорит. «Ты не понимаешь», — говорит мальчишка из Питера. И глубоко вздыхает, выпивает водки, молчит. У него — сильнее: он оставил там всё, он кого-то любил там, в той жизни, а теперь… Я, конечно, не понимаю. И вздыхаю. Выпиваю. Молчу.

Вместо коллективной вины и ответственности, о которых так много говорили вначале, мы все — в Латвии, Грузии, Франции, Израиле — погрязли в коллективной боли. Она обжигает холодом и тоской, как промокшие и заледеневшие джинсы, в которых ты, дурак, еще недавно валялся в снегу, катаясь с горки.

«Мы все оказались внутри Колобища. Внутри его страшно и так непонятно. Так хочется взять и вернуться обратно…»

Мы так и не говорим с бабушкой и дедом про войну, но каждый раз, когда встречаемся, они выглядят все мрачнее.

И самое страшное — как только один чудовищный колобище окажется побежден, кто-то сразу предложит: «Испеки мне еще колобок?»

Осень войны

«Я буду шеф-поваром, — говорит Женька, мой восьмилетний сын, — и получу мишленовскую звезду». Женька умеет готовить омлет со специями и сыром, лепить вареники (и делать тесто, ведь это липкое занятие совсем не по мне), плести халу и знает, каким должен быть борщ. «Никаких кубиков, — провозглашает он. — Свекла должна быть натерта, а капуста — положена в последний момент, чтобы хрустела». Этому Женьку четыре года назад, когда ему было четыре, научил один одессит.

Женька родился в 2014-м. Крым уже был их, и разговоры с бабушкой и дедом обрели острые углы. Мы научились их обходить. И, как оказалось, напрасно — стоило натыкаться и спорить. С пеной у рта, с отчаянием, не боясь их возраста, потому что к двадцать второму они стали старше на восемь лет, и теперь действительно уже не поспоришь.

В этом увядающем двадцать втором мы не ведем острых разговоров: мы молчим и едим, устраивая кулинарные провокации. Вместо русских щей на столе вдруг оказывается борщ, котлеты неожиданно становятся киевскими, водку заменили горилкой. «Будешь?» — многозначительно спрашивает у деда муж сестры, и поднимает бутылку. Дед с тоской смотрит на этикетку, о чем-то с собой договаривается и угрюмо брякает: «Буду!»

Повеселев через пару рюмок, он начинает спорить: мол, «нормальная водка лучше» и «зря вы все это». Зря, конечно. Но не мы.

Это какой-то чертов абсурд — наблюдать, как твоя еврейская бабушка, пребывающая в здравом уме, ребенок войны, свято веривший в «никогда больше», теперь находит какую-то логику и, прости Г-споди, даже мораль в происходящем.

В одном мы сходимся — в патриотизме и уверенности, что нужно бороться, воевать за родину. Сходимся — если, конечно, не вдаваться в подробности. Родины у нас разные (так и хочется ей сказать иногда, что ее родины вообще уже 30 лет нет на карте, и продолжить про Палестину).

С патриотизмом у меня просто. Я точно знаю, какой он на вкус. Это не серый горох со шпеком, не водка и не борщ (даже если капуста правильно хрустит). Первый раз я целовалась по-взрослому — с языком — на ступенях Памятника Свободы. Мне было пятнадцать. Я дрожала от холода и возбуждения и не знала, как не стукаться носами, куда девать руки и что делать с языком.

Что делать с языком тут, у подножья Свободы, не знают уже тридцать лет. Впрочем, ответ очевиден: забыть про руки, спину и вообще части тела, расслабиться, отдаться этому счастью и иногда открывать глаза, посматривая на три немишленовские звезды.

Год войны

Война идет почти год. За это время можно было зачать и родить, открыть в себе материнский инстинкт, запредельную нежность, принятие, сострадание. Вместо этого мы открыли в себе ненависть и злобу. Мы стали ожесточенными, отвратительными и пустыми. Мы все — не жители России и Украины, а жители этой планеты — сделались соучастниками и врагами друг другу и самим себе.

Эта война лишила нас человечности.

Теперь, когда в новостях мелькает количество трупов от очередного обстрела, мы больше не плачем и даже позволяем себе чудовищные оценки — «мало» / «много».

Эта война лишила нас права на горе.

Теперь, если ты вдруг решил взгрустнуть, всплакнуть, впасть в депрессию, ты обязан тысячу раз извиниться, устыдиться, признать, что не прав. «Мне, конечно, не так плохо, как тем, чьи дома бомбят в Украине… — должен сказать ты сначала. И добавить, — Тем, кто был вынужден бежать из России, конечно, намного хуже, чем мне…».

Эта война лишила нас разума.

Теперь мы судим, осуждаем и ненавидим отчаянно и люто, как глупые подростки, попавшие в радикальную банду. Если на трассе нас подрезает машина с российскими номерами или в тихом рижском кафе кто-то на русском шумит, мы говорим: «Русский мир пришел». И ужас в том, что не шутим: мы искренне думаем так, но тут же себя одергиваем и злимся — на русский, на мир, переставший быть мирным, и (больше всего) на себя самих, попавшихся на крючок ненависти.

Никто не стал лучше от этой войны. И не станет. Даже когда она кончится, в ней не окажется победителей.

Данил Фокин

Мыслить и говорить о войне: антивоенные протестные письма в России (24.02–07.03.2022)

Спустя год войны России против Украины, год «*месива, крошева и оптовых смертей*», хотелось вернуться к той точке невозврата, в которой многие мои соотечественники оказались в день полномасштабного вторжения в Украину. Точка эта — не конкретный час и день. Это дистанция, которую прошли ум и сознание в попытке понять, что произошло, в — часто тщетном — усилии подобрать слова, чтобы описать невыразимое. Эта точка растянута на первые две недели войны, когда глаза не отрывались от новостных лент и сообщений. В это время появились десятки антивоенных писем и петиций с требованиями прекратить боевые действия.

Петицию на Change.org подписали более миллиона человек; еще сотни тысяч подписывали письма от имени различных организаций, профессиональных сообществ, НКО, депутатов и т. д. Всего было собрано более полутора миллионов подписей. Эти письма — свидетельства глубокого шока и потрясения.

Письменные обращения использовались в качестве средства вертикальной коммуникации еще с XV века — тогда они были известны как челобитные, — однако во всей истории России этот феномен до сих пор не существовал в подобном масштабе. Письма советских диссидентов, например, подписывали не тысячи, а десятки смелых людей. И хотя открытые обращения появлялись на протяжении всего путинского правления (см. тут и тут), ни одно событие не вызывало такой массовой реакции.

С лингвистической точки зрения русские антивоенные письма — артефакты, порожденные войной; свидетельства фундаментальных изменений в понимании этого события и переосмысления гражданской и политической позиции многих россиян. Мало какое событие современной истории России вызывало такой мощный социальный отклик и протест. Несмотря на то что впоследствии многие из подписантов и авторов этих обращений были подвергнуты репрессиям и преследованию, а часть писем была удалена или скрыта авторами из-за страха перед новыми репрессивными законами, нам удалось предварительно собрать и сохранить эти тексты (анонимизированные письма доступны по ссылке: https://osf.io/besw6. Всего 65 текстов. 65 попыток достучаться. 65 призывов, проникнутых пламенной надеждой остановить кровопролитие и смерть. 65 неуслышанных просьб сотен тысяч людей. Эти письма запечатлели колоссальную борьбу эмоций, ощущений и чувств, которую российские граждане переживали в первые недели войны. Во многом разные, они объединены единым призывом: «Нет войне».

Используя корпусный анализ (SketchEngine) и тематическое моделирование (InfraNodus), мы выделили в письмах шесть категорий, на основании которых можно судить о переосмыслении понятия «война»: 1) *ассоциации*; 2) *синонимы*; 3) *определения*; 4) *отношение к украинцам*; 5) *самоощущение*; 6) *последствия для России*. Они позволяют приблизиться к пониманию глубокого переживания, испытанного подписантами. Чтобы уловить силу изменений, произошедших в лексической организации вокруг понятия «война», мы сравнивали используемые в этом контексте словарные единицы с Национальным корпусом русского языка (НКРЯ) и Русским ассоциативным словарем (РАД).

Ассоциации

Несмотря на используемый пропагандистами эвфемизм «специальная военная операция», происходящее в Украине однозначно воспринимается как *война*, участники которой — Украина и Россия — эксплицитно выражены. Война ассоциируется, прежде всего, с *разрушениями* и *человеческими страданиями*. Тексты писем предельно антропоцентричны: *«гибель», «смерть», «жертва», «насилие», «потеря», «боль», «страдание»* — все эти понятия служат страшным напоминанием о беззащитности человека перед рукотворной катастрофой; именно они чаще всего возникают в письмах в качестве ассоциаций и служат описанием ужаса, приносимого войной.

С 1988 по 1997 год в России проводился масштабный ассоциативный эксперимент. В нем респонденты чаще всего называли в качестве ассоциаций к слову *«война»* — *«мир», «и мир»* (роман Л. Толстого) и *«миров»* (роман Г. Уэллса); и лишь затем — *«смерть», «отечественная»* и *«ужасная»* (РАД). Такая существенная разница в выборе лексем свидетельствует о значимом изменении восприятия нынешней войны современниками. Как мы видим, в 90-е, несмотря на еще свежую память об афганской кампании, *«мир»* был наиболее частой ассоциацией. Это значит, что война воспринималась как некое отдаленное событие, не присутствующее в повседневной реальности носителей. Нынешний конфликт, напротив, воспринимается непосредственно, вне исторических и культурных связей. Теперь *война* — не что-то скрытое и далекое, но, наоборот, ежедневно касающееся каждого событие. Антропоцентризм писем также свидетельствует об эмпатии, эмоциональной вовлеченности, о переживаниях подписантов за других людей, особенно тех, кто стал невинными жертвами конфликта. Согласно двум корпусам, именно *«смерть»* является наиболее стабильной ассоциацией с войной.

Синонимы

Синонимы к понятию «война» в письмах негативно эмоционально окрашены и представляют Россию агрессором: слова «*(военные/боевые) действия*», «*конфликт*», «*военная операция*», «*вторжение*» и **«агрессия»** звучат скорее осуждающе, обнажая еще один сдвиг в понимании происходящего. Ранее синонимичный ряд был преимущественно нейтральным, без негативных коннотаций и скрытых подтекстов: *«борьба», «конфликт», «революция», «кризис»* (НКРЯ). Вторжение 24 февраля резко изменило этот баланс, побудив авторов использовать негативно детерминированные лексемы. Текущая война, в сравнении с тезисами пропаганды, не обладает для авторов писем ни одной из исторически обусловленных коннотаций *«освобождения», «спасения»* или *«защиты».* Используя лексемы активного действия, подписанты имплицитно указывают на агрессора, негативно оценивая действия России в Украине.

Определения (модификаторы)

Одним из важнейших свидетельств переосмысления понятия *«война»* в антивоенных письмах служат определения: *«неоправданный», «братоубийственный», «бессмысленный» конфликт.* Они отражают оценку происходящего подписантами, их недоумение и возмущение начавшимся вторжением. Однако более значимо то, что ранее понятие *войны* было прочно обусловлено историческими событиями и спаяно с ними, теперь же никаких связей с историческим контекстом не возникает. *«Отечественная», «великая», «мировая», «гражданская»* (НКРЯ) — раньше все эти прилагательные «определяли» войну в сознании носителей. Вторжение в Украину обусловило новую, черно окрашенную страницу в отечественной истории: *неоправданное* уничтожение народа, который миллионы россиян воспринимали *братским*. Использование определения *«бессмысленная»*

по отношению к войне выявляет оцепенение — эмоциональное и психологическое — подписантов, не способных найти даже малейших причин для обоснования вторжения. Так возникает общее состояние фрустрации, прослеживаемое в письмах, в особенности при анализе эмоциональной реакции на войну.

Отношение к украинцам и самоощущение россиян

При анализе писем выявляются два противоположных эмоциональных фона. С одной стороны, это чувство *солидарности* с народом Украины, *беспокойство* за жителей страны и *уважение* к их борьбе, что демонстрирует глубокую эмпатию подписантов по отношению к украинцам. Они считают действия России *неоправданной*, *бессмысленной* агрессией и *братоубийством*. Со своей стороны, они чувствуют *позор*, *стыд* и *ответственность* за происходящее. Здесь отчетливо видна диспозиция, которая в течение года лишь углубится и станет более ярко выраженной: солидарность и желание помочь Украине среди сознательных россиян будет расти (см. тут, тут) вместе с уровнем фрустрации и подавленности (см. тут), что очень явно отражается в поэзии, музыке, искусстве.

Последствия для России

Практически каждое письмо завершается перечислением возможных последствий этого вероломного акта для России. *Изоляция* — экономическая, международная, социальная, — и *деградация институтов* — социальных, гуманитарных, научных — называются чаще всего. Мотив *изгойничества* России в результате совершенного ею преступления отчетливо прослеживается во многих письмах, он регулярно возникает в медиа (также тут). Эта перспектива вызывает у подписантов вполне отчетливый страх, провоцирующий подавленность. 27 февраля 2022 года молодые русские ученые выпустили видеообращение против войны. Эти голоса, аргументы, эмоции вызывают

живой отклик, солидарность и гордость. В этих обращениях, так же как и в письмах, эксплицитно или скрыто присутствует глубокое понимание последствий, которые влечет за собой неоправданная агрессия России в отношении Украины. Тем самым грядущая *изоляция* становится общим местом при оценке последствий военной агрессии.

Антивоенные письма демонстрируют, наравне с общим настроением подавленности и возмущения у подписантов, фундаментальные изменения, которые начали происходить в сознании граждан России в условиях, когда оставаться безучастными стало невозможно. Происходящее существенно влияет на мировосприятие каждого прямо или косвенно вовлеченного в войну — свидетеля, солдата, жертвы, участника, небезразличного наблюдателя. Это, в свою очередь, провоцирует глубокие изменения в практиках вербализации, то есть в способе *говорения о войне*, а значит, и в том, как о ней мыслят. Письма демонстрируют, что война больше не является абстрактным феноменом, отделенным от современных носителей русского языка десятилетиями и годами. Наоборот, она постоянно присутствует рядом, стала неотъемлемой частью повседневности, что приводит к радикальному переосмыслению. Именно этот сдвиг наблюдается при сопоставлении писем с корпусами русскоязычных текстов. Нынешняя война спровоцировала *освобождение* этого понятия от исторически и культурно детерминированных событий — или как минимум ослабление этих связей. Теперь война воспринимается отдельно от прошлого, что, следовательно, ведет к реорганизации ментального лексикона, то есть терминов, возникающих в сознании людей, когда они думают о войне.

Каждый день мы обнаруживаем множество проявлений войны. Возможно, происходящие в сознании и лексиконе изменения одновременно воспитывают в людях человечность, делая носителей русского языка более эмпатичными и внимательными — и менее толерантными к насилию и агрессии.

Наталья Ключарева

От автора: *Весь этот год, чтобы не сойти с ума, я фиксирую окружающую реальность — записываю то, что вижу и слышу. Пересматривая сейчас эти разрозненные записи, я вижу, что их можно разделить по темам. Одна из этих сквозных тем — дети. Мы живем в глубине России, далеко от фронта и границ. Но и здесь, в нашей сравнительно мирной действительности, война вламывается в детские души. Дети до жути легко усваивают любой язык, в том числе и язык ненависти. Хотя не все в этой картине написано черной краской. Есть, как ни странно, и легкие штрихи надежды.*

***

В классе у старшей дочки одна девочка сказала: «Поднимите руки, кто за войну». Все подняли, а моя говорит: «Я не знаю, мне мама ничего об этом не рассказывает». При том, что мы каждый вечер об этом говорим.

Дополнительную пикантность ситуации придает то, что мама у той девочки работает в полиции. Милая такая рыжеволосая дама, на руке татуировка — что-то по-испански про счастье. Каждый раз, собираясь на митинг, представляю, как она меня обыскивает своими красивыми белыми руками, а я по привычке, как на родительских собраниях, пытаюсь прочитать, что там у нее написано про счастье, но вторая часть фразы скрыта под рукавом.

***

Аля рассказывает:

«25 февраля мне позвонила мама и совершенно обычным голосом спрашивает: “Как дела?”

А я даже говорить не могу от боли.

“Мама, — отвечаю, — мне так стыдно”.

А она: “Да как ты смеешь стыдиться?! Ты гордиться должна!”

Я положила трубку, и с тех пор мы не общались.

Часто я ухожу в лес и там кричу, чтобы не срываться на тех, кто рядом. Ваня (сын, 10 лет) вытирает мне слезы и говорит: “Ну, поплачь, поплачь”.

Ваня начал вести дневник. Рисует там пацифики и перечеркнутые Z. Надо будет сохранить для истории. Если при обыске не отнимут».

***

Это Мария из Мариуполя. Ей 6 лет. Она стоит передо мной босиком на мягкой траве и старательно играет на дудочке. Вечернее солнце золотит ее пушистые волосы, заплетенные в аккуратную косу, так что кажется, будто вокруг ее головы — маленькое аккуратное сияние.

То, что она стоит сейчас передо мной и играет на дудочке — настоящее чудо. И то, что ее семья с ней — тоже чудо. Родителей спасло то, что в городе отключили газ. И они вышли во двор готовить на костре. В этот момент в их квартиру «прилетело».

То, что Маша с бабушкой остались живы — второе чудо. Они были дома, но, когда начался обстрел, успели выбежать в подъезд.

Что пережили родители между той минутой, как увидели, что их квартиру разнесло, и той, когда нашли Машу с раненой бабушкой в подъезде, сложно представить. Они рассказывают об этом без всяких эмоций.

Эмоции появляются только тогда, когда начинают говорить, что русские их «спасли и освободили». Я не понимаю, что это за эмоции. Но они очень сильные. Кажется, если ты выдашь хоть намек на возражение, человека просто разорвет у тебя на глазах. Поэтому я не возражаю. Спасли так спасли.

Семья Маши живет в доме моей подруги. Они почти не выходят из комнат. И Машу никуда от себя не отпускают. Мы долго уговариваем их разрешить Маше поиграть в саду у дома с моими дочками. Они неохотно соглашаются.

Я смотрю, как дети играют. С хохотом и визгом качаются в гамаке, вываливаются из него в траву, сверкая босыми пятками. Кажется, будто Маша ничем не отличается от обычных детей.

Мне хочется запечатлеть этот момент. Я достаю телефон. Все продолжают хохотать и возиться, не обращая на меня никакого внимания. А Маша мгновенно замирает и оборачивается. Я понимаю, что она только с виду беспечна. Играет и смеется, а у самой невидимые сверхчуткие локаторы крутятся вокруг головы, улавливая потенциальную опасность.

Я улыбаюсь Маше и жестом спрашиваю: можно сфотографировать?

Она кивает, подбегает ко мне и начинает играть на дудочке.

***

Кемпинг на берегу озера. В нескольких метрах от нашей палатки папа играет с детьми в войну. Дети совсем малыши, года два, мальчик и девочка, вообще не врубаются, постоянно отвлекаются, переворачивают пластиковые пистолеты не тем концом. Зато папа погружен в игру на 200 процентов. Никогда не видела, чтобы взрослые так играли. «Ложись, стреляют, прячься сюда! — орет он, роняя детей за машину. — Тихо сидеть, а то прилетит!» Все это выкрикивается с таким надрывом и яростью, что больно слушать. Как будто вокруг настоящая война.

Иду на берег за оставленной там книжкой, и на меня из кустов вываливается вся компания. Мальчик нерешительно прицеливается в меня, оглядываясь на папу. Я автоматически поднимаю руки вверх, вместе с книжкой. «Не, — хрипло говорит папа, — это гражданские. Мы мирное население не убиваем». «Да ну? — хочу сказать я. — Видимо, вы не российские солдаты». Но смотрю в его совершенно дикие глаза. И ничего не говорю. Животное чутье. За долю секунды я понимаю, что он меня на самом деле убьет, если почует чужого.

***

Ярослава: «Выписываемся с новорожденной Серафимой из роддома, она сосет палец, пеленающие ее медсестры вполголоса обсуждают мобилизацию. Это могло бы быть сценой из фильма. Но это не фильм».

***

Пришла в гости к Асе. Ее муж сбежал в Грузию, сама она тоже собирает вещи, скоро поедут к нему. Асины сыновья играют в мобилизацию. Один напялил на голову кошачью лежанку — это знак военкома. Игра выглядит примерно так:

— Сколько вам лет, молодой человек?

— Ой, я не могу, у меня дети.

— А мне посрать! — страшным голосом орет «военком», и «мобилизованный» бежит от него «в Грузию».

«Грузия» у них в ванной, мобилизованный уже там, и разочарованный «военком» констатирует:

— Свалил, гад!

Потом следует смена ролей, и лежанка водружается на другую голову.

***

Ничего необычного, просто «урок мужества» в детском саду. Детишки играют с оружием, воспитательница кокетливо держит на плече противотанковый гранатомет. Бритоголовый человек в камуфляже разложил свой реквизит на полу.

В комментариях пишут: «Это еще что, у нас в воскресной школе «урок снайперов» проводили. Приехал «оттуда» один папа, а он снайпер. Все из снайперки стреляли. Прямо в церковном дворе».

***

Экскурсовод из музея Мологи:

«Вчера ко мне на экскурсию пришел мальчик с папой. И вот, послушав про страдания людей, про разрушения, про город Мологу, который затопили, чтобы сделать водохранилище, он вдруг с радостной улыбкой говорит: «А я знаю, где нужно сделать водохранилище. Нужно разбомбить Украину и сделать на ее месте водохранилище».

Вот это страшно, а не Хэллоуин. И это вы воспитываете детей в ненависти и вам с этим жить долгие годы».

***

В одном небольшом карельском поселке на одном небольшом патриотическом уроке учеников спросили:

«Кто напал на нашу страну в 1941 году?»

«Украина!» — уверенно ответили дети.

***

Выступала перед второклассниками в обычной городской школе. Всем хотелось делиться своими сочинениями. Они выходили к доске, где висел портрет путина, и рассказывали свои истории про котят и зайцев, читали стихи собственного сочинения. В самом конце вышел мальчик и прочитал свой новогодний стишок: «Пробьют часы 12 раз и начнется война, но мы всех победим… ла-ла-ла». И путин смотрел ему в спину своими хитрыми крысиными глазками.

Я сказала мальчику: «Давай лучше она не начнется, а кончится, а то сколько уже можно».

Он покосился на путина и неуверенно кивнул.

***

У младшей дочки в классе дети опять обсуждали, «кто за путина». Все, конечно, сказали, что они за. Моя отмолчалась. Потом говорит, весь день не хотелось с ними играть и на них смотреть.

— Ты боялась, что они догадаются, что ты не за путина?

— Нет, мне просто было противно.

Идем домой, и она рассуждает:

«Вот когда путина прогонят, все будет справедливо: деревьям не будут обрезать ветки, писателям будут платить за книжки, а на дорогах не будет ям, из-за которых дети у мам из колясок вываливаются».

Спрашиваю: «Кто же его прогонит, если все за него?»

Она, не задумываясь: «Ангелы святые».

Да уж, только на ангелов и надежда.

«Богородица, путина прогони».

***

Ехали с детьми в полупустом троллейбусе и говорили о мечтах.

«Я мечтаю, чтобы у меня было сто собак!» — сказала младшая.

«А я мечтаю быть моделью», — сказала старшая.

«А я мечтаю, чтобы кончилась война. И чтобы Россия стала свободной», — сказала я.

Сидящий впереди дед в ушанке повернулся, посмотрел на меня нехорошим взглядом и стал медленно, угрожающе вставать, явно собираясь направиться к нам. Совершенно не хотелось, чтобы дети слушали то, что он имеет сказать.

«Что-то мне душно. Давайте выйдем».

Мы выскочили из троллейбуса. И долго мерзли в темноте среди безлюдной необитаемой промзоны, ждали следующего.

«Когда Россия станет свободной, — сказала младшая, — здесь установят фонарь».

«И обогреватель», – сказала старшая.

«Дожить бы», — сказала я.

Ольга Ломакина

От автора: *Я — Ольга Ломакина. Украинка. Этот текст писался понемногу, около пяти месяцев. Говорить, общаться с людьми, читать и свободно писать я смогла уже после этой автобиографической новеллы. Она нужна была мне, чтобы оттолкнуться и жить снова. Я — мать четверых девочек. Сейчас мы вместе, в безопасности, в Будапеште. Но они до деталей помнят несколько дней, проведенных в подземном паркинге под нашим домом в Киеве. Младшая дочь, Сара, 27 февраля встретила под землей свой пятый день рождения. Говорит, что на ее новый день рождения закончится война и она сможет пригласить друзей на праздник. Держу кулаки.*

Я стою на пороге квартиры и вглядываюсь в окно. Широкое запотевшее стекло выходит на Днепр. Зимняя река мерцает талым полотном льда. Свет щиплет глаза. Текут слёзы. Еще пара теплых дней, и лед тронется. Обязательно наступит весна и мою кожу обсыпет веснушками. Провела рукой по щеке. Кожа сухая и тонкая, особенно под глазами. Еще вчера она была свежей и упругой. Нужно взять с собой яблоки.

С лестничной клетки засквозило. Где-то в квартире захлопнулась дверь. Я вскрикнула, икнула и задрожала. Тело стало чужим. Предательски замерзло и одеревенело. До икоты я пугалась в детстве: «Бу! Попалась!»

— Чтоб вас! Не хлопайте дверьми! Мать ваша заикой станет.

— Это не мы!

— Это она!

— Это не я!

Скажу дочкам, что это игра: мы прячемся в подвале, и нас ни за что не должны найти. Не должны услышать. Есть будем что придется. Выиграет самая послушная.

Ветер согнал тучи к горизонту. Я зажмурилась. В голове ни одной разумной мысли — вязкое месиво: «Может, коврик взять? Из овечьей шерсти, карпатский, добротный. Кому-то придется спать на полу. И раскладной кофейный столик возьму. Новенький. Жалко бросать. Макароны, гречка есть, на неделю хватит. Ведь это не продлится дольше? Ну пожалуйста! Нужна вода. Соседи напротив, Яна с Толей, что захватят?»

— Вы с чем? — прячу в кофту лицо. Молодые, красивые, крепкие. Зачем им смотреть на старье вроде меня.

— Не боись, подушек, пледов набрали, и детям печенья. Дори! — Толя выталкивает ногой упирающегося йоркширского терьера.

— Не кричи на нее, — хнычет Яна. Нафталиновый запах шепчет: она в норковом манто.

Пялюсь на свои пожившие меховые тапки. «Я же не поздоровалась. Ну их. Главное, седативное взяла и таблетки от головной боли».

— Мама, пойдем. Папа ругается, — старшая дочь держит спиной челюсти лифта.

— Ага, иду.

— Тревога! Нужно спускаться! — еле слышу обрывки криков мужа.

— Ма-ама, мне страшно, — младшая дергает за рукав кофты.

Я стою спиной к суете и думаю: ничего, что с катышками, зато длинная и теплая. Кутаюсь в кашемир. По-стариковски ноют суставы. Я чувствую, как старею, как сутулятся плечи и горбится спина. Уменьшаюсь.

— Уже иду, — уверена, что сказала это вслух. Но меня не слышно. Вой сирены глушит все звуки. Резкое «уа-муа-иуа» просочилось под кожу, попало в кровь, разорвало желудок. Затошнило. Бросила на пороге набитый пожитками чемодан и подошла к дребезжащему окну.

За скелетом недостроя клубится черный дым. Он живой, жирный и жадный. Пытается скрыть небесную синь. Час назад я кричала в трубку подруге, что всё фейк, и война, и дым.

— Я ничего не слышала! — выключила миксер, крикнула, чтобы дети не орали. Вытерла вспотевшие ладони и прислушалась, — ну нет, тихо. — Не нагоняй панику.

— Посмотри в окно! — настаивает, что ракета упала рядом с моим домом.

— Лен, я неделю не сплю, а если засыпаю, то сразу кошмары. Так только хуже. Нервы на соплях. Зачем пугаешь?

— Это правда. Я же беспокоюсь. Реально бомбят Киев, не в телевизоре!

— У нас нет телевизора. Секунду, — я отключила микрофон, — Юр, глянь, что в чатах новостей пишут. Быстро! — рявкнула и вернулась к подруге, — я не знаю,

чему верить: глазам, тебе, новостям. Выйду на балкон, сама посмотрю. Хорошо?

— Осторожно там.

— Осторожней некуда. Обещаю. Гляну, что там, и пойдём в убежище.

— Молодец.

— Да уж. Молодец. В доме надежный подвал. Юра сказал. Он понимает в этом.

— А ты чего тормозишь? Хватай детей, тревожные чемоданы, и вниз.

— Не соображаю ничего.

— Прошу, береги себя. Держимся на связи.

— Держимся, — из рук выпала и загремела миска. Расползлось тесто на блины. С презрением и страхом смотрю, как дрожат грязные пальцы.

Я бы не верила ничему, никому, даже себе. Хочу как в детстве, в игре в прятки — закрыл глаза, и всё исчезло. Только вой за окном каждые полчаса — летят и падают ракеты. Вам на головы. Прячьтесь. Бегите кто куда может!

Не могу отойти от окна. Дышу на стекло. Мир мутнеет, а потом всё исчезает. Взять бы и выпрыгнуть туда, в талую крошку льда.

К жизни возвращает тоненькое «Ма-ама! Мама-а!» сквозь уверенный вой сирены.

— Я иду! Иду.

— Мама, быстро иди сюда! — старшая обжигает дыханием шею. Тянет с силой. То ли она уже большая, то ли я и правда уменьшилась.

— Да. Уже. Отпусти. Брысь к папе.

— Мы тебя ждем!

Правее недостроенного дома сереет мой любимый клочок пейзажа — горбатый мост от набережной на городской остров. К вечеру солнце тонет в реке, и калека-мост преображается. На горбе зажигаются и до утра сияют цветные бусины фонарей. Сейчас кусок земли лежит на воде пригоревшим пирогом. Я приложила растопыренную ладонь к стеклу, вокруг нее быстро образовалась мутная рамка.

Я запомню этот день горелым, в туманной дымке, мутью на дребезжащем стекле. За ним, в черных берегах, как в гробу, покоится окоченевшее тело реки. В небе зияет дыра. Круглая, как обведенная по рюмке. В ней исчезло солнце.

В небе сверкнуло и упало в тучи. «Пусть это будет падающая звезда». Скрестила пальцы на обеих руках. В новом кошмаре всё возможно. Я закрыла глаза. Загадала проснуться из этого ужаса, поскорее выбраться из удушающего круга разгорающейся войны.

— Мам, мы все умрем?

— Да, обязательно. Но не сегодня.

— Пойдем вниз. Сирена воет.

— Так долго.

— Я уже привыкла.

— Нельзя!

— Что же нам делать?

— Пора, — мой голос треснул и посыпался на плитку глиняной крошкой.

Шатаясь, попятилась. Кряхчу, дрожу и горблюсь. Вместе с картиной в оконной раме сжимается моя жизнь: скомкались планы, прогоркли надежды, размылись смыслы, огрызками цветных карандашей притупились чувства.

— Я не сяду в лифт. Ты не читал? При угрозе ракетного удара нужно идти пешком.

— Не дури, поехали. Не всё правда в новостях, — всегда стальное лицо мужа обмякло. Уголки рта устало опустились вниз. Дочки жмутся к нему испуганными щенками.

— Пойду пешком.

— Пойдем вместе.

— Мама, ты нам нужна!

— Ну что вы со мной как с калекой.

— Ты себя видела?

— Не хочу смотреть, — вспомнила, что не почистила зубы, не умылась, не расчесалась.

Спускаюсь. Одна. Считаю ступени. Щупаю каждую нетвердым шагом. Растягиваю жизнь на девять этажей. Я знаю, что оставляю, о чём буду горевать, но не знаю, что будет дальше. Только затхлая утроба бомбоубежища. Это первая война в моей жизни. Она страшно вопит в голове тревожными голосами. Так сходят с ума.

— Кто тут? — я беззубо шамкаю. Медленно оборачиваюсь на резкий звук. Подслеповато щурюсь и вглядываюсь в темноту. В изгибах перил отражается незнакомое лицо: тяжелые, каменные черты, истлевший взгляд, трещины морщин на лбу и тонкая нитка губ под заточенным носом. Смотрю в свое новое лицо, на гримасу уставшей старухи. Дальше — смерть.

Евстолия Тулинова

В день, когда закончились все войны, я сказала себе: ну, теперь-то можно жить спокойно. Не бояться, что умрешь от стыда или просто, не прятать слезы и деньги на черный день в томик Омара Хайяма, не спорить с собой и с другими бесплодно, ничего не пить от тревоги, не искать, где тепло и безопасно, не думать о том, что не так с человечеством и когда же это всё зако...

Ну, живи, сказала я себе, давай, чего ты. А мне не жилось. Войны закончились, но я так с ними свыклась, что теперь они у меня под кожей. Весь мой век придется оттаивать. Плакать открыто, спорить в голос, читать Омара Хайяма, а не прятать в нём доллары, привыкать к тому, что у меня нет врагов, которых надо прощать, привыкать к тому, что теперь безопасно и моим детям никогда ни за что не нужно будет убивать чужих детей. Привыкать просто жить, а не строить план побега, разжать ту руку, что даже во сне сжимает рукоять меча, выковать из меча подковы, забыть, как называются те таблетки от тревожности, забыть кошмары о бомбежках, забыть, на что мы, люди, способны.

Ваня Югов

2023

Новый год, пусть это и банально, всегда был моим любимым праздником. Семья собиралась за столом, мы весело смеялись, пили игристое, сжигали над бокалами бумажки с желаниями, обменивались подарками. Готовиться к празднику начинали с двадцатых чисел декабря. Наверное, каждый Новый год украшением дома занимался я. Под рождественские песни кропотливо измерял расстояние между ёлочными игрушками; рискуя получить синяки и ссадины, обматывал гардины мишурой. Я мог часами бродить по магазинам, разглядывая заваленные гирляндами прилавки.

Сегодня 16 января 2023 года. Я сижу в маленькой студии на окраине Санкт-Петербурга. Идет дождь. Несколько дней назад я вернулся из родного города, улицы которого утопали в снегу, а дома жалобно скулили металлическим каркасом от ночных морозов. 2023 год мы встретили, как обычно, всей семьей. Хотя привычным осталось лишь место — гостиная на первом этаже. Украшение комнаты заняло у меня меньше десяти минут. На белую елку была накинута синяя мишура, несколько голубых шариков нашли место на ее ветках. В общем-то, новогодний декор на этом закончился. Белый снег и синяя река. Неплохая цветовая гамма. Актуальная.

Дом перестал быть безопасным местом. Иррациональный страх, паника охватывали меня при виде каждой проезжающей мимо машины. Так странно. Я очень скучаю по дому, по родителям, по коту, но, понимая свою уязвимость, не хочу возвращаться. В Санкт-Петербурге никто меня не найдет. У государственной машины нет никакой информации о моем местоположении. Единственное место, где небезопасно, — здание

университета, факультет политологии, где каждый день я сталкиваюсь с реальностью. Кажется, даже строки Платона многие преподаватели могут сложить в букву «Z» — и большинство студентов и студенток поверят, что древние греки предвещали «победу» Российской Федерации в этой войне. Какое-то время это бесило. Сейчас забавляет. После пары можно выйти во двор, пересказать монолог 60-летнего патриота подругам, пошутить и понять, что я не один.

Небольшая кучка первокурсников — всё, что осталось свободным от клейма «Z» на факультете политической науки. Правда, теперь нас клеймят «либералами». Будущим политологам всё равно: коммунист, либертарианец, социалист, демократ — любой человек, не поддерживающий войну, будет записан в ряды «прозападных либеральных агентов», которые ждут подходящего момента, чтобы устроить ЛГБТ-парад на Красной площади.

Дома иначе. Там нет политических дискуссий между 18-летними юношами и девушками. Но там опаснее. Крепостное право, переименованное в «регистрацию по месту жительства», делает меня уязвимым, вынужденно бездомным. Но лучше быть бездомным в съемных квартирах, чем каждое утро просыпаться с мыслью о людях, которые могут принести повестку. Страх контакта с машиной «обороны» (нападения) Российской Федерации живет во мне давно. Военкоматы, медицинские осмотры, стиль «милитари» — всё это напоминает о беспомощности отдельного человека перед лицом «высшей формы организации общественной жизни». Государства.

Начало войны открыло мне глаза. Я стал замечать постоянное присутствие государства в своей жизни. Оно диктует правила любви: ты мальчик, значит, должен любить девочку. Оно, прикрываясь справедливостью и вечным

«общественным благом», может отнять у меня год жизни, заперев в казарме. Оно, желая контролировать мою жизнь, узнаёт обо мне всё. Оно вторгается в мой Новый год через экран телевизора. Паранойя. Ненависть. Беспомощность. Этот Новый год — ошибка. Нет ощущения праздника. У меня его украли. По пути в аэропорт Петербурга я представлял, что буду делать, если что-то пойдет не так, а не решал, как украсить елку и что подарить племянницам.

За новогодним столом было лишь одно правило: не говорить о политике. Такая себе цензура. Попытка сохранить хрупкую атмосферу семейного праздника. Как бы то ни было, слово мамы — закон, поэтому к полуночи я ретировался в свою комнату, чтобы не слушать байки об «укронацистах», не видеть на экране главу террористической организации, под контролем которой находится примерно 1/9 часть суши. Вспоминая ночь с 31-го на 1-е без особого усердия, можно сказать, что всё прошло гладко, все довольны, подарки получены, гирлянды зажжены… Но картонные диалоги и безуспешные попытки посмеяться говорят об обратном. Возможно, среднестатистическим русским женщинам и правда нет дела до Бучи, Артёмовска, Днепра. Они слишком устали от бесконечных дел, кризисов, счетов, разводов. Я понимаю и сочувствую. Но говорить о погоде во время войны не могу. Это как прочитать на похоронах жизнерадостную оду Ломоносова или пошлую подделку под Маяковского.

Я снова в Петербурге. И я снова скучаю по дому. Странно, но я рад, что лишен возможности уехать из России. Эмиграция отрежет меня от близких. Это страшно. Каждое мое утро начинается с просмотра новостей, с мысли о скором объявлении второй волны мобилизации, а каждый вечер заканчивается вздохом облегчения: «Ну, не сегодня…» — за которым обязательно следует: «В этом месяце точно». Эти мысли, этот сжигающий нервные клетки

страх — отголоски 2022 года. Это похоже на снег в мае: зима не хочет уходить, но лето неизбежно. 2022 год тоже не хочет уходить; пока что неизвестно, когда начнётся 2023. Но его приход мы заметим обязательно. Замолчат автоматы, винтовки будут брошены на землю, взрывы закончатся, всё затихнет. И желание на Новый год у всех будет одно: лишь бы эта тишина не была свидетельством конца всего.

Максим Матусевич

Война против ностальгии

Бессменный президент Российской Федерации Владимир Путин, развязавший жестокую и несправедливую войну против Украины, вырос в моем районе города Ленинграда, прямо за углом от дома, где несколько десятилетий жила в большой коммунальной квартире моя бабушка. Такой вроде бы незамысловатый биографический факт тревожит меня. Неприятно знать, что персонаж, в котором соединились самые ненавистные мне человеческие качества, ходил по «моим» улицам, что он лупил по мячу в мрачных, пропахших кошками дворах, в тех самых родных, обшарпанных дворах, где прошло и мое детство. Мы принадлежим к разным поколениям, но мне все равно больно думать, что шпаненок с Басковки по имени Володя, скорее всего, ездил со мной на одном трамвае, что мы, вероятно, выходили на одной и той же станции метро. У нас с ним отчасти общее прошлое, и это мне крайне неприятно: не хочется делить прошлое с диктаторами и убийцами. Это как если бы вы вдруг обнаружили, что ваша возлюбленная переспала с кем-то совершенно отвратительным. Давно дело было, да и ладно... но все же ваши отношения уже не те, любовь запачкана, что ли. Это даже не ревность, а что-то менее романтическое: чувства тяжелеют, нежность уходит.

Войны нарушают наше представление о привычном, в этом их особый ужас. Под бомбовыми и артиллерийскими ударами знакомая местность становится неузнаваемой, города теряют свое лицо, свою идентичность. Летом 1914 года миллионы европейцев воспринимали упорядоченность географии своих городов как нечто само собой разумеющееся. Они воспринимали как данность обрамленные липами бульвары, статные фасады доходных зданий, великолепие готических и барочных соборов. В начале того страшного лета обеспеченные европейские

семьи планировали выезды на дачу и поездки на море, они жили в предвкушении летнего отдыха вдали от городского шума, под сенью тополей, на берегу прохладных озер. Но всего через несколько месяцев цветущие поля Фландрии превратятся в выхолощенную, изрытую лунными кратерами разрывов пустошь. Эти меланхоличные пейзажи конца света знакомы нам по черно-белым историческим фотографиям. Мы видим измученных солдат с ничего не выражающими лицами, бредущих в своих облепленных грязью шинелях между искореженными останками деревьев. Dead men walking. Кругом разруха, лужи со стоячей дождевой водой. «Мир, как мы его знали, подходит к концу».

Это образы разочарования в счастливом будущем человечества, но одновременно и разочарования в прошлом. Какой смысл в прошлом, если оно не способно бережно и с любовью привести нас к счастливому концу истории? Какой смысл в элегантных парижских салонах, или в недавно открытом центре автоуслуг «Мерседес-Палац» на берлинской Унтер-ден-Линден, или в иллюминированном катке в самом центре фешенебельного третьего округа Вены, если число убитых и раненых в ходе битвы на Марне в 1914 году превысило полмиллиона душ? Кому нужно такое будущее? Оно напоминает картину Отто Дикса. А будущее, напоминающее картину Отто Дикса, — это уже не будущее, а нечто сорвавшееся со своей диалектической траектории и бессмысленно болтающееся в пустой временной воронке.

Мне кажется, что именно таким образом мой старый армейский друг Сергей воспринимает войну, развязанную г-ном Путиным, — войну, которая перевернула с ног на голову его, казалось бы, устоявшуюся жизнь. Мы дружим очень давно. Много лет тому назад, в совершенно другой жизни мы с ним промаялись пару лет на захолустной

военной базе в двухстах километрах к востоку от Москвы. Дни тянулись в невероятной тоске, которую мы разбавляли воспоминаниями о подвигах на гражданке — чаще придуманных. Мы развлекали друг друга байками о крутых пьянках, о бесконечных прогулках по городу во время белых ночей, о сексе с лихими подругами на ржавых крышах с видом на Петропавловку. Привирали, конечно. Как и я, Серега был из Питера, и эта общность казалась чрезвычайно важной нам, двадцатилетним, мечтающим об освобождении и возвращении в родной город.

После армии наши пути очень быстро разошлись. Страна переживала конец истории: я, как и тысячи других советских евреев, уехал на Запад; Серега увлеченно ринулся в бизнес и начал ловить рыбку в мутной воде постсоветского капитализма. Времена были интересные, но очень опасные. За свой изначальный энтузиазм Серега чуть не поплатился жизнью. Какие-то бандиты отжали у него фирму, и ему пришлось бежать из города. После нескольких лет скитаний по ближнему зарубежью он наконец осел в Киеве, где жизнь оказалась победнее, но безопаснее. Ему пришлось начинать с нуля, но Серега не унывал. Он основал фабрику по производству водопроводных труб, и бизнес вскоре пошел в гору. Он во второй раз женился, у него родился ребенок. Общались мы редко, но по ходу наших периодических телефонных разговоров мне было ясно, что друг мой жизнью вполне доволен. У него появилась квартира в центре Киева, он приобрел статусный внедорожник с затемненными стеклами, на котором катался на дачу. На даче Серега построил баню, прямо на берегу озера. А еще у него есть катерок для рыбалки и огромный гриль — огромный, потому что Сергей и его жена обожают посиделки и, как он часто уверяет меня, славятся своим «легендарным» гостеприимством. Вот уже несколько лет каждый телефонный разговор с Серегой заканчивается настойчивым приглашением приехать в гости. Сергей явно

преуспел, но при этом обходится без дурацких понтов и удовлетворяется простыми радостями. Он любит рыбачить и ходить на охоту за мелкой дичью с друзьями, а потом забуриться в сауну или жарить мясо на шампурах. Проживая в сотнях километров от Невы, он тем не менее продолжал болеть за любимую футбольную команду, верность которой сохранял с раннего детства. Все эти годы взлеты и падения «Зенита» составляли как бы общий фон его жизни. Сергей страстно любит пиво, но для него это не алкогольный напиток, а скорее сближающий друзей ритуал. Он ценит мужскую дружбу. Он... да чего уж там, Сергей крайне сентиментален. И эта сентиментальность окрашивает в пастельные тона все его юношеские воспоминания. О прошлом он склонен вспоминать с неизбывной нежностью, которая напоминает мне песню, ставшую очень популярной в годы перестройки:

«Когда мы были молодые
И чушь прекрасную несли
Фонтаны били голубые
И розы красные цвели.
Когда мы были молодые
И чушь прекрасную несли»

В советские времена поэтесса Юнна Мориц, автор этих строк, считалась почти диссиденткой. Ее стихи были наполнены каким-то невероятным детским обаянием, их трогательная образность очаровывала и отвлекала от мрачноватой советской повседневности. А нынче... А нынче ей далеко за восемьдесят, и пишет она оды «вставанию с колен», прославляет путинские войны. Человек, подаривший мне любимые песни моего детства, с годами превратился в барда имперского шовинизма. Память, пой...

Ну а как же обстоит дело с Сергеем? Удается ли ему спасти испаряющееся прямо перед его глазами прошлое?

Война нанесла удар по его ностальгии. До 24 февраля 2022 года он оставался далек от политики. Нельзя сказать, чтобы он был пророссийским, скорее был человеком, мало обеспокоенным происходящим, совершенно аполитичным. Я позвонил ему за несколько дней до нашествия, поскольку, в отличие от Сереги, происходящее меня очень беспокоило. Я застал его на даче, где, судя по веселым ноткам в голосе, он уже прошелся по пивку. Мои опасения не произвели на него никакого впечатления. «Война? Какая на х..й война?! Кому она нужна?!» Было слышно, как он подлил в стакан пива и затянулся невидимой мне сигаретой, после чего поделился со мной собственным анализом большой политической игры. Его рассуждения были настолько пропитаны конспирологией, что мне показалось, будто мой друг увлекся какой-то неизвестной мне формой самотерапии. «Расслабься, никакой войны не будет», — уверил он меня.

Через несколько дней Серега загрузил семейство в машину и погнал на полной скорости обратно в Киев, избегая главных дорог, где, по слухам, должна была продвигаться российская бронетехника. Они успели. А потом были недели ракетных обстрелов, дни, проведенные в бомбоубежище или просто на лестничной площадке. В апреле к ним переехала подруга дочери из Харькова. Девочка жила с отцом, который однажды вышел в булочную и не вернулся: ракета разорвалась прямо рядом с очередью у входа в магазин. Конечно, они взяли ее к себе, не зря же они славятся своим легендарным гостеприимством. Но даже это было не самым трудным. Тяжелее оказались звонки в Россию — родственникам, друзьям, нашим давним армейским корешам, чьи имена я, как и положено безродному космополиту, давным-давно забыл, а вот склонный к сентиментальности Серега помнил. И ему почему-то хотелось, чтобы они его услышали, он рассчитывал на их сочувствие, ведь, когда на тебя падают бомбы, хочется, чтобы друзья и близкие пожалели,

проявили то, что не склонный к литературной форме выражения Серега называет «моральной поддержкой». Увы... моральной поддержки он не получил. Вообще-то Сергей и сам не чужд конспирологии, но даже он оказался ошарашен тем потоком лжи и фантасмагорий, который вылили на него закордонные родственники и дружбаны — все эти питерские и московские дяди и тети, двоюродные и троюродные братья и сестры, в прошлом верные армейские товарищи, а ныне пузатые любители пива и болельщики «Зенита», завсегдатаи новостроечных боулингов. Зачем ему все это было нужно? «Ну устроен я так, сердце у меня такое, люблю я их, понимаешь?» Так он ответил на мой вопрос. Но любви его не хватило, чтобы переубедить их, поставить их лицом к лицу с его правдой, объяснить, что война, развязанная их президентом против его семьи, — это реальность. Не получилось, не хватило слов, чтобы донести до них ужас, испытываемый даже самым бывалым болельщиком «Зенита», когда прямо через дорогу разрывается крылатая ракета. Горе подруги дочери... об этом они тоже не желали слышать. Для них Серегина повседневность, его страх, его растерянность были всего лишь вымышленными абстракциями, мир реалий подменялся абсурдным параллельным миром телевизионной пропаганды.

Сергей переносил эту череду предательств со свойственным ему стоицизмом. Порой ему казалось, что прошлое еще можно спасти, что оно того стоит. Но постепенно он начал стирать контакты из своего телефона — имя за именем, цифру за цифрой… День за днем он рвал свою связь с прошлым, отдалялся от родного города и любимой футбольной команды. К осени в России оставалось только три человека, которым он мог позвонить. Мы с ним теперь часто общались по телефону, и я обратил внимание, что он неизменно называл их «нормальные люди» или «нормальные люди вроде нас с тобой».

Понятие «нормальности» для него теперь измерялось верностью дружбе, способностью услышать его и отнестись с уважением и пониманием к его несчастью. И все же меня поражала Серегина готовность прощать. Даже в этих экстремальных обстоятельствах, когда близкие люди вдруг предпочли ложь мутного гэбэшного вертухая его правде, Серега время от времени срывался и вновь начинал мечтать наяву: он говорил о том, как «потом» он восстановит разрушенные дружбы и родственные связи. Российская дальнобойная артиллерия громила украинскую инфраструктуру, а мой сентиментальный друг все еще воображал будущее, в котором он займется «наведением новых мостов». Мне было сложно его понять; для меня то прошлое, которое, несмотря ни на что, все еще манило его, потеряло свою ощутимость и мерцало теперь как будто из далекой галактики. Санкт-Петербург? Какой там, к дьяволу, Санкт-Петербург? Придуманный город, где мне когда-то было знакомо каждое здание, каждый квадратный метр потемневшей от дождя мостовой. Я узнавал его на самых расплывчатых фотографиях. Однажды на придорожной распродаже в Оклахоме я наткнулся на пожелтевшее фото. Давным-давно, еще до моего рождения, неведомый мне американский турист сфотографировал из окна экскурсионного автобуса ленинградскую набережную около Дома Ученых. Среди десятков беспорядочно выставленных на продажу предметов домашней утвари, каких-то книжек в обшарпанных обложках, никому не нужных сломанных детских игрушек я сразу заметил эту фотку, и она показалась мне реальнее окружающих прерий и уходящего на юг к Далласу хайвея. А что теперь? Латинские буквы Z на фасадах знакомых с детства домов? Циничный символ агрессии, изобретенный пресыщенными кремлевскими постмодернистами... Да нет, это уже не мой город. Бледноглазый ленинградский воришка с Басковского переулка слямзил его.

Что-то последнее время Серега начал сдавать. По телефону у него всегда уставший голос. Я бы даже сказал, измученный. Все эти месяцы после нашествия он бился, чтобы спасти свой бизнес, и продолжал выплачивать зарплату сотрудникам. Но ресурсы тают, а после того как российская армия начала кампанию по разрушению энергоструктуры страны, вопросы логистики встали особенно остро. Водопроводные трубы нужны как никогда, но поскольку инфраструктура Украины последовательно уничтожается противником, возникли проблемы с доставкой оборудования и материалов. К тому же значительная часть производства теперь работает на генераторах, а это создает еще целый ряд новых трудностей и понижает производственные мощности. Серега целыми днями крутится как белка в колесе, к ночи он еле жив, и язык у него порой заплетается. Дело тут, разумеется, не в пиве, ну или скажем так: не только в пиве. Ну а как же, вы спросите, выходные? Ну что за выходные во время войны? Выходные... Хотя от идеи выходных Сергей не отрекся. Копнешь поглубже, и сразу становится очевидным, что он остается предан идеалу коллективного отдыха: и банька, и шашлычки, и порыбачить на озере. («Слушай, я мечтаю покатать тебя на моем катере. Это такая красава, брат. Я его надежно укрыл, ты же меня знаешь — я хитрющий. Вскоре после начала войны удалось спрятать его в надежном месте около белорусской границы. Эти суки там не обстреливали, так что катер в порядке, ждет нас!») После войны, когда мы приедем в гости (он всегда говорит «вы с супругой», о браке он рассуждает со старомодным формализмом), мы обязательно смотаемся к нему на дачу. И вот это будет уик-энд так уик-энд, всем уик-эндам уик-энд. О таких уик-эндах пишут в учебниках истории. «Помнишь, брат, как мы оттягивались в армии? Будет еще лучше!» О чем он? Когда была эта армия? И была ли она вообще? Опять он за свое, придумывает общее прошлое, которого почти и не было, которое уже почти

растворилось в тумане войны. Наши воспоминания ненадежны, их рассеивает пороховой дым. С подводных лодок в Черном море запускают ракеты «Калибр», которые бьют по Киеву, по Харькову, по Запорожью, бьют по Одессе. Прошлого больше нет.

Волнуюсь я за него, и не только потому, что Россия возобновила ракетные удары по Киеву. Война измотала Сергея, он пребывает в состоянии перманентного беспокойства и последнее время стал задаваться экзистенциальными вопросами, что раньше ему было несвойственно. Он попытался было записаться добровольцем в территориальную оборону, но его не взяли: мол, по возрасту не подходит, в плохой спортивной форме. Военком пошутил по поводу его пивного пуза. Серега обиделся, у самого военкома пузо было нисколько не меньше. В Украине не хватает электричества и горячей воды, но, очевидно, достаточно молодежи в хорошей физической форме и желающей защищать свою землю. Серегины водопроводные трубы гораздо нужнее стране, чем его уже не слишком молодое и сильно уставшее тело. Я успокаиваю его очевидными истинами. Ситуация тяжелая, страшная, но он большой молодец. Он нужен своей семье, от него зависят его сотрудники, Украине, наконец, крайне необходимы водопроводные трубы, которые его фабрика продолжает производить, несмотря на ракетные обстрелы и энергетический кризис. В трагические минуты нам на помощь приходят самые избитые банальности, в них наше спасение. И в разговорах с Сергеем я не стесняюсь прибегать к их помощи. Мне кажется, это его успокаивает, хотя какое уж тут спокойствие...

Я заметил, что мы перестали предаваться воспоминаниям. Мне хочется развлечь его, и я даже пытаюсь разговаривать о футболе, до которого мне на самом деле нет никакого дела. Серегина аватарка в «Вотсапе» по-прежнему

украшена логотипом «Зенита», и в этом есть какой-то странный анахронизм. Я даже не поленился и посмотрел в интернете результаты последних матчей Кубка России. Представьте себе, они по-прежнему играют матчи, болельщики заполняют стадионы. Хотя, подозреваю, болельщиков стало поменьше: кого загребли и отправили воевать в Украину, кто прячется по домам от путинской «частичной мобилизации», а других уж и нет... Пару дней тому назад «Зенит» разгромил команду соперников из города Сочи. Сочи, как известно, знаменитый черноморский курорт, где Володя Путин с Басковки любит принимать высоких зарубежных гостей. А в 2014 году в Сочи прошла великолепная зимняя Олимпиада, за которой последовало первое российское вторжение в Украину. Я сообщаю Сереге новость о последнем зенитовском триумфе, но он не проявляет никакого явного интереса. «Ну и какой счет?» — вяло спрашивает он. Счет разгромный, но и эта информация не производит на него впечатления. Мы молчим несколько долгих секунд, потом он устало выдыхает: «Да ладно, какая на х...й разница...»

Похоже, мы с Серегой исчерпали запас общих воспоминаний, а это значит, что нам придется переосмыслить нашу дружбу. Любой дружбе необходим центр тяжести, и мне тут пришло в голову, что эта отвратительная война как раз и может им стать. Центр тяжести. Точка отсчета. Точка пересечения. Конечно, мы испытываем войну по-разному: он — самым прямым образом, я же — косвенно, и отчасти через него. Но даже на расстоянии, даже учитывая, что я в полной безопасности, война стала центром и моей жизни. Мы оба удалены теперь от прошлого, в том числе и нашего общего прошлого, а это сближает. На пустых залитых осенним дождем улицах нас больше нет, даже тени не осталось. Как много призраков покинуло наш город. Этот город теперь принадлежит Володе Путину. Ну и пусть. Все равно он не знает, что с

ним делать, он не научен его чувствовать: у шпаны есть кодекс воровской чести, но шпана не умеет любить. Так что бери, чего уж там. Заодно можешь прихватить и любимую Серегину футбольную команду, которую все равно исключили из международных турниров. Она ему тоже уже не нужна. Они опошляют все одним своим касанием, а опошленное так сложно продолжать любить. Стефан Цвейг отдал ефрейтору Адольфу на поругание любимую Вену. Томас Манн оставил ему же Мюнхен. А вот еще воспоминание, оно же — отступное грабителю: обнаженная женщина, ее темный силуэт в обрамлении оконной рамы, косо падающий сквозь тюлевые занавески утренний свет. «Как же так? — спрашивает она. — Как это произошло? Просто случилось, да? Белые ночи, они ведь такие — искажают реальность, нарушают порядок вещей. Посмотри на меня, я хочу, чтобы ты меня сейчас видел и запомнил такой. Я сегодня утром очень красивая. Запомнишь?» Хочешь и это воспоминание? Забирай, оно твое, можешь надежно спрятать его в каком-нибудь швейцарском банке, зарегистрировать транзакцию в офшорной зоне. Смешно, чего уж там, повеселись. А женщина? А она тоже твоя, любит Бога и президента, и болеет за победу сил света над безбожниками с той же страстью, с какой Серега когда-то болел за «Зенит».

Когда война закончится, мы начнем с нуля. Нам — Сереге, мне, миллионам других — придется примириться с потерей прошлого. Может, если проживем долго, ностальгия снова начнет искушать нас, потому что в нашем настоящем вечно чего-то не хватает. Но это будет меланхолия нового типа. Я вижу нас собравшимися на даче у Сергея, они с женой снова принимают визитеров. Об их гостеприимстве и впрямь рассказывают легенды. Так приятно бывать в гостях у теплых и щедрых людей, не чуждых маленьким радостям жизни. Серега командует мангалом со знанием дела: правой рукой он управляет грилем, а в левой держит

веером шампуры с дымящимся мясом. Стол накрыли в саду, прямо рядом с крыльцом, и он заставлен батареей пивных бутылок и тарелками со свежими овощами, зеленью и отварной кукурузой. Прекрасная кукуруза растет в Украине, не такая сладкая, как в Штатах, но мне это даже нравится, особенно она хороша со сливочным маслом и солью. Нам будет о чем поговорить и посмеяться; Серега наверняка попытается накачать меня пивом, но я буду сопротивляться. Хотя, боюсь, сопротивление окажется бесполезным.
Потом гости и радушные хозяева, как водится, начнут вспоминать. Войну: как жили, как выживали. Что все это значило? Да нет, зачем портить приятный августовский вечер и задаваться ненужными вопросами? До войны... А вот об этом нам и вовсе нечего будет сказать. Кому нужны воспоминания с истекшим сроком годности? Они как запылившиеся книги на полке, которые давно уже никто не читает. Ну и бог с ними. Мы забудем прошлое и начнем жить сначала.

Авторский перевод с английского. Оригинальный текст опубликован в журнале *Statement of Record*.

Борис Херсонский

ЯЗЫК ТРЕТЬЕГО РИМА

Язык не виноват, виноваты люди. Это максима, с которой не поспоришь. То, что проблема русского языка в Украине была использована российскими агрессорами, вина их, а не языка. Более того, они несут ответственность перед русским языком за то, что столько людей в Украине предпочитают его забыть. Они несут ответственность и передо мной, до недавнего времени почти исключительно русскоязычным поэтом и писателем, говорившим, что отечество поэта — язык, на котором он пишет. Чувствовать дискомфорт, слыша родную речь, — тяжелое испытание. Никому не пожелаю.

Вот метафора.

Нож, которым убивали, не виноват. Он был предназначен для кухни. Он орудие, которое не должно использоваться для кровопролития. Но по злой воле человека — используется. Однако, если знать, что этот, именно *этот* нож был в руках убийцы, вряд ли кто-то будет резать им докторскую колбасу. Он будет вещественным доказательством преступления.

Негодяи, использовавшие русский язык для оправдания агрессии, превратили его в *лингвистическое доказательство*. И, увы, деформировали наглой ложью, которая все эти годы лилась на нас грязным потоком.

Нож после того, как его отмыли, — просто нож. Он не деформирован материально. На нем всего лишь лежит отпечаток памяти о крови. Не менее трагический, чем сама кровь.

Личное воспоминание. В кладовке у моего черновицкого дедушки валялся старый трехгранный штык, не четырехгранный, а именно трехгранный. В детстве я им играл. Собственно, не играл, а брал в руки и разглядывал с мальчишеским благоговением.

Когда дедушка с бабушкой переезжали в Одессу (мне

было двадцать лет), я взял штык в руки в последний раз. И представил себе, что этот ржавый воспетый поэтами предмет («Там мучает охранник во сне штыка трехгранник», — Бродский; «О мать Революция! Нелегка // Трехгранная откровенность штыка», — Багрицкий) *был в деле*. И без сожаления оставил его в покидаемой навсегда квартире.

Язык — иное дело. Он деформируется в процессе злоупотребления. Немецкий филолог еврейского происхождения Виктор Клемперер проследил деформацию немецкого языка во время владычества нацизма. Он назвал свою (теперь уже классическую) монографию «Язык Третьего рейха». Я бы назвал подобную монографию «Язык третьего Рима», но я не напишу такой монографии. Сейчас это разрозненные заметки.

*

Война — ужасное, но регулярное и, боюсь, неизбежное «осложнение» исторического процесса. Роль военных метафор в языках (не только в языке Третьего Рима и в языке Третьего рейха), в формировании «военной ментальности» трудно переоценить. Иудео-христианская цивилизация видит войну как в начале (бунт ангелов), так и в конце (Армагеддон) мировой истории. Военные охотно заимствуют символы из религиозной концепции, вспомним хотя бы «оружие Судного дня», которое уж и совсем не метафора.

Даже Зигмунд Фрейд рассматривал психоанализ во многом в военной парадигме. Знаменитое «там, где было Оно, должно стать Я» — это по сути, метафора оккупации одной территории войсками другой. В одном из писем Фрейд сравнивает себя с Моисеем, который привел евреев к границе Земли обетованной (то есть к пониманию бессознательного). Юнга он уподобляет Иисусу Навину, который, как мы помним, завоевал Палестину, не оставив

камня на камне от захваченных городов и истребив все население.

Исследование бессознательного есть покорение бессознательного, установление контроля над ним; эти два понятия для Фрейда неотделимы. Понятие «сигнальной тревоги» базируется на метафоре спящего военного лагеря. Думаю, что эта восходящая к детству приверженность «военному» решению вопросов объясняет ликование, с которым Фрейд встретил начало Первой мировой.
Но два языка, о которых говорим мы, язык Третьего Рима и язык Третьего рейха, особенно привержены словарю войны. У нас — от церковного торжественного «сим победиши!» до грубо-президентского «мочить в сортирах».

*

О военных метафорах в православных богослужебных текстах можно говорить долго.
Начнем хотя бы с того, что даже Богородицу в песнопениях называют вооруженным военачальником, приносящим победу («взбранной воеводе», «победительная»). Война с бесами, война с соблазнами. Как эти торжественные и далекие от языка Третьего Рима цитаты, деградируя, вливаются в мутный поток пропагандистских штампов? Вот простой пример. Есть в святцах такой персонаж — Никита Бесогон, прославленный тем, что усмирял бесов. Никита Михалков придумал передачу «Бесогон», жуткую пропагандистскую мешанину, в которой языку Третьего Рима (и Третьего рейха) выделено процентов девяносто речевой продукции когда-то хорошего режиссера.

*

Вот еще одна цитата из книги Виктора Клемперера о языке Третьего рейха: «Я спрашиваю себя, стоит ли включать в словарь языка гитлеризма слова “эмигрант”, “концлагерь”? “Эмигрант” — ведь это международное обозначение

беженцев Великой французской революции. Брандес назвал один том своей истории европейской словесности “Эмигрантская литература”. Потом говорили об эмигрантах после русской революции. А теперь появилась немецкая эмигрантская группа — Германия присоединилась к этому обществу! — и “эмигрантская ментальность” стала излюбленным mot savant. А потому совсем не обязательно это слово сохранит в будущем трупный запах Третьей империи. С “концлагерем” дело другое».

*

Слово «эмигрант», выражение «эмигрантская ментальность» — вполне законный элемент лексики Третьего Рима. Сюда вкладывается сложный набор противоречивых смыслов: *предатели, злобные русофобы, мелочные торгаши, поехали за колбасой, последыши нацистов* (это о потомках эмиграции второй волны), *сделали революцию — и сбежали* (это о евреях). И совершенно не в тон: *голубая кровь, белая кость, потомки славных родов, хранители устоев и скреп* (это о потомках эмигрантов столетней давности). Слово же «концлагерь» по отношению к Украине употребляется редко, а вот колючая проволока как символ перекочевала в агитационную продукцию новейших времен.

*

Ближе к окончанию войны Рейх неожиданно вступил в борьбу с аббревиатурами, которые сам же и породил. Впрочем, ответственность за калечение немецкого языка возлагали на большевизм, и, наверное, не зря: в лексике Третьего Рима советского периода было огромное количество сокращенных слов. Виктор Клемперер пишет:

«В еженедельнике “Рейх” (от 8 августа 1943 г.) была помещена статья под поэтическим названием “Склонность к краткости и принуждение к ней”, в которой вина за

сокращения, эти “языковые чудовища”, возлагалась на большевиков; подобным чудовищам, говорилось в статье, противится немецкий юмор. Но есть и удачные находки, это (разумеется!) плод творчества немецкого народа, как, например, распространенное уже в Первую мировую войну сокращение “ари” (“артиллерия”)».

Интересно, что сокращения, перечисленные в статье, были выдуманными и на самом деле никакого хождения не имели. Интересен этот неожиданный порыв к очищению истинно немецкого языка.

Немногие сегодня знают, что на склоне лет Иосиф Виссарионович выступил как «корифей лингвистики», написав работу «Марксизм и вопросы языкознания».
А я ведь в свое время эту работу прочел. Критикуемые Сталиным суждения Марра о субъязыках показались мне привлекательными. Но яростный марксизм и склонность к административному решению научных вопросов, характерные для Марра, надолго оттолкнули меня от лингвистических мыслей о расслоении языка по классовому принципу.

*

Я более или менее сносно говорю на трех языках, один из которых — русский. Но и по-русски, и по-украински, и по-английски я говорю с довольно тяжелым акцентом, который разные люди определяли по-разному. Я отшучивался тем, что единственного языка, на котором я мог бы говорить без акцента, я так и не выучил и уже не выучу. Я имею в виду иврит, хотя мог бы, наверное, говорить и на идиш.
Иногда я встречаю в городе своего знакомого и подолгу с ним разговариваю. Один из его любимых тезисов — что у предков многих горячих защитников русского языка в Одессе родным языком был совсем другой.
Вспоминая лица своих бывших друзей, ставших плечом к

плечу на защиту великого и могучего, понимаю, что Виктор в данном случае прав. А уж в моем случае — точно.
Из этих стройных рядов я выпадаю потому, что не защищаю язык, на котором пишу эти строки.

Знаете ли вы, друзья, что в СССР преподавание иврита считалось политическим преступлением, а «отловленные» преподаватели проходили по ведомству КГБ?
Более того, последнее политическое дело, которое КГБ открыло в Одессе (но позже закрыло, ибо перестройка уже шла полным ходом) было как раз о преподавании иврита? Я немногое знаю о фигуранте этого дела. Знаю его фамилию — Левин. Знаю и то, что когда-то он лечился по поводу психического заболевания и поэтому был в лучших КГБ-традициях помещен на экспертизу в психушку, где я тогда дорабатывал последние месяцы. Знаю, что в КГБ он уже не вернулся. Пришла относительная свобода.
А вот то, что украинский язык в Российской империи несколько раз подпадал под административный запрет, сегодня знают почти все, кто хочет хоть что-нибудь знать. Да и в мое время украинский был оттеснен на задворки... Были неуклюжие попытки украинизации, исчерпывавшиеся тем, что вывески магазинов писались по-украински. Над ними потешались, а говорящих на украинском считали деревенщиной.
В свое время я не заступился ни за иврит, ни за идиш, ни за украинский.
Сейчас не заступлюсь и за великодержавный. В лучших своих проявлениях он не нуждается в защите. В худших — не заслуживает ее.

В этом смысле язык Третьего Рима и язык Третьего рейха — родные братья.

Диагноз — вождь

В свое время Меркель сказала о Путине, что у него нарушен контакт с реальностью. Это вежливое ругательство. Тот, кто знает психиатрический лексикон, сразу поймет, что Меркель обозвала Путина сумасшедшим.

В клиническом отношении Меркель, конечно, не права. У Путина прекрасный контакт с той реальностью, которую он сам творит. И в этой сотворенной им реальности он ориентируется прекрасно. Неправы и те американские психиатры, которые в свое время охарактеризовали Путина как «аутиста с синдромом Аспергера». Если в Путине и есть элемент аутизма, то это принцип «что хочу, то и делаю». Опять вспомним о богоподобии вождей и императоров. Жгли же в Древнем Риме щепоть ладана перед статуей императора с формулой: «Цезарь — господь». Иногда мне кажется, что из всех атрибутов божества для Путина важнее всего вездесущесть и всемогущество. Я не знаю другого лидера, который бы спускался на дно морское, охотился, рыбачил, спасал стерхов, возносясь в облака… Всемогущество на языке политики — это действия с позиции силы. И демонстрация решимости применить эту силу. Да, я имею в виду ядерное оружие. Может быть, Путин, выражаясь шекспировским языком, «не безумен, а лишь хитер безумно», и имидж человека, с которым никто не хочет иметь дела, — это именно то, что ему нужно?

Я думаю, что «злокачественный нарциссизм» — наиболее внятный психологический термин, который можно применить к этому человеку. Он не произошел от обезьяны. Он ведет свой род от боа констриктора.

И еще по поводу психического состояния президента РФ Владимира Владимировича Путина. Я уже писал, что обычно ставлю диагноз только тем, кто меня об этом просит (если речь идет о ребенке, в число «заказчиков» попадают,

естественно, родители, а если речь идет о преступнике, то заказчиком бывает прокуратура или следствие. В принципе, это может быть и суд, но обычно экспертизу проводят до суда). Сам российский президент и его близкие ни о чем меня не просили. Достоверного материала у меня весьма мало. Поэтому никакого ярлыка в соответствии с МКБ-10 или DSM-V приклеить к пиджаку Путина на манер птичьей метки я не могу и не хочу.

Отмечу лишь, что в данном случае речь идет скорее о преступнике, чем о ребенке, и если бы проводилась экспертиза по постановлению, скажем, Гаагского трибунала, то почти на сто процентов в заключении экспертов была бы фраза о том, что ВВП в период инкриминируемых ему деяний мог отдавать себе отчет в своих действиях, руководить ими, а поэтому его следует считать вменяемым. Уточню: речь идет о способности управлять своими действиями, а не управлять великой страной.

Итак, обойдемся без диагнозов. Но то, что психика Путина выходит за рамки ортодоксальной психиатрической диагностики, несомненно.

ВВП — человек из КГБ, весьма несимпатичной организации, которая мне явно задолжала за дискомфорт и преследования семидесятых. Как в любой секретной службе, в сотрудниках КГБ воспитывается настороженность и подозрительность. Донести на тебя может каждый (им ли не знать! Иногда важно, кто первым донести успеет). Эта настороженность, жизнь с постоянной оглядкой не может не развить в человеке тех качеств, которые в психиатрии обычно называют параноидальностью. Подчеркиваю, что здесь речь идет о качествах личности, но не о болезни. Такая себе *параноидальнозоркость*.

Другое качество, обязательное в спецслужбах, — высокий самоконтроль и в известной степени артистизм. Разведчик играет роль. А ВВП — разведчик (бывших, как известно, не бывает) и играть роли умел. Но вот беда: с возрастом, а ВВП не мальчик, параноидальность усиливается. А артистизм — уменьшается. Движения становятся чрезмерными, мимика — манерной, актер переигрывает. Это мы и наблюдаем у ВВП. Если учесть и вероятные косметологические процедуры, парализующие мимическую мускулатуру и удаляющие морщины, то неестественность мимики становится еще заметнее.

Не могу удержаться от каламбура: в словах «резидент» и «президент» разница в одну букву, но… Итак, фактически ВВП управляет страной около двадцати лет. Я не считаю декоративную чехарду «президент — премьер» реальным перерывом во владычестве Путина над Россией. Более того, если нежданная болезнь или дворцовый переворот не отодвинут его от власти, она продлится еще долго. Народ реально любит ВВП. Можно добавить ему новый титул — «Ваше обнуление». А то, что мы его не любим — «узок круг этих революционеров, страшно далеки они от народа». Мы не можем любить того, кого любит народ, но это уже иная история.

Такое длительное сращение с властью не декоративной, а реальной и, думается, практически единоличной, не может не повлиять на человека. Он поневоле оказывается в коконе охраны, чинопочитания, откровенного подхалимажа, преклонения, даже обожествления. Сквозь этот кокон не проникает информация, которая может стать ключевой для принятия разумных решений. Конституционное ограничение времени нахождения правителя у власти — неотъемлемая часть демократии, профилактика тяжелейшего психолого-политического состояния: опьянения властью.

Если верить источникам, утверждающим, что Путин не пользуется интернетом и мобилкой, а об окружающем мире узнаёт из подготовленного для него дайджеста, то кокон, в котором находится правитель, оказывается почти непроницаемым. Вернее, избирательно проницаемым. Гарри Стек Салливан описал грубый психотический защитный механизм — *селективное игнорирование*, невосприятие существенной части реальности. В данном случае эта селекция осуществляется извне, но, скорее всего, отвечает внутренним чаяниям и установкам правителя.

Человек, стоящий у руля так долго, — не чиновник. Он — вождь. Я уже писал, что после смерти Сталина не было у России вождя. Разве что Ельцин, в течение нескольких минут, когда стоял на танке. Не было вождя — и на тебе! Пришла беда.

Если все же сравнивать Путина с Гитлером (хотя аналогия довольно слабая), то можно сделать такой печальный вывод. Гитлер легко расправился с демократическими режимами Европы (островную Британию не считаем) и расшиб себе лоб о другой тоталитарный и бесчеловечный режим, обладающий большими, чем Рейх, человеческими ресурсами. Сегодня в Европе второго режима, подобного путинскому, нет.

Его, Путина, откровенно боятся. Кого боятся — тот и победил, страх — великое оружие. Уж как ни смеялись над тютчевским «умом Россию не понять, аршином общим не измерить» (вспомним хоть Губермана: «Давно пора, е… а мать, умом Россию понимать, а предписанье только верить на время следует похерить»), а Россия — необычная страна, вернее, это страна пассионарная, мессианская, если угодно. Она, конечно, «вещь в себе», но не для себя, а для мира. Третий Рим — это цивилизация. Это — русский мир, русская весна… Представим себе: «датский мир»,

«мексиканская весна» — как-то не ложится на душу, а страны ведь замечательные, каждая по-своему. У России есть идея быть альтернативой Европе, она жила веками. Правитель России просто по определению должен быть слугой этой идеи — или он проходная фигура. Православие, коммунизм, «особый путь»: важно, что Россия — это иное.

И вождь здесь иной: он разговаривает с историей, со всем миром, геополитика для него важнее, чем просто политика. Ибо, с его точки зрения, идет Армагеддон, борьба добра и зла, и Россия олицетворяет собою добро. Эта претензия носит глобальный характер. Здесь бессознательное вождя входит в резонанс с коллективным бессознательным народа (вспомним рассуждения Юнга об архетипе Вотана), и народ становится совершенно беззащитным.

Россия получила вождя именно с теми психологическими характеристиками и теми бессознательными притязаниями, которые должен иметь вождь в России. К примеру, «нормальный» президент не обязан скакать на лошадке, стрелять в тигра, ловить щуку или нырять за амфорами и направлять стерхов. Вождь — иное дело, желательно, чтобы он все это совершал, так что он показывает, что он разносторонний человек, он может взяться за все что угодно, он практически вездесущ. Он на дне Байкала, он в русском мире, он в лесу дальневосточном, он в гонках автомобильных, он на мотоцикле мощном. Он боец, у него черный пояс. То есть это мощный сильный человек, который хочет быть везде и хочет побеждать всех. Очень сложно, когда внутри тебя созревает такое представление о самом себе и ты хочешь ему соответствовать. Это то, что я могу сказать без ярлыков. Или все же придумать что-то вроде «геополитического нарциссизма»?

Нет худшей ошибки, чем недооценить врага. Так говорит китайская мудрость. Как легко футбольным болельщикам

кричать: «Путин — …, ла-ла-ла». Как сладко его политическим противникам ловить признаки психического неблагополучия вроде нервного тика или двигательного беспокойства. Как приятно оппозиционным интеллектуалам искать признаки деменции: говорит с напряжением, иногда сбивается. С великой уверенностью психиатры называют его клиническим шизофреником, совершенно позабыв, что болезнь эта поражает молодых людей и имеет четкую симптоматику. Чудесно! Кто же наш враг? Он — …, ла-ла-ла, он шиз, он дементный, дни его политической жизни сочтены. Так чего же нам бояться? Будем дразниться!

Нет, друзья. Перед нами жесткий политик с нормальным интеллектом. А что до деменции — как у нас самих с памятью? Брежнева забыли? Януковича давно не слышали? Да, ужасно, когда жесткий, формально сохранный интеллект становится на службу безумным геополитическим идеям. Когда четвертому Риму не бывать (а третьего-то и не было, откровенно говоря), когда под тобою раскинулось евразийское пространство, когда ислам ближе православию, чем католицизм (говорил такое ВВП, говорил), когда весь мир — арена глобального противостояния двух игроков, а все остальные не в счет. Мы с вами — не в счет. И только сила, сила, которой нет у нас, могла бы заставить этого человека считаться с нами.

Мне любопытен вопрос — что все это для него? Он играет или вконец заигрался и теперь уверен в том, что Россия не то в углу, не то в кольце врагов, что судьба государства Российского решается в Украине? Видит ли он впрямь базы НАТО на нашей территории? Я знал стольких психически здоровых людей, для которых мировое правительство, мировая закулиса, масонско-жидовский заговор были реальностью. Подобная мифология так притягательна! Вдруг Путин и впрямь одержим этим мифом?

К сожалению, у нас нет материалов, позволяющих сделать однозначный вывод.

Но не забудем: пред нами враг — умный, властный, подозрительный, импульсивный. Человек, с которым нам предстоит иметь дело не день и не два. Он знает, что Запад прогнется. Он чует слабину. У него уже был опыт Грузии, тогда — сошло. Чем Украина лучше?

Вот, Крым откусили, а президенты им лично ручку жали, а что смотрят искоса, так это Путин стерпит. Вот и Дональду Трампу он нравился. Понадобилось развязать полномасштабную войну, чтобы мир постепенно (и, увы, слишком медленно) пришел к пониманию того, с кем имеет дело. Нарциссическая личность с явным стремлением к вездесущести и всемогуществу. Параноик. Одержимый страхом смерти и одновременно — стремлением к самоуничтожению.

Сколько симптомов! Специфичных и не очень. Какой странный набор личностных черт! И еще симптом, почти патогномоничный для «вождизма»: от него хотят детей, кто-то из депутатских дам публично предлагал Путину сдавать сперму в банк и дать желающим возможность беременеть от него.

Диагноз — вождь.

В заключение повторю кратко: я считал и продолжаю считать, что мы имеем дело с патологическим развитием личности, доходящим до психотического уровня. Основные черты, выделяемые мною, — злокачественный нарциссизм с претензией на божественные атрибуты (вездесущесть, всемогущество, абсолютная власть), параноидность, основанная на страхе-влечении к смерти, и агрессивность. Отмечаю в последние годы и легкое снижение уровня

когнитивных процессов.

Сейчас просто необходимо добавить выраженные некрофилические черты, проявившиеся в последние годы и дружно подхваченные пропагандистским окружением тирана.

Проявилось это не вчера. Улыбочка на лице Путина в сочетании со словами «она утонула» (Курск), призыв «мочить в сортирах» (можно ли лучше проиллюстрировать связь разрушительности с анальным характером?) — первые симптомы. А чего стоят высказывания «нам не нужен мир, в котором не будет России», «мы будем мучениками в раю, а вы просто сдохнете»? Кстати, второе высказывание подтверждает претензию Путина на роль божественного судии, ибо только Всевышний решает, кому в рай, а кому в иную сторону.

Шуточка вождя с цитированием частушки «нравится, не нравится, терпи, моя красавица» требует реконструкции текста. «Лежит милая в гробу, я пристроился — *** (совершаю коитус. — Прим. ред.)....» — и лишь потом цитата.

Сексуальное общение с мертвым телом — это ли не некрофилия?

Но полный расцвет некрофилической риторики наступил после того, как Путин заявил, что смерть в бою почетнее смерти от пьянства или в автокатастрофе. Эту идею подхватила пропаганда, включая священнослужителей. Апокалиптическое «Иди и смотри» сменилось на гиперапокалиптическое «Иди и умри».

Эрих Фромм в своей «Анатомии человеческой деструктивности» вспоминает лозунг генерала-фалангиста

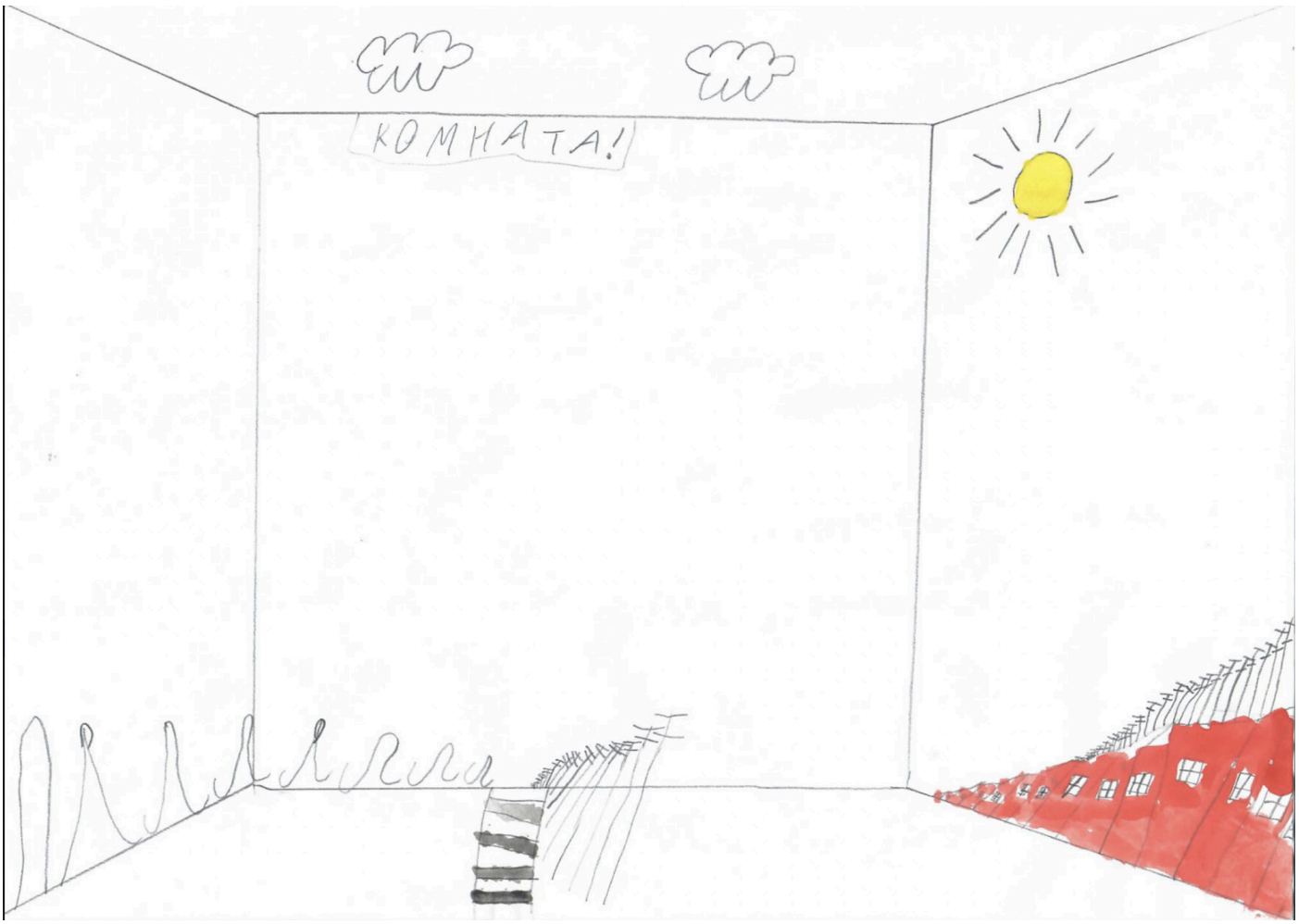
Хосе Мильяна-Астрая «Да живет смерть!» (Viva muerte!) и комментарий философа Мигеля Унамуно к этому лозунгу искалеченного войной генерала. Он увидел в выкрике генерала ключ к пониманию некрофилического характера.

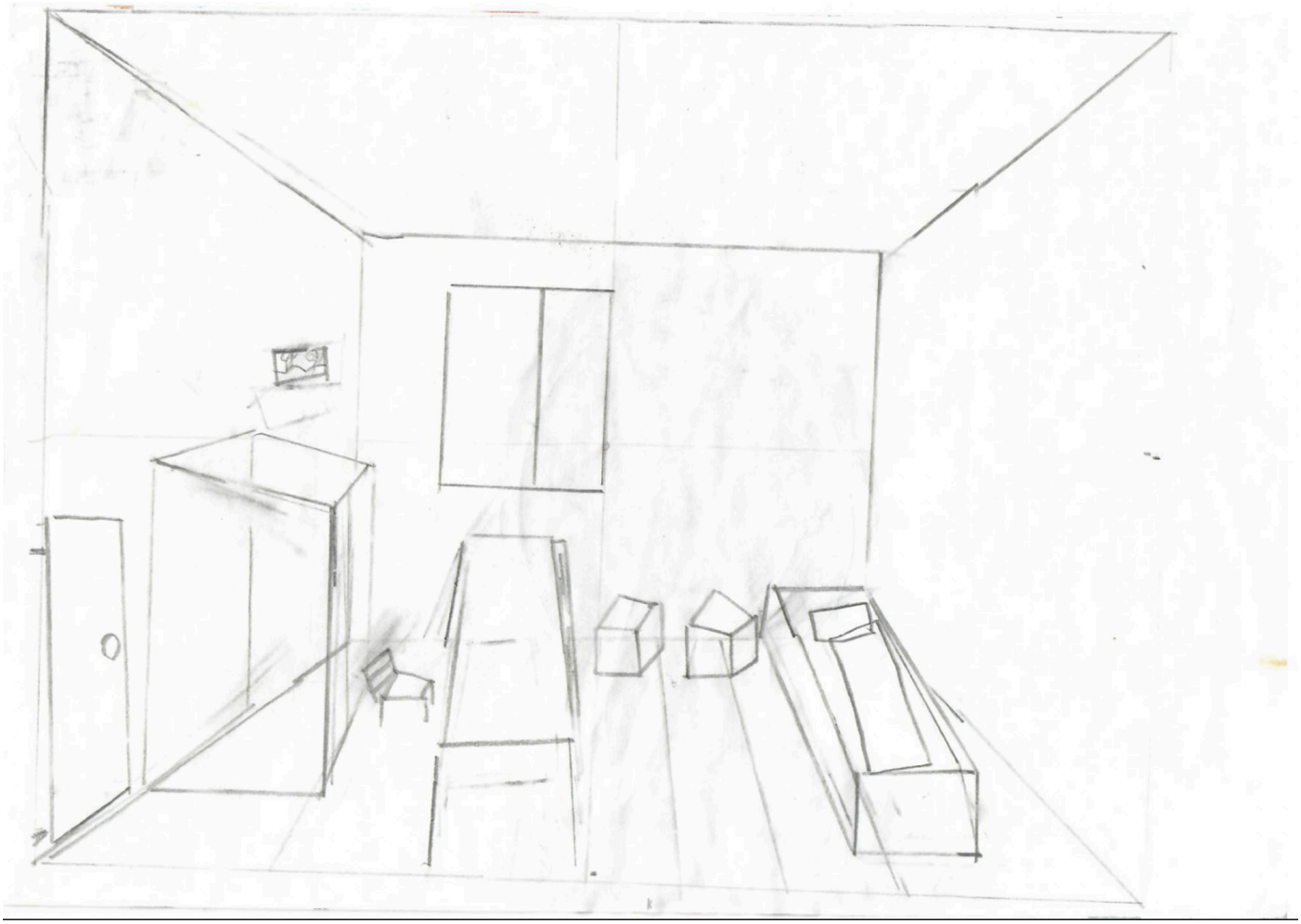
«Выслушайте мои слова, вы все. Все вы знаете меня и знаете, что я не могу хранить молчание. Порой молчать означает лгать. Ибо молчание можно понять как соучастие. Я хочу оценить речь — если ее можно так назвать — генерала Мильяна-Астрая, который присутствует среди нас. Давайте отбросим личные оскорбления, прозвучавшие в этой внезапной вспышке поношений в адрес басков и каталонцев. Сам я родился, конечно, в Бильбао. Епископ, нравится ему это или нет, каталонец из Барселоны. И только что я услышал бессмысленный некрофильский вопль: „Да здравствует смерть!“ И я, который провел всю жизнь, осмысливая парадоксы, рожденные из бессмысленного гнева или других эмоций, должен сказать вам, умной и опытной аудитории, что этот нелепый парадокс вызывает у меня отвращение. Генерал Мильян-Астрай — калека. Давайте скажем об этом без обиняков. Он инвалид войны. Как Сервантес. К сожалению, сейчас в Испании слишком много калек. И если Бог не внемлет нашим молитвам, скоро их будет еще больше. И мне доставляет боль мысль о том, что генерал Мильян-Астрай будет определять психологию масс. Калека, лишенный духовного величия Сервантеса, он испытывает зловещее облегчение, видя вокруг себя уродства и увечья. Здесь храм разума. И я его верховный жрец. Это вы оскорбляете его священные пределы. Вы можете победить, потому что у вас в достатке грубой силы. Но вы никогда не убедите. Потому что для этого надо уметь убеждать. Для этого понадобится то, чего вам не хватает в борьбе, — разум и справедливость. Я всё сказал».

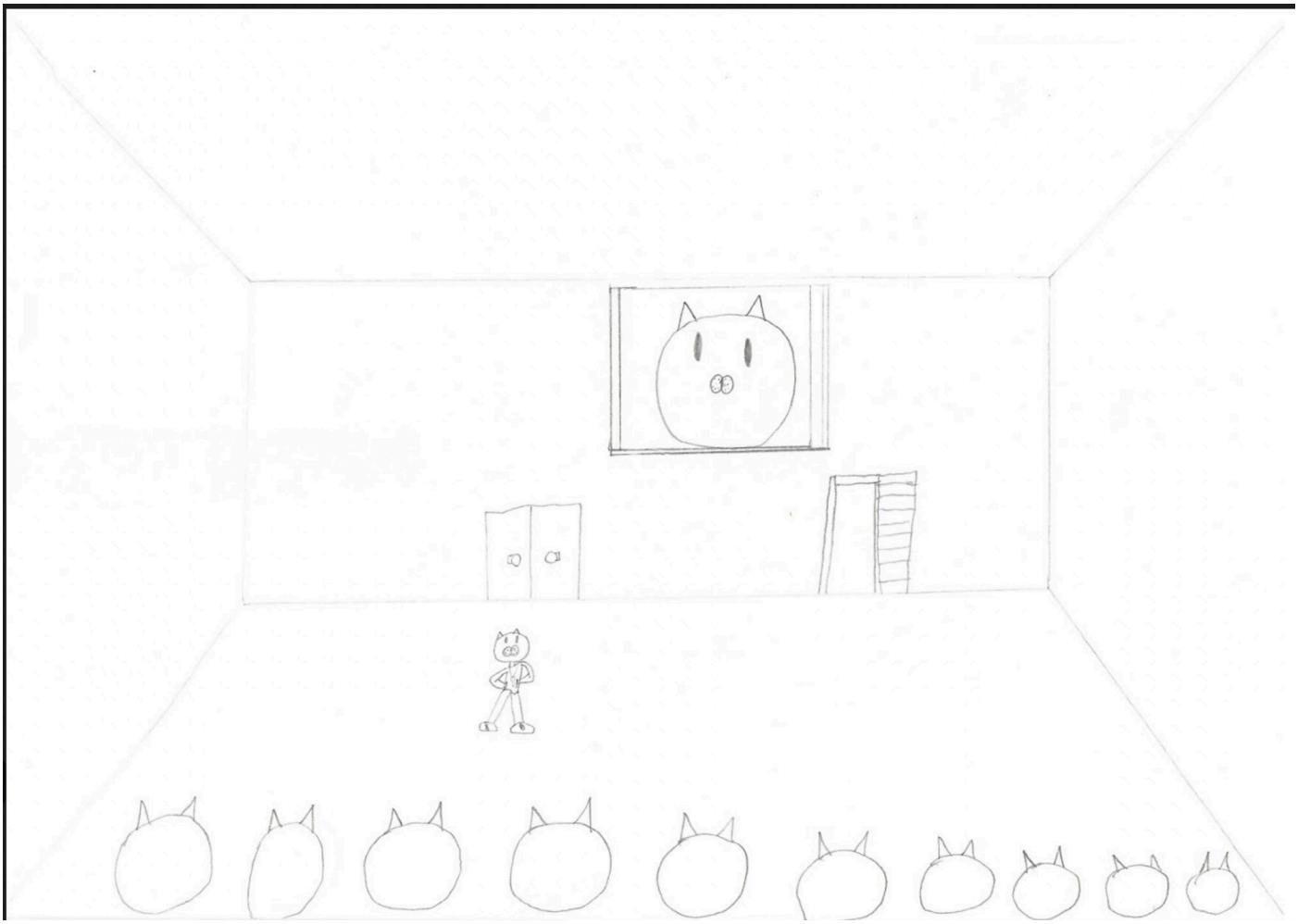
Артем Материнский

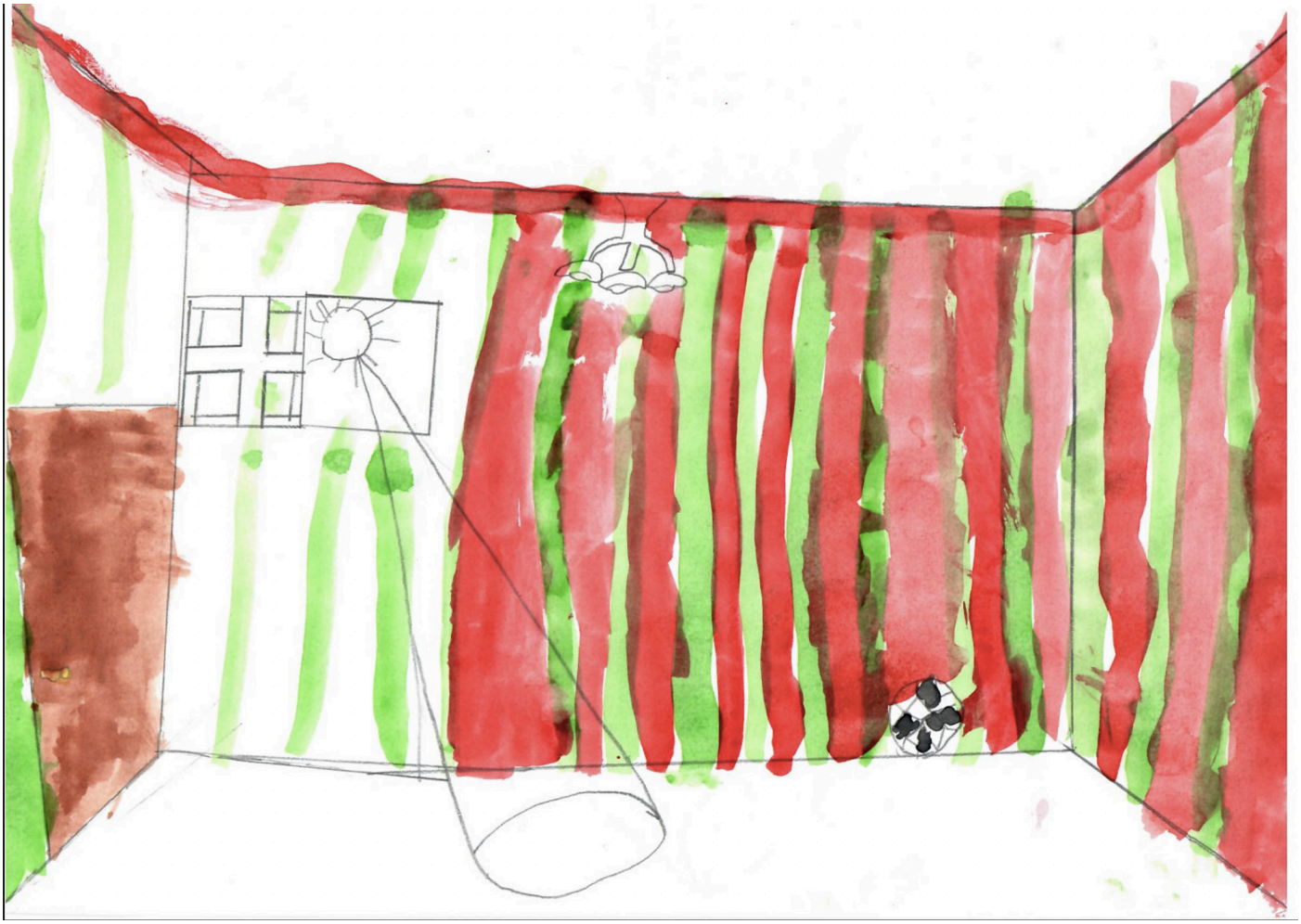
В марте-апреле 2022 года на уроках ИЗО (я работаю учителем в московской школе) в 4-м классе были темы, связанные с перспективой и композицией. Дети решили, что они будут проектировать и рисовать дома. До этого мы много разговаривали про дом. Что это для нас? Стены, безопасность, крыша, уют, семья, стулья, пол — или всё вместе? Эти обсуждения неизбежно сводились к разговору о тех, кто остался без дома, без своих. Каждый из ребят хотел, видимо, нарисовать свой дом, воссоздать то, что видит ежедневно — но в процессе работы чужие дома, страдающие, наслаивались на свои.

Я собрал небольшое повествование из картинок, которые рассказывают про *дом*, про то, кто там есть и как там живут. Если рушат один дом, то другие дома тоже разваливаются, в других домах тоже небезопасно и страшно.


КОМНАТА!







2

«У МЕНЯ НЕ ПОЛУЧАЮТСЯ ЛЮДИ»

Евгения

А.Р.

День единства

. . .

В День народного единства рассылка московской мэрии обещала «воссоздать на Красной площади атмосферу ноября 1941 года».

. . .

Предисловие
*Как и большинство москвичей, я обычно обхожу Красную площадь стороной. Но 22 февраля 2022 года я неожиданно обнаруживаю себя стоящим на брусчатке напротив мавзолея и делающим снимки уже остывающего новогоднего праздника: пустой каток, одиноко вращающаяся карусель, тусклые при свете дня гирлянды. Почему-то за два дня до того как мир разломился, мне так важно снять витрину с изящной надписью LOUIS VUITTON и тускло отражающейся в ней башней Кремля.**

Пасмурное начало апреля. День 38-й. Я с камерой в Александровском саду у аллеи городов-героев. Девочка лепит снежки, собирая свежевыпавший снег с гранитной плиты, на которой написано «Киев». Юные кадеты восторженно смотрят на вечный огонь. Неподалеку, в парке Зарядье, полиция втаптывает в снег остатки протестующих. Пестрая очередь граждан ждет экскурсию в Кремль. Снежные хлопья красиво падают на раскрытые зонтики. Примерно через двенадцать часов мир увидит первые фотографии из Бучи.

Девятое мая. День 75-й. Я в тени закрытого «Макдоналдса» на Пушкинской, среди людей, готовящихся пройти маршем

«Бессмертного полка». Они очень разные: кто-то с безумным плакатом «Бог даровал нам победу», кто-то одет по последней моде, кто-то с натянутой улыбкой и ужасом в глазах. Большинство выглядит совершенно обычно. Я снимаю всех, не выбирая. Солидная дама обращается ко мне: «А для кого вы здесь фотографируете?» Не думая, отвечаю: «Я снимаю хронику!» Дама понимающе кивает, формально машет на камеру рукой и уходит строиться в колонну. «…безумия», — добавляю я про себя.

Вечером, пересматривая снимки, я думаю о том, что это не безумие. Это что-то другое, но я не могу подобрать нужное слово.

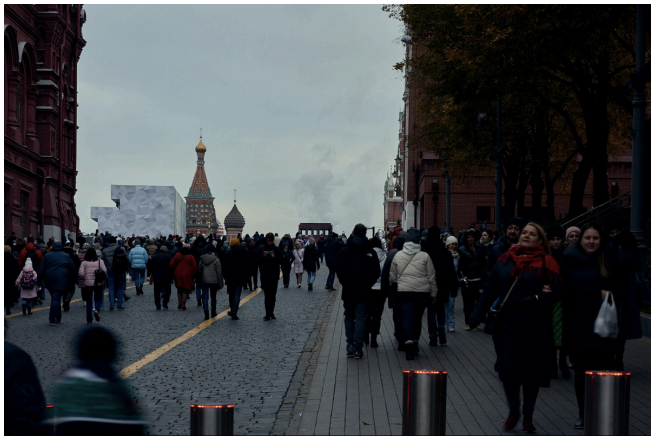
Мне снится, что я стою вместе с другими людьми на Кутузовском мосту и в звенящих майских сумерках смотрю на Дом правительства, который похож на огромный плоский экран. Как и вся Москва, мост украшен красными флагами, ведь сегодня какой-то большой праздник. Из звезды на Спасской башне исходит мощный луч лазерного проектора. Он направлен прямо на Белый дом и проецирует российский флаг. Проекция не очень яркая, привычная

— она колышется там уже много лет. Голос из черного кабинета в Кремле говорит: «Время праздника очень важно. Проекция должна быть сильнее. Сделайте ярче». Луч многократно усиливается, и вот все видят уже не здание, а исполинский российский триколор, ослепительно сияющий в бездонной пустоте. Я продолжаю смотреть и все же различаю дом с отдельными тускло освещенными окнами, где идет какая-то работа. Голос из черного кабинета говорит: «Ты видишь. Это не опасно, пока не видят другие, но ты нас очень подводишь».

Это мой рассказ о том, что нет забвения глубже, чем фальшивая память.

. . .

Четвертого ноября гуляющие стягиваются к Красной площади, обходя серо-красный лагерь автобусов Росгвардии, припаркованных под боком отеля Four Seasons. Проход через рамки. Громкоговоритель просит «заранее открывать сумки». Обнаруженные бутылочки с водой отправляются в пластиковое ведро у досмотрового столика.



Площадь заполнена. На малой театральной сцене три по-советски одетые женщины машут белыми платочками и поют военные песни. Собравшиеся вокруг люди радуются. Запевают «Смуглянку» и просят всех подпевать. Зрители робко шепчут слова в протянутый микрофон.

Песню подхватывает пара держащихся друг за друга молодых людей. У одного в руке фуражка работника метрополитена, другой аккуратно выбрит и похож на перспективного служащего. По запаху алкоголя понятно, что дружеские объятия помогают им и петь, и стоять на ногах. Голоса у них удивительно чисты и сильны. У служащего звучный баритон, а у метрополитеновца — прекрасный тенор. Ведущая зовет их на сцену, и вот уже пять голосов поют на всю площадь: «…партизанский молдаванский собираем мы отряд…» Подтягивается приличная толпа. Огромные экраны плюют ярко-красным «Ни шагу назад!» Под одобрительные выкрики и аплодисменты концерт завершается «Катюшей».

Сцена пустеет, на экранах начинается свежий военный фильм про танкистов. Зрители расходятся, направляясь к настоящим танкам, стоящим неподалеку.

. . .

Около каждого такого танка, бронетранспортера, машины, пушки, мотоцикла и самолета стоит специальный, одетый по форме нужного периода человек. С ним все хотят фотографироваться. Семья выстраивается рядом с высоким, под два метра, и слишком упитанным для танкиста человеком в танковом шлемофоне. Рядом дети обступили летчика. Военной выправки у него тоже нет, но пока родители фотографируют, он выпрямляет спину и тянет подбородок. Артиллерист же очень похож на артиллериста. По команде бабушки в красном пальто он вместе с ее внуками выстраивается в шеренгу.

На круглой тумбе со звездой стоит милая девушка в форме военной регулировщицы. Четко и отрывисто она делает флажками разные знаки, регулируя несуществующее движение. Нетрезвый мужчина размахивает руками в ответ и пытается привлечь ее внимание: «Чего так тухло? Давай задорнее! Давай вот так!» Но девушка смотрит поверх всех. Одним движением, приставляя каблук, она поворачивается на сто восемьдесят градусов и начинает регулировать другую половину площади.

. . .

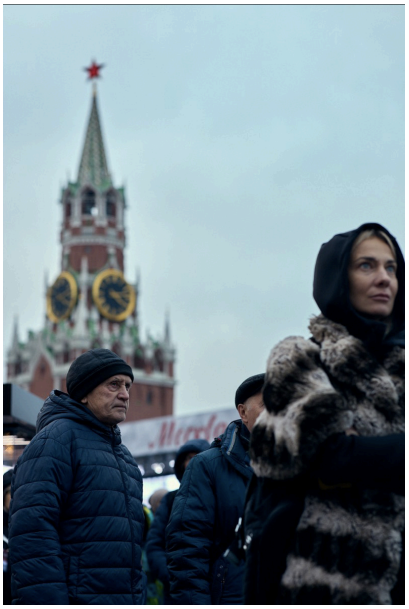
Так же четко, как по команде, тепло одетые люди на операторских вышках разворачивают камеры в сторону основной декорации. Она построена прямо напротив сверкающего витринами и гирляндами ГУМа и выглядит как фасад Белорусского вокзала с положенными на брусчатку рельсами и стоящими по краям вагонами-теплушками.

Пока диктор левитановским голосом повторяет текст про народное ополчение, которое «задержало немецкие орды на подступах к Москве», декорация собирает аншлаг. Справа и слева от сцены собираются юные актеры в одежде рабочих, студентов, служащих и интеллигенции. У каждого из них чемодан и беспроводная гарнитура с микрофоном. Некоторые заметно нервничают. Руководит расстановкой человек с быстрым и умным взглядом. Подчиняясь ритму команд в ухе, он начинает по одному отправлять москвичей на войну — и те по очереди — как бы с разных концов столицы — широким шагом идут на вокзал, собираются у центрального входа, обмениваются приветствиями, стоят, закрываются от холодного ветра, курят и готовятся читать стихи.

Фронтовая поэзия заставляет зрителей притихнуть и поднять телефоны, а подошедшую со стороны ГУМа женщину в меховом манто — начать вытирать слезы. Дамы, вероятно, пришедшие с настоящего Белорусского вокзала, смотрят на нее искоса, но после строк «Нас не надо жалеть, ведь и мы б никого не жалели…» тоже начинают плакать. Плачет брутального вида мужчина с трехдневной щетиной.

Заметив объектив, он отворачивается. Девочка в розовом держится за колесо стоящей рядом пушки и с удивлением глядит на происходящее. За спинами зрителей с экранов на параде Победы маршируют войска и машет рукой Сталин.

Закончив чтение, «ополченцы» в звенящей тишине уходят со сцены через дверь теплушки. Следующий выступающий неожиданно сбивается и забывает слова. Меланхоличный охранник едва заметно хмыкает. Взрослые понимающе ждут, но дети тут же начинают ерзать и тянуть к другим экспонатам.



. . .

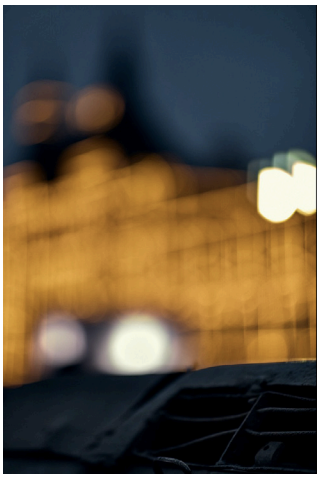
Папы вдумчиво и по нескольку раз переставляют сыновей около трактора «Сталинец», чтобы сделать удачный снимок. Сначала нужно держаться за гусеницу, потом встать перед радиатором, а затем просто сбоку рядом, чтобы не закрыть надпись «дизель».

С большим уважением мужчины обходят крупнокалиберную гаубицу. Ствол гаубицы замотан тряпочкой, к нему можно приложить ладошку и восхищенно ахнуть. Чей то бас с хохотком произносит: «Наш размерчик!»

Бабушка заливисто обращается к вскарабкавшемуся на броню внуку лет шести: «Ой как здорово! Давай сфотографируемся!» Стоящая неподалеку молодая женщина вдруг нервно выкрикивает: «Мама, не надо!»

Танк Т-34 напротив собора Василия Блаженного — звезда. Семьи передают телефон из рук в руки, люди меняются местами, чтобы фотография под стволом была у всех. Возникает суета с коляской: ее не получается удачно поместить перед танком.

После нескольких попыток коляску оставляют сбоку, чтобы не задерживать остальных. Рядом сухой мужчина в очках и с аккуратно заправленным шарфом о чем-то спорит с двумя юношами. Доносятся слова «невозможно было толще», «солярка», «леопард» и «казенник клинит». Мужчина уверенно рубит воздух ребром ладони. Его собеседники уважительно и зябко пожимают плечами. Ствол танка поднят и смотрит в темнеющее небо. Тряпочки на нем почему-то нет.



. . .

Фотограф со старым кожаным кофром хочет красиво сфотографировать бронетранспортер, но бегающие вокруг машины дети ему все время мешают. Фотограф морщится, качает головой, опускает камеру и ждет.

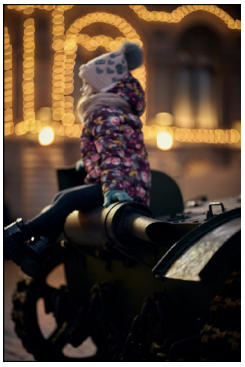
Взволнованный мужчина с обветренным степью лицом, в добротной кожаной куртке, командует двум парням лет двадцати: «Ну встаньте, встаньте вот сюда, это же Спасская башня!» Его правая рука двигается плохо, как после инсульта. Внуки одеты по моде, Спасскую башню видели, а эмоции дедушки их смущают. Они слушаются и

украдкой присматривают возможные пути отступления.

Под светящейся вывеской «КультПавильон» стоят витрины со старыми лампами, тетрадками и пресс-папье. С киноплакатов белоснежно улыбается Любовь Орлова. Женское пальто с меховым воротником надето на манекен без головы. Две женщины шепчутся около бакелитового телефона.

В наступившей темноте ярче светятся другие стенды, где под стеклом лежат гранаты и патроны для крупнокалиберных пулеметов, хвостовиками вверх стоят мины. Дети галдят и прижимаются к стеклу. «Вот эта ка-а-ак бабахнет! Я знаю!» — уверенно и громко утверждает девочка лет двенадцати.

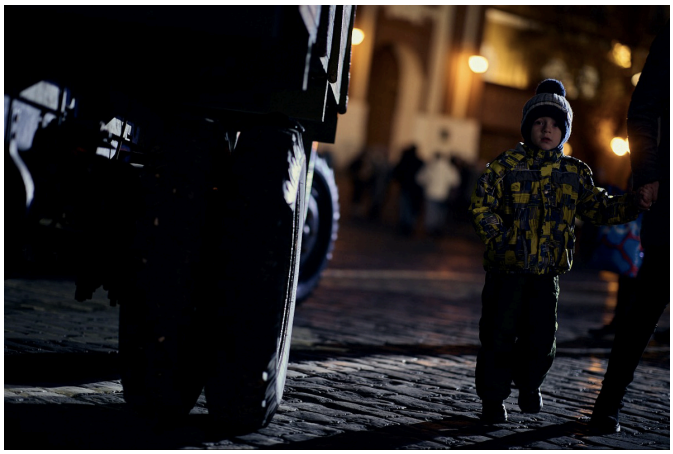
Совсем старенькая бронемашина на колесах стоит около Исторического музея. Бабушка всей бронетехники похожа то ли на железную голову исполинского насекомого, то ли на выжившую из ума соломорезку. Черные траки на ее спине формируют фигуру, напоминающую чугунные крылья.



. . .

Становится ветрено. Лежащий на земле аэростат воздушного заграждения колышется, как большая надувная палатка. Возле пропеллера фронтового истребителя основательно и без суеты позирует тепло одетая дама. Через ее кадр проходят посторонние. Позирующая фыркает, но замерзшие и торопящиеся на выход люди ее не слышат.

В переходе к метро «Театральная» тепло и уютно, пахнет кофе и влажным бетоном. Женский голос возмущается в телефон: «Что значит у выхода? В метро их несколько!» На станцию прибывает поезд. На боку у него звезда и надпись «Народный ополченец».



А. Р.

4 ноября 2022 года, день 254-й.

Екатерина Светлова

Ребенку ни слова о войне!

— Только ребенку ничего не говори! Сболтнет еще чего лишнего в школе! — беспокоилась бабушка

Но как утаишь то, что происходит вокруг, от девятилетнего человека, который внимательно смотрит на мир широко распахнутыми глазами?

— Мам! Когда я смотрю, как ты режешь сыр, мне хочется биться головой об стол! — сказала дочь в начале этой весны.

— Не надо биться об стол из-за какого-то сыра. У нас сто других, более убедительных причин, чтобы биться головой об стол, — вздохнула я.

— Например, последняя буква английского алфавита? — прищурилась дочь.

Потом она рассказала, как ее сосед по парте нарисовал на стене букву «зет». И как учительница оставила их обоих после урока отмывать стену, не разобравшись, кто виноват.

— Зато я отмыла букву «зет»! — гордо сказала дочь. — А сосед на стуле качался и ничего не мыл. Но он во время качания мне рассказал, что скоро уедет в Израиль.

Потом настал черед песен к 9 мая. В школе разучивали знакомый каждой маме репертуар. Моя дочь бегала по квартире и вгоняла меня в дрожь, распевая во всё горло:

«Война началась на рассвете,
Чтоб больше народу убить —
Киев бомбили,
И объявили,
Что началася война!»

Тогда же, ближе к 9 мая, позвонила моя близкая подруга. Ее пятилетнюю дочь отправили на конкурс стихов.

— Только сказали выбрать позитивное стихотворение о войне, чтобы без ужасов в тексте.

Мы с дочерью пошли поддержать друзей. В тесном клубе, в душном зале собрались дошколята со всего района. Терпеливо ждали своей очереди, а потом, в военной форме, с игрушечными автоматами в руках, позитивно читали стихи о войне.

— Мам. Пойдем лучше погуляем! — предложила дочь.

И мы пошли гулять. Мы прогуляли конкурс стихов. Фестиваль песен военных лет. Акцию «Нарисуй что-нибудь солдату». С десяток уроков «о важном».

— Мам. Буква «А» значит, что солдат подходит для войны. А буква «Б»? — спросила дочь 21 сентября.

— Буква «Б» означает, что тоже подходит. Но у него, например, плохо видят глаза. Зато он может стрелять в очках.

— А буква «В»?

— Подходит. Но у него, например, плохо работает правая рука. Зато он может стрелять одной левой.

— А буква «Г»?

— И этот подходит. Но у него, например, сейчас грипп. Как только он вылечит грипп, он может идти воевать.

— А буква «Д»?

— Подходит. У него всё не работает и сейчас грипп. Зато из таких, как он, можно делать заграждения от пуль, — ответила я дочери и повисла на шее у мужа, захлебываясь слезами.

— Я никогда, никогда не думала, что буду рассказывать такое своему ребенку, — всхлипывала я.

Дочь смотрела на меня озадаченно.

Точно так же она посмотрела на меня, вернувшись из школы в конце октября.

— Мам. Мы сегодня проходили словарные слова: «отечество» и «родина». Учительница сказала, что те, кто уезжают, предают свое отечество. Значит, она меня считает предательницей, да?

Я кинулась обнимать своего ребенка:

— Нет! Конечно, она так не считает! Она просто заработалась, устала. Иногда человек устает и не думает, что говорит.

— Как в новостях по телевизору?

Я стиснула зубы. И увезла свою умную, внимательную дочь туда, где не страшно сболтнуть чего лишнего в школе.

Марина Пеунова

Чужой среди своих: Фотографии Бориса Михайлова меж военных руин в Украине

Текст выходит в авторской редакции

«Вот что означает эстетизация политики, которую проводит фашизм. Коммунизм отвечает на это политизацией искусства…»
Вальтер Беньямин[1] (1939)

«... У тех, у кого нет памяти, гораздо больше шансов прожить счастливую жизнь. Но от воспоминаний никуда не деться: [...] мы склонны оглядываться назад, через плечо.»
В.Г. Себальд[2] (2001)

В своем культовом эссе «Произведение искусства в эпоху его технологической воспроизводимости» Вальтер Беньямин высказал нашумевшее утверждение о том, что в эпоху технологических достижений, делающих упор на скорость и воспроизводимость, искусство приобретает способность влиять на социальные изменения. По мнению Беньямина, такие социально-революционные художественные движения его времени, как дадаизм, были «инструментом баллистики. Он[и] поража[ют] зрителя, как пуля»[3]. Для Беньямина политизация искусства подразумевала господство такой радикальной эстетики, при которой искусство подчиняется политике.

Благодаря симбиозу художественной и политической ангажированности, такое «искусство участия»[4] появилось двумя десятилетиями ранее во время Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года. Александр

1 “Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости”
2 Последнее интервью Себальда перед его внезапной смертью
3 Там же, стр. 267.
4 https://os.colta.ru/art/events/details/16799/page2/

Родченко, провозгласив «все кончено»[1], таким образом объявил о конце репрезентативной живописи. В 1925 году во время своей первой и единственной поездки в Париж на Международную выставку современного декоративного и промышленного искусства Родченко сформулировал свое утопическое видение социалистического потребления, свободного от мелкобуржуазного отчуждения, которое он наряду с Беньямином связывал с разложением современного капитализма. Его «Рабочий клуб», образцовое пространство для культурного досуга и самообразования, стал самым обсуждаемым произведением на выставке.

Что за этим последовало, хорошо известно. В то время как Родченко повезло пережить гнев Сталина и реализовывать свои художественные амбиции без помех до самой смерти в 1956 году, большая часть русского авангардного искусства была принесена в жертву в пользу социалистического реализма в 1930-е годы. В то самое время, когда Беньямин заканчивал свое эссе, в Советской России летели головы. Последующие эпохи были вариациями провала: советского социализма и все более авторитарного постсоветского капитализма.

Спустя почти столетие после участия Родченко в Парижской выставке во французской столице было представлено несколько художественных выставок, декларирующих столь же политизированную эстетику. Все они были посвящены творчеству Бориса Михайлова (р. 1938), одного из самых ярких современных украинских художников. Однако, в отличие от восторженного пыла Родченко и согласуясь с меланхолическими размышлениями Беньямина о концепции руины, эти выставки, казалось, воспевали разбитые мечты. По словам

1 Цитируется в Magdalena Dabrowski, “Aleksandr Rodchenko: Innovation and Experiment” в Aleksandr Rodchenko, ed. M. Dabrowski, L. Dickerman, P. Galassi (New York: The Museum of Modern Art, 1998), стр. 43.

самого Михайлова, «Родченко был в начале советской системы, а я появился в конце. Конец советской системы был связан с ощущением разложения, краха»[1].

Так, в новом музее Пино в Париже в здании бывшей Торговой биржи представлено около сотни фотографий Михайлова из серии «В сумерках» (1993). Снятые в его родном Харькове сразу после распада Советского Союза, эти небольшие живописные фотографии вручную покрыты тонким слоем лазури. Жутко завораживающие изображения, кажется, напоминают паранормальные встречи с призраками. Как будто зрители должны вознести перед ними молитву. Эти снимки сопровождались чувственным саундтреком из фильма «1395 дней без красного» (2011) албанского художника Анри Сала. В этом фильме о боснийской войне звучат отрывки из «Патетической» Симфонии № 6 Чайковского, которую композитор закончил за девять дней до своей смерти.

Призрачно ускользающие фотографии серии «В сумерках» были сделаны Михайловым в ответ на наступивший хаос начала 1990-х годов, когда заброшенные руины поздней советской империи, так мастерски увековеченные Михайловым в его ранних сериях, уступили место еще более острому мрачному постсоветскому кризису. Подразумеваемая психологическая напряженность теневых фигур, появляющихся на снимках «В сумерках», в дальнейшем сменяется откровенным социальным реализмом в серии «История болезни» (1997-98гг.), которая до недавнего времени экспонировалась в галерее Сюзанны Терасьев (Suzanne Tarasieve Gallery). Проведя год за границей, Михайлов вернулся в родной город и обнаружил, что он радикально изменился. На снимках этого периода

1 Интервью Дэвида Тебула с Михайловым. В Boris Mikhailov: I've Been Here Once Before by David Teboul, published by Hirmer Verlag, Munich, 2011, стр. 361-466; стр. 400. In "Mikhailov's Russia: From Eden to Hell" Boris Mikhailov: Four Decades Dominique Levy Gallery, New York City, 23 November 2013 – 8 February 2014.

фотограф запечатлел бездомных (бомжей), оказавшихся на промышленных пустырях на окраине Харькова. Ранее табуированная тема, эти ранее не виденные и не обсуждаемые люди были побочным эффектом быстрого продвижения неолиберализма в период бурного первого десятилетия независимости Украины. Это было время, когда «все можно было купить и продать - даже детей»[1]. Гиперреалистичные цветные фотографии в натуральную величину представляют собой мизансцены с участием субъектов, которые сознательно позировали перед объективом фотографа.

Спорные фотографии «История болезни» вызвали много критики. Михайлова обвиняли в вуайеризме, ущемляющем права человека тех, кого он фотографировал, в опошливании страданий и разрушения личности, а также в превращении проблем постсоветского общества в экспортный товар для продажи. В свою защиту Михайлов утверждал[2], что его проект был продиктован тем, что искусствовед и друг Михайлова Виктор Мизиано назвал «новым этическим кодексом», согласно которому фотограф гиперболизировал изображение нищеты, ведущей к потере человечности. Михайлов убедительно утверждает, что он изобразил уязвимость этих людей, чтобы показать общественную трагедию, общество в руинах, и чтобы засвидетельствовать боль перехода от социализма к капитализму Дикого Запада, при котором выживает сильнейший. Идеи Михайлова перекликаются с концепцией Беньямина о руинах как о катастрофическом настоящем, которое мы оплакиваем. Советская коммунистическая утопия так и не была реализована. Она была захвачена тоталитаризмом в 1930-х годах, когда Владимир Ленин был превращен в культовую фигуру. В Советском Союзе происходил тот же процесс эстетизации политики, что и

1 https://prixpictet.com/portfolios/consumption-shortlist/boris-mikhailov/statement/
2 https://magazines.gorky.media/km/2005/2/levoe-eto-zhertvennoe.html

при наступающем фашизме. Другими словами, Михайлов документировал разрушенное прошлое, которого на самом деле не было. Его фотографии вносят свой вклад в архив разрушений и уничтожения. Подобно ангелу истории, фотограф с ужасом смотрит на эти советские и постсоветские обломки революции.

Сфотографированные менее десяти лет спустя, жених и невеста из серии «Свадьба» (2006), которая была представлена в той же галерее, подобным же образом бросают вызов канонам красоты, и с гордостью выставляют напоказ физические недостатки. Как и большая часть работ Михайлова, эти фотографии противостоят традиционным эстетическим идеалам идеализированного и фетишизированного человеческого тела, которые можно увидеть как в соцреалистическом, так и в национал-социалистическом искусстве. Здесь мы имеем массу грязных, покрытых синяками рук и ног, обожжённых тел, морщинистых, озабоченных и обезображенных лиц, на которых признаки тревоги перемежаются с напускной радостью. Здесь Михайлов сосредоточился на частной жизни фотографируемых им людей; на заднем же плане мы видим разлагающуюся социальную реальность. Эта, как и другие серии Михайлова, как бы воспевает и увековечивает заурядную советскую посредственность.

Одновременно с упомянутыми выставками, крупнейшая ретроспектива работ Михайлова под названием «Украинский дневник» недавно прошла и в Mai-son Européenne de la Photographie (MEP). На ней были представлены фотографии из 27 серий, сделанных Михайловым за полвека, включая его первые любительские снимки 1960-х годов. Персонажи серии «Чай, кофе, капучино» (2000-2010гг.) выглядят квинтэссенцией мрачности. Их явное чувство безнадежности напоминает нам, выражаясь советским языком, о «язвах капитализма»:

резкое падение уровня жизни и резкое обнищание большого количества украинцев, которое сопровождалось обогащением избранных, тех, кто мог наслаждаться агрессивным ростом потребления. Пустые, неулыбчивые лица героев Михайлова имитируют интенсивную, высоковольтную психологическую искру, документация которой стала фирменным стилем Михайлова. В другой серии, «Театр войны, второй акт, Time Out - декабрь 2013», фотографа захватили монументальные и, казалось бы, постановочные сцены, свидетелем которых он стал во время протестов на Майдане, вспыхнувших в том же году. На этих снимках запечатлены протестующие, непринужденно занимающиеся своими делами: курящие у костра, в своих палатках, с украинскими флагами и баррикадами из мешков с песком позади них. В этой серии Михайлову удалось мастерски передать зловещее предвкушение, витающее в воздухе.

На выставке MEP также были представлены проекции последней серии Михайлова «Искушение смертью» (2017-2019гг.), состоящей из более чем 150 пар увеличенных фотографий размером 6x9м. Одиннадцать диптихов из этой серии ранее были представлены на выставке Art Basel 2022, где их можно было увидеть на рекламных щитах на стенах культурных и общественных учреждений этого города. Выполненные в советском и теперь уже разрушенном киевском крематории двойные проекции носят вневременной и очень личный, характер, но в то же время обладают социально-политической злободневностью.

Мать Михайлова была еврейкой, а отец украинцем, он принадлежит к советскому поколению, выросшему в условиях жестокой советской действительности: всего за несколько лет до его рождения на Украине закончился Голодомор, а через несколько лет началась Вторая мировая война. Михайлов вырос и получил образование как

советский украинский юноша, говорящий по-русски и живущий в советском индустриальном городе, как и многие другие в СССР. В советскую эпоху Харьков был особым местом. В свое время здесь жил герой советского андеграунда Эдуард Лимонов, который ворвался на литературный Олимп с незабываемым ярким романом[1] «Это я, Эдичка» (1976). После возвращения из эмиграции в Россию Лимонов продолжил окружать себя скандалами. В частности, он вступил в ряды сербских националистов в Боснии во главе с Радованом Караджичем и основал в 1993 году Национал-большевистскую партию. По проницательному наблюдению[2] Михайлова, «пошлость - одна из особенностей [мо]его родного города, поскольку здесь нет культурной традиции, но есть энергия и амбиции. В каком-то смысле эту вульгарность можно даже считать революционной...». Прав он был или нет, но в Харьковской области насчитывается более шести десятков вузов, и этот город является одним из крупнейших научных агломераций Украины. Этот некогда эклектичный город, как описала его Маша Гессен в журнале *The New Yorker* незадолго до начала войны, был разрушен в результате российских бомбардировок.

Главной отличительной чертой работ Михайлова является их теоретическая глубина. Его фотографии выходят за рамки истории искусства и затрагивают такие области, как история идей, политическая теория и философия истории. По словам Михаила Рыклина, ученика одного из самых новаторских советских мыслителей Мераба Мамардашвили, неофициальное искусство московского концептуализма - движения, с которым Михайлов был связан с конца 1970-х гг., было гораздо более смелым и идеологически новаторским, чем окостеневшая официальная философия марксизма-ленинизма того времени. Советские

1 Роман был написан в Нью-Йорке в 1976 году и опубликован в Париже в 1979 году.

2 Борис Михайлов в интервью Виктору Мизиано: https://aperture.org/editorial/boris-mikhailov-on-liberation-vulgarity-and-chance-in-photography/

концептуалисты создали свой собственный язык, и этот процесс был «идиосинкразическим словотворчеством галлюциногенного типа, ориентированным прежде всего не на эстетику, а на то, чтобы удерживать ‘согласованную реальность’ на удобном для грезящих почтительном расстоянии»[1].

В своих работах Михайлов колеблется между концептуализмом и архивизмом. Подобно «полудокументальной прозе» немецкого писателя В.Г. Себальда, работы Михайлова документируют «прекрасный» упадок, от которого невозможно оторваться. В то же время Михайлов, несомненно, разделяет непоколебимую веру Себальда в то, что только этически бескомпромиссное искусство является эстетически достоверным.

Эта склонность к руинофилии, или то, что Светлана Бойм метко назвала «взгляд на руины»[2] (“ruin gaze”), не является ни ностальгической, ни реставрационной; напротив, она излучает чувство отчуждения от своей земли. В то же время Борис Гройс[3] был прав, когда отметил, что взгляд Михайлова на советскую тоталитарную эстетику не негативен, а нейтрален. Этот взгляд рефлексивен и отстранен, поскольку «руины заставляют нас думать о прошлом, которое могло бы быть, и о будущем, которое так и не наступило»[4].

Себальд напоминает нам, что наша память сама по себе подвержена постоянному разрушению. В романе «Кольца Сатурна» он посещает немецкого писателя-эмигранта в

---

1 В книге под ред. Андрея Монастырского, Slovar’ terminov moskovskoi kontseptual’noi shkoly, “ Moscow: Ad Marginem, 1999, стр. 13.

2 http://monumenttotransformation.org/atlas-of-transformation/html/r/ruinophilia/ruinophilia-appreciation-of-ruins-svetlana-boym.html

3 Boris Groys, “Boris Mikhailov: The Eroticism of Imperfection”, в History Becomes Form: Moscow Conceptualism, Cambridge: MIT Press, 2010, стр. 139.

4 http://monumenttotransformation.org/atlas-of-transformation/html/r/ruinophilia/ruinophilia-appreciation-of-ruins-svetlana-boym.html

Великобритании Михаэля Гамбургера, который вспоминает[1] о своем берлинском детстве, из которого он бежал вместе с семьей в 1933 году:

«Как мало во мне осталось от моей родной страны [...]. Всякий раз, когда в нашей духовной жизни происходит сдвиг и всплывают такие фрагменты, как эти, мы считаем, что можем вспомнить. Но в действительности, конечно, память нас подводит. Слишком много зданий рухнуло, слишком много обломков нагромождено, морены и отложения непреодолимы. Если я сейчас оглядываюсь на Берлин, пишет Майкл, то вижу лишь затемненный фон с серым пятном, рисунок грифельным карандашом, какие-то непонятные цифры и буквы готического шрифта, размытые и наполовину стертые влажной тряпкой. Возможно, это слепое пятно также является пережитком руин, через которые я бродил в 1947 году, когда впервые вернулся в родной город в поисках следов жизни, которую я потерял».

Можно также добавить, что фотографии Михайлова, как только они были сделаны, вступают в процесс разрушения и являются лишь фрагментами потерянного времени, остатками дня, подобно парижским аркадам Беньямина. Они одновременно и здесь, и не здесь, капризно ускользающие. Будучи на шесть лет старше Михайлова, Себальд принадлежал к радикальному поколению 1968 года в Германии, которое первым прямо противопоставило себя нацистской бойне в своем творчестве. Себальд обратил свой критический взгляд на империалистические цивилизационные устремления, которые были частью европейского проекта современности. Его произведения мрачно размышляют о разрушениях и гибели как в Европе, так и в бывших европейских колониальных

1 W.G. Sebald, The Rings of Saturn, Перев. Michael Hulse, New York: New Directions, 1998, стр. 176-9.

форпостах, включая Иерусалим. Он напоминает нам знаменитые слова Беньямина о том, что «нет ни одного документа цивилизации, который не был бы в то же время документом варварства». Себальд провел связь[1] между колониализмом и физической деформацией человека. Таким образом, себальдианство[2] - это постколониальная философия истории периода упадка Британской империи (ещё молодым человеком Себальд перебрался в Англию и стал университетским профессором). Для Себальда сама диалектика Просвещения несла в себе зародыш собственного разрушения.

Если Себальд прославился своей литературой памяти, которая зафиксировала конец европейской современности и ее основ - империализма и колониализма, то наследие Михайлова - это фотография памяти, а он сам является архивариусом современности, как советской, так и постсоветской антисовременности. Документируя обыденность постсоветской действительности, Михайлов также, кажется, идет вслед за французским философом-марксистом Анри Лефевром, чья «Критика повседневной жизни» в условиях современного капитализма была написана после Второй мировой войны, когда наблюдался резкий рост потребления. Идеи Лефевра оказали большое влияние на студенческую «марксистскую» революцию 1968 года во Франции. Парадоксально, но в то самое время, когда Париж и другие европейские столицы бурлили студенческими протестами, советские художники-нонконформисты, включая Михайлова, испытывали тоску

1 Себальд противоречиво заявил, что "...по сей день в Бельгии можно увидеть характерное уродство, восходящее к тому времени, когда колония Конго эксплуатировалась без ограничений, и проявляющееся в макабрической атмосфере некоторых салонов и поразительно низком росте населения, что редко встречается в других местах. ...во время моего первого визита в Брюссель в декабре 1964 года я встретил больше горбунов и сумасшедших, чем обычно за целый год". В книге "Кольца Сатурна", стр. 123.

2 Todd Samuel-Presner, "Hegel's Philosophy of World History Via Sebald's Imaginary Ruins: A Contrapuntal Critique of the 'New Space' of Modernity", в Julia Hell and Andreas Schönle, eds., Ruins of Modernity, Durham: Duke UP, 2010, стр. 195.

по «воображаемому Западу» по ту сторону железного занавеса.

Эта тяга к Западу перешагнула грань между нонконформистским искусством и официальным советским режимом. Не только оппозиция, но и лидеры коммунистической партии мечтали войти в элитный клуб западных империалистических держав, превратив Советский Союз в империю, имеющую равный вес в мире. В то время как революция 1968 года в Европе разворачивалась и европейский колониализм изжил себя, советский империализм только ускорялся. Любопытно, что европейский дискурс[1] деколонизации, подпитываемый духом «третьего мира», алжирской войны за независимость (1954-1962) и дискурсом марксистских светил, включая Франца Фанона, теперь звучит в текущем дискурсе относительно деколонизации Украины и России и вокруг нее.

Михайлов переехал в Берлин в середине 1990-х годов, но сохранил свою харьковскую квартиру. Его здоровье не позволяет ему вернуться в Украину. Состояние его архивов остается неизвестным с начала войны. По словам куратора выставки в MEP Лори Гурвиц,

«...почти наверняка большинство, если не все, здания и места на фотографиях больше не существуют. [...] От осознания того, что они были разбомблены и разрушены, на глаза наворачиваются слезы. Возможно, это и к лучшему, что он был избавлен от необходимости быть свидетелем разрушений, обрушившихся на его любимый Харьков во время нынешней войны».

---

1 См., например, Madina Tlostanova (2012) Postsocialist ≠ postcolonial? On post-Soviet imaginary and global coloniality, Journal of Postcolonial Writing, 48:2, стр. 130-142; Timothy Snyder, https://www.newyorker.com/news/essay/the-war-in-ukraine-is-a-colonial-war ; Oleksiy Radynski, https://www.e-flux.com/journal/125/453868/the-case-against-the-russian-federation/

Подобно Германии Беньямина и Себальда, Украина Михайлова сегодня уничтожается в результате российской агрессии и превращается в воспоминания о местах, которых больше нет.

Несмотря на то, что Михайлов был канонизирован миром искусства, его художественному наследию уделяется меньше внимания в свете военных действий в Украине. Это прискорбно, поскольку работы Михайлова запечатлели историю Украины и одновременно отражают общую с Россией жизнь и самобытность таких городов, как Харьков. К сожалению, от мест, которые снимал Михайлов, остались лишь руины. Многие украинские больницы, школы, библиотеки и музеи теперь будут жить только в памяти. Есть надежда, что жизнестойкость этого эклектичного места сохранится; но если не останется и памяти, единственное, что уцелеет, - это призрачно прекрасные фотографии Михайлова.

Елена Кондрахина

Текст выходит в авторской редакции
От автора: *Это — коллективный документ об отношениях с тюрьмой, насилием и войной, который записан в мае 2022 года Леной Кондрахиной в Петербурге. 12 голосов женщин из разных городов и стран рассказывают о войне и нашей жизни с/в ней, тюрьме и позиции по отношению к институциям вообще, о насилии и действиях в ответ на него. В почве наших бесед, словно семена, скрывались ценности и принципы, которые мы вплетаем в свою жизнь и взращиваем вопреки давлению извне*.

Мы
Я из Петербурга, сейчас в Израиле.

Я связываю себя с местом рождения, Сахалином, очень его люблю.

Я из Омска. Омск и вообще Сибирь — важная для меня географическая и поведенческая сфера.

После начала войны я думаю, украинка я или россиянка: родители у меня украинцы, немножко русские корни.

Я много лет жила в Крыму. Очень больно отозвалась аннексия в 2014 году, особенно история Кольченко.

Я из Тюмени, когда мне было 11 лет, мы переехали в Питер.

Я не в России сейчас, языковая ситуация другая, мне здесь нет места, меня не знают, нет стратегий, чтобы я стала частью этого места. Положение многих уехавших людей: быть призраками, ты смотришь, все время подглядывая под шторы.

Я родилась в Веселом поселке (ха-ха), выросла в Колпино, живу рядом с Невой и не собираюсь уезжать из России.

Кажется, все мы — феминистки, придерживаемся антиавторитарных взглядов. Среди нас есть художницы, веганки, архитекторки, музыкантки, математики, кураторки выставок, журналистки, гендерные исследовательницы, преподавательницы, менеджерки и продюсерки.
Многие определяют свои взгляды как анархистские.
Мы интересуемся историей политических репрессий и советского государственного террора. У многих из нас есть опыт задержания и ареста, защиты в судах и местах лишения свободы. В тюрьме наши возлюбленные, отцы, друзья и подруги, единомышленницы. Мы любим красоту, историю, философию, антропологию, психологию, искусство, лежать и когда рядом близкие люди. В разное время и по разным причинам мы выбираем видимость и невидимость, публичность и непубличность. Для нас важны роли свидетельниц, помощниц. Записанное в этом документе — далеко не всё, что мы можем сказать себе и тем, для кого это может иметь значение, но мы ограничены в возможности говорить публично в том числе по причинам безопасности, своей и дорогих нам людей.

Эти разговоры случились через несколько месяцев после начала войны. Не будучи темой наших бесед, война стала контекстом, без которого мы теперь не можем представить происходящее. В Украине наши близкие, подруги и друзья, сестры и братья, племянники и тетки. Кто-то убит, кто-то уехал из страны — на время или навсегда.

Война

Когда казалось, что хуже некуда, случилась война.

Изнанка накрыла поверхность или разлилась по ней.

У меня не осталось морального права переключаться с войны на что-то еще, и всё обострилось и упростилось. Я могу круглосуточно предлагать свои знания и навыки — было бы неправильно заниматься чем-то еще. Позади Крым, Донбасс, Болотное дело, Pussy Riot, ничего нового мы не узнали про Россию с тех пор.

Когда война случилась, я приходила домой и включала свет с удивлением — всё еще существует такое, созданное людьми? Никто же не обещает: люди дали — люди отняли.

Мне было очевидно, что война будет. Политическое мышление — это способность помыслить, что происходит не только в комнате, но и в Украине. Я каждый день выходила протестовать на дождливую площадь. Когда стоишь одиннадцатый, создается ощущение, что осталось разве что пойти прыгнуть в речку. Инерция катастрофы.

Аристотель начинал с того, почему мы здесь оказались. Я не достроила новой идентичности во время войны, у меня еще нет языка. Если бы ты спросила меня 22 февраля, я бы рассказала, а сейчас чувствую утрату многих смыслов и не знаю, что сказать. Сложно себе признаваться, что ты — часть этой культуры насилия, в которой мы все выросли, и тяжело помимо акта признания взять на себя ответственность за дальнейшие действия.

Тетеньки на почте обсуждали недовольство войной.

С началом войны я уволилась из театра, потому что считаю невозможным работать на государственное учреждение. Мы уезжали в первую неделю войны, было трудно оценить, как

будут разворачиваться события: закроют границы? Введут военное положение? Было важно, чтобы уехал муж, потому что он в большей зоне риска. А если я останусь, сможем ли мы воссоединиться в обозримое время?

Люди считают себя добрыми, одобряя убийства русских солдат. Но когда видишь, какие условия в тюрьме у Юлиана, не можешь не думать: «ACAB». Я понимаю ненависть украинцев к россиянам.

Я координирую выезд беженцев через Россию. Бабушка рассказывала, как их везли в эвакуацию из Ленинграда. Мне все детство рассказывали об этом состоянии — когда привезли куда-то в неизвестное место.

Имперский экстаз на заводе и в группе поддержки зависимых.

Очень подкосило, что после начала войны уехала сестра. То, что я не прощу никогда: отняли сестру. Мы с ней были в режиме «дельфин на двоих», пока папа был в СИЗО: спали по очереди, по очереди были то активны, то в тотальной депрессии — кто-то плачет, кто-то работает, потом меняемся.

Есть ощущение, что в отличие от тех людей, для кого война разломала мир — для меня она его не разломала. Войной завершился некий мой внутренний процесс, и мне не кажется ценным мое публичное высказывание сейчас. Ценно, чтобы звучал опыт рефлексии, которой у меня нет: в частности, вся тема с виной и ответственностью — я ее не ощущаю, но кажется важным, чтобы были слышны эти голоса. Есть друзья или близкие, которые сейчас осознают какие-то штуки про себя и свои отношения с российским государством, ощущают, что разделяли дискурс, который казался правильным. Не в смысле, что были за Путина, а в

каких-то мелочах, какие-то маскулинные темы, что-то еще. Люди, которые могут сказать, что были частью процесса, который привел к катастрофе – и добавляют: «и я не хочу больше ею быть», или «хочу исправлять ситуацию». Мне очень нравятся эти голоса и хочется помогать им звучать, не хочется их перебивать противоположным голосом. Мне кажется, я, — мы — делали что-то, чтобы этого не происходило, и это гораздо более простая, плоская, не ценная позиция.

У мамы одноклассник — военный вертолетчик на пенсии, и, естественно, он за войну, он прошел Чечню и Афган. У его мамы начинается Альцгеймер — он жаловался, что она совсем плоха, смотрит телевизор, мотает головой и плачет: «Это невозможно, это невозможно». Он подсаживается и говорит: «Там нацисты, нужно освободить Украину» — она на него смотрит и мотает головой. Как я хочу, чтобы у нас чуть больше было такой альцгеймерной бабушки, чем всего остального.

В 2016 году я жила в Израиле, меня привезли в палестинскую деревню, где проходит еженедельная демонстрация жителей деревни рядом со стеной: против того, что стена сдвинута на несколько метров вглубь палестинской территории так, что оливковые деревья оказались отрезаны от деревни (это со слов сторонников протестов, я никак не проверяла эту информацию). Митингующие доходят до стены, выкрикивая лозунги (например, за свободную Палестину), затем бегут назад, когда в них начинают кидать гранаты со слезоточивым газом, а потом все идут кушать. Я пересматривала видео — и там видно, насколько я не попадаю в ритм людей, убегающих и закрывающихся от газа. Помню, что я думала медленные отвлеченные мысли, думала что-то про запах, который имеет смысл ощутить, дым Отечества. В отличие от России, к Израилю я испытываю более сложные эмоции

— в частности, казалось важным понюхать гранаты, которыми он разгоняет мирный безоружный митинг.

Мне казалось, Пинкер нам обещал всеобщую гуманизацию — все могут залезть в интернет и почитать, всех не развести на банальный патриотизм. Я читаю истории из 1944 года и понимаю, что ничего не поменялось: та же коррупция, то же насилие, бессмысленное, беспощадное, которое травмирует всех по обе стороны войны.Обескураживает общественная способность законопачивать трещины, подорожниками обклеивать дыры и говорить: «Нормально, так поживем».

Мне рассказывали, как организовывали забастовки нелегальных мигрантов в Тель-Авиве, как устроены израильские тюрьмы для мигрантов, рассказали про разгоны митингов. Девочка ненавидит Израиль, у мальчика отношение ближе к моему: он воевал, был боевым офицером, и потом его отправили в отставку, списали из армии, когда он начал заниматься вредительством. Ему поручили перевезти запрещенное оружие, и он «потерял» его, боясь, что они его используют. В Израиле есть представление, что офицер — это положительный персонаж и, вероятно, для государства были бы репутационные потери от процесса над ним, поэтому его не стали судить, просто уволили. Сейчас он воюет в Украине.

Вокруг берут всех и параллельно бомбят Украину, гибнут близкие, попадают в плен, ты — часть войны, а война становится частью твоего тела. Наше первое поколение — постсоветское, неосоветское — не справилось со своей исторической задачей. Мы разбросаны по планете. Мы были разобщены и подавлены, многие включились только сейчас. Огромное количество людей вовлеклось в антивоенный протест, а навыков и опыта у них нет.

Для меня война с Украиной мало отличается от войны в Сирии, я испытываю те же эмоции. Я считаю это расизмом, конечно. Реакция Европы на войну кажется хорошей, адекватной, правильной, отношение к беженцам из Украины в Европе меня радует. Кажется, важно, что я вижу за этим расизм – украинцы воспринимаются такими же людьми, как те, кто им сочувствует, а сирийцы не воспринимаются. Параллельно вижу новости про тонущих беженцев, на которых поебать людям в Европе — за исключением очень немногих. Может быть, научившись на украинцах видеть в беженцах людей, европейцы начнут относиться иначе к другим людям в своих странах.

Война всегда здесь.

Что мы делали, когда война началась

Утром 24 февраля я отправила Витьку письмо, потому что хрен знает, что произойдет. Написала «что-то произошло», потому что решила — нельзя писать под цензуру слово «война».

Я перестала общаться из-за войны со знакомыми из Украины, которые поддерживают агрессию: мысленно пожелав всего хорошего, удалила их из друзей.

Когда идет война, всё равно нечего терять — самое худшее происходит прямо сейчас. Я чувствую взрывную волну отсутствия сомнений: больше невозможно ни в чем сомневаться, некогда, надо делать — иначе просто не успеешь. Очень верю, что у всех людей достаточно потенциала, возможностей, чтобы пересобрать себя. Война многое обнажила: как я могу помогать миру, чем я хочу заниматься, где может быть мой вклад. В процессе честного разговора с собой я начинаю нащупывать путь. Иногда кажется, что не хватит сил на этот процесс, но уверенность в том, что для меня важно, дает мне вдохновение и опору. Внутри меня есть — и остается — что-то незыблемое.

Наверно, во мне тоже есть расист, который не видел эту часть общества, игнорировал ее внутри себя. Эти мальчики в Украине тоже про меня, значит, и во мне это есть. Очень больно это осознавать, я не готова отделить себя от этих людей.

Для меня важно как угодно продолжать заниматься чем-то связанным с войной.

Стоп, мы наужасались, надо показать, что ужасаться — это не единственное, что мы можем, возможно созидательное в этом всем.

У политического действия должен быть более чем персональный КПД. Даша рассказывала, что ее мама с подругой в Алтайском крае вдвоем вышли на антивоенный протест. Их протест — видимый.

Я думала, каково было людям сопротивляться против Гитлера.

Опыт присутствия в теле войны с той стороны, которая не видна – дна пушки, — это чудовищный опыт. Мы знаем, каково находиться под бомбами. А каково сходить с ума, когда от твоего имени уничтожают города?

Со временем это свидетельство может оказаться ценным — проливает свет на обстоятельства, как это стало возможным.

В Тбилиси мы сделали большой антивоенный аукцион — это был радостный опыт, он во многом вернул мне ощущение, что я могу что-то делать, а не просто сидеть с красными глазами у компьютера и писать бумажки или отвечать на вопросы, потому что очень тяжело заниматься однообразным трудом. Организация аукциона вернула мне ощущение разнообразия жизни. Заняло всего неделю, но я встречалась с разными людьми, уговаривала принять участие, мы таскали стулья, мыли, расставляли, встречали, провожали людей, — такой момент коллаборации усилий. Опыт, который хотелось бы повторять, чтобы не заниматься однообразной работой, особенно если ты находишься в депривации общения с людьми.

Я написала знакомой активистке из Харькова с вопросом, вызвала к прямому диалогу — ее это воодушевило, мы можем друг у друга спрашивать про инициативы.

Две-три недели я ни с кем не общалась. Хочу почитать про антифашистское сопротивление в Германии.

Говорю с кем могу, пишу, боюсь потерять силы.

Когда читала про пытки, вспомнила про ребят из «[дела “Сети”» — я разрыдалась и не стала репостить, чтобы люди не почувствовали то же самое.

Именно люди помогли мне выбраться из оцепенения, безвременья, напомнить мне о ценностях, о том, зачем я вообще что-то делаю. Я рисовала карты, компасы, ориентиры ценностей, чтобы напомнить, кто я тут и что делаю — это очень сильно мне помогло. У меня есть браслетик, который я всегда ношу: маленькая серебряная полосочка с надписью “remember your values” – то, что меня держит в жизни. Обращение к своим ценностям и взаимодействие с близкими людьми вернуло ощущение, что я могу действовать, я стала устраивать встречи, хотя казалось, нет никаких ресурсов эмоциональных на это. Я понимала, что должна пересилить и сделать. Еще очень сильно поддерживала эстетика, красота, я окружала себя красивыми вещами, покупала ароматические свечи, цветы, которые раньше не покупала никогда, почувствовала, что мне это надо — вкусные всякие запахи, меня это возвращает к жизни, я могу жить дальше, это будет тяжело, страшно, многое изменится, но прямо сейчас я это делаю и получаю удовольствие от элементарных вещей.

Тюрьма

Тюрьма — это государство.

Ощущение, что я Алиса, которая падает в кроличью нору бездонную, и вокруг бесконечные мелочи, которые надо отложить, запомнить, проинвентаризировать, а я падаю, падаю и никогда не упаду. Сейчас такое ощущение тягучести: что нужно расслабиться, не напрячься и пытаться сгруппироваться, а принять тягучесть и расслабиться, хотя копится внутренний крик. Когда мне плохо, дыра внутри кричит буквой «Ы» — она не требует, а просто страдает. Мне не хватало того, кому бы я доверилась, взрослого человека, который каждый день говорил бы, что это ненормально, это ужасно — то, что происходит.

Подземелье реальности, изнанка, тайная комната, куда сбрасывается всё, чулан, бессознательное общества. Структура тюрьмы — то же, что структура общества, только более структурированная форма всей России.

Традиция каторги, ссылки, лагеря, гулага воспроизводится в обществе через тюрьму. Лояльность режиму производится в зоне, там выковывается существенная часть того, что составляет фон России: уважение к грубой силе, насилию, уважение к мучителю.

Холод во всех смыслах: эмоциональный, физический, мучение, все люди, которые там работают, творят жестокость, попустительствуют, мне холодно, комната свиданий, замерзший бетон даже летом. Не могу позволить себе не быть *нехолодной*: переключение в защитницу — это переключение в холодный режим, когда тебя не должно ничего трогать, ты функция, которая требует от учреждения соблюдать все процедуры, надо играть по их правилам, угрожать их угрозами, которые могут их задеть.

Музей Сергея Параджанова в Ереване

Есть какой-то набор правил, которым тюрьма, государство тебя подчиняет. Но если долго находишься в этом пространстве, важно не забывать, что настоящая жизнь — на лужайке, а не в тюрьме. Я не хочу сказать, что та жизнь, которую проживают заключенные, не настоящая.

Абсолютная изоляция в вакууме. Представляются сразу знакомые, которые оказывались в заключении или сейчас там находятся. Минимум контактов, передвижений, информации, отсутствие воли выбирать, что ты будешь делать прямо сейчас, навязанные ритуалы.

Тюрьма — собирательное название всех мест лишения свободы. Основной порог — закрытость, мы не можем знать и предлагать решений, пока тюрьма не прозрачна.

Наручники, стресс, много людей.

Тюрьма живет по своим законам, к которым я не привыкла, и с которыми нужно учиться взаимодействовать, обходить их, если это возможно. «Замок» Кафки, из которого, кажется, нет выхода.

Тюрьма — это классический пример слепой зоны. В рассуждениях о разрешении общественных проблем тюрьма является конечным пунктом перемещения человека. Есть ситуация домашнего насилия: есть тиран, мы пройдем путь принятия закона о домашнем насилии, научим полицейских, психологов, правозащитников общаться с пострадавшими, и в результате у нас произойдет большой триумф — лишим свободы агрессора. Это ложная картинка, потому что мы не приходим к хорошему концу, а попадаем в новое царство, где нас ждет такая же долгая дорога. Очевидно, что тюрьма — то самое место, где человек должен оказаться, и что тюрьма — ответ на существующие социальные проблемы , даже если мы не говорим о простых вещах вроде того,

что экономические преступления не должны становиться поводом для лишения свободы. Даже когда речь идет о насильственных преступлениях, не очевидно, что тюрьма — хороший способ решить проблему. Для меня самое сложное — понять, чего мы стремимся достичь, имея пенитенциарную систему, и насколько эффективно достигаются эти цели.

Тюремные порядки не дадут нормально существовать. Самое страшное для меня — взаимодействовать с другими людьми в одной камере: я не смогу уйти. Думала, как буду противостоять — это меня больше всего пугает. Замкнутое пространство.

Общество не жалует даже политических заключенных. Есть ложное представление о тождестве государства и общества и о тождестве закона и справедливости. Если посадили или объявили иноагентом – не могло же это произойти просто так. Если человек попал туда, то что бы с ним ни делали — все будет правильно, потому что он преступник; если пытали в тюрьме — это норм, а об отсутствии медицинской помощи в случае зубной боли или запрете на выход в туалет даже и говорить нечего. Есть идея, что все решится без нас, что последствия происходящего в тюрьме нас никак не касаются.

Сложно отнести время в колонии к какой-то категории временных затрат. Уходит очень много времени, несколько часов в день, и как бы это ни было ненапряжно — приходишь, выписываешь пропуск, — это отнимает много сил, даже если поначалу не чувствуется. Трачу пять часов и не могу ничего делать после, а работать-то надо. Много потраченного времени в день, неделю, месяц — влияет на распределение моего времени и задач.

В России, с одной стороны, тюремный вопрос стигматизирован, а с другой стороны, тема понятна любому: такой большой процент людей, отбывающих или отбывавших наказание. Тема, знакомая практически каждой семье.

Ограничение свободы — многослойная штука. Начинается с внутреннего цензора. Идея тюрьмы — идея иерархического устройства, подчинение другого существа. Похожие идеи — использование животных, эксплуатация, диктат условий взаимодействия, родительство.

Одиночество, ограничивающие условия. Два дня в ИВС дали мне понять, что я не хочу в тюрьму.

Моя компания была — члены ОНК и ментессы по утрам.

Приехала домой к папе, поделилась, что жизнь наладилась, избавилась от депрессии, а в 7 утра на следующий день к ним пришли с обыском. Звонит сестра и говорит, что папу арестовали — потом я коротко увижу его в суде, где его отправят в СИЗО, а потом не увижу целые полгода.

Тюрьма намного ближе ко мне, чем я думала в 22 года. В тюрьме могут сидеть хорошие люди, там могут быть люди, которые сидят по ошибочным приговорам, по наркоманским, несправедливо.

Я из семьи репрессированных в 1930-е, у меня уже было представление о том, что политические заключенные существуют, что людей сажают ни за что и они сидят в ужасных условиях. Но я долго делила заключенных на хороших и плохих — политических и тех, кто совершили преступления в бытовом смысле слова. Если плохие попали в тюрьму — это не мое дело.

Все старшие классы школы я читала практически только воспоминания — тюремные либо диссидентские (не только прошлого века): Герцена, например, сопротивляющихся. Мало кто сопротивлялся и не сидел. Это про контекст: я думала о том, почему человеку в смертельной опасности важно оставить от себя голос, и почему так странно читать дневники тех, кто умер. Есть ощущение, что если рассказал — то не умер.

Что-то знаю про тюрьму от мамы, она работала там 15 лет. С подросткового возраста у меня есть образ тюрьмы, мама рисовала мне схему.

Эти волшебники в «Гарри Поттере» во многом неплохие ребята, но почему у них настолько стрёмная тюрьма? Возможно, это не случайно и показывает, насколько дисфункциональное общество зависит от личности, а не от выстроенных процессов? Может быть, это, наоборот, элемент слепоты автора? Не сосредоточиться на этом вопросе, показать классический образ средневековой крепости, а не такую тюрьму, какой она могла бы быть. Меня занимает вопрос насколько это баг, а не фича. Я бы посвятила больше времени исследованию, почему так случилось. Есть же там общество защиты прав эльфов — неплохо, чтобы волшебники порефлексировали и на эту тему, чтобы такая же линия была про тюрьму, чтобы появился герой, который предложит пути решения.

Когда есть угроза для возникновения конфликта, в том числе есть и угроза последствий. Тюремной администрации неудобно разгребать последствия публикаций в СМИ.

Они перетрясли весь мой матрас, но ничего, кроме клопов, не нашли. Не выдали карандаши для альбома из передачи.

Родственные связи как будто легитимируют возможность сделать для человека что-то хорошее. Как будто подыгрываешь этой программе.

Человек находится в зависимом положении, у него нет доступа к информации, он узнаёт все по большей части от меня, я фильтр новостей — это не нормально, что я определяю, что он будет знать. У меня есть часы, а у него нет, и он не знает, сколько времени: с первого свидания я считала, что если я посмотрела на часы, я обязана назвать время, чтобы он тоже знал.

Если ты публичн_ая заключенн_ая, нельзя применить насилие.

Насильники получают свое наказание уже в тюрьме, а те, кто пытают — самоутверждаются.

Идея хорошей тюрьмы для плохих ребят. Можно с кем-то работать методами психотерапии, а кого-то только изолировать?

Подопечный превращается в симса — объект помощи, особенно в случае длительного заключения. Многие семьи в это впадают. Ты функция поддержки: нужно одеть, накормить, причесать, и он будет довольный. А он — нет, своей тюремной жизнью живет, у него что-то свое происходит. Это пугало меня в женщинах, которых я видела в СИЗО.

Есть еще проблема: как будто, если человек сел, его отняли — и пообщаться можно будет только через несколько лет. Люди не знают, как взаимодействовать, или боятся, не знают, что писать.

«Дыма без огня не бывает»: мне никто так не говорил вслух, но этот страх парализовывал мои социальные взаимодействия. Казалось, что все на меня смотрят с подозрением. У нас нет в обществе способности присоединяться к человеку и нормально реагировать на горе. Человек с горем один на один. Ощущение странной вины перед обществом, как будто недостаточно правильно себя вел, недостаточно спасал, не имеешь права улыбаться, радость получать.

Когда ты участница процессов, сложнее абстрагироваться, чем когда имеешь дело с архивными данными. В Тобольске у меня было ощущение совмещения, потому что тюрьма — градообразующее предприятие, слишком многого числа людей касается взаимодействие с тюрьмой.

При задержании его били и душили.

Под домашний арест папу выпустили в католическое Рождество: падают хлопья снега, и он приходит домой — ему вешаются на шею дети, внуки, все плачут, и наступает новый год. Каждый день приходили проверять, что нам не приснилось, приезжали потрогать, что он настоящий, здесь. Папа никогда так не был погружен в нашу жизнь, как когда находился в СИЗО. Писали через адвокатов и ФСИН-письма только про детей, потому что нельзя писать важное через цензуру. Я писала три письма в неделю, больше не хватало сил, сестра — пять-семь.

Администрация колонии удалила мой номер из списка разрешенных телефонов, потому что мы слишком много всего обсуждали.

«Дыма без огня не бывает»: мне никто так не говорил вслух, но этот страх парализовывал мои социальные взаимодействия. Казалось, что все на меня смотрят с подозрением. У нас нет в обществе способности присоединяться к человеку и нормально реагировать на горе. Человек с горем один на один. Ощущение странной вины перед обществом, как будто недостаточно правильно себя вел, недостаточно спасал, не имеешь права улыбаться, радость получать.

Когда ты участница процессов, сложнее абстрагироваться, чем когда имеешь дело с архивными данными. В Тобольске у меня было ощущение совмещения, потому что тюрьма — градообразующее предприятие, слишком многого числа людей касается взаимодействие с тюрьмой.

При задержании его били и душили.

Под домашний арест папу выпустили в католическое Рождество: падают хлопья снега, и он приходит домой — ему вешаются на шею дети, внуки, все плачут, и наступает новый год. Каждый день приходили проверять, что нам не приснилось, приезжали потрогать, что он настоящий, здесь. Папа никогда так не был погружен в нашу жизнь, как когда находился в СИЗО. Писали через адвокатов и ФСИН-письма только про детей, потому что нельзя писать важное через цензуру. Я писала три письма в неделю, больше не хватало сил, сестра — пять-семь.

Администрация колонии удалила мой номер из списка разрешенных телефонов, потому что мы слишком много всего обсуждали.

Рисунок Юлиана Бояршинова

Адвокаты и правозащитники

У адвокатов больше прав, чем у юриста или правозащитника, больше возможностей работать в деле без доверенности, без ходатайства, можно не доказывать, что ты не верблюд. Но одновременно и много разных ограничений на публичные высказывания, поведение, совмещение работы с другими способами заработка. Вся жизнь заточена под то, что ты служитель юридической системы — а не правозащитник, юрист, хороший человек.

Удалось создать команду адвокатов, что было непросто, не очень они шли на это. Горизонтальная команда, где у каждого свой набор компетенций, функций — а адвокаты в целом не привыкли работать горизонтально в режиме прозрачности. Сделали телегам-чатик, где были адвокаты и клиенты — для них это было дико, привыкли в режиме приватных сессий. Еженедельные встречи, сроки, задачи,

ответственные — пытались привнести производство в адвокатский процесс.

Когда читаю, что кто-то проявляет агрессию, мне становится хорошо. Многие адвокаты говорили: бессмысленно сейчас гневаться, впадать в истерику, нужно делать рассудочные телодвижения, направленные на человека, которого спасаешь. А что делать с агрессией?

Если бы у меня был адвокатский статус, я бы не смогла совмещать — адвокат не имеет права работать по трудовому договору не адвокатом.

Все полгода пять дней в неделю у папы были адвокаты. Каждый день передавали ему письмо и пачку новостей — он страдал от информационной депривации.

Как правозащита работает с заключенными: перевести из более хуевых условий в менее хуевые, не вникая в подробности.

Когда первый раз одна из адвокатесс сказала, я не сразу поняла: «У бесправия есть две стороны: зверство и взятки, коррупция. Выбирай второе». Тогда я усмехнулась: как-нибудь разберусь, у нас свой путь. Нет своего пути, есть человек, это гораздо важнее всего остального.

Манипуляция несведением к категориям: «мы защищаем права всех» полчищем либеральных правозащитников.

Иногда адвокат просто не отвечает, все из него нужно вытаскивать клещами. Хотя мы заплатили ему за работу, соглашение он с отцом заключил — и он всё равно ничего нам не рассказывает зачастую.

Что мы делали, что можем

В тюрьме важно стоять не симметрично — тюрьма вся симметричная.

Мне очень хотелось избежать, не стать производной функции «мать/жена узника». Старались планировать мероприятия, поездки — эта традиция появилась в первый месяц после ареста. Неважно, что — доехать до Пушгор, сходить в баню, что угодно, где будет чуть меньше про тюрьму, чуть больше про нетюрьму.

Очень страшно читать, как человека меняет тюрьма: Каретникова приходит в тюрьму как в Зазеркалье и пытается помогать людям, постепенно забывая, что это Зазеркалье. Во многом и со мной такие штуки происходили — и не могли не происходить. Я их рефлексирую, во всяком случае, стараюсь.

Когда я уже была более-менее взрослым человеком, возникло несколько громких инфоповодов, связанных с пытками, и на меня сильно повлияли целые коллективы. Насилие в тюрьме осмыслялось как система, а не как отдельные эпизоды. «Медиазона»: пресс-конференция Алехиной и Толоконниковой после того, как они вышли, когда объявили о создании СМИ и правозащитной организации, которая будет заниматься темой тюрем. Алехина с Толоконниковой персонально во многом повлияли на людей моего круга, потому что были привилегированными во многом девочками, жительницами большого города, людьми, воспринимающимися как славянки, художницами, и дело было очевидно политическим. В итоге красивое медийное дело с коротким сроком превращается в то, что поп-персонажи, как Мадонна или Анджелина Джоли, становятся амбассадорами правозащитной идеи борьбы с насилием в тюрьмах.

Моя близкая подруга сидела 6 лет, все это время я была на связи с ней и с ее бабушкой. Основной источник информации внутри — только те люди, которые с тобой переписываются и созваниваются, телевизор в камере и сплетни. Когда села моя подруга, неожиданно оказалось, что я единственный в ее окружении человек, который знает, как поддерживать тех, кто в застенках, и у кого были на это ресурсы. Я знала правила, старалась передать как можно больше, пока это возможно, научила ее бабушку пользоваться ФСИН-магазином, ФСИН-телефоном, мы поздравляли друг друга с праздниками. Организовывала сбор денег, мы передавали открытки, подарки.

У меня сидит в тюрьме близкий товарищ, единомышленник, он отсидел уже много лет, невероятным образом сохраняет себя, свое анархистское мировоззрение, он последователен во всех своих действиях — мы с ним регулярно на связи с 2015 года, сидеть ему еще два года, через него я слышу звуки зоны в трубке. Читаю то, что связано с другими людьми, товарищами, единомышленниками.

Бывает, снится СИЗО или колония, что встречаемся с друзьями — их выпускают или они приходят к нам. Иногда во сне плачу.

Сделала столько разных вещей, на которые не думала, что способна, которые казались мне категорическим злом, а теперь для меня будничность, типа взяток. Есть человек — и это самое главное, неважно, каким образом ты добиваешься, чтобы он оказался в безопасности дома. Мой внутренний Навальный очень страдал, когда осознавал, что ему предстоит сделать, но был неоднократно послан.

Посылка в тюрьму на 20 кг стоит 20 тысяч рублей, а преподавательская зарплата — 14 тысяч рублей.

Я бы в тему политзаключенных так не вовлеклась, если бы не Юлиан.

Через трещину может прийти аромат возможности свободы, аромат воли.

Я хожу и пользуюсь возможностью сидеть на свидании 4 часа. Чтобы себя успокоить и не давать мусорам возможность видеть во мне выпрашивающую что-то, берущую неположенное, я все время себе напоминаю, что это по закону, и воспринимаю это как месть: если они могут все время держать его в ШИЗО, то я пишу жалобы в прокуратуру, если они меня выгоняют раньше или запускают позже. Прокуратура готова их дрючить за это. Горячее и теплое во мне находится в оболочке холода. Нужно надевать на себя холодную капсулу и не показывать, что это важно для меня эмоционально. Во всех колониях и в СИЗО мне удалось пройти, даже где меня не хотели пускать, я сразу шла к начальнику, угрожала. Я нашла способы с ними поменьше соприкасаться: заранее направляю заявление, чтобы получить уже подписанный пропуск, либо накануне подаю на следующий день. Кто-то с воли всегда знает, что я захожу в колонию.

Близкие друзья всегда откликались, если нужно было собрать передачу, отвезти. Я относилась к этому как к рутине, которую просто надо делать.

Если ты в силах — принести передачу, написать письмо.

Все, что связано с насилием в тюрьмах, с коррупцией в тюрьмах, уже изучено — есть более-менее хорошие практики, и мы знаем, как решить эти проблемы, процентов на 70. Что делать с существованием тюрьмы как концепции — никакой ясности нет. Если мы идем по цепочке поиска причин преступных деяний, которые в общественном

сознании являются причиной попадания в тюрьму, в том числе если мы представим себе идеальный мир, где это происходит по законному обоснованному приговору суда на основании законов, которые приняты общественным парламентом и есть консенсус, демократическая процедура за каждым действием, — даже в такой ситуации, пытаясь обратиться к корням, мы неизбежно столкнемся с тем, что причина деяния в неких социальных внешних обстоятельствах, которые привели человека к такому поступку. Если доводить этот сложный разговор до предела, он вообще о свободе воли и детерминированности всего в нашей жизни. Если принять атеистическую концепцию, мы в итоге получим, что любой поступок человека – результат внешнего воздействия с первых мгновений существования. Становится непонятно, насколько общество вправе наказывать за поступки, которые являются результатом впитанного человеком опыта.

Приезжаю на суд, пишу письма. Важно поддерживать шумиху, пока они в Питере.

Пока папа был в СИЗО, не думала о Пшеничном] — все равно не могу с этим ничего сделать. Я дошла на поклон к начальнику всея ФСИН: «У нас все как у всех. Вы хотите как-то по-особенному?» «Нет-нет, хочу, как у всех, а не как у Пшеничного», — не сказала, но подумала.

Сестра писала письма, я их корректировала, распечатывала «Медузу», «Новую газету», «Медиазону», «Ведомости», «Коммерсант», «РБК», иногда «Русскую газету», чтобы были программные речи каких-то мужей. Радикализовала папу окончательно благодаря этой подборке. «Ты специально мне только ужасы печатаешь?»

Это было выматывающе: каждый день мы спали по пять часов, не очень были похожи на людей.

Я много думала о людях, которые работают в этой системе: кто они, что они чувствуют каждый день, приходя на работу, но у меня нет опыта — я ни с кем из них не знакома, а было бы интересно узнать что-то про этих людей. Они тоже живые, хотя их социальная роль предписывает им быть мертвыми. Может быть, они умерли еще в детстве, но связь с жизнью как будто не потеряна. Меня очень интересует их контекст, потому что это перекликается с моими ценностями и верой в человека, человечность, изначально какую-то позитивную природу. Я понимаю, что среда, контекст, институционализация — именно они причина смерти экзистенциальной, потому что образование — это тоже привилегия, и мы не можем обвинять их, что они не получили образования, потому что мы ничего не знаем о них как о людях.

Я бы хотела сказать себе той или кому-то в такой ситуации: «Жизнь будет с привкусом горечи какое-то время, будет так, но надо продолжать есть разное: ходи в филармонию, на концерты, если тебя это питает – нужно продолжать питать себя разной едой». В ощущении, что не имеешь права на радости, можно очень быстро стать дисфункциональным.

Тюрьма про любовь: я смотрела на свидание двух людей через стекло, и понятно было, что их взаимодействие гораздо сильнее тюрьмы.

Я приходила в сентябре в садик к младшей дочери поговорить с учителями и воспитательницами — мне было важно рассказать, что происходит дома, чтобы они имели это в виду. Я долго выбирала слова, какой-то тон, чтобы не напугать, морально готовилась к разговору. Я прихожу и

говорю: «У нас дома беда: дедушка в тюрьме, и дочка про это точно будет говорить, для нее это очень грустно, она не сможет про это не говорить, дайте знать, если заметите, что она неважно себя чувствует, или что-то другое важное, потому что мне кажется, что она справляется, а вдруг я чего-то не увижу». Воспитательница спрятала глаза и тут же закончила разговор, даже социально понятного «о боже, какой кошмар» не было.

Тюрьма подчиняет правилам, можно впасть в лобовую войну с ней, приняв ее всю: язык, агрессию, и ужасно здорово, когда люди это не делают. Я все время восхищалась Жителем МЛС, Полиховичем и Витей: что бы с ними ни происходило, они продолжают делать какие-то вещи, не предопределенные тюрьмой, говорить и транслировать.

Меня бесит идея, что у всего есть смысл.

Передаю записки через адвоката, записываю голосовые сообщения — чтобы мама включила ему.

«Политзаключенные, знающие о методах принудительного контроля, уделяют особое внимание сохранению своего чувства автономии. Одна из форм сопротивления – отказ повиноваться мелким требованиям или принимать вознаграждения. Голодовка – высшее выражение этого сопротивления. Поскольку заключённый добровольно подвергает себя большим лишениям, чем те, которым подвергает его тюремщик, он утверждает свое чувство целостности и самоконтроля. Узники совести, которые хорошо осведомлены о стратегиях контроля и сопротивления, как правило, понимают, что изоляция – это опасность, которой нужно избегать любой ценой, и что нет такого понятия, как “маленькая уступка”, когда речь идет о сохранении связей с внешним миром. Как бы старательно тюремщики ни пытались разрушить их отношения, узники

*столь же старательно сохраняют коммуникацию с миром, находящимся за пределами того, в котором они заперты. Они намеренно вызывают в памяти образы тех, кого любят, чтобы сохранить свое чувство контакта. Они борются за сохранение физических символов верности. Они могут рисковать своей жизнью ради обручального кольца, письма, фотографии или какого-нибудь другого памятного символа.»**

«**Дело “Сети”**»
Когда все началось, был большой подъем, было сильное давление со стороны государства, а мы были группой поддержки в относительной безопасности, нас много, все сильно мотивированы. Многие устали, занялись другими проблемами, уехали, такое ощущение, что людей осталось очень мало. Параллельно усилились репрессии, расширилась сфера их применения — то, что четыре года назад мы могли делать, например, митинг провести, сейчас нереально абсолютно. Невозможно четыре года держать все на таком уровне.

«Дело “Сети”» для меня важно в перекличке с делом о теракте в петербургском метро. Людям за пределами нашего сообщества пофиг на пытки, даже если они задокументированы. А в сравнении с делом о теракте пофиг, если это не пострадавшие, которые считываются как белые европейцы, как Витя Филинков, который, так сложилось, вызывает больше сочувствия, чем Шохиста Каримова. Видно, как внутри темы насилия в тюрьме есть тема расизма.

Сюжет с Рязанью на все сильно повлиял.

«Дело “Сети”» на меня сильно повлияло, потому что им занимались, в первую очередь, Яшка с Катей, хорошо знакомые люди, и это было очень близко. Когда мы

встретились после визита к Шишкину, было ощущение перелома от того, насколько это близко — ты можешь прикоснуться рукой к человеку, который только что фиксировал пытки. Суды по мере пресечения Шишкина: выгоняли журналистов, чтобы люди не увидели следы пыток, мой муж был одним из журналистов, который пытался освещать эти истории и сам сталкивался с насилием — приставы спускали с лестницы, ломали очки. Любой суд по «делу “Сети”» — суд, на который приходили 80 процентов людей, которых я не просто знаю, а невероятно уважаю, и это превратилось в личную историю.

Первое письмо из СИЗО-3 общественности Витя закончил словами про свободу, равенство, сестринство — это было через пару дней после пыток.

Игорь очень боялся сотрудников и делал только то, что они говорят, не показал синяки на себе сразу после пыток, не показал, когда они запретили задирать штанины, но на прощание протянул руку и пожал, хотя сотрудники ФСБ или ФСИН с презрением и осуждением сказали ему, чего это он руку женщинам подает. Это была позиция и жест, хотя где Игорь, а где феминизм.

Ужасно нервная история с предположительными убийствами. Это вступало в конфликт с общественным мнением «политзаключенный — значит, святой».

Меня свозили в Израиль, когда мне было 10 лет, я прониклась всей пропагандой, восхитилась, увидев девочку-солдатку в форме с оружием и книжкой. Есть смешной видос, где в третьем классе всех детей спрашивают, кем они хотят стать, и я говорю — израильским солдатом. Это прошло только после «дела “Сети”». Во время «дела “Сети”» я думала, что нас убьют и я никогда не увижу море.

В апреле 2018 года мы сидели в палатке под Египтом, мимо проехали люди в форме — и я поняла, что больше им не завидую, теперь я ощущаю себя скорее ветераном, человеком, у которого был опыт службы в прошлом.

Возникает идея, все обсуждают, распределяют, кто что делает, и все заинтересованы в том, чтобы это состоялось — люди отзываются, приходят на то, что мы организовали: пикеты, читка, вечера писем. Предлагали художникам присылать рисунки для открыток — они присылали; кто-то их распечатывал, кто-то ездил и забирал, много людей становились звеньями цепочки поддержки, которая на выходе превращается в мероприятие. Делали большую выставку, огромное количество людей участвовали в разных ролях, много людей приходили.

Когда мы ходили к Вите как ОНК, я старалась писать витины шутки в фейсбуке — мне было важно давать его голосу звучать свободно. Его первый большой текст про пытки «Ты пойми, офицеры ФСБ всегда добиваются своих целей!» — был написан по моему предложению. Я помню, мы сидели в следственном кабинете с Витей практически сразу после пыток, уже когда он принял решение о них рассказывать и пытаться добиться привлечения к ответственности сотрудников ФСБ, которые его пытали. Я пыталась понять, что я могу сделать, потому что он сидел в одиночной камере, это была психологически тяжелая ситуация, я вспоминала Франкла, потому что что еще мне вспоминать. В каких-то таких трэшовых ситуациях нужно придумывать что-то осмысленное, поэтому я предложила Вите максимально все вспомнить и записать. Конечно, в этом были какие-то следовательские цели, номера машин — удивительно, что он вспомнил, но это, конечно, чистое искусство, потому что никто не будет эти машины искать, а когда, может быть, начнут — тех номеров уже не будет. Тот текст — он очень витин по всем интонациям,

формулировкам, и я рада, если этому помогла. Там были Солины рисунки.

Задержания
Мучительное ожидание, нужно как-то себя занять. Тревожные разговоры про тюрьму, бюрократию.

Все разговаривают, не дают сосредоточиться, невозможно читать. Рисовала на судах, в отделе полиции, потому что мне было очень скучно — это смущает ментов, расшатывает схему, в которой они привыкли взаимодействовать с задержанными, они оказываются за пределами зоны комфорта и вынуждены принимать решения по этому поводу. После приговора Филинкову и Бояршинову рисовала в отделе на пенке, дежурный в отделе включал нам телефоны в розетку, заварил на ментовской кухне чай из ментовских пакетиков. Продала рисунки из отдела

амстердамскому музею и половину денег отдала на «дело “Сети”». Меня веселит тот факт, что менты взяли меня, делали неприятно тем, что меня держали, а мне удалось на этом заработать и помочь — я потираю руки и смеюсь.

Начала читать книгу заново, так как она закончилась быстрее, чем время в ИВС.

Грубость.

Мне было ок использовать туалет под камерой видеонаблюдения. Не хочу в тюрьму, чтобы мама это переживала.

Протоколы — листы с текстом, в которых никак не разберусь, как инструкция от сложной стиральной машинки.

Когда знаешь, что можешь не сдавать отпечатки пальцев, споришь до хрипоты. Когда у меня есть возможность отказаться, я всегда отказываюсь. Я просто убираю руки за спину и говорю «нет». Летом нас задержали, мы не сдали отпечатки несмотря на то, что на нас орали, были очень грубые. Держались с подругой за руки. Никогда не опираюсь на законы.

Побольше людей напихали в автозак — мы включили музыку и стали танцевать, стало не так тревожно. Я бы сделала комикс, вроде «Как развлекаться, когда ты старый»: «Как развлекаться, когда ты попадаешь в отдел».

Летом проходила Школу прав человека: я вынесла, что важно использовать суперкачества, которые всегда с тобой. Я всегда дружелюбная и приветливая даже с самыми мерзотными ментами, это вообще про функционирование в обществе, не только про ментов. Спокойствие, когда орут: «Зачем вы на нас орете?» — и они затыкались, не зная, что ответить. Они сами становятся дружелюбными, потому что у них выбора не остается.

Если я снова попаду в отдел или спецприемник, я буду петь.

Сознательно сдержалась, пока они не ушли, потом расплакалась. Но мне не стыдно плакать.

Друзья, которые дежурили под окнами и приносили передачи, писали — создавали ощущение спокойного тыла, что меня не оставят, что-то придумают, обязательно вытащат. Ощущение, что мы вместе, друг друга поддерживаем, дружеское плечо, сообщество.

В середине второго дня ареста появилась книжка. Все время были мысли о маме, о коте, о спиленной двери. Надеялась, что подружки избежали ИВС — поняла, насколько сильно я люблю их.

Иногда задержания выглядят как спорт.

Помощь политзаключенным как образ жизни: получение общественных бонусов, социальных поглаживаний, способ

признания. Но все равно мало людей приходило на суды. Есть идея, как будто им больше не поможешь после приговора.

Как будто нужно обслуживать и продолжать труд заботы о тех, кто задержан.

Иерархия, власть, насилие

Папа твердил, что если пойду учиться в художественный, мне придется торговать на базаре, потому что я этим точно не заработаю. Во взрослом мире взрослые работают на работе, зарабатывая на семью, ипотеку. Художники — странные люди, их нет во взрослом мире. Люди на Невском — фрики, кто захочет сидеть на улице весь день на холоде. Неудобный стульчик, на котором рисуешь пейзаж или ветку — все заглядывают и спрашивают: «А бабу голую можешь нарисовать?»

Мой муж работает в «Медиазоне», у меня очень много рабочих контактов и там, и с правозащитниками, которые занимаются темой пыток, это стабильный контекст моей жизни.

Стараюсь осознавать дисбаланс власти. Нужно быть осторожной, десять раз передумать, отмотать видео, отрезать кадр. Надеюсь, что то, как я себя веду, максимально сглаживает этот дисбаланс.

Я думаю о привилегиях, где я живу, работаю, что могу делать по факту цвета кожи, пола. Когда люди со стороны что-то говорят, это позволяет увидеть то, что тебе не видно. Когда рассказываешь про привилегии, люди щетинятся, но привилегии — это не то, что делает тебя плохим, ты можешь осознать, что тебе повезло, и это не обязывает помогать, просто можешь осознать, сколько всего тебе доступно.

Pale Blue Dot

Идея, например, что для мужчины изнасилования хуже, чем для женщины.

В школе детям устанавливают три драйвера, которые становятся гарантированными условиями гражданской смерти: 1) все взрослые на одно лицо, нет политических противостояний, 2) взрослые всегда правы, но ты никогда взрослым не являешься, твое имя — «дитя», 3) все в мире справедливо и правильно, мир — это «Диснейленд» с розовыми пони, если видишь, что это не так — у тебя психопатология, нужно пойти к специалисту.

Для меня «Гарри Поттер» во многом — отражение развития моего поколения, потому что, с одной стороны, книжка за все хорошее против всего плохого, но в процессе развития сюжета Роулинг классно показывает, что выстраиваются железобетонные отношения между строго хорошими и строго плохими людьми. Их картины мира не поддаются

переосмыслению, и в четко сложившейся иерархии появляется много слепых мест. Когда выходили фильмы, обсуждалось, что переборщили с diversity, намеренно включены представители разных рас, слишком много, неестественно, а когда пересматриваешь фильмы, думаешь, насколько там этого мало по меркам современной лево-ориентированной культуры, так что кино смотрится ущербно в каких-то вопросах. Все плохое из слепых зон состоит.

«Умным людям виднее»

Жизнь прячется за иерархичностью и вообще вертикалью. Формализм, бюрократия не в учреждениях даже, а в людях. Недавно думала, что в детстве нам не рассказывали, как пережить горе, выражать чувства, реализовать себя через деятельность, как будто это все само собой разумеется. Люди рассказывают, как строили карьеру: это всегда факты, а не что с ними было. Отсутствие подлинности человеческого лица, чувств, сомнений, переживаний помогает складыванию странной картины у других людей, что это так просто, факты — закончил универ, пошел на работу.

Газлайтинг — база России, никто никого не бомбил, «тебе показалось».

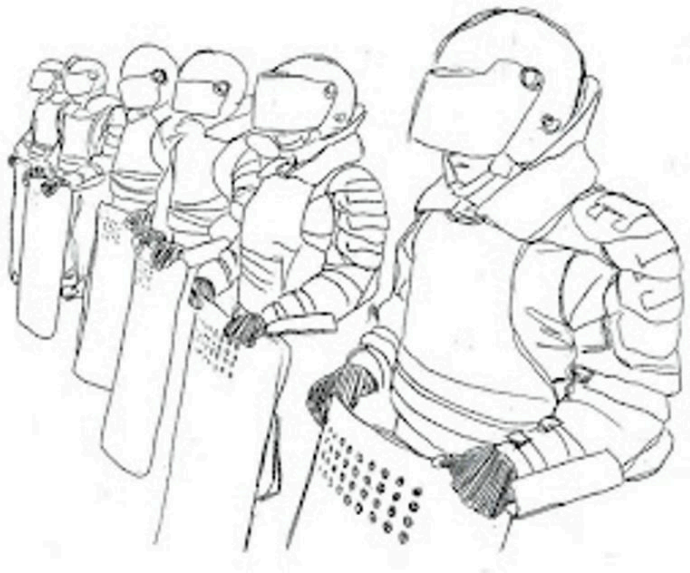
Когда Ваня исчез, увезли из дома менты, я разговаривала в суде с приставом — он как будто не со мной разговаривал, а с шишкой на голове.

Не могу спокойно заниматься своей профессиональной деятельностью — приходится взаимодействовать с этой пенитенциарной системой и разгребать дерьмо, которое плодит государство.

Когда есть все законные основания, ты неприятная, можно создать максимальное количество дискомфорта.
Родители: тело. Государство: территория, вся совокупность институтов, спецсредств, техника.

донна харауэй писала, что вымысел изменяет мир, а освобождение опирается на активное воображение угнетения. киборг - метафора обезличенного полицейского, переброшенного по логистической цепочке из пункта "дом" в пункт "мегаполис" - вымысел, отображающий нашу социальную реальность, которую пронизывает расовая, классовая и гендерная ненависть. но, как считает донна харауэй, это и ресурс воображения. возможно ли помыслить другого киборга - феминистского монстра, отрицающего традиции доминирования - мужчины над женщиной, белого над небелым, человека над природой? можем ли мы ускользнуть от киборга-полицейского, исчезнуть в последний момент в размытых границах? у киборга угнетения нет происхождения, нет происхождения и у киборга освобождения. однако, если первый воспроизводит стратегий гегемонной маскулинности, второй - продукт постгендерного мира и рациональной утопии; если первый - замкнутый в себе плод радикального неприятия другого, второй - суть радикальное принятие.

как писала донна харауэй, политическая борьба означает взгляд под обоими углами зрения сразу, потому что каждый раскрывает как господства, так и возможности, непредставимые с другой точки зрения. представляя киборга полицейского насилия, представляйте и киборга феминистской утопии, где люди не боятся всегда частичных идентичностей и противоречивых точек зрения. (в.к.)



Сотни человек, которые привыкли жить по приказу.

«Не пиши никаких призывов»: внутри начинает говорить полицейский, пристав, фейс — самоцензура и страх.

Сама идея национальности — полная хуйня.

Ксенофобия — сведение людей к множеству: фсиновцы, приставы, не славяне, преследуемые за религиозные взгляды.

Все наблюдают и молчат.

Тот, кто проявляется, тот заметен, а кто заметен — идет нахуй, потому что мы сидим и не проявляемся.

Женщины играют важную роль в воспроизводстве патриархата, учат своих девочек вести себя соответствующе.

Привычка делегировать, отсутствие интереса к тому, как себя чувствуют другие.

Героизация отважной хуйни: пикет на Красной площади.

Идея необходимости сильной власти, авторитарная идея.

В 2018 году завод отобрали в буквальном смысле — это была первая точка знакомства с государственным насилием. После этого был год сильнейшей депрессии. Случилось то, о чем нельзя говорить ни с кем, ни в публичном пространстве, ни лично: стремно и стыдно, как будто сам виноват. Меня это сильно радикализовало, я и до этого ходила на митинги, но после во мне пропал последний оплот консерватизма.

Пытки — утверждение власти.

Моя история как человека, который применял насилие, когда я училась в школе: я буллила людей, не понимала, что я делаю. Потом я поняла, что это был единственный язык, доступный мне — язык самозащиты, попытки сохранить себя, и другого языка я не знала. Я очень хорошо понимаю благодаря этому опыту, откуда в людях насилие. Я чувствую, почему люди хотят применять насилие, не потому, что они плохие, а потому что у них нет другого языка.

Что мы делаем, когда встречаемся с властью

Пока бюрократ стучит по тебе молотком, отворачивается — создаешь книгу, проект: киноклуб, где можно дискутировать, собираться, вводить людей в мир политической рефлексии. Между моментом, когда ты принесешь человеку кофе, и моментом, где выйдешь на протест, нет зазора, потому что ты чувствуешь себя ответственным за мир.

Прекратить коммуникацию, объяснив, почему я это делаю. Раньше было важно объяснять до победного, но бесконечные аргументы могут не сработать.

Пыталась своим родным рассказать, насколько несвободно мы живем. Не хочу иерархизировать насилие, выбирать, что хуже, всё зло на первом месте.

Приклеивала стикер в общественном месте одна, не заметила, как подошли менты. Я строго сказала: «Уйдите со съемочной площадки», — они извинились и ушли.

Насилие недопустимо: если вы желаете смертной казни человеку, совершившему изнасилование, вы поддерживаете насилие.

Попытка самоисключиться, не достраивать, не призывать мусоров к законности — подменить систему отношений на ту, в которой мне удобней действовать.

Я не могла спокойно созерцать красоту Казбека, пока вырубали леса и отбирали больницу у онкологических детей.

Когда нужно заполучить что-то от института, нужно добиться от коммуникации результата, начинаю с того, чтобы быть вежливой, хотя не обязательно мне этого

хочется. Выстраивать взаимодействие по той схеме, которая одобряема.

Можно видеть события, которые подталкивают к насилию, и выбирать другие стратегии. Я знаю, что это возможно, потому что я это пережила. У меня получилось сопротивляться этому аромату насилия сладостному, хотя вся культура тебе говорит — «да». Нужно иметь сильный внутренний стержень, чтобы сказать, что не хочу быть насильницей, что мне это не близко. Со временем я научилась отслеживать этот процесс. Если столкнулся с ситуацией, которая вызывает бурю чувств, есть пространство, чтобы их пережить, не обязательно отвечать мгновенно. Можно подумать, услышать, заметить, что с тобой происходит — и после этого принять решение.

Что мы умеем

Осмыслять в выразительных формах.

Создавать и укреплять группы сопротивления и поддержки.

Преодолевать стеснительность и робкость.

Прислушиваться.

Совмещать: я долго работала днем в театре, а ночами или утром, вечером, в выходные — правозащитницей.

Говорить без указаний, рассказывая о своем опыте, как можно делать и думать иначе, так, как я делаю. Предлагать. Человек может сам принять решение. Пишу, что можно в «Пятерочке» на кассах самообслуживания не печатать чек.

Помогать друг другу, поддерживать, помогать обретать смыслы себе и людям. Когда с тобой не все в порядке, тебе об этом могут сказать друзья.

Делегировать, если есть возможность делегировать, если другой персоне не в тягость.

Замечать свои эмоции: написала в рабочем мессенджере сообщение «Не думаете ли вы, что это может быть обидно?»

Могу написать в чат и меня всегда поддержат: «С кем можно поделиться злыми чувствами в личку?»

Объяснять свои мысли, учиться говорить, писать про насилие, несмотря на то, что тяжело.

Костюмироваться: есть смешные фотки для потенциального мандата в ОНК, где я очень благотворительно выгляжу.

Играть: «Напишу наглое письмо — и будь что будет». Получать от этого удовольствие, придумать развеселое, цирк с конями, и посмотреть, как они отреагируют. Придумала бостонский загс, подкаст с воспоминаниями, весело и терапевтично, угар.

Воображать себя другим человеком.

Гибко относиться к миру, выстраивать отношения, договариваться.

Принимать общие решения. Когда договариваемся, не обязательно есть кто-то, кто хочет это делать — можно решить вопрос очередностью, делить взаимодействие поровну, с наименьшими потерями для всех участвующих.

Использовать бредовую нешаблонную аргументацию, чтобы у них не было готового протокола взаимодействия. Когда я делаю не то, что должна, это им неудобно, непонятно, что дальше.

Представляться сестрой, чтобы сделать передачу. Партнеркой — разговаривая с адвокатом: это будет достаточно одобряемая форма взаимодействия, чтобы передать больше информации.

Брала с собой целенаправленно рисовальные принадлежности — рисунки после судов по мере пресечения разошлись по интернету, я поняла, что это служит распространению информации. В отделе после задержания попросила у дежурного ручку, а бумагу нашла: пакет из-под булок, которые нам принесли в передаче.

Перераспределять: кто-то ищет, кто-то списывается.

Вместе все проще переживать.

Защищать себя и по_друг.

Язык

После начала войны я стала замечать идиомы, связанные с военным опытом, и что я их произношу на автомате по старой памяти и не могу поверить, что я это сказала. Это приобретает иной смысл, раньше никто об этом не задумывался. Глубоко милитаристская хуйня сидит в нашей жизни, повседневности.

Народ — не люблю это слово.

Императивы — «все должны выйти», «вы обязаны» — насаждают чувство вины. Когда говорят про всех, всё.

Терпеть не могу пассивный залог — это как будто нивелирует актора, скрывает, что действие совершено кем-то. Не суд привлекает за митинг Иванова, а Иванов привлекается — как будто он сам себя задержал и оштрафовал.

Когда я хочу назвать полицейского ментом, я понимаю, что это дегуманизация, но не могу по-другому — это бессилие меня очень выбивает из колеи, потому внутри меня возникает этический конфликт, как будто я отстаиваю другие ценности. Я объясняю себе это сильным эмоциональным накалом, и у меня есть право на эмоции: я могу называть этого человека по-разному, пока он не слышит этого, и я не буду применять к нему насилие активное.

Слово «ресурс» очень потребительское.

Привычный язык протеста, язык искусства — слишком бедный, непонятный для требующих немедленного решения ситуаций.

Смирение — патерналистское слово.

В Америке было запрещено рисовать на судах, Нюрнбергский процесс рисовали Кукрыниксы, суды по выставкам «Осторожно, религия», «Запретное искусство», Вика Ломаско – вдохновлялась ими, продолжаю традицию.

Высказываю свою позицию публично.

Ненавижу, когда меня оценивают и интерпретируют.

На втором курсе сделала доклад по русскому языку, связанный с темой блатного языка в ГУЛАГе – мне доставляло невыразимое удовольствие материться с кафедры, я презирала стерильный мир университета.

Есть люди, с которыми не надо говорить. Это следователи. Больше всего из меня агрессии выходило после взаимодействия с операми, следователями. Я закрываюсь абсолютно — бетон у меня сам образуется, не говорю ни одного лишнего слова, совершаю только необходимые действия, ничего лишнего, после этого сваливаюсь в сон: кладу голову на стол и засыпаю. Просыпаюсь и кричу в машине — это мой путь агрессии, звучит жутко, но это дает мне силы.

Тюрьма на официальном уровне в языковом поле, в том, как структурирована культура: «Нравится, не нравится – терпи, моя красавица», «За монетку, за таблеточку сняли нашу малолеточку». Вся эстрада построена по принципу «Мурки». Антитюремным будет любое противостояние этой культуре.

Язык, которым я пишу отчеты и заключения, предопределялся школьными уроками русского языка. Рогинский считал, что важно писать простыми предложениями и не использовать готовых фраз никогда. Я все время стараюсь выбирать короткие предложения, что сложно, потому что у меня длинные запутанные мысли, и это создает напряжение между тем, как я говорю, и тем, что пытаюсь сказать. Делать смысл более ясным, а не менее. В целом внимание к выбору слов. Очень важно не врать в деталях и фактах.

Чего бы мы хотели

Я тысячу раз прокручивала, как мы открываем все камеры. Разрушению тюрьмы предшествует сюжет, как в «Алисе в Стране чудес»: все страшные фигуры оказываются картами, всё, что было каменным, на самом деле бумажное. Всё, что страшное, на самом деле смешное — не в теплом и хорошем смысле, а в беспомощном таком. Когда речь идет про разрушение тюрем, само действие — это не разрушение, разрушатся они сами.

Общность, большее число тактик, разнообразие, нешаблонные действия. Локальная организация: люди в Минске публиковали открыто адреса, чтобы раздавать воду и аптечные принадлежности. Готовность что-то делать для общего блага при разнице взглядов, взаимопомощь, дворовые комьюнити, объединение, чтобы всем легче было перераспределять, решать вопросы безопасности, коллективные решения, сети взаимодействия не только в кризисных ситуациях как норма.

Хочу, чтобы дети жили в безопасной стране.

Было бы полезно, если бы мы признали влияние социальных, географических, исторических, биологических, медицинских, каких угодно причин, которые являются

факторами изменения человеческого поведения в той или иной степени. Было бы полезно, исходя из понимания очень сильного влияния внешнего мира, думать не о том, как наказать (что все еще является главным глаголом во всей теме вокруг тюрьмы: мы как более хорошие люди наказываем более плохих). Реабилитация, адаптация были бы более полезными словами. Даже если не привлекать философов, а встать на утилитарный путь, наша цель как общества — максимально восстановить баланс благополучия в мире.

У меня есть мечта увидеть в заключенных людей, показать им, что мы видим в них людей — возможно, у нас получилось бы обратиться к человечности в них, потому что она точно есть. У них могут быть семьи. Они могут быть насильниками, у меня нет иллюзий, но ведь у них есть и друзья, социальная жизнь, в которой они проживают другие истории. Хотелось бы узнать об этом больше, потому что я не могу поверить в абсолютное зло. Если бы вдруг фантазия стала реальностью, если бы люди проснулись и поняли, что могут быть людьми, говорить о своих чувствах, идти за тем, что нравится, в ценности сотрудничества открывать для себя что-то важное, нужное, реализовывать свои экзистенциальные потребности — мне кажется, все бы охуели: оказывается, все можно, и это инсайт, который сшибает с ног. Надо было бы дать время с этим свыкнуться, признать себя, найти, почувствовать, прислушаться к себе. Насилия в обществе стало бы меньше. Сама форма государства сильно бы изменилась – от этого патернализма с исключительным правом применять насилие мы могли бы отойти к горизонтальности, самоорганизации, я думаю, это было бы возможно, анархистская такая установочка.

Работать над эстетическими проектами, свидетельствовать как художница, повествовать о боли мира с помощью художественных средств.

Альтернатива, не завязанная на универсальной для всех идее справедливости.

Чтобы не было пыток.

Построить сети взаимодействий, которые будут жизнеспособны в автономном режиме — альтернативный мир. Обрести друг друга, встретившись на чужбине, создать мета-общество, которое сможет что-то сделать благоприятное. Пространства, куда можно приходить, где нет цензуры, контроля начальства. Сотрудничество людей разных профессий.

Чтобы все не искали оправдания насилию.

Сохранять свои мечты, профессиональные навыки, участвовать в общественной жизни, проявлять солидарность, влиять хоть немножко положительно и снижать вред от того, что делает государство.

Субъективация: фсиновец может хотеть завести собаку и выращивать овощи. Несведение человека к множеству людей, обладающих какими-то характеристиками.

Общаться с людьми больше, не откладывать — имеет значение безотлагательность. Перестать свою жизнь откладывать на потом.

Уравнять поддержку общественно одобряемых и исключенных.

Чем мы руководствуемся

Если происходит что-то травмирующее, я думаю, что я могу сделать.

Тюрьма — это логика власти, где ответчик уничтожается в качестве субъекта. Все действия по субъективации будут ответом.

Свидетельствование — замерить все происходящее во взрывающемся реакторе, настроить приборы на максимальную чувствительность, чтобы снять показания. Документация, чтобы предотвратить.

Самозванство дает большую свободу в творчестве. Можно делать что угодно.

Важно не жертвовать на работе взглядами и действиями. Я занималась работой, которая была мне интересна и любое свободное время посвящала тому, чтобы не утратить связь с идеалами, чтобы развиваться параллельно. Люди, с которыми я работала, не во всех взглядах совпадали со мной, но готовы были эти взгляды уважать и признавать.

Мне ближе всего идеология, где нет вещей, спускаемых сверху, где люди взаимодействуют при помощи консенсуса, принимают разнообразие, берут на себя ответственность. Есть право на самоопределение. Важно поддерживать людей, если они предпринимают усилия.

Если не знаешь, что делать — можно порисовать, а там разберемся.

Право делать людей, как они хотят – возможно, порядок, который сейчас есть у людей, позволяет им выживать в других условиях. Каждый человек имеет право на самое уебанское мнение. Человек имеет право думать, что

война это хорошо. Ты имеешь право на личные границы, прекратить общение.

Переприсвоение времени и пространства, которые забирают органы власти.

Любовь вместо усталости и страха.

Считаю неотъемлемым право человека шастать и трепаться — как свое взаимодействие с тюрьмами.

Квирность вместо крайностей.

На что опираемся

Я считаю людей равными и ценности жизни равными.

Свобода выбора всего, где ты, кто ты, что ты будешь делать — ценность абсолютная.

Искренность, взаимность.

Культура живая — антивирус власти.

Готовность идти на боль, не отгораживаться от нее, прожить, а не убежать.

Просвещение, рассказывать про когнитивные ошибки, устраивать образовательные штуки: мы смеялись над пропагандой, а она работала.

Самоуважение: если ты знаешь, что игнорируешь реальность, значит, ты заведомо понимаешь, что все твои решения будут построены на этих ложных посылах. Меня ужасно бесит, когда люди игнорируют реальность. Знаю людей, которые читают, но не находят смелости, приложения своих навыков, чтобы что-то делать, но

само то, что они это не отрицают, большое какое-то понимание вызывает. У меня нет никакой претензии к миру, что каждый должен лечь под танк. Есть минимум, и он заключается в неотрицании реальности. Ты не должен следить за всеми подробностями, это огромный объем информации, с которым работает кампания поддержки, адвокаты, но знать, что «Дело “Сети”» существует — это база.

Взаимопомощь, готовность подключаться, обсуждать, принимать совместные решения, распределять обязанности и ответственность.

Внимательность, аккуратность, бережность в общении: недавно увидела стикерпак, не буду его тебе описывать.

Ответственность.

Взаимопонимание, готовность немножко уступить, дать шанс, желание сохранения отношений, дать возможность друг другу ошибиться и исправиться, бережность.

Открытость, прозрачность: задавание вопросов, просьбы прояснить, встретиться и обсудить — такое в разных коллективах, где я участвовала, практиковалось. Требуются ресурсы и смелость. В [библиотеке](https://t.me/feminfoteka) мы старались созваниваться, встречаться и обсуждать.

Художественность, эстетика.

Связь с реальностью, очень насыщенная, в историях, отношениях с людьми, областями знания, которые мне интересны, отношениях с собой.

Любовь и забота.

Любовь — это возможность прощения. Навешать ярлыков — это очень просто, понятно, для этого все инструменты у нас готовы, выбирай и приклеивай. Но самая большая, генеральная любовь к человечеству как ценность предполагает для меня прощение и возможность дать человеку пространство для переосмысления. Не карательное, а развивающее, дающее шанс, возможность – он может воспользоваться, а может не воспользоваться, это его выбор, но важно его предоставить.

Плюрализм мнений, все разные.

Контакт с сообществом, не пугаться проявления.

Право на формулировки своих собственных интересов и предпочтений. Ты важен, ты живой — самая вдохновляющая вещь.

Важно часть своего времени тратить, чтобы помогать друг другу, как в православной церкви, десятую часть ресурса отдаешь в пользу прихода. Солидарность, поддержка друг друга, дружба. В патриархальном мире девочки должны себя поддерживать, мужики сами разберутся.

Я всегда всем все говорю, но это из базового доверия, что если людям объяснить, что у тебя позитивные намерения, то люди чаще всего будут с тобой сотрудничать. Чаще всего проблема в дискоммуникации, а не злом роке — надо просто поговорить.

Можно шутить и про смерть, и про изнасилования, но важен контекст.

Раньше бы я ответила, что вся фишка в шутках. Когда люди придумывают смешные шутки, сидя в пиздеце, то они взламывают дурацкий карточный домик. Юмор — способ

вернуть себе контроль над ситуацией, а вся тюрьма про то, чтобы лишить этого контроля. Отобрать часы, чтобы ты не имел контроля над временем.

Где наши оазисы

Иногда побыть в одиночестве. Сидела одна целый час, было хорошо.

Чувствую очень большую связь с феминистским сообществом. Даже в условиях задавленности гражданской активности сейчас есть несколько феминистских движений, которые не прекращают работу. Опыт совместной женской работы — одна из немногих вещей, в которой я по жизни ни разу никогда не разочаровалась.

Сплю и бегаю.

Близость, репетиции с ропом. Обсудить, чтобы не чувствовать себя сумасшедшей. Ощущаю доброту, поддержку и заботу, когда рядом люди, которые думают, как я.

Островки в сообществах феминистских, нарративных практиков, другие контексты, другие способы конструировать мир, и они очень мне близки, и я чувствую, что это возможно, и это часть повседневности естественная, это дает очень много сил. Когда я провожу встречи для женщин, вижу, как много женщин хотят того же.

Много людей, которые по-разному связаны с «Открытым пространством», потому что это всегда было важное для меня место силы.

Книги, статьи, авторы и авторки, которые могут быть с другой части мира, но чувствуешь глобальную связанность, причастность не только в своем городе. Транснациональная мысль, которая не зависит, ебать, от культуры твоей очень понятной, национальной.

Люди, с которыми я знакома по наблюдательским, выборным делам, совсем своя другая обстановка, эти люди до сих пор умудряются обсуждать, как будут продолжать работать на выборах.

Места и люди, где и с кем чувствую себя безопасно.

Библиотека
патрис джонс, «Афтершок»

Джудит Герман, «Травма и исцеление»

Нильс Кристи, «Удобное количество преступлений»

«Без будущего. Депрессия и авторитарное общество»

Оксана Тимофеева, «Это не то»

Питер Гелдерлоос, «Как ненасилие защищает государство»

Эдит Эгер, «Выбор»

Виктор Франкл

Джоан Роулинг, «Гарри Поттер»

записала лена кондрахина: @nakrayunochi, shamrock.smell@gmail.com

От автора: *Мы будем рады, если вы захотите свидетельствовать наш опыт после прочтения и откликнуться. Будем благодарны, если для отклика вы будете ориентироваться на вопросы:*

- какие слова, выражения, образы вас особенно затронули в документе? почему?
*- что, как вам кажется, они (слова, выражения, образы) говорят о нас? можете ли вы предположить, что для нас важно, что мы ценим, к чему стремимся?**
- а о вас — с чем они связаны в вашем личном опыте? что для вас дорого?
- чего бы не случилось, если бы вы не познакомились с документом? что с вами произошло? в какие размышления перенес текст?

пишите в комментарии или лене @nakrayunochi / shamrock.smell@gmail.com

спасибо!

Катя Гербо

СКАЗКА

Жили-были такие птицы, пчелоеды.

Были они небольшие, сантиметров десять в длину, изящные, с удлинённым носом и хвостом, карминно-красные с переходом в изумрудный под брюшком. Это мы пишем для ясности, чтобы вы могли представить, какие они.
Зимой они жили в этом тёплом краю, на кусте мангрова посреди пролива между островами архипелага Ламу.

Куст был небольшой, но все там помещались. Жили в этом кусте (или при нём, если хотите) ещё цапли.

Цапли были снежно-белые, неправдоподобно белые и имели форму капли.
Их было значительно меньше: на каждую сотню-другую пчелоедов – одна цапля. Так что, если подходишь к кусту на лодке, расписной, с тентом и подушками, то видишь пять-восемь цапель-капель.
Капли царственно переступали в низкой воде и, если очень надо, взлетали недалеко. В отличие от пчелоедов, которые снимались тучей от любой пролетающей пушинки. Ясно, что у цапель степень тревожности была совсем другая.

Каждый день в шесть утра, при первом, ещё молочном луче восхода, пчелоеды улетали на работу: есть пчёл на острове.
Пчёлам от этой работы было ой как несладко. А вот пчелоедам - как раз.
Капли ходили дома, вокруг куста и, в зависимости от уровня прилива, ловили лягушек, или креветок, или там мелкую рыбёшку.
А на закате, когда по проливу в обратную сторону текла золотая вода и горячее солнце с улыбкой медленно закатывалось за полосу пыльных пальм на том берегу,

матери, смешанное с кровью отца, как изнанка волшебного плода тамарука – от одного вида его сверкающей багряной плоти девственницы становились матерями.

И цапли-капли ещё ярче сияли бесподобной белизной и тихо переступали на длинных чёрных ногах на фоне горящего багрянцем куста, любуясь своим отражением в золотых водах и ясно видя своё божественное происхождение.

Как-то пчелоеды вернулись с работы особенно возбуждённые.
– Мы, – сказали они цаплям, – тут подумали и решили объявить войну.
– И кому же это?
Цапли выглядели озадаченными. Это не укладывалось в их мировоззрение.
Пчелоеды завертели головами. Об этом они и не подумали.
– Нууу… нуууу…

На горизонте белел одинокий парус.
– Придумали! Мы объявляем войну парусам!

а тонкий новорожденный месяц в сиреневом небе лежал на спинке и весело болтал ногами и рабочий люд спешил на древних моторках с плетёными бортами, узорными носами и вырезанными твёрдой рукой из красного-красного, как запёкшаяся кровь, небывалого дерева одаян именами типа:

Надежда Навечно
Люди Гага
Катись Камешек
Портной Свифт
Великая Мокша
и прочее,

тогда куст посреди пролива разрумянивался своими пчелоедами, как тибетскими розами, как щека смущённого мальчика, как грудь простреленного удода, как молоко

Цапли неодобрительно закачали головами.

Пчелоеды сразу почувствовали себя уверенней. Работа закипела. Тренировки, полёты строем, каре, бычьей головой. Сбор и заготовление пчёл на маловероятный случай блокады. Издание листовок. Листьев-то у них было навалом. Общая мобилизация птенцов.

Птенцы кобянились, говорили, что хотят полежать и почитать. Но тут уж вступали бабушки и дедушки, выбрасывали книжки. Цапли очень удивились, когда им на головы стали падать книжки пчелоедов. Они и не знали, что у них есть книжки. А тут, поди-ж ты: «Пчеловодство», «Философия пчеловодства», «Пчёлы и мы», «Новая эстетика

в понимании пчёл», «Приключения Пчелоеда в Стамбуле», «Остров сокровищ»…

Парус тем временем медленно приближался. Был он треугольный, ясный, сияющий, тугой, беременный ветром. Он царственно скользил по золотым водам, и его лодка была полна рыбы и поющих людей.

– Пора! – решили пчелоеды, дружно свистнули и, выстроившись колонной «бычья голова», ринулись в бой.

Они летели невысоко, стройные, строгие, тонкий клюв вперёд, узкий хвост – назад, плечом к плечу и крылом к крылу.
И вся их крошечная жизнь проносилась в их микроскопическом мозгу. Их самое маленькое детство на кусте, пятнистые скорлупки в гнезде, братья и сёстры с открытыми клювиками, бабушка с её вечерними сказками и только что сшитыми фартучками для сестёр. Для Конфирмации.
Проносилась скучная пчелоедская школа и интересные лекции цапель. Вечерние, приглушённые разговоры, запах дыма и печёного омара с другого берега, далёкие песни и звук барабанов, пчёлы, пчёлы, пчёлы, любовь, опять пчёлы, дети…

Всё это неслось вместе с нашими малюсенькими пчелоедами, и всё это врезалось в белый, тугой парус, оставляя крохотную дырочку от воткнувшегося клювика. И…

ХЛОП!

Красненькая раздавленная ягодка стекла по белоснежной парусине.

ХЛОП! ХЛОП! ХЛОП!

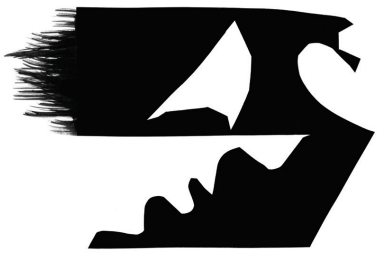
Всё чаще, всё ускоряясь. Вот парус стал пёстрым. А вот парус стал алым, так же невозмутимо скользя по водам пролива, полный рыбы, ветра и песен.

За ним двигалось ещё семнадцать лодок-доу этого города.
Все залюбовались алым парусом. Немного пчелоедов досталось и следующим нескольким парусам.
Но первый был – первый.

И с тех пор лучший парусник в городе награждался алым парусом и каждый год 24 февраля всем миром отмечали праздник «Алые паруса».

А пчелоедов вообще никто не заметил.
Цапли покачали головами и забыли о них.

А следующей осенью на куст прилетели новые пчелоеды.



Мария Бурас

А они все сдохнут до смерти

На скорости 120 км/ч на сигарету уходит три с лишним километра. Пошла вторая пачка. При таком раскладе, если посчитать, почти полтора блока непрерывного курения при непрерывной езде. А непрерывной не выйдет, надо же останавливаться поесть и попи́сать. Да и на границе неизвестно сколько простоишь. Взять себя в руки и делать перерывы подольше, а то никаких запасов не хватит. Не говоря уж о том, что во рту помойка уже сейчас.

Собирались мы впопыхах. Слухи-то ходили, что призывать станут всех собак, но я до последнего не верила. Мой Перчик не подходил по породе, смешно и представить, да и не тренирован он был, ни на какую подготовку никогда не ходил. Он и лапу через раз подает, по настроению. А тут — бац, и повестка. «На основании законов „Об ответственном обращении с животными“ и „О воинской обязанности и военной службе“ предлагаю вам вместе с зарегистрированной на ваше имя собакой Перчик явиться в военный комиссариат при городской ветеринарной клинике № 17».

Отчего-то особенно поразило, что они даже не удосужились просклонять Перчиково имя: «с собакой Перчик», а не «с собакой Перчиком».

Вызвали на завтрашнее утро, так что времени на раздумья особо не оставалось. Пакет собачьей еды, пара мисок, какие-то мои вещи, компьютер, зарядки, документы. Когда я искала собачий паспорт, мне попалась папочка с нашей семейной родословной. И я ее подложила к документам.

В 198-каком-то году к нам домой пришел некий человек, который собирался писать книгу о нашей семье. Папины

предки были известной харьковской династией, они и заводы там заводили, и синагогой управляли, и бедным евреям помогали, и еще много чего делали. В общем, небесполезная была для Харькова семья. К сколько-то-летию харьковского мыловаренного завода, основанного одним из предков, этот человек и собирался писать свою книгу. И вот он с папой поговорил, а уходя, оставил ему копию своих записей. Книгу он так и не написал, во всяком случае, о ней ничего не известно, а листочки валялись у нас на антресолях много лет безо всякого толка: никто в то время предками не интересовался. В конце моей школы мама затеяла антресоли разбирать, рукописные эти, уже совсем хрупкие листочки попались мне на глаза, и я их зачем-то перепечатала на пишущей машинке. Потом они много лет где-то пылились — и вот при сборах неожиданно обнаружились.

Женщину, которая ведет телеграм-канал о происходящем в Израиле, зовут Хая Двора. Она израильтянка из Питера. Сейчас ее больше волнует, какие страны пускают на свою территорию бегущих от военного призыва с израильскими паспортами. Должны все, но в нынешней ситуации законы не работают и никто больше никому ничего не должен.

У Перчика паспорт хоть и международный, но выдан в России, а не в Израиле. Он и не был там никогда. Пустят ли? И что делать, если не пустят?

Мою прапрабабку из Харькова тоже звали Хаей: Хая Бася она была. Но семейная легенда существует не про нее, а про какую-то другую харьковскую прапрабабку. Кажется, она как раз была Двора, но тут уж боюсь соврать. По легенде, эта предположительно Двора умерла в возрасте 87 лет от удара сапогом в живот. Дело было в войну — в ту еще войну, в 1942 году, в оккупированном Харькове. Немцы зашли в дом и стали что-то требовать, ей это не

понравилось, она схватила ухват (какой ухват? откуда?) и замахнулась им, чтобы огреть одного по голове, но он оказался шустрее. У той прапрабабки было 27 человек детей (кому ни рассказывай, все выпучивают глаза, так что я уже автоматически добавляю: девять раз по двойне, девять раз просто так. Хотя не то чтобы это сильно меняло ситуацию), к тому времени сколько-то уже внуков и правнуков. Но Дробицкий Яр, Бабий Яр, то-се — осталось совсем немного.

Перчик лежит себе тихо, даже не поскуливает, мордой от меня. Скосит только иногда глаз проверить, в порядке ли я и все ли идет по плану. Мне бы его умение расслабляться. Хотя он не всегда такой расслабленный, иногда и вовсе чистый псих. Особенно когда надолго уходишь, а он остается, или если на улице кто-то в форме встретится, все равно в какой. Людей в форме он очень не любит. Ничего они ему никогда не делали, а вот он боится их и от этого хорохорится, лает, даже визжит.

Когда он появился у нас дома, двухмесячным щенком, мой приятель сказал: зря кобеля завела, хлопот не оберешься. Я не поняла, какие такие особенные хлопоты именно с кобелем. Наоборот, казалось бы, в подоле уж точно не принесет, можно не волноваться. «Да ладно, щенки, — сказал приятель. — Делов-то: не пристроишь, так утопишь. Бывают проблемы и покруче». Я с ним разругалась тогда. Эта фраза про «утопишь» оказалась несовместимой с приятельскими отношениями.

Деда посадили в 37-м, а утопили уже в лагере, на набитой заключенными барже, в том же 1942 году, что и харьковскую Двору прикончили. Никто б и не узнал, да один из заключенных спасся — ему как раз дед помог прыгнуть в воду, а сам не смог, — и после войны пришел к бабушке рассказать об этом.

Когда Перчику исполнился год, он убежал. Я с ним всегда без поводка гуляла, он был добродушнейший пес, далеко никогда не уходил и вообще слушался. А тут я что-то отвлеклась: мне позвонили по работе, и я сосредоточенно разговаривала минут десять. Оглянулась: нету собаки! Кричала, кричала, звала — без толку. Целый час пробегала по округе, а потом — что делать-то — вернулась домой. Написала объявление о пропаже, присобачила Перчикову фотографию, распечатала во множестве экземпляров, вооружилась клеем и кнопками и собралась идти развешивать. Выхожу из дома, а он под дверью стоит, ждет, пока кто-то откроет. Морда и ухо в крови, сам грязный, как черт, какие-то репьи в шерсти и пахнет ужасно. «Ну, — говорю, — заходи, рассказывай, где был». Он как-то всхлипнул, протиснулся в дверь и попытался на ступеньку забраться, — у нас к лифту лестница вверх идет. А взобраться не может. Смотрю, а у него левая передняя лапа как-то странно изогнута, как будто вбок ее провернули. Ну, я его на руки взяла, принесла домой, кровь и грязь смыла, репьи вытащила и собралась в ветеринарку. Нашла, где ближайшая круглосуточная и с рентгеном, позвонила удостоверилась, и мы поехали. Закрытый перелом со смещением — гипс, таблетки, все дела. Полгода гулять водила на полотенце: под брюхом чтоб поддерживало, на ногу-то он встать не мог. С тех пор он немного хромает, а я на прогулках больше не отвлекаюсь.

Папа вернулся в конце 43-го, без ноги, но живой. А вот близнец его Гринька воевал почти до 47-го, в Маньчжурии уж потом. Впрочем, он и начал позже: им обоим в июне 1941-го не было еще и шестнадцати, но папа подделал в паспорте дату рождения и ушел сначала в летное училище, потом на фронт, а Гринька стал на год младше своего близнеца. Зато ног у него осталось на одну больше.

«Защита своего дома — священный долг ваших четвероногих питомцев!» — было написано крупным шрифтом на плакате. Внизу плаката фломастером кто-то неровно приписал: «Какого дома? На наш никто не покушается». Надпись была смазана, как будто ее пытались стереть пальцем.

Такие плакаты появились где-то с месяц назад, за одну ночь, на дверях всех подъездов города. Ниже шел текст, который я не запомнила дословно. Про дом в опасности, про мобилизацию животных как временную меру, про адаптационно-тренировочный курс и строгие правила отбора собак для боевых действий, в неукоснительном соблюдении которых нельзя сомневаться. Про какие-то килограммы бесплатного корма, который будут выдавать по возвращении. Хозяевам, препятствующим выполнению собачьего долга, грозили штрафами и сокращением зарплаты на рабочих местах вплоть до увольнения, отключением водоснабжения и еще какой-то хренью, о которой было туманно сказано «и иные меры в зависимости от личных обстоятельств и текущей ситуации».

— Так скоро и до мышей доберутся, — сказал мне в лифте сосед с верхнего этажа.

Симпатичный такой дед, мне всегда нравился, хотя я даже не знала, как его зовут. У них с женой тоже когда-то собачка была, шпиц, Эльза. Но умерла давно.

— А мыши-то при чем? — автоматически удивилась я.

— Мыши кабели важные будут грызть, — объяснил он. — Если больше жрать будет нечего. А вообще вы спрашиваете, как в старом анекдоте: а велосипедистов за что?

«Временная мобилизация распространяется на следующие породы собак», — гласили развешанные объявления. Далее шел список. «Возраст: от полутора до восьми лет». По возрасту Перчик годился, а по породе — нет. И я как-то расслабилась.

Некоторые владельцы питбулей и прочих стаффордширов сами повели их на сборные ветпункты. Эти ладно, они собаки бойцовые, пусть их. Хотя всякую тварь жалко. Да и погрызут они там непонятно кого непонятно за что.

Но и с любыми собаками без поводка гулять стало опасно: пропадали с концами. Впрочем, и поводок, как оказалось, ничего не гарантировал. У старушки из соседнего дома, которая трижды в день гуляла в нашем общем дворе со своей крошечной болонкой, двое мужиков в неясном обмундировании вырвали поводок и, сунув ей в руки какую-то мятую бумажку с печатью, схватили псинку за шкирку, уселись вместе с ней в машину и умчались неизвестно куда. Ну, старушке сразу стало плохо с сердцем, скорая, больница… Мне вечером об этом рассказали на собачьей площадке. Там все обменивались какими-то новостями, отчего-то глядя в землю и понизив голос. Господи, кому нужна болонка, много она навоюет?

Ходили слухи, что отбирают собак и у слепых, иногда прямо посередь бела дня на улице. Но это категорически отрицалось во всех официальных выступлениях. Сама я не видела, врать не буду.

Я стала выходить с Перчиком гулять один раз в сутки, среди ночи. На всякий случай.

Позвонила заводчица Клавдия, у которой я его когда-то купила. Спрашивала, что я собираюсь делать. Она готова взять Перчика к себе, у нее дом в деревне с большим

подполом, там не найдут. Она всех своих обзванивает, четырех собак уже спрятала. Я отказалась. По их правилам Перчикова порода мобилизации не подлежит, так что зачем нам сразу расставаться? Старушкину болонку я как-то вытеснила из памяти совсем. «Они мне все как родня, я их не сдам, пусть хоть режут, — сказала Клавдия, — Звони, как опомнишься, не опоздай только». И отключилась.

Про ту харьковскую родню, кстати, смешно. Мы ее толком и не знали, так, семейные легенды и какие-то имена в редких бабушкиных рассказах. А когда я тому давно поступила в университет на структурную лингвистику, ко мне первого сентября подошла такая же свежепоступившая девочка. «Мне, — говорит, — мой папа, как увидел в списке твою фамилию, велел спросить, у тебя отец кто: Миша или Гриша?» Оказалась моей многоюродной сестрой по Хае Басе. Нас всего-то на том отделении было 25 человек со всей страны, а вот поди ж ты. Тесный у нас город, крутимся в одних местах. Сейчас, впрочем, попросторней стал, всех разметало в момент. Все люди, у всех собаки.

Такой дождь, что дворники не справляются. Окно пришлось закрыть, а курить в машине при закрытом окне противно. Ну, вынужденный перерыв — это даже хорошо.

Перчик заснул, во сне поскуливает тихонько. Что там ему снится? Мне вот совсем сны сниться перестали. Да и не засыпается до утра, думаешь не пойми о чем, одни и те же мысли прокручиваются в голове, как спагетти на вилке: только намотаешь, как клубок разваливается и шмякается в тарелку, начинай сначала.

С ветсборных пунктов начали доходить какие-то вести. Расплывчатые, разрозненные — сами ж псы домой не позвонят, не напишут, а смотрителей подбирают, видно, не болтливых. Но что-то становилось известно.

Дрессировщиков почти нет, никто собак ничему не учит. Мисок не хватает, воду дают, но мало, собакам помельче ничего не достается: большие их к мискам не подпускают. Корма тоже недостаточно, говорят, собаки по природе охотники, пусть сами себе еду добывают. А где ее добывать, даже и охотникам? Ни одна дура-птица или кошка бездомная к ним за забор не полезет. Вот они и начинают грызть друг друга, тем более что в вольеры их на ночь битком набивают. В общем, совершенный ад. По интернету ходили страшные видео: и с ветсборных пунктов, и из зоны боев. Разумеется, все это официально категорически отрицалось. Тех, кто распространял слухи, объявляли врагами отечества, дискредитирующими власть, и ненавистниками животных, порочащими их честь и достоинство. Кого могли отыскать, сажали в тюрьму, а там делали какие-то уколы, от которых вылезали волосы, отнимались руки и пропадал голос.

Тетя Нора, Элеонора Станиславовна, красавица была до самой своей смерти уже в старости. В восемнадцать лет она оказалась в женском концлагере Равенсбрюк, откуда их каждое утро гоняли за несколько километров работать на заводе Siemens, пока Siemens из соображений эффективности не построил на территории завода собственный маленький концлагерь, несколько бараков, для заключенных женщин. Когда начались бомбежки, Нору вместе со всеми остальными снова вернули в Равенсбрюк. Siemens же свои бараки разрушил: теперь они могли только навредить его деловой репутации.

Ассоциация служебного, охотничьего и любительского собаководства заявила официальный протест. Опубликовала его у себя на сайте. Мол, происходящее нарушает федеральный закон об ответственном обращении с животными, по которому нельзя ни отправлять собак на смерть, ни натравливать на кого бы то ни было. И

бездомных собак нельзя никуда забирать, по закону для них может действовать только программа «отлов — стерилизация — вакцинация — возврат в прежнее место обитания», причем ловить их можно только под видеозапись, чтоб никакой жестокости. Наказание при этом предусмотрено не только за гибель или увечье собаки, но и за действия, причинившие ей боль и страдание. А на самом деле что происходит? По всей стране уже под полмиллиона собак канули в неизвестность, и никому за это ничего не было. Ассоциация требует соблюдения закона, информирования общественности и наказания виновных! Ну, толку, конечно, чуть. Разве что в самой Ассоциации президент сменился, прежний как-то вдруг сильно заболел и неожиданно умер, хоть и был нестарый. Новый тут же извинился в телевизоре за распространение непроверенной и очевидно ложной информации.

Я читала все это на разных новостных каналах до тех пор, пока меня не начинало тошнить. Перчик как будто чувствовал мое настроение, стал нервным, вздрагивал от звонков и громких звуков, плохо ел. Даже пару раз напи́сал в ванной на коврик, чего с полугода ни разу не делал. Я перестала выгонять его из постели ночью. Он часто пытался вскарабкаться на одеяло, когда думал, что я уже сплю, но это ему никогда раньше с рук не сходило. А теперь он даже не ждал, пока я засну, а сразу, как я ложилась, подлезал под бочок. Обнимешь его, и вроде полегче.

Конечно, я думала, что надо, наверное, бежать. Но вяло думала, не конкретно. Никого у меня в других странах нет, денег тоже нет — так, от зарплаты до зарплаты. Куда было бежать-то, на что там жить, да и где?

— Поменяй ему имя в паспорте, — посоветовал мне один приятель. — И все дела! Придут за Перчиком, а у тебя только Пупырчик.

Совет был смешной. Хотя приятель исходил из того, что еще действуют какие-то законы и можно их обойти. Очень трудно привыкать к тому, что правил больше нет.

Менять имена — старая проверенная выдумка.

Еврейским детям меняли имена, если они так тяжело болели, что были на грани смерти. Смена имени была призвана обмануть смерть: она пришла за Мойшей, а вместо него — Изя. Считалось, что, не найдя положенного ей Мойшу, смерть отступит.

Моя бабушка поменяла имя и из Сарры Менделевны стала Софьей Марковной. Я только уже взрослой, разбирая документы, узнала, что ее изначально звали иначе. Когда она это сделала, зачем? Тоже попытка обмануть судьбу? Многие тогда меняли имена. Мало кому помогло.

Вдруг объявилась подруга Нинка, которая уже лет десять жила в другом городе. Полгода назад она развелась с мужем, первые пару месяцев после этого мы с ней перезванивались, а потом как-то перестали.

Нинка была практически в истерике. После развода с ней осталась десятилетняя дворняга по кличке Дурик. Уже немолодая совсем, так что даже неважно, какой породы: этот возраст под мобилизацию не подпадал. В перечне-то пород, подлежащих мобилизации, про дворняг было написано туманно: «беспородные в зависимости от экстерьера». Какой простор для маневра тем, кому положено по головам отчитываться! Но помимо возраста успокаивало и то, что экстерьером Дурик явно не вышел. Или, наоборот, вышел, это как посмотреть. Кто-то из его предков наверняка был таксой, потому что он значительно длиннее, чем выше, и уши у него висят шелковыми тряпочками. Но в родне затесался и кто-то высокорослый:

Дурик намного крупнее таксы, хотя ножки все равно коротенькие и кривые. Еще он все время улыбается. Именно улыбается: рот до ушей, глазки умильные. Старушки на улице от него всегда были без ума, старались успеть ему что-то вкусное в рот сунуть, Нинка умучалась отслеживать: Дурик довольно толстый, и дополнительное вредное питание ему было точно ни к чему.

После Нинкиного развода Дурик, видно, начал бояться, что как хозяин неожиданно пропал из его жизни, так и хозяйка, однажды уйдя из дома, может не вернуться. Поэтому, как только Нинка выходила за дверь: шла на работу, в магазин, по делам каким-то, — он начинал отчаянно лаять и даже подвывать. Ничто его не разубеждало: в этот раз она вернулась, но это же не значит, что и в следующий будет так же. Хозяин вот тоже все время возвращался, а потом перестал. И, наверное, соседям это надоело, потому что кто-то стукнул в ветвоенкомат. Пришли трое.

— Сдуру открыла дверь, понимаешь, сдуру! — рыдала Нинка в трубку. — Думала, это слесарь, у меня кран уже месяц течет, вызвала, наконец. Лучше б все текло! А они сразу — бум! — один повестку мне в руки сунул, а остальные обошли меня с двух сторон и сразу к Дурику. Набросили на него мешок, подняли — и на выход. Я попыталась их за руки схватить, но этот, первый, меня оттолкнул. Сколько я ни кричала, что он старый, больной уже, — никакого толку. Забрали Дурика! Что делать, что делать?!

Я ей, конечно, велела сходить в ветвоенкомат, написать жалобу. Но и сама понимала, что надежд особых нет. Просто что-то делать проще, чем ничего не делать.

В той папочке с историей нашей семьи был муторный, очень подробный рассказ с многочисленными документальными

жалобами про украденную то ли корову, то ли телку — на этом различии строились разные версии о том, чья она: украл ли ее мой прапрапрадед Янкель, или, наоборот, украли у него. Суд присудил корову Янкелю, однако проигравшая сторона немедленно дело оспорила. И тут Янкеля вдруг — бац, и арестовали. В папке среди всего прочего есть и докладная записка Янкеля от 15 марта 1865 года харьковскому губернатору статскому советнику графу А. К. Сиверсу: «…при начале ареста я слышал от госп. полицмейстера, что если я отдам свою корову вдове поручика Ащеуловой, которая признает мою корову за пропавшую у ней, … то я буду освобожден из-под ареста, в противном же случае я буду немедленно удален из Харькова». Чем дело кончилось для коровы, неизвестно, а вот Янкеля из Харькова таки выперли. Так что раньше жалобы тоже не помогали, хотя это и не утешение вовсе.

Янкель осел с семьей в Воронеже. Со всеми детьми или не со всеми, неясно. Сын того Янкеля, мой прапрадед Гершко, вроде бы остался в Харькове, хотя о том и нет достоверных свидетельств, потому что моего деда они с Хаей Басей произвели на свет именно там. А вот его старший брат Пейсах точно на некоторое время отправился с родителями в Воронеж, но вскоре вернулся в Харьков. И понастроил там кучу всего, многое до последнего времени стояло и работало. Теперь уж не стоит, наверное.

Дождь кончился. Сигареты тоже кончаются, а запас в багажнике, — не сообразила взять в салон хотя бы блок. Придется остановиться где-то на обочине и достать. Заодно собаку выпущу погулять-попить-попи́сать. Вправо на проселочную дорогу сверну, там вроде лес и никто особо не ездит.

Странное какое-то место. Решила зайти чуть поглубже, чтоб с дороги было не видно, а там забор. Проволочный,

метра два в высоту. Перчик напрягся сразу, как я его из машины выпустила. На миску с водой лишь покосился, язык даже было высунул, но пить не стал. Холку напружинил, голову опустил, на задние лапы присел и подрыкивает. Явно боится. А чего боится, не понять.

— Пошли, — говорю ему, — пройдем хоть вдоль забора. Надо ж тебе пройтись!

Перчик совсем идти не хотел, уперся, пришлось за поводок тянуть. И трех минут не прошли, как я за забором пса увидела. Огромный, лобастый, серый, уткнулся мордой в ограждение, спина и трава вокруг в крови, не шевелится. Перчик скулит, аж на визг срывается.

И тут как прострелило меня, траектория уши — сердце — пальцы ног. Я ведь всякие слухи от себя гнала: если не знаешь, то как бы и не происходит этого, — но, видно, они все же где-то в подсознании оседали, потому что я сразу поняла, что вижу. Волка.

Говорили, что по заповедникам мобилизуют волков: отлавливают и вместе с собаками отправляют в зону боев. Говорили, они там сначала собак загрызают, а потом уж и всех, до кого дотянутся, пока их не пристрелят. Говорили, не всех удается в заповедниках поймать, волки выбирают свободу, не доверяют людям, бросаются на них или пытаются убежать.

Но куда убежишь-то, при таком ограждении? «Спи, волчок, — сказала ему тихо. — По крайней мере, ты никого не загрыз, так что в следующей жизни будешь чист. А они все сдохнут до смерти». И мы с Перчиком пошли обратно.

Моего родного прадеда Хаима-Иссора застрелили летом 1918 года в кабинете Губернской ЧК в Ярославле. Там как

раз случилось антибольшевистское восстание, в котором участвовали и члены Савинковской боевой организации партии эсеров, и просто люди. Имел ли прадед к этому отношение, никто уж теперь не знает, однако он явно что-то сказал или сделал такое, что они даже из кабинета его не вывели, прямо там и пристрелили. Ну, хотя бы не мучили.

Перчик спит, свернулся бубликом справа внизу, нос под хвост, сопит. Иногда вдруг вздрагивает всем телом, начинает скулить, но не просыпается. Опускаю руку вниз, поскребываю ему спину немножко. Дело к ночи, а к утру и граница. Пропустят ли? Если нет, я уже придумала: поселимся в какой-нибудь незаметной деревеньке, на отшибе, где нас никто не знает и никто не найдет. Один мальчик, когда был маленьким, думал так скрываться от армии: уехать в Сибирь и жить у разных старушек, а за это им дрова колоть. Такой у него был план. Я тогда над ним смеялась, а сейчас примерно это делать и планирую, если не повезет. «Как говорил гроссмейстер Тартаковер, уж лучше план плохой, чем никакого» ©. А хорошего плана нам взять неоткуда.

На границах, говорят, очереди. Выпускают не всех и впускают не всех. Что, если попробуют забрать его прямо там, на границе? Взяток, небось, при большом скоплении народа не берут, да я их и давать не умею, и денег у нас с Перчиком немного, сколько было: я последние дни все меняла на доллары. Даже не спрашивала себя, зачем это делаю, как будто в полусне. А было б много, все равно не вывезти, больше десяти тысяч нельзя. Но у нас намного меньше.

Вот что за закон, запрещающий людям везти с собой свои деньги? Он вообще законный, такой закон? Глупые риторические вопросы. Только в мирное время можно считать, что есть законы, да и то лишь до того момента,

когда столкнешься с тем, что они не работают. А сейчас и вовсе — какой закон хотят, такой нарисуют, и ничего им за это не будет.

Я так говорю про законы, как будто когда-то было иначе. Вон, императрица Екатерина I, когда ей взбрело в голову выслать нафиг всех евреев, специальный указ выпустила: «…жидов как мужска, так и женска полу, которые обретаются на Украине и в других Российских городах, тех всех выслать вон из России за рубеж немедленно, и впредь их ни под какими образы в Россию не впускать, и того предостерегать во всех местах накрепко. А при отпуске их смотреть наикрепко, чтобы они из России за рубеж червонных, золотых и никаких российских серебряных монет и ефимков отсюдо не вывезли, а буде у них червонные или ефимки или какая российская монета явится, и за оные дать им медными деньгами». И все, деньги ваши — стали наши.

Да ладно, пусть деньги будут самой большой проблемой. Лишь бы выпустили, а там — кто умеет работать, на какую-нибудь жизнь да заработает.

Небо без звезд, без луны, вообще лишенное света. Фары освещают лишь кусочек дороги перед колесами, от этого мрак вокруг кажется еще беспросветнее. Очень хочется спать. Надо, наверное, остановиться на пару часов, поспать в машине немного. Но в лесу страшновато, а если верить навигатору, через пару десятков километров есть какая-то заправка, можно там остановиться.

Не знаю, сколько я проспала, разбудил истерический стук в окно. Перчик вскинулся, гавкнул. Стоит рядом с машиной бабка: старая, в каком-то буквально ветхом шушуне, по талии тряпкой обмотана, руку левую за спиной держит. «Выйди, дочка, на минутку», — говорит. А сама чуть не

плачет. Ну, вышла. На заправке пусто, но фонари горят.

— Вижу, ты с собакой, дочка, — говорит. — И правильно, молодец, умница. К границе едешь? Сделай божескую милость, возьми еще одну!

И в левой руке за спиной у нее оказывается псинка на коротком поводке. Маленькая такая дворняжка, слегка пришибленная, задняя нога перебинтована. Стоит и смотрит на меня исподлобья. Глаза, как у всех дворняг, умные.

— У нее паспорт есть, все документы выправлены. Она тебе не помешает, смирная. Ты ее, как пройдешь границу, сразу отпусти: она дальше сама справится! Не подумай, я тебе заплачу, — бабка начинает копаться в тряпке на поясе.

— Какой «заплачу», бабушка, куда мне еще одну собаку! Справится она… Я про себя-то не уверена, что справлюсь!

— Послушай! — бабка схватила меня за затылок и громко зашептала прямо в ухо: — Ее неделю назад забрали. С огорода выкрали. А третьего дня она, умница, назад прибежала. Не прибежала — пришкандыбала. Нога задняя прострелена, гнались, видно. Рану я промыла, намазала, чем надо, перевязала, этого не опасайся. Но ей оставаться — смерть, ты же знаешь, прибьют ее за дезертирство! А у меня самой и паспорта нету, да и старая я. Возьми, умоляю, не бери грех на душу!

Глаза у бабки страшные, губы дрожат, руки трясутся.

Взяла, а что делать?

Бабушке Иде в 1941-м было три года. В начале лета она с матерью поехала куда-то в Барановичскую область — теперь она, кажется, Гродненская — навестить каких-то

дальних родственников. Ида младшая, поздний ребенок, вот мать ее с собой и взяла; старшие дети, включая мою родную бабушку Соню, были уже взрослые, со своими детьми уже. Ну, понятное дело, пришли немцы, всех поубивали: и прабабку, и тех родственников, и всех прочих евреев. Считали, что и Иду тоже. А вот и нет: ее мать втолкнула в соседскую калитку, наугад. Она не знала тех, кто там жил, знала лишь, что не евреи. Ну, и повезло, они ее не выставили, спрятали, а после войны, не сразу даже — в 48-м — каким-то образом разыскали прадеда и Иду вернули. Она еще долго себя Ирой потом называла. Прадед, говорят, даже не поправлял.

Едем дальше. Перчик сбоку лежит порыкивает, дворняга под задним сиденьем свернулась, дрожит, но молчит. У меня в голове ни одной мысли, только направление.

Понятно только, что теперь будем жить втроем. Но об этом я подумаю завтра.

Впереди длинная дорога и долгая ночь.

Ульяна Микуленок и Сергей Генералов

БЫВШАЯ

Председателю дачного кооператива «Озеро» позвонила Бывшая.

«Вова, — сказала Бывшая, — че за хуйня?»

Бывшая после развода всегда начинала вот так, без прелюдий и петтинга. Председатель опасливо молчал…

Последние пять лет Бывшая ему ни разу не звонила. Даже когда он отобрал у соседского фермера спорный участок земли с выходом к пруду, Бывшая не поздравила. Участок действительно был спорный по всем документам, но у фермера как раз случилась подагра, и пока он парил ноги в тазике с солями, Вова ночью огородил спорный участок забором, расставил на пруду боевые ведра дачников, мостки для полоскания и пару насосов для полива.

Корову Марфу и трех пугливых коз без имен и фамилий Вова щедро подарил бухгалтерше кооператива Анфисе, к которой захаживал с документацией и без. Анфиса была женщиной томной, с юности гибкой и очень хорошо считала, а посему ей досталась не только Марфа и козы, но и участок пенсионера Аникина. Аникин уже год как не косил траву на своем участке, а посему был лишен собственности по правилам «Озера».

Требования к владельцам дач были четкие, утвержденные всеобщим голосованием и, главное, во благо самих дачников. Конечно, поначалу недовольные были, но очень скоро наступило понимание — на даче нужно отдыхать, чувствовать себя счастливым и не заморачиваться никакими проблемами. Для этого Вова поручил дачникам самим выращивать петрушку, кабачки и прочие фрукты-

овощи. А рядом с кооперативом организовал универсальный магазин, в котором можно было купить все остальное — от ананасов, которые не хотели расти в кооперативе, до небольшой нефтяной вышки.

Вова заботился о своих дачниках. И поэтому ввел запрет на пользование любой другой продукцией, кроме той, что продавалась в универсаме «Озеро». Ну действительно, люди приехали отдыхать, зачем им гонять по трассам до других супермаркетов, если можно купить все что угодно рядом? Открыли универсальный магазин члены правления кооператива. Они так же, как и Вова, очень заботились о дачниках. А дачники год за годом выбирали этих достойных людей в правление открытым голосованием: 84% всегда голосовали «за», остальные, как правило, отсутствовали и поэтому считались воздержавшимися.

Правда, один раз на дачу к бабке Наташе приехал внук и проголосовал против правления. Но сразу выяснилось, что этот молодой балбес хотел жарить запрещенные шашлыки и слушать любимую музыку, совершенно не считаясь с другими отдыхающими. А еще выяснилось, что его подкупил соседний кооператив посадить редиску, которая отравляет землю вредными бациллами. Поэтому внука прогнали, дача бабки Наташи с полного одобрения членов правления отошла Анфисе, а газонокосилку, привезенную внуком, забрал Иван Иваныч, ответственный в кооперативе за порядок…

Бывшая ждала ответа.

Вова продолжал молчать, потому что его Бывшая была не тем человеком, с кем он хотел бы ссориться. Он, честно говоря, ее побаивался. После развода бабу как подменили. Лучше бы, конечно, она вообще никогда не звонила.

«Вова, — наконец сказала Бывшая, — я два раза не повторяю».

В ее голосе звучали недипломатичные нотки. Вова изо всех сил ломал голову, чем и как он задел Бывшую?

Может быть, это из-за того частного фермера с подагрой? Ну, у которого конфисковали корову Марфу и трех безымянных коз, чтобы отдать Анфисе. Этот фермер не только все время требует их вернуть — он еще и принялся воровать Марфино молоко, законно принадлежащее теперь Анфисе и Вове! Преступление буквально на днях раскрыл бдительный Иван Иваныч. Доить-то корову Анфиса не умела и поручала это фермеру. Надой стал падать, Иван Иваныч проследил и обнаружил, что ворюга-фермер отдает часть свежего молока своему гнусному коту! Тому самому, что часто нарушает границы кооператива. Вова решил, что преступник фермер должен отдать кооперативу все свое хозяйство.

Во-первых, воровство для кота.

Во-вторых, тут вам не колхоз, а петух подагрического фермера постоянно нарушает покой и отдых своим кукареканьем! Возникало ощущение, что и петух, и даже куры у этого подагрического фермера — тоже подагрические! И весь этот подагризм соседского фермера невозможно было уже терпеть. Даже большой забор не мог защитить озерских дачников от озверевших курей фермера.

Ну а в-третьих, отдать «Озеру» земли фермера было очень даже по понятиям. Вова просмотрел исторические заметки геодезистов — из них следовало, что дачный кооператив «Озеро» и ферма находились на одном карстовом срезе. А следовательно, были единым целым.

Ранним утром Вова проломил собственный забор и вторгся к подагрическому фермеру, умерщвляя хищных крылатых тварей курей, накрывая тазами улья и срывая все огурцы в парниках.

Фермер предложил вызвать полицию и решить дело в суде. Но Вову не проведешь! Знал он всех этих продажных судей! Они в прошлом году участок с прудом велели вернуть фермеру. Не говоря уже о корове Марфе и козах.

Вова перерыл все подъезды к дому фермера. Он решил подождать, когда фермер оголодает и сдастся. А чтобы не докучали всякие там наряды полиции, перерыл заодно и все дороги, ведущие в кооператив «Озеро». Со снабжением универсального магазина сразу стало сильно хуже. Да и не всем дачникам осада фермера понравилась. Но Вова заявил — скоро все птицы, пчелы и прочий фермерский мед будут нашими. А кому не нравится — валите с дачи!

Вова был уверен, что фермер не выдержит и все отдаст добровольно. А потом еще и расскажет полиции, что и курей своих сам передавил, и забор сам сломал. Мол, хотел в кооператив «Озеро», а его не пускали.

Все это произошло совсем недавно, ждать победы оставалось уже недолго, и поэтому неожиданный звонок Бывшей был очень-очень некстати…

Бывшая все еще молчала.

«Э-э-э…» — неуверенно протянул Вова и многозначительно покашлял.

«Вова, — вдруг сказала задумчиво Бывшая, — а твои дачники знают, что ты собирал с них за электричество, которое воровал? И что дорогу ты даже не начал

асфальтировать? И, кстати, шашлыки во всех других поселках можно делать, а у тебя нельзя. Они это знают?»

«А это неважно, — усмехнулся Вова. — Дачники у меня привычные. Скажу, что благоустраивал, и всё. Ты из-за этого позвонила?»

Вова развеселился и даже хотел бросить трубку.

«Нет, не из-за этого, — серьезно сказала Бывшая. — Теща твоя, мамочка моя дорогая Лидия Андреевна, нынче преставилась. И договор аренды ее дачи я как единственная наследница расторгаю в одностороннем порядке. Так что собирай манатки, арендатор хуев, и выметайся с моей дачи!»

Вова посерел лицом.

«И председателем кооператива ты тоже больше не будешь, — добавила Бывшая. — Потому что председателем может быть только собственник. А ты, Вова, все эти годы дачу мою арендовал. Посмотри в окно!»

Вова выглянул в окно. На него медленно надвигался грейдер.

«Это за тобой, — пояснила Бывшая. — Что в ковш влезет, то и заберешь. Можешь Анфису свою взять или дружков из правления. И не задерживайся!»

Грейдер подъехал к дому и с грохотом опустил ковш. Тещина дача была генеральская, почти крепость, с большим подвалом, но долго тут не просидишь. Усохнешь… Вова опустил руку с телефоном. За рулем грейдера сидел и смотрел на него хмурым взглядом ненавистный фермер. Из-за его плеча выглядывал внук бабки Наташи. А на землю из

кабины уже опускались два судебных пристава…

Март-апрель 2022 года

Марианна Лаптева

Осколки

Дед убил голубя. У голубя был вражеский взгляд. И еще голубь назвал деда хохлом. Потому получил по башке одноногим стулом, который дед у мусорника нашел. Дед убрал красные мозги голубя в траву и пошел в магазин за хлебом.

Мальчик шел по городу. Он считал стены. Две, три, две, одна, три, три, четыре. Когда вышел на площадь, увидел голову памятника. Она валялась в фонтане. Фонтан не работал. В нем дырка была размером с мяч. Мальчик сел на скамейку у фонтана. Было скучно и он смотрел на свои ботинки. Мимо бежал мужчина в оранжевой куртке. Он сунул мальчику пакет и побежал дальше. В пакете был банан и булка с маком. Мальчик стал есть.

Женщину встретили на вокзале какие-то люди. Они посадили ее в какое-то кресло. Для инвалидов. Они хлопали ее по плечам зачем-то. Она смущенно попросила их вернуться к поезду. Надо отдать подушку. В туалет попроситься постеснялась. Нужно было самой, самой. Люди оказались румынами. Они привезли ее в какую-то квартиру. «Здесь, — сказали, — будете жить». Женщина увидела первым делом подушки без наволочек. Сказать ничего не смогла.

Мужчина сидел перед большим монитором. В игре зарубил монстра. К полночи стало душно и неуютно. Он зарубил еще пятьдесят монстров. Трубку не брал. Даже когда звонила Оксана. Тем более, когда Оксана. С монстрами не так страшно. Он больше не просил ее вернуться домой, хотя мог бы. Это было бы эгоистично, зато все сразу стало бы просто. По сигналу тревоги открыл пиво. Монстры ждали.

Дед плакал в очереди. Ему дали стул и стакан воды. Он пить не хотел. Он хотел плакать.

Мальчик рисовал птиц. Одна, вторая, третья, не получилось, четвертая. Мелок заканчивался, а птиц еще было много. Он никак не мог нарисовать нормально клюв. Лампочка в подвале все время тухла. Через не знаю сколько часов мальчику сказали, что можно выйти. Он не мог встать сразу — ноги затекли. И видеть не мог, слишком ярко. Он пошел на ощупь и трогал стены, чтоб не упасть.

Женщина ехала в поезде. Она пила чай. Чтобы помешать сахар, не хватало руки. Непривычно было одной. За окном жарило. Щеке стало горячо. Она подвинула занавеску. Потом взяла пакет с бельем. Зубами его порвала. Взяла подушку. Так и сидела.

Мужчине отдали ключи прямо в руки. Поливай цветы — сказали. Не скучай. Кушай и все такое. Прощаться с ним не стали, это было бы слишком. Мы как доедем — позвоним.

— Позвони, как пересечете границу.

— Не кури дома.

Он смотрел из окна, как они сели в такси. Он подумал, что давно не играл в монстров.

Дед сидел на земле. Фотография на надгробии потускнела за один день, потому что сделали все некачественно. Он пойдет и заберет деньги. Он поменял цветы, вынул из пакета бутылку и стакан в газете. Развернул стакан и налил себе водки. Газета была старая и желтая. Руки деда, куртка и лицо были испачканы землей.

Женщина не очнулась, потому что сознание не теряла. Все вокруг казалось ей очень обычным. Вошел врач и сказал, что ей повезло. А могло быть и хуже. А другие вообще. Женщина подумала, что и вправду повезло. Еще она подумала, что надо бы помыться, а она не знает, как. Повезло, что от нее до сих пор пахнет духами.

Мальчика разбудил звон. Такой звон, какого он никогда раньше не слышал. В его окне стекла больше не было, а штора висела одним куском, как пальто. Его мольберт упал, а краски слетели со стола и просто валялись. Он стал искать картину, которую вчера только закончил, но ее нигде не было. Что-то рухнуло и мальчик стал кашлять от пыли. У него защипало в глазах. Он вспомнил, что при пожаре нужно ползти. Он дополз до входной двери, а там кто-то поднял его и понес вниз. Внизу, в темноте, сидели соседи снизу и сверху. Соседей справа он не нашел. Зато нашел Славика, с которым ходил в художку. Мама Славика взяла мальчика за лицо и что-то сказала, но мальчик сделал вид, что оглох. Он вынул черный мелок из кармана и начал рисовать на полу птицу.

Женщина как раз выбирала духи. Ей не нравился ни один пробник. Сто штук перенюхала, все не то. Слишком сладкие запахи. Ей предложили один дорогущий флакон, брызнули на запястье. Запахло свежей мятой, рассветом, ее любимым чаем и тем утром, когда она сдала все экзамены. Рука сразу покрылась мурашками, женщина кивнула:

— Вот оно.

И подумала, что это, конечно же, слишком дорого, а кредит еще не выплачен, до зарплаты полторы недели. И что лучше она отложит на какую-нибудь поездку, жила же как-то раньше без этих духов, проживет и дальше, и еще нужно отправить деньги маме. Маме, которая спросит, встретила

ли она кого-то, а она ответит, что нет и что нужно было, как сестра, выйти замуж в 16, причем удачно, и тогда она не стояла бы сейчас и не врала консультанту, что еще посмотрит, и не шарахалась бы от сияющих полок, и не прятала сломанный зуб полуулыбкой, а просто купила бы этот хренов флакон, да ну на хер!

— Его и возьму.

Дальше был страшный гул и грохот, а запомнила женщина только черную-черную то ли стену, то ли волну.

Мужчина лежал на боку и смотрел на нее, красивую. Она чем-то напоминала ему картину, что они видели пару лет назад в Италии на экскурсии в каком-то музее. Он сам не понял, почему вспомнил Италию. Может быть, потому, что перед сном они смотрели ее любимый фильм с Челентано. Она сказала, что не похожа на Орнеллу Мути. А он сказал, что похожа. Еще они ели чипсы, которые она прятала от дочки, он хотел поцеловать ее в щеку, но подумал, что от него пахнет, наверное, этими чипсами, как назло, с луком, а когда фильм закончился, она пошла в душ, он расстелил постель, открыл окно (она любит холодную простынь), и тапочки, которые она опять забыла, поставил у двери в ванную. Она вышла и сказала, что хочет спать, он, конечно, ни на чем не настаивал, она сразу заснула, а он нет, потому что фонарь во дворе светил прямо в окно, он ворочался, накрывал голову одеялом, потел, раскрывался, и когда наконец почувствовал тяжесть в веках, что-то бахнуло и завыли сигнализации.

Все было в лучах, все было очень красивое. Даже старенький полукруглый двор. Дед сварил кукурузы целую кастрюлю. Он вынес ее во двор и поставил на столик в беседке. Смел со скамейки листья. Дед очень хотел как-то оправдаться, исправиться перед внуком за то, что сломал

планшет. Дурак старый, поставил на него чайник. Он позвал:

— Сашко! Виходь!

Не выходит. Сильно, значит, обиделся. Завыло. Дед поворчал, что зря только тащил кастрюлю на улицу, опять заносить. Потом подумал, что сходит все-таки лучше за солью. А то закончилась.

Александр Эстис

От автора: *Собранные здесь зарисовки — свободный пересказ историй, услышанных мной от людей, покинувших Украину после начала войны. Одна взята из интервью, которое я провел для немецкоязычной газеты; другой со мной поделились, когда я помогал беженцам как переводчик; третья касается моей семьи.*

Зенненхунд

В детстве я мечтала о бернском зенненхунде, но родители были против и говорили мне, что у нас такую собаку не достать, только в Берне, поэтому она так и называется. Так что я жила в Украине, а мой бернский зенненхунд — в далекой Швейцарии.

Но поскольку мое желание от этого ничуть не ослабевало, а становилось только настойчивее, родителям ничего не оставалось, кроме как в конце концов, спустя несколько лет, купить мне щенка, которого я стала заботливо растить, и мало-помалу из беззащитного малыша он превратился в защитника, в стража, который стремился уберечь нас от любой опасности, даже от первых взрывов, даже от солдат, но это уже оказалось ему не под силу. Нам пришлось уехать и оставить его; теперь я живу в Швейцарии, а мой бернский зенненхунд — в далекой Украине.

Наталка

Из зоны военных действий с нами сюда приехала женщина, Наталка, очень простая, из деревни, где у людей нет ничего, кроме того, что они сами выращивают и разводят. Вообще-то ей здесь было неплохо, она быстро получила все бумаги и устроилась в квартирке в центре города, чем даже немного гордилась. Однако, чуть только наступил апрель, она собрала вещи и отправилась обратно, туда, откуда приехала, ведь пришла пора высаживать картошку.

Сажа

Утром в воскресенье начинается война. Когда в Киеве падают бомбы, все бегут к Ботаническому саду, потому что кто-то сказал, что нужно прятаться под деревьями. Поля склоняется над детьми, как будто может заслонить их от бомб; а сверху прожекторы разрезают небо, сверху мерцают огни бомбардировщиков. Потом Поля с детьми переправляется на корабле в Днепропетровск, на тамошней грузовой станции они садятся в поезд, в открытый товарный вагон, в каком перевозят уголь. Черная пыль кружится в воздухе, взлетает со стен, с пола, всё покрывается сажей, каждая фибра, каждая складочка на коже, каждая по́ра, и кажется, что эта сажа не смоется никогда, ни с них, ни с их детей, ни с детей их детей, и вот уже утром в четверг снова начинается война, и когда в Киеве падают бомбы, правнучка Поли садится в поезд.

Анна Шипилова

Скоро Москва

Проводница заглядывает в купе.

— Чаю?

Дверь за собой она закрывает неплотно — Ульяна несколько секунд слушает дребезжание, встаёт и захлопывает её.

— Чтобы мужики на работе уважали, — говорит Ульяна, — я краситься перестала, а некоторые начинают. Кто-то юбку укорачивает форменную, а я стала носить, наоборот, форму на размер больше.

Она косится на Лену. — Оверсайз, модно.

Засунув пальцы под косточки, Ульяна поправляет лифчик, щелкает лямками. Лена тянет носом — чувствует, что в тамбуре курят. Приоткрывает дверь, неодобрительно глядит на проходящих по коридору мужчин в шортах и майках.

— Их и так мало, не докапывайся, — советует ей Антонина. — Не высовывайся, молчи, а то прилетит ещё. И на то, что ты с пузом, не посмотрят.

Она заливает кипятком «Доширак» — запах заполняет купе, все сглатывают слюну.

— Нужен сильный папка, когда нет папки — плохо, всё разваливается, — Антонина перемешивает лапшу вилкой, — что на работе, что дома, что в семье. Первый муж покойный у меня пьющий был, а со вторым повезло — вообще ни капли в рот не берёт, насмотрелся в детстве. И

спортом занимается: зимой и летом с утра бегает, потом на турник, гляжу из окна — подтягивается.

Ульяна встаёт, потягивается, виснет на верхних полках — из-под футболки виден белый живот со шрамом от аппендицита.

— Мне начальник сначала — «Ульяна», «Ульяна», потом чувствую, что-то не то, обходят, не зовут, празднуют отдельно, и я сказала: я не Ульяна, называйте меня по отчеству, по-простому, Степановна, а он стал звать меня Степаном. «Степан тут?», «срочно Степана в допросную», «Степан подписал?» — ну и как-то все повеселели, сначала смеялись, потом зауважали. А теперь — перевод в столицу, с повышением! Кадровый голод, говорят! Поработаю и вернусь домой — уже судьёй или прокурором.

На верхней полке бабушка в шапке поворачивается на бок и с особенно громким всхрапом вдруг просыпается. Женщины синхронно глядят вверх. Кошка в переноске у неё в ногах, сверкая глазами, начинает мяукать.

— Скоро Москва? — спрашивает бабушка.

Антонина надевает очки, берёт телефон и отодвигает его подальше от глаз.

— Сейчас двенадцать, а мы в шесть вечера приедем.

Она смотрит на бабушку: та вытягивает из вязания спицу, чешет ногу в гипсе («как только забралась на верхнюю полку?»), пришёптывает что-то одними губами, снова прикрывает глаза. Мяуканье затихает.

— Я своего сына еду вымаливать, — говорит Антонина. — Меня бабка в деревне спросила: «Знаешь, кто самый

главный у мертвецов? У кого просить надо, чтобы сын вернулся? Лежит на Красной площади — повезло, что у нас, значит, а не у них там, за границей. Главный, он и на том свете главный, ведёт всех под красным знаменем». Я знамя старое достала — из ленинского музея когда-то его забрала, вдруг пригодится, — с собой сложила и купила билет в Москву. Приду к нему, в ноги бахнусь, скажу: «Дедушка, спаси и помилуй».

Поезд тормозит и останавливается на полустанке, выходят два человека. Телефон Лены загорается: начинают приходить сообщения, пробивается звонок — «Мама».

— Да, едем, — отвечает Лена, — Нет, не дерётся. — Она гладит большой круглый живот, улыбается. — Понравился ему поезд, может, машинистом будет.

— Мужу нужно первому всегда еду класть, — говорит Антонина. — Это мне бабушка секрет семейной жизни рассказала, сама с дедом пятьдесят лет была в браке, моталась по частям с ним, намучилась, конечно. Но я зато и внучка военного, и дочь военного, и жена военного, и мать военного. Ипотеку льготную сыну дали, нам путевки давали всегда на море, у мужа пенсия повышенная.

— А первый муж? — спрашивает Лена.

— А что первый? — Антонина приосанивается. — Ну, по молодости дело такое, кто не пьёт? Мы когда расписались, ему дали увольнительную на неделю, ну и неделю у нас дома сидели гости, кто-то приходил, кто-то уходил, а он с каждым же должен был выпить, так же нельзя, жених. — Она вспоминает и улыбается. — Я такие занавески сшила! Квартира-то служебная, в семейном общежитии, но я навела уют как могла. А второй мой муж тоже у нас на свадьбе был, тогда ещё лейтенантом.

С соком посидел и ушёл.

— А мы с моим расписаться не успели, но он скоро вернётся, — задумчиво говорит Лена. — Когда он уехал, я обращения писала, что нас должны расписать заочно, как вот онлайн же Госуслуги есть, так и нас должны. Мне же льготы положены теперь. Но мне не ответили, и вот еду к маме в Москву, чтобы она помогала, когда рожу. А я её подменять буду в магазине.

Антонина напевает: «...Оде-е-е-е-ержим победу, к тебе я прие-е-е-еду на горя-я-я-ячем боевом коне…»

Лена утирает слезы, Ульяна глядит в окно на мелькающие деревни и лес.

— Ну, мужики всегда горячие головы, — говорит Антонина. — Ну, неймется им, не сидится дома… — Она осекается на полуслове, испуганно смотрит на попутчиц.

Поезд снова тормозит на станции — телефоны у всех оживают, начинают жужжать уведомлениями. С верхней полки свешивается бабушка.

— Какие новости? Не помер? — спрашивает она у Лены, которая листает сообщения.

Лена молчит.

— Ну, — усмехается бабушка, — помрёт, не вечный же.

Булат Ханов

ТРЕТИЙ ВЫХОД ДЛЯ ЧЕСТНЫХ РЕБЯТ

— Думаешь, это по-настоящему базированные? И близко не так. Сегодня они поют о том, как ненавидят мироустройство и ценят внутреннюю свободу, а завтра подписывают контракт с лейблом и слушают в рот своего тур-менеджера. Они притворяются антисистемными, чтобы продаться подороже. Все твои герои, дружок, рано или поздно начинают следовать тем правилам, против которых выступали.

Тяжело вынести, когда многоопытный лузер разъясняет на пальцах правила бытия. Тем не менее Коля попробовал вежливо парировать:

— Допустим, продаются не все.

— И в самом деле. Лишь те, кому назначают цену. Многие бездарности готовы отдаться бесплатно.

Торжественная ухмылка на лице Богдана вызывала законное омерзение. Пусть старый рокер прав, тысячу раз прав, все равно так нельзя. Это все равно что бить в висок свинцовой перчаткой.

Умом Коля понимал, что доводы о продажности крыть можно. Хотя бы на примере самого Богдана. Талантище, он в лохматые перестроечные годы основал рок-клуб в их городке на сто тысяч жителей и с тех пор оставался верен делу. За тридцать лет провинциальный музыкант записал два альбома и стал кем-то вроде авторитета в местной тусовке. Ни в какие столицы не переехал и на корпоративах, несмотря на приглашения, не выступал. Ветеран андеграунда ходил в бессменной косухе и, подвыпив, делился со всеми сокровенной мечтой — спеть

когда-нибудь «Марсельезу» на переполненном стадионе. Об этой мечте знала треть города, не меньше.

Коля едва не выложил все это в ответ на монолог о продажных рокерах и вовремя сообразил: не прокатит. Богдан скажет, что он всего лишь первый парень на деревне, так что никому из потенциальных покупателей не сдался.

— Никак не возразишь? И правильно. Тебе пива еще взять, пока бар не закрылся?

Разговаривали они в январе, а в июле «Комиссию по делам несовершенных», Колину группу, пригласили на концерт по случаю дня города. Не хедлайнерами, само собой, но полноценный сет гарантировали.

В эти полгода втиснулось столько, сколько иной раз не умещается и в десять лет. Страну, разобщенную и разоренную, бросили в преступную авантюру. Плутократы, после очередной смены масок объявившие себя защитниками всего русского, закармливали публику червивыми консервами. Кто-то считал эти консервы съедобными и даже находил в них отголоски любимых лакомств из прошлого. Память о предках, уязвленная гордость, ламповые образы с оберток от шоколада, красные флаги, имперские флаги — все приносилось в жертву повестке. Те, кто противился насаждаемой мерзости, открывали новые и новые грани отчуждения, опустошенности, холостого негодования.

В мае логистическая компания, где трудился Коля, сократила штат. В отделе кадров на прощание утешили, что если осенью дела нормализуются, то сокращенных восстановят.

— Прямо к Третьей мировой и восстановите, — выдал Коля на прощанье.

Он планировал месяц перевести дух и переключиться на написание песен. Но песни не писались. Блокировались чем-то извне. Каждая сочиненная строчка и каждая мелодия казались фальшивыми, стереотипными.

Спустя месяц простоя Коля узнал, что ничего выше кассира и курьера ему не светит. Банки и микрокредитные конторы звонили каждый день с отталкивающими предложениями, вынуждая изобретать все более и более тонкие способы подкалывать бедных операторов на другом конце провода. А маршрутки заполнила реклама контрактной службы. Музыкант даже содрал одну из листовок, чтобы сохранить на память. Как документ безумной эпохи.

Будет иронично, если рано или поздно от безнадеги он и сам подпишет контракт. Получит автомат и сбежит с ним в лес партизанить.

Город между тем жил вялой жизнью. Ни судорожного ликования, ни массового возмущения плутократическая авантюра не вызвала. Большинство отмалчивалось, если не безмолвствовало. Дом детского творчества устроил средней помешанности флешмоб. Главный драмтеатр опубликовал видео, где актеры отвратно сыграли поддержку армии. Несколько билбордов на центральной улице отдали под портреты отличившихся наемников, стилизованные под плакаты с ветеранами Великой Отечественной. Мэр Кирюнов периодически проговаривал на камеру дежурные призывы держаться под натиском вражеских козней, но не демонстрировал никакого желания состязаться в патриотизме с ретивыми московскими патронами.

У Коли сложилось впечатление, что если завтра произойдет госпереворот, то аморфный Кирюнов запросто присягнет новому начальству. Без разницы, кто это будет: коммунисты, монархисты, ультралибералы, пастафарианцы, партия мира или партия войны до последнего россиянина. Все городские администрации — контрольно-счетная палата, департамент жилищной политики, отдел по связям с общественностью, управление культуры и прочие закостенелые инстанции — в один день сменят лозунги и перекрасятся в правильные цвета.

Как раз управление культуры и пригласило «Комитет по делам несовершенных» на концерт. Письмо упало на мейл Коле, и впоследствии он пожалел, что не удалил приглашение сразу.

Если б промолчал на репе, все бы обошлось.

— Надо это отметить, — отреагировал Роберт. — Хороший заработок, три моих месячных зарплаты.

— Кто еще выступает? Кто хедлайнер? — поинтересовался Дэн.

Отрастивший бородку, как у Никки Сикса, Роберт играл на басу и коллекционировал шутки про тормозных басистов. В музыкальном плане они с Колей понимали друг друга на все сто: Коля писал текст и накидывал мелодию, а Роберт подхватывал замысел и развивал в нужном направлении. В истории панка басист разбирался на энциклопедическом уровне и частенько оживлял беседу, вбрасывая малоизвестные факты про рокеров.

Дэн барабанил в трех группах и поражал своей всеядностью. Он в равной степени органично смотрелся и в метал-тусовке, и на корпоративе для руководства

кондитерской фабрики. Казалось, включи в динамиках «Белый Орел», или Круга, или Крида — и Дэн тут же подыграет на ударке, качественно и с самым серьезным выражением лица. Чувак просто любил свое дело и занимался им при каждом удобном случае.

— Понятия не имею, кто еще выступает, — сказал Коля. — Мы точно откажемся.

— Веселая шутка.

— Это не шутка.

От растерянности Роберт убрал бас-гитару в чехол и наполовину застегнул молнию.

— Ты сообщил им об отказе?

— Пока нет. Вечером сообщу.

— Класс. Мудрое решение. Напомни, пожалуйста, почему мы отказываемся? Я что-то позабыл.

Тут растерялся Коля. Все, казалось бы, очевидно.

— Ты что, поддерживаешь СВО?

— Нет.

Коля повернулся к Дэну. Тот занес барабанную палочку над тарелкой, намереваясь в любую секунду возобновить игру.

— А ты?

— Не особо.

— Зато Кирюнов поддерживает. Как минимум на словах.

Роберт застегнул молнию на чехле до конца. На последних зубчиках она заела, и басист раздраженным рывком преодолел заминку.

— Могу ошибаться, но нас не на концерт в защиту Донбасса позвали. И не на разогрев головного ансамбля Юнармии. Блин, это всего лишь день города.

— Всего лишь день города? Думаешь, мэр упустит шанс подчеркнуть, как он лоялен Москве?

— И что?

Коля закатил глаза.

— Он сам либо кто-то из помощников толкнет речь, как мы всей Россией снова объединились в борьбе против фашизма. Оближет пару раз президента и администрацию. Закрепит на самых видных местах в парке букву «зю». Может, запустит сбор средств на беспилотники какие-нибудь. По отдельности вроде бы мелочи, а в целом подло и гнусно.

— И ты, получается, не хочешь замазываться?

— А ты хочешь?

Роберт увернулся от прямого взгляда:

— Ты не так ставишь вопрос, — ответил басист. — Нет никого, кто бы вникал в пафосные речи и по-настоящему верил бы в провластные символы. Об этих флешмобах забудут, едва их прекратят накачивать бюджетным баблом. Даже ребенок понимает, что сахарная вата куда честнее,

чем парадное выступление мэра о судьбах родины. На концерт люди придут за тем, чтобы чилить и целоваться под музыку. И замазаться тут можно одним-единственным способом: тухло сыграть.

Дэн почесал барабанной палочкой затылок.

— Или наоборот. Чтобы не замазаться, надо сыграть максимально тухло, чтобы отразить дух эпохи. Чтобы каждого пробрало до печенок.

— Идея годная, — согласился Коля, — только я пас.

Роберт повысил голос:

— По-моему, демократию в группе никто не отменял. Если Его Высочество Белое Пальто предпочитает в одно рыло протаскивать важные решения, ему пора задуматься о сольном плавании. Пока же у нас коллектив, считаю нужным вынести вопрос на голосование. Итак, кто за то, чтобы участвовать?

Роберт явно не ждал, что он единственным поднимет руку.

— Кто против?

За этот вариант проголосовал только Коля.

— Слаженно работаем, ребзя, — оценил Роберт. — Хорошо, что не «Мушкетерами» назвались. У тебя, Дэнчик, какое-то альтернативное видение?

— Так-то я не против выступить. Но давить на Колю не хочу.

— Конечно, ты такие же деньги легко поднимешь на свадьбах или корпоратах. Удобно быть дипломатичным в

твоем положении.

Дэн пожал плечами.

— Замнем тему, — решил подвести итог Коля. — Так и до конфликта недалеко.

— Конфликт? Да ладно? Какой конфликт? Тебе показалось! Нет у нас конфликта. Все чисто по дружбе. Конфликт, тоже мне.

Истеричные нотки в голосе Роберта звучали все отчетливее.

— Неудачно выразился, — сказал Коля. — Короче, я проявил принципиальность. Или упрямство, если тебе так нравится. Эгоистичное и тупое упрямство.

— Если ты такой принципиальный, почему бы тебе не выпилиться? Самый логичный вариант для тех, кто не любит компромиссы.

Прозвучало болезненно.

— Покончить с собой, с собой, с собой, если серьезно воспринимать этот мир. Ты прав, да.

По пути с репы Коля купил самую дешевую водку и большую бутылку акционного лимонада. Печень содрогалась от предстоящих испытаний, карман зудел от бестолковых трат, никчемные переживания состязались между собой — тухлые жертвы кормили тухлую эпоху.

Кончать с собой в таком состоянии означало надругаться над памятью Криса Корнелла и Честера Беннингтона. Чтобы даже соблазна не возникло, Коля включил на мониторе

концерт «Pink Floyd» 1994 года в Эрлс-корте, рассчитывая на два с половиной часа перенестись в лучший из миров. Погрузиться в великий спектакль, более подлинный, чем скрип песка на пороге или платежка за газ. Хватило на три песни. Уведомление из «Телеграма» опять запустило тревожный паттерн: прокрутку постов, переходы по ссылкам, сопоставление версий. Коля чувствовал, как блуждает среди интонаций и жаждет лишь одного: не раствориться в них. Растворишься — смерть. Растворишься — из тебя соорудят куклу и будут возить по кислым концертам на руинах снесенных в щебень городов.

Водку Коля целиком вылил, дабы хоть как-то оправдаться перед собой за загубленный вечер.

Утром заявился Роберт. Коля налил ему чая и сделал бутерброд с плавленым сыром.

— Проснулся вот в воскресенье пораньше. Решил проведать старого друга. И отговорить, если ты запланировал харакири.

— Звучит как задумка для песни. Если ты задумал харакири, друг спасет тебя в твоей квартире.

Роберт издевательски похлопал.

— Браво-браво. Как будто затерянный шедевр Аркадия Укупника. Слушай, Ник, я чего приехал. Я ночью обмозговал все как следует, и, кажется, нашел аргументы, которые приведут нас к компромиссу.

Коля отворил окно. Пятый этаж, надежно. Летишь вниз головой и задаешь коммунальщикам работу. До конца дней будут вспоминать грязную воскресную задачку. А Роберт, подгоняемый нечистой совестью, напишет пару-тройку

средних композиций.

— Аргумента четыре, все железные. Во-первых, твою принципиальность никто не отметит. Никто не вдохновится и не скажет: о, какой смелый молодой человек, образец для подражания. Если бы Гитлер позвал тебя сыграть у него на днюхе, а ты бы отказался, тогда да. А так…

— Хвалиться не собираюсь, вдохновлять тоже. Что во-вторых?

— Во-вторых, отказ выступить — это не протест. Жест, ясное дело, самостоятельный, и все же не то. Вообще не представляю, в какой форме сегодня возможен настоящий протест. Любой бунт выглядит как китч. Идти на митинг или раздавать листовки перед заводом — это так же тупо, как звать на баррикады. Блин, такие времена, что даже в тюрьму из-за убеждений садиться тупо. Тебя выпотрошат шваброй, а другие, узнав твою историю, скажут: жаль, конечно, этого добряка.

Звучало жизненно. Не настолько, чтобы купиться, но жизненно. Коля напомнил:

— Это не протест, а упрямство. Повторюсь, никого ни на какие подвиги вдохновлять не собираюсь. Что там в-третьих?

— Тебе не зайдет, и все же. Что, если перед выступлением скрестить пальцы за спиной? Вроде как сыграл, а вроде как несчитово.

— Вау. Четвертый аргумент такой же фантастический?

Роберт вздохнул и потер виски.

— У меня туго с деньгами. Как и у тебя. И я не считаю, что исполнить шесть-семь песен в честь дня города так уж зазорно. Понимаю, мне тебя не переубедить. Я всего лишь доношу свою позицию.

Коля усмехнулся. Старый друг приехал воскресным утром, чтобы всего лишь донести позицию. И покапать на мозги. И чуть-чуть проведать.

— Последний слайс сыра. Сделать тебе еще один бутерброд?

Когда Роберт ушел, Коля открыл письмо из управления культуры и наконец ответил. Привычка к дипломатии перебила соблазн отписать что-нибудь дерзкое. Благодарим за проявленное внимание, выступить не имеем возможности, личные причины. Закостенелая инстанция напоролась на стиль, который сама и культивировала.

Вечером написал Дэн. Оказывается, Роберт занял у него десять тысяч до зарплаты. О Коле речь не заводил, туманно сослался на тяжелое материальное положение.

Детскими уловками Дэн пытался намекнуть, что кое-кто подвел команду. Можно подумать, Белое Пальто из упрямства пустило талантливого парня по ветру и заставило побираться.

Коля позвонил товарищу, чтобы его одернуть. Дэн трубку не взял.

До дня города они так больше и не поговорили.

Размышляя, как провести праздник, Коля выбирал между двумя унылыми вариантами: отчужденно проваляться на кровати до вечера или совершить вылазку в парк, дабы

удостовериться, что принял правильное решение.

В итоге взял акустическую гитару и побрел на набережную.

Город, несмотря на общее ощущение потертости, обладал некоторым обаянием. Оно не открывалось первому встречному, не показывалось тем, кто предубежден или отягощен скопившейся злобой. Обаяние врывалось между строк и подстерегало в местах, совсем для него не предназначенных. Например, обитало на заброшенном комбинате, стены которого пестрели от граффити по мотивам советских мультфильмов. Прижилось в семейной пельменной, основанной выходцами из Беларуси в девяностые. Там кормили вкусно, как в детстве, и радовались каждому посетителю, как дорогому гостю. Обаяние сквозило в каждом жесте девушки-баристы из кафетерия при кинотеатре. Она выводила на молочной пенке красивые узоры и вполголоса напевала западные песенки из девяностых и нулевых. Такое упорство поражало Колю: человек мог закончить IT-курсы и умчаться в Москву за зарплатой и перспективами, но девушка продолжала рисовать на капучино и латте.

За три столетия своей биографии город не знал эпохальных событий. Здесь не рождались знаменитые художники и композиторы, не совершались прорывы в науке. Из нудной захолустной хроники выбивалась разве что история местного рабоче-крестьянского совета, который смело проявил себя в мятежные годы XX века. Буквально через день после Октябрьской революции старую администрацию вывезли в голое поле и красиво отпустили на все четыре стороны, а в годы Гражданской народными силами организовали крепкую оборону, о которую сточили зубы колчаковцы. Разумеется, как раз об этом отрезке современные чиновники умалчивали, когда заводили речь о славном прошлом родного края. Самые увлекательные

эпизоды выпадали из благолепного образного ряда, как самостийный героизм — из государственной картины мира.

К празднику набережную подмели и украсили шариками. Беззаботное настроение не заглушалось ни эхом отдаленных бомбардировок, ни треском рвущихся логистических цепочек и социальных связей. Подростки обсуждали сплетни и сериалы. Дети помладше участвовали в конкурсах, стремясь продемонстрировать родителям всю ловкость и сообразительность, на какую способны. Полиция расслабленно взирала из-под фуражек и обозначала силу и величие правопорядка.

Коля занял пустую скамейку напротив лотка с едой и достал из чехла гитару. Рядом со снедью стоял на дежурстве молодой полицейский. Какая-то часть музыканта желала, чтобы жандарм придрался. Спросил бы насчет репертуара, попробовал бы прогнать.

Тогда Коля воспротивится и окажется в участке. Телеграм-каналы расскажут о случившемся. Одни лакейски одобрят правоохранительную бдительность, другие сымитируют бурное осуждение. Первые запишут его в пятую колонну, вторые посетуют о наступлении на свободу творчества. И там, и там включат невыносимую интонацию.

Полицейский скользнул взглядом по инструменту и промолчал.

Вот и ладушки.

Коля настроил звук и сыграл «В траве сидел кузнечик» на одной струне. Прохожие замедляли шаг и на мгновение останавливались. Никто не мог взять в толк, начинающий гитарист перед ними или это такая шутка юмора.

За школьной классикой от Шаинского последовали мотив из фильма «Отступники» с Джеком Николсоном и парочка других известных мелодий. Коля разминал пальцы и подогревал интерес у публики, выдерживая скучающее выражение лица и не комментируя происходящее.

Зрители ждали, когда исполнитель откроет рот и предъявит что-то сверх гитарных отрывков. Коля чуть волновался: он предварительно не распелся и вообще давно не выступал на улице.

— Следующая композиция посвящается отмене крепостного права.

«Boxer» от «The Gaslight Anthem», конечно, ни с каким крепостным правом не пересекался и единой нотой. Бодрая американская песенка без лишнего пафоса повествовала о молодом поэте, который жил в американском городке и вдохновлялся ударами судьбы. Коля любил отождествлять себя с лирическим героем.

Волнение оказалось напрасным. На улице пелось легко и свободно, как в пустой студии. Хорошо, что все-таки концерт «Pink Floyd» отложил, иначе мучился бы от собственного несовершенства.

Легкость передалась и публике. Горожане подходили ближе и снимали на телефоны.

— Мало кто знает, но в честь легендарной группы «Oasis» британские ученые создали целый лекарственный препарат. Называется «Эндафтерол вондервол». Лечит тревожные состояния. Правда, в связи с известными событиями его импорт в Россию прекращен.

«Эндафтерол вондервол» встретил одобрение у зрителей,

так что его Коля дополнил другим хитом от душевных британских снобов — «Live Forever». На миг в памяти ожила картинка: школьные годы, пиратские компакт-диски, MP3-записи с низким битрейтом, братья Галлахеры ссорятся и все равно выступают вместе…

— Шляпа есть? Деньги чтобы складывать, — обратился усач в тенниске с портретом Сталина.

— Шляпы нет, — отозвался Коля, подкручивая колки. — А деньги приберегите. Времена вон какие.

Сталинист поднял с земли камень и, положив на лавку сотенную банкноту, накрыл купюру им.

— Не улетела чтобы. На русском знаешь что-нибудь?

— Еще бы.

Коля спел «Люмена» и «Электрических партизан». К сотенной бумажке прибавились новые купюры. После такого было бы преступлением не сострить.

— Говорят, под лежачий камень вода не течет. С деньгами, видимо, другая история. Ну что ж, а сейчас исполню песни собственного сочинения. Пожалуйста, не разбегайтесь.

Подбодренный аплодисментами, Коля сыграл «Замедленную съемку» и «Рожаву». Зрители одобрили и попросили продолжения. Все складывалось красиво, стройно, окрыляюще. Коля пел и воображал, как на набережную подтянутся и Роберт, и Дэн, и бариста из кинотеатра, и все, кто ему дорог. Роберт подыграет на акустическом басу и украсит выступление бэк-вокалом, а девушка скажет, что шла с концерта в парке и что перформанс на набережной впечатлил ее куда сильнее.

За «Рожавой» последовали дебоширская «Поэма на заборе» и баллада «Дом за рекой». Мгновение хотелось длить и длить, вырвать из контекста и поставить на бесконечный повтор.

— А ты хорош. Зуб даю, хорош.

Откуда-то сбоку перед глазами появился Богдан. В своей затертой косухе, которая бросала вызов и июльскому зною, и эпохе. Коля сразу и не заметил старого знакомого.

— Хорошо растешь. Утром о тебе вспомнил и подумал, что встречу тебя тут. В самом деле подумал, не сойти с места.

Коля привстал и протянул ветерану рок-сцены руку.

— Понимаю, что сейчас не время и запросы у меня бестактные, но не дашь ли ты мне гитару? Всего на три минуты. Спою «Марсельезу» и покачусь дальше. И снова будешь в центре внимания.

— Чудесная идея, по-моему.

Коля представил Богдана зрителям и передал ему гитару.

— Я не Эдит Пиаф, но тоже попробую.

ПРЕВОЗМОГАНИЕ

Очередной рубеж нацистской обороны пал. Освободители вошли в город. Местные высыпали на улицы с песнями и флагами.

Среди множества цветов комбат Рященков заприметил один — любимый. Подкрутив ус, он подъехал на жеребце к улыбчивому мальчонке в шлемофоне. Паренек сжимал древко с красным полотнищем.

— Как тебя звать, дружок?

Мальчик отдал честь.

— Алешка!

Командир посадил паренька перед собой и повез к месту, где недавно располагался вражеский штаб. Штаб раскурочили, уцелело только крыльцо с козырьком. Рященков спешился и поднял Алешку над головой, чтобы тот закрепил флаг.

— Умница! — похвалил комбат. — Держи шоколадку.

Ратуша сохранилась лучше. Облик ее портили не столько следы от минометных обстрелов, сколько граффити со свастикой. Сюда уже тащили ведра с щелочным раствором, чтобы смыть непотребство.

Штурмовики «Баха» начали раздавать оголодавшим жителям печенье, консервы, молитвенники. Прошел слух, будто свет и газ скоро починят. Это могло означать только одно: уже завтра вечером ликующие горожане будут печь блины и смотреть по телевизору праздничный концерт Шамана.

Поначалу бойцы из регулярных частей, наслушавшись грязных историй про бессудные расправы, чурались наемников. При ближайшем знакомстве мнение поменялось. Баховцы оказались балагурами и смельчаками. Они грудью защищали боевых товарищей и каждый раз доказывали верность антифашистской доктрине. Действуя где-то добрым словом, где-то кувалдой, солдаты удачи методично демонтировали нацистский режим.

Рядовой Идуллин гордился своим полком. Если бы не смелость верховного, бросившего вызов западным лицемерам, Идуллин так бы никогда и не узнал, что это такое — настоящее братство. За полгода службы рядовой возмужал: сбрил хипстотную бороденку, обзавелся трофейной финкой, научился шутить про девчонок. По белому свету шагалось легко и весело, особенно в модной экипировке. Бронежилеты задерживали разрывные пули, каски спасали при артобстрелах, а освященное термобелье выручало при лютых холодах. Боец из соседнего отряда однажды целые сутки пролежал в сугробе и не замерз.

Отодвигая границу от родного дома, Идуллин обрел друзей, повидал новые города и получил настоящую культурную закалку. За последнюю отвечал Мединский. В часть к рядовому приезжали лучшие актеры, музыканты, поэты. На видеосвязь однажды вышел сам Дугин. Вдохновленные его речью бойцы ринулись в марш-бросок длиной в пятьдесят километров и помогли тем самым закотлить дюжину вражеских дивизий. А когда Идуллин получил осколочное в печень, поддержать его дух в госпиталь прибыл Петросян. От искрометных шуток Ваганыча у рядового разошлись швы, и лечение слегка затянулось.

Все это вспоминал Идуллин, смотря, как с ратуши соскабливают арийские мерзопакости.

К нему подбежала маленькая девочка.

— Дяденька освободитель, а можно с вами сфотографироваться?

Никто бы не отказал. Тут же подоспел с полароидом старый волк Гастон. Идуллин распахнул плащ и поднял девочку левой рукой. Малютка прильнула к солдатскому плечу. Умиленный фотограф щелкнул, и кадр отправился в вечность.

Из всех боевых товарищей Гастон больше остальных импонировал Идуллину. Депутат и борец, Гастон в первые дни добровольцем отправился на фронт и встал плечом к плечу с бывшими учителями, курьерами, кассирами. После одного из боев, победного и кровопролитного, Гастон на некоторое время исчез и вернулся с двумя потрепанными противниками в губной помаде.

— Содомиты, — прокомментировал депутат. — В катакомбах прятались.

Содомитов немедленно осудили и выслали почтовым переводом в США.

Праздничное настроение от взятия города едва не омрачил комбат Рященков. Когда бойцы готовили площадь перед ратушей для парада, командир известил их по громкоговорителю, что датчики засекли натовские ракеты, летящие в сторону города.

— Обиделись, черти! — Рященков выругался. — Ускакали отсюда, теперь будут мстить.

— Да кто им даст? — крикнул Гастон.

Бойцы выстроились на площади в шахматном порядке и наставили автоматы на небо. За месяцы боев опытным путем выяснилось, что хваленые «Горгулерсы» на раз-два сбиваются прицельными очередями из «калашникова».

Пока ждали прилета, послышались смешки.

— Вы уж хотя бы вид сделайте, что боитесь, — сказал комбат. — Проявите каплю сочувствия к несчастному неприятелю.

— Русские не боятся! — парировал Идуллин.

Солдаты одобрительным ревом откликнулись на эти слова.

«Горгулерсы», жалкие и нерасторопные, показались вдали. Их сбили, как тарелочки в тире. Обломки попадали в поле.

Идуллин оглядел горизонт, чистый и родной. Солнце, убаюканное автоматной симфонией, отправлялось на ночлег. Оно твердо знало, для чего оно поднимается каждое утро. Русский мир, человечный и теплый, гордо шагал по планете и дарил предчувствие громадного и неизбывного счастья впереди.

Кирилл Квон

Белая бумажка с черными буквами

С потерей работы и уходом жены у меня появилось много времени. Это время стала занимать абсолютная тишина. Я пытался ее заполнять: радиом, водой из крана по дну мойки, чирикaньем птиц за окном, часами, которые тикали тихо (и потому я отнес их в ремонт), звоном битого стекла, шарканьем подошв, спуском унитаза и всем-всем-всем, что было вокруг меня. Попробовал починить дверной звонок, чтобы он радостно свистел, но ко мне никто не приходил. Ждал жену, но она не появлялась на пороге и день, и два, и дальше. Оттого, что я сидел в квартире один, потолок и стены молчали сильнее.

Часто бодрила меня сирена «Скорой помощи». Она громкая и грустная. Грустная, потому что я не люблю больных. Больной — это полутруп, а труп — источник такой глубокой тишины, что от нее можно спастись только в могиле. Но все-таки медицинская карета — хорошая штука. Она намекает мне, будто я нахожусь рядом с крутым событием или, как пишут в газетах, происшествием. Еще от тишины меня спасали громкие люди, у которых языки медные и глотки луженые. Жаль, что они все куда-то делись, когда лето пришло. (Или они сначала исчезли, а потом лето пришло. Не помню.)

Еще в голове у меня был номер жены, четкий и выученный; я ей позвонил. Она трубку взяла, но меня отругала, потому что была ночь. Тишина тогда осадила со всех сторон, и я прижал ухо к телефонным гудкам. Трубка урчала, как голубь: ур-ур-ур-ур. Я этому щебетанью отвечал, жалуясь, что жизнь вокруг исчезает незаметно. Все интересности скрыты от меня. Я договорился до того, что стал завидовать свидетелям. Знаете, летит самолет, потом вдруг птица попадает в турбину, и сто человек (может, больше) падают

в море. А на берегу стоит свидетель, который все это видит, а сделать ничего не может. И даже если у него нет работы, ушла жена, он найдет хоть какую-нибудь чахлую, но живую душу, которой может поведать: «Знаешь, я только что видел, как…»

Я позавидовал соседу, у которого автомобиль стоял на парковке со смятым задом. В него кто-то влетел, а он подумал секунду: «Все, конец». И сердце кольнуло. Потом вышел, оценил, что не смертельно, успокоился, вызвал ДПС. Что-то чрезвычайное с ним приключилось в этот день. Я же тону в унынии, пока тысячи и тысячи аварий случаются ежеминутно по всему миру. Но у меня-то нет всего мира. У меня есть чуть-чуть: пару дорог за окном, из которого глядеть — тоска. Все водят до того умело, что я за все свои три десятка лет не видел ни одного столкновения. Скучно, братцы, скучно. Скучно, братцы, жить. На улице не делалось интересного ровным счетом ничего, в то время как даже листы нашей районной газеты чернели заголовками: «Пожар, столкновение, нападение, ограбление»… Мне кажется, все эти новости выдумываются, чтобы повеселить пенсионеров. «Ага, столкнулся, сгорел, упал, задавлен, — думают они, — а мы-то живы». (Даром что внуки уже заказали место на кладбище.) В действительности ничего не происходит. А если и происходит, то очень далеко. Один раз, правда, я видел, как рабочие пилили тополя, якобы угрожавшие упасть на головы прохожим, и ствол чуть не прибил их (не знаю, как его назвать, назову хоть прорабом) начальника, толстого, большого и белого. Но, как известно, чуть не считается. И я по-прежнему завидовал тем рассказчикам, которые будто бы видели, как в грозу молния вонзается в человека.

Раз мне тишь вокруг надоела, и я раздобыл солидола (в стеклянной трехлитровой банке, а не в пластмассовом пузыре).

Дождавшись вечера, как бы случайно разбил ее на перекрёстке возле дома, вернулся к подоконнику и открыл окно. Пятно было красивым, темным, чем-то напоминало орла, если глядеть на него из окна, наклонив голову к плечу. Оно оставалось там долго, почти до октября, пока дожди и поливочные машины не вымыли его с асфальта. Ни один водила не поскользнулся на моей солидольной луже. А я в этом уверен, так как следил глазами за этим местом днем и ночью, урезав себе сон до самого маленького времени, какое смог. В общем, толку не было никакого, зато ко мне явился участковый и выписал штраф за мелкое хулиганство. Я спросил его, как он узнал, что солидол моих рук дело.

— По камере, — ответил участковый.

Я узнал у главной по нашему дому об этой камере. Она наблюдала наш двор и засекла меня с солидолом, нашла дебила, который сломал шлагбаум, нашла подростков, которые ночью побили на детской площадке пьяницу. И тогда я понял: чтобы спасти себя от тишины и скуки, нужно устроиться охранником в музыкальную школу. Там и шума куча, и монитор есть, и можно наблюдать до отвала (я знаю, так как жена моя работала в такой школе, и я к ней ходил). Но мне сказали, что мне нужно для этого пойти к офтальмологу за справкой, в которой бы было написано, что я вижу на тысячу метров вперед. Я делать этого не стал, так как знал, что офтальмолог мне такой справки не даст, у меня нет правого глаза, и вижу я поэтому вперед не на тысячу, а всего на 500 метров (вполовину меньше).

Вместо офтальмолога я сел погулять. В метро. Поехал по кольцу. Круга три сделал и вышел на перрон. Передохнул и опять сел. Сделал еще два круга. Так день прошел. Тишина из головы ушла, зато там поселился гул. Сначала один, потом несколько. Я попробовал их пальцем выдавить.

Не получилось. Крутил-крутил, и только еще больше в мозгу моем стало звенеть. Тут, как назло, люди поперли с работы. Набежала целая стая. Я и туда подвинулся, и здесь выгнулся, никак — народ напирает, как будто хочет меня на рельсы выдавить. Я не растерялся и в отместку одному здоровяку ножку подставил. Почти невзначай получилось. Он упал вниз. Как раз и поезд подоспел. Люди закричали. Я еще немного поглазел, дождался полиции и пошел домой. И гулы меня отпустили, и тишина не давила. Несмотря на то, что сильно хотелось есть, я лег и уснул, и спал очень длинное время.

На следующее утро, чтобы найти денег, я отправился на поиски собаки, прихватив спортивную сумку. Внизу на лестнице заглянул в почтовый ящик. Там лежала районная газета. Я взял ее с собой и двинулся на охоту. Опять жизнь обходила меня стороной, и ни одной бесхозной шавки не попадалось. Возле магазинов лишь сидели псы на поводках. Такого кобелька черт его знает какой породы (не разбираюсь!) я и прихватил. Просто подошел. Заметил, что пес виляет на каждого курильщика, который мимо дымит. Поэтому я стрельнул и тоже стал чадить. Собака увлеклась мной и полезла мокрой мордой в мою. Я отвязал поводок и ушел по направлению дома номер (не помню). Поднялся. Собака, почуяв неладное, остервенилась и завизжала. После того, как она тяпнула меня за икру, я скрутил паразитку, и сунул в сумку, и позвонил в дверь. Открыл старик. Я поздоровался и спросил: «Вы собаку потеряли?» Старик, когда открывал, выглядел горько, а тут осклабился и прослезился сладкими слезами.
Да, — сказал он. — Вы его нашли?
Нашёл. Вот. — и вынул собаку.
Это не моя.
Как не ваша?
У меня (назвал породу). Белые пятна на груди и рост выше колена. А этот весь черный.

Ну и что ж, что черный. Вы награду обещали? Обещали. Вот собака. Давайте деньги. У меня всё кончилось дома.

Я думал, что все эти собачники любят своих собак больше людей и возьмут любого пса на замену пропавшему. Но старик уперся: ни пса не брал, ни денег не давал. Собака еще орала и просилась обратно к своему магазину. Я занервничал, но больше всего у меня занервничала правая нога. Она будто дернулась мыском вперед — прямо псу под ребра. Старик испугался и хотел было закрыть дверь, но я уже самостоятельно распорядился своей левой ногой, вставив ее в проем. Толкнув деда плечом, я зашел в квартиру, втянув за собой и собаку. Старик от удара опрокинулся на пол и затих. Поэтому мне пришлось расправиться только с псом. Дома больше никого не оказалось, и я заглянул на кухню, открыл холодильник и хорошенько объелся, да еще набрал с собой кучу всего. Особенно радовался банке вареной сгущенки, которую я опасался открывать ножом. (У меня нет на правой указательного и большого пальца, и открывать я умею только открывалкой, а ее у деда я не отыскал.)

Перед выходом заварил себе кофе и уселся почитать районную газету. Пока пил, очнулся старик. Я подумал, как бы с ним все-таки покончить. И придумал, в чем выразил гениальность. Прочитаю-ка ему всю районную газету вслух — от корки до корки — и тем уморю. Уверен, такого никто не делал, а если и делал, то в порядке самоубийства. Начал с конца: реклама, лекарства от простатита, рецепт, сканворд, афиша, знакомства… Дошел, наконец, до происшествий: «Мужчина с поддельной регистрацией», «Перегрелась проводка», «Сгорел мусорный контейнер», «Судебный пристав помог вернуть девушке деньги за бракованную обувь», «Из-за попавшего под поезд человека на станции…» Да! Я закрыл свой глаз и предался воспоминаниям о том вечере в метро. Даже не заметил, как

старик вышел из квартиры. Наполненный радостью до того, что дышал с трудом, я со спокойным сердцем отправился домой. А по пути перечитывал заметку и не заметил, как очутился возле своего дома. Радость омрачилась тем, что я не увидел в руках сумку с продуктами. Я забыл ее у старика.

Чтобы взбодрить себя и отогнать мысли о голоде, я залез в почтовый ящик, откуда недавно выудил счастливую газету — вдруг еще чего подложили хорошего. Но там были рекламные листы с окнами, шубами, лекарством от простаты, засохший паук, старые и новые квитанции. Поверх этого хлама лежала она — белая бумажка с черными буквами. На ней было мое имя. Я страшно обрадовался. Вот, наконец, кто-то вспомнил обо мне, кто-то не поленился послать за мной, кому-то я нужен, кто-то обращается именно ко мне, знает, где я живу. У меня глаза заслезились. Вот она какая! В середине буквы — крупные, черные. Потом строчки помельче, но тоже с укрупнениями и жирностью на цифрах, чтобы я ничего важного не упустил. Еще ниже строка длинная: тоже черная и крупная. Под ней строка с продолговатой линией, как будто кто-то хотел подчеркнуть: место важное, читать обязательно. Поверх всего синел круг, внутри которого летела птица. Она мне меньше всего понравилась, так как была неаккуратная, смазанная и закрывала само послание. Попробовал прочитать! Не получилось. От восторга мысли смешались. Забыл как буквы в слоги складывать! Почти с криком «ура» я влетел по лестнице наверх, чтобы всё разобрать дома. Но дома ждал меня сюрприз: жена. (Кажется, это случилось сразу после того, как я достал бумажку с черными буквами. Или это случилось до этого. Точно не помню.)

Жена обругала меня и попросила ключи. А я попробовал ей показать заметку в газете, вдруг она тоже обрадуется, успокоится. Но она отобрала газету, бросила ее на пол и

расплакалась. Я растерялся и быстро устал. Поэтому я пошел в ванную, открыл воду и сел. Жена мне стучала, но я открыл кран еще сильнее, чтобы было громче. Залез в воду и затаился. Когда вода поднялась, я превратился в подлодку и погрузился в плаванье. Сначала отчалил на несколько секунд, потом погрузился на подольше. Жена не унималась и долбила ладонью. Только под водой было тихо, темно, тепло и хорошо. Поэтому я попытался держаться на дне как можно дольше, чтобы меня больше никто не беспокоил. Я бы так там и сидел, но мне сделалось тесно. Берега ванны были слишком узки, и я попытался раздвинуть их руками. Потеряв на этом много сил, я всплыл и выбрался из ванны. И тут я понял, что совершил ужасную вещь. Непоправимую! Забыв раздеться, я плюхнулся в воду в штанах, утянув в пучину и бумажку с черными буквами. Я достал бумажку, расправил. Она была, хоть вся сырая, но жива. Дальше я перечитал ее несколько раз, наморщил лоб и запомнил адрес, по которому меня приглашали. Затем я съел дорогое сердцу послание — чтобы с ним никогда ничего плохого не случилось. (Вообще, советую: если хотите что-то или кого-то спасти, это надо съесть. Тогда с этим чем-то или кем-то ничего уже плохого не произойдет.)

Пошел в шкаф в маленькую комнату, чтобы переодеться, и чуть не вскрикнул — на диване лежала жена и спала. Я позавидовал ее силе сна, а потом пожалел. Она явилась и надеялась на меня, что я буду хорошим. Да еще прибралась в комнате. Чем я мог отплатить ей за эту любезность? Спасти ее и сохранить. От чего? От всех напастей. Ведь жизнь для человека — смертельно опасная штука. Жена могла выйти за другого, забеременеть и скончаться при родах. Могла погибнуть из-за какой-нибудь ракеты. Могла сорваться вниз в шахту лифта, потому что не сработал стопор. Могла погибнуть от куска льда, который сорвался с крыши. Могла мыть окна и выпасть из окна. Могла натолкнуться на темной улице на какого-нибудь психа. Да

что там? Сам организм человека таит опасность. Малейший сбой грозит гибелью. Человеку жарко, он принял душ и умер — оторвался сосуд. Человек выпил что-то не то и умер (и даже врач не скажет, отчего). Человек вдохнул, а потом окажется, что он принял невидимый самый едкий яд. Человек может оказаться не в том месте в плохой момент и быть раздавленным упавшим на него небом. Я устал воображать себе всяческие гибели и точно понял: «Надо ее спасать». Поэтому я пошел на кухню за ножом.

Выбрал топор, у которого было и лезвие и на всякий случай обух. Вернулся в комнату. Жена все еще спала, но меня почувствовала. Она перевернулась на другой бок и приоткрыла глаза, сказала что-то про деньги, про то, что я должен уехать из этой квартиры. Она бы еще и еще унижала меня просьбами, если бы не увидела, что у меня одна рука длиннее другой из-за тяжелого топора. Вместо крика у нее изо рта посыпались звонки: чик-чирик, чик-чирик. Я сразу сообразил, что это не жена вопила, а просто кто-то в дверь звонил. Я подумал, что наконец-то становлюсь не просто человеком, а настоящей персоной, без которой не обходится ни одно важное дело на земле. Я пошел открывать. На пороге был мой знакомый участковый, который и сказал мне, чтобы я явился по месту требования.

— У вас все в норме? — спросил участковый, когда жена без обуви выскочила наружу.
— Да, — ответил я и отложил топор в сторону, чтобы было ясно, что действительно всё хорошо. К тому же я порядком устал держать эту хрень.
— Так держать, — попрощался участковый и ушёл.

Я последовал его совету и отправился выполнить «предписание», «положение» или как это называется. Шел по памяти, по адресу из белой бумажки. Брел долго, всю ночь. (Стемнело быстро, потому что я выдвинулся только

вечером.) Утром немного подремал, и когда явился в нужное место, был немного свеж. Внутрь меня не пустили. Я им пригрозил, что все расскажу участковому, который их всех прищучит. Тогда они унялись, взяли у меня паспорт и провели внутрь.

Там было много красивых людей, таких же как я, несколько спокойных дам и мужчин в костюмах. Все они друг другу изо рта в уши передавали тихие слова и самое главное: между собой жонглировали белыми бумажками. «Чтобы участвовать в этой игре, — подумал я, — мне тоже нужна моя бумажка». Решив, что бумага не сосиска и переваривается долго, пошел в туалет. Дался мне этот поход легко, так как в прошлый раз я очень плотно покушал у старика. Достав бумажку, помыл ее под краном и обдал ее из баллончика с сиренью. Вернулся обратно в зал. Как раз подступила моя очередь. Меня потребовали к окошку, за которым сидела одна из дам, очень яркая из-за помады. (Я заметил, кстати, что с недавнего времени я начал нравиться женщинам, так как они все на меня кричали.) Она быстро шлепала губами, трясла руками, как сумасшедшая, вызвала какого-то грязно-зеленого человека и долго с ним говорила. Мужчина слушал и двигал своими бровями так сильно, что мне показалось, что они у него отклеятся сейчас. Я заметил ему это. Мужчина исчез и вернулся с буквами на квадратной таблице. Он показал мне на одну из букв и спросил: «Это какая?»
— «В», — ответил я и подумал: «Идиот, читать не умеет».
— А это какая?
— «О».
— А это?
— «Б».
— А эта?
— «Л».
— Это?
— «А».

— Проблемы с психикой были?
— Нет.
Довольный тем, что с моей помощью он узнал пять букв, грязно-зеленый удалился. И я подумал, что всё будет хорошо. И чем больше мне так казалось, тем становилось хуже и хуже. Домой меня не пустили, а отправили сразу в автобус. Прежде чем я загрузился внутрь, меня облил водой небритый мужик в черном и выдал мое оружие — маленький деревянный крестик на веревке. Мужик так и сказал: «Вот твой главный автомат».

В автобусе я долго ждал, пока деревья за окном не стали быстро двигаться. Так я понял, что меня и других людей, занявших соседние места, везут. Я спросил у соседа: «Куда мы?» Он ответил, что мы движемся в Место Убытия. Прибыли мы туда скоро.
Там меня переодели, постригли, заставили побриться, укололи два раза в руку. Потом покормили так сытно, что я чуть не уснул лицом в гречку. Потом посадили в поезд. Внутри было весело: песни. Ехали ночь, ехали день, и привезли нас на голую землю, где я попытался забраться в палатку, но меня туда не пустили. Веселый поезд укатил, а я остался на морозе. Стало до того грустно, что я почти не спал. Утром нашел командира и спросил у него подушку, потому что моим ушам было жестко на сапогах. Как настоящая женщина, командир меня обругал. (Я даже испугался, не нравлюсь ли я ему.) Потом нас повезли стрелять, и это было интересно. Потом кидали гранаты. Потом ходили взад-вперед. Потом копали. Потом нас послали на «передок». «Передком» оказался лес. Если бы там сверху не стреляли, было бы хорошо. Потому что мы постоянно жгли костер. Особенно ночью, потому что палатка, в которой мы жили, хватала рваным ртом снежинки. (Снежинки тут были самые красивые. Я их пытался все переловить, чтобы они поскорее кончились, и сделалось теплее.) Бушлат у меня рос до колен. Ветер в

спину надул мне температуру, но я все равно хотел ребятам помочь, так как привезли бревна. Строили блиндаж. Потом приехал «Урал». Взял нас. Мы приехали в баню, где «гоняли вшей». Потом увезли на «первую линию», где небо было серым, где было больше мертвых, чем живых, где мир был гулким, чужим.

Там я разговаривал с хорошим человеком. Он сказал, что я стану миллионером, когда вернусь. Я спросил, нельзя ли мне сейчас миллион? Он рассмеялся, а потом его убила птица. Она прилетела внезапно, с той стороны. У меня было ведро с патронами. Я набрал в кулак побольше и бросил в птицу. Патроны до этой заразы не долетели, а попадали мне обратно на лицо. От этого я заплакал и даже вообще не испугался. А было страшно, потому что птица возвращалась. Она свистела. Но не что-то веселое, как мы пели в поезде, а одно длинное и острое: у-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у! Я бросил в нее автомат и побежал. А когда перестал бежать, то лежал весь в снегу. Ко мне бежали люди с открытыми ртами. Вокруг была Абсолютная Тишина. Я сидел с этой тишиной в голове: час, день, неделю. Потом она мне надоела, и я попытался выбить ее оттуда ударом. Но ничего подходящего у меня под рукой не было. Я лежал на белой кровати, а мой автомат остался в поле. Поэтому я просто посильнее размахнулся головой и ударил Тишину об стену. Не помогло.

Вот так. Но вообще-то я не помню, что было раньше. Вначале я остался без работы и без жены? Или потом? Вначале ко мне пришла белая бумажка или потом? Доктор, помогите мне разобраться.

ЯН

Меня бомбит

ЛАССЕ, полицейский, около 40 лет.
ИНГРИД, полицейская, 35 лет.
АРИНА, задержанная, около 30 лет.
Место действия: милый шведский участок полиции.

1. Ночь

Кабинет. ЛАССЕ и ИНГРИД сидят за столом. ЛАССЕ засыпает молотый кофе в фильтр и заправляет кофе-машину, ИНГРИД смотрит в компьютер.

Ингрид. Она ждет допроса уже час, Лассе.
Лассе. Сначала — кофе. Я уже никакой.
Ингрид. Всё из-за твоего кофе.
Лассе. Вот ты как думаешь, правильно ты сделала, что арестовала старика Йорга? Ведь ему место на улице.
Ингрид. Тут вариантов быть не может. Разбил бутылку о чужую голову — идешь в тюрьму.
Лассе. Он хотел в тюрьму, поэтому разбил бутылку о голову Нильса. И вот ты его арестовала. Потом его посадят, и наш Йорг получит тапочки, суп и телек.
Ингрид. Пусть, если это плата за покой остальных людей.
Лассе. Ты не заметила одну закономерность.
Ингрид. Ну, расскажи, святоша Лассе. Расскажи мне.
Лассе. Ты все сделала правильно. Ты посадила старика Йорга. На сей раз — за тяжкие телесные повреждения. Раньше он не трогал людей. Только окна и мебель. Что будет дальше, Ингрид? Убийство? Он не хочет на улицу, так? Хочет в тепло. В прошлый раз Йорг отсидел два месяца. Сейчас Йорг сядет на год, на два. Время пролетит быстро. Йорг побродяжничает пару месяцев и захочет обратно, в тюрьму. Значит, в следующий раз он совершит что-то серьезное, чтобы сесть надолго. А ты, честный полицейский, арестуешь его. Я все верно рассказываю?

Ингрид. Йорг надоел всем, даже мне. Но мы не можем оставить его проступок без наказания.
Лассе. Йорг бездомный. Сесть в тюрьму для него — не наказание, а заслуженная награда.
Ингрид. Что же ты предлагаешь? Забыть, что Йорг сделал с головой Нильса? Как мы потом посмотрим Нильсу в глаза?
Лассе. Нильс и Йорг друзья. Судья знает Йорга. Адвокат уже видеть его не может. И даже прокурор хочет спрятаться куда подальше. Никто не хочет увидеть Йорга в суде через год. Вывод: эту цепочку надо оставить.
Ингрид. Йорга исправит только смерть.
Лассе. Или если его отпустят. На улицу.
Ингрид. Ты предлагаешь, может, и русскую эту отпустить?
Лассе. Не меняй тему разговора. Наша система закона приручила Йорга вести себя подобным образом. Мы с тобой, суд и все остальные. Это мы сделали из Йорга преступника.
Ингрид. Русская ждет допроса. Пойдем.
Лассе. Я жду... А, я не включил!

Лассе включает кофе-машину.

Ингрид. Мы бы вообще не арестовали русскую, если бы не поехали купить тебе пачку кофе.

Машина работает. Кофе капает.

Лассе. Нет, Нильс и Йорг подрались, позвонили нам. Йорг упросил Нильса позвонить нам. Мы заехали допросить Нильса о его драке с Йоргом. И заодно мы взяли пачку кофе. А там и обнаружили, что русская…
Ингрид. И тут святоша Лассе увидел, как русская украла два йогурта.
Лассе. Абсурд. Красть низкокалорийные йогурты, если тебе нечего есть.
Ингрид. Нильс сказал, что ничего страшного. Но Лассе, святоша Лассе, не мог отпустить девушку. Лассе жаждет

правосудия. Так почему ты хочешь отпустить Йорга, а русскую — нет?
Лассе. Потому что она нарушила закон.

Кофе перестает капать. Полицейские берут кружки. Лассе идет к камере, открывает дверь и приглашает АРИНУ за стол. Разговор полицейских и АРИНЫ идет по-английски.

Лассе.Объясните еще раз, пожалуйста.
Арина. Меня бомбит. I am bombed.
Лассе. Ваш город бомбят?
Арина. Нет.
Ингрид. Ваши родственники пострадали?
Арина. Возможно. У меня есть украинские корни. Моя бабушка из Харькова.
Лассе. Вас преследуют из-за происхождения?
Арина. Нет.
Ингрид. Но ведь вас преследуют?
Лассе. Что вы тут делаете?
Арина. Я уехала из-за позорной войны, которую начал диктатор, которого я не выбирала. Никто из тех, кого я знаю, его не выбирал.
Ингрид. Вас обманули?
Арина. О, да.
Лассе. Тогда вам стоило обжаловать выборы и назначить другого президента.
Арина. У нас это так не работает.
Лассе. А как работает?
Арина. Мы выходим на площадь, и всех арестовывают. Потом пытками и угрозами выбивают признание в измене родине.
Ингрид. И вас пытали?
Арина. Меня нет. Но я знаю, людей, которых пытали.
Ингрид. Значит, не всех.
Лассе. Они могут подать жалобу на произвол полиции.
Арина. Это тоже не работает.

Лассе. У вас хоть что-то работает?
Арина. Да, есть одна вещь. Преследование. У нас могут преследовать людей из-за их национальности, веры, сексуальной ориентации. За значок с радугой меня могут посадить.
Ингрид. Вас преследовали из-за вашей сексуальной ориентации?
Арина. Нет еще. Но могут.
Ингрид. Нет «еще»?
Арина. Ну меня пока не за что. Я — скучный цисгет. А моих друзей преследовали.
Лассе. У вас какое-то безобразие в стране происходит.
Арина. Именно. Потому я уехала.
Ингрид. Сюда, к нам. Но здесь тоже не все идеально. У нас есть коррупция и нечистые на руку политики. Как и у вас.
Арина. Ваши коррупционеры все же отличаются.
Лассе. Может, вам следовало остаться в России и бороться, вместо того чтобы воровать йогурты в шведском супермаркете и спать на вокзале?
Арина. Мою карту заблокировали из-за санкций. У меня нет денег.
Лассе. Ваша страна напала на другую. Так что ничего удивительного.
Арина. Но не я же лично напала на другую страну. Я не виновата. Мне надо что-то есть.
Лассе. Вы ведь не пострадали.
Арина. Вам кажется. Мне негде даже переночевать.
Ингрид. Сегодня можете поспать у нас.
Арина. Спасибо. А завтра?
Ингрид. Попробуем посадить вас на самолет завтра утром.
Арина. Вы не понимаете... Стоит в Москве выйти на площадь с белым листом бумаги, и тебя арестуют. А то и посадят на пятнадцать лет, если не одобряешь действия правительства. Я не могу туда вернуться.
Лассе. Жаль, что так. Но это не наша проблема, а ваша. Ваше правительство, вам с ним и иметь дело.

Арина. Я не могу вернуться. Ну, поймите же.
Ингрид. У вас совсем ничего нет в России?
Арина. Ничего.
Ингрид. Семья?
Арина. Родители. Но они думают, что эта война нужна.
Ингрид. Но они же не выбирали диктатора?
Арина. Ну…
Лассе. А чем вы занимались в России?
Арина. Да ничем. Работала на государство-людоеда. Потому ушла с работы и уехала в свободную страну. Сюда.
Ингрид. А что вы делали в Швеции?
Лассе. И чем вообще хотите заниматься дальше?
Арина. Я ходила на протесты. Писала посты в фейсбуке. Написала уже на большой тюремный срок. Хочу работать волонтером с беженцами, ехала в лагерь и не доехала. Хочу помогать людям. Да, хочу помогать людям, которым нужна помощь. Возвращаться в Россию не хочу и не могу. Это самоубийство.
Ингрид. Вас ищут?
Арина. Да нет. Никому я там не нужна.
Лассе. И еще штраф за йогурт получите. Три тысячи крон.
Арина. У меня столько нет и не будет.
Лассе. Жаль, но... Это не наша вина.
Ингрид. А местные русские вам помогли?
Арина. Не особо. Все заняты своими делами, как работу не потерять, как деньги родственникам перевести. И все говорят одно и то же. Ты, Арина, должна сама свергнуть свое правительство.
Ингрид. Это сложно. Но у вас получится.
Лассе. Никто, кроме вас, этого не сделает.
Арина. Я не могу вернуться в Россию, пока не падет режим.
Ингрид. А когда он падет? Примерно?
Арина. Я не знаю.
Лассе. Пожалуйста, расскажите мне про кражу йогурта.
Арина. Что рассказать?
Ингрид. Вот вы вошли в магазин и решили украсть йогурт.

Лассе. (*пишет протокол*). Вы хотели украсть йогурт, когда вошли в магазин?
Арина. Конечно, нет. Я хотела купить еды. Но мою карту не приняли. Продавец еще раз провела мою карту. Потом объявила, что русские карты не принимают. Я схватила йогурт и побежала. Кажется, они вызвали полицию. А нет, вы сами пришли. Я отдала йогурт вам, но вы меня арестовали. Так было дело. Что дальше?
Лассе. Вас депортируют, Арина.
Арина. Я не виновата. Я хотела есть. И до сих пор хочу.
Ингрид. Вы вернетесь в Россию и там поможете людям, которые нуждаются в помощи. Как вы и хотели.
Арина. Нет.
Ингрид. Все будет хорошо, Арина. Побудьте пока здесь. Отдайте, пожалуйста, ремень и куртку. Мы хотим убедиться, что вы себе не навредите.
Арина. Зачем мне себе вредить?
Лассе. Люди в отчаянном положении способны на разные вещи.
Арина. Я не в отчаянном положении. Мне просто нужна помощь. Доехать до лагеря беженцев.
Ингрид. Вернемся к разговору через пару часов. Постарайтесь отдохнуть.

Арина отдает ремень и крутку. Ее провожают в камеру. Арина садится на мат в углу. Полицейские выходят. Звонит телефон.

2. Кабинет
Звонит телефон. Ингрид берет трубку. Разговор по телефону и последующий диалог полицейских идет на шведском.

Ингрид. Полиция… Здравствуйте… Как вас зовут?.. Что случилось?.. Как зовут вашего парня?.. Окей… Ваше имя? Ханна? Отлично, меня зовут Ингрид. Пожалуйста,

успокойтесь. Дышите…Куда он мог пойти?.. Какие приметы?.. Он взял телефон?.. Нет… Ясно… Хорошо…. Дайте ваш номер… Пишу… Окей…. Да, сообщим, как узнаем… До свидания…
Лассе. Кто-то пропал?
Ингрид. Кто-то собирается убить себя. Девушка позвонила, что парень шлет ей тревожные сообщения. А потом перестал отвечать на звонки.
Лассе. Насколько тревожные?
Ингрид. (*читает записанный текст*). Моя жизнь без тебя не имеет смысла… Ты пожалеешь об этом… Прощай…
Лассе. Позвоню ребятам. Пусть посмотрят камеры на мосту.
Ингрид. Девушка сказала, что они поссорились.
Лассе. Парень ее обижал?
Ингрид. Нет. Она решила с ним расстаться, потому что он ей не подходит. Слишком скучный.
Лассе. Зато теперь ей весело.
Ингрид. Люди никогда не ценят то, что у них есть.
Лассе. Кто бы говорил.
Ингрид. Ты это про что?
Лассе. Ни про что.
Ингрид. Это не ответ.
Лассе. Все будет хорошо, если все люди станут ходить пешком, есть овощи и заниматься сексом хотя бы раз в неделю. Заботиться о природе. Чистить зубы ирригатором и пи́сать в душе. Экономить бумагу. Все будет хорошо. Но люди не хотят ходить пешком и даже на велосипеде дальше десяти километров никто не поедет. А лично тебя абсолютно не волновали ни беженцы, ни русские до сегодняшнего дня. Не прерывай меня, я тебя не прерывал.

Ингрид и не думала его прерывать.

Лассе. Люди не хотят просто быть вместе и радоваться еде и чистой воде. Люди меняют партнера из-за грязных носков. Люди выбрасывают собак, если они болеют. Люди могут

усыпить кошку или отобрать ребенка. Это все люди делают. А где-то люди друг друга и убивают. И когда такие, как мы с тобой, видим убийство, то кричим: убийство, убийство. А кто-то стоит рядом с убийством, и ему не дают закрыть глаза. И когда этот человек бежит в такое место, как наш город, что мы говорим? Езжай обратно, к убийце. Смотри, как он убивает, останови его голыми руками. Давай. Давай. Что, не можешь? Ты никто. Ты был никем. Ты уже давно мертв. Вот в чем правда. Люди думают только о своем благополучии. Когда мы отправим Арину в ее Россию, она будет искать работу и дом. Она не пойдет ни на какие демонстрации. Она хочет жить. Хочет есть. Хочет спать в кровати, а не в камере. Вот чего хочет любой человек.

Ингрид. Тогда выгони ее сейчас. Чего мы ждем.

Лассе. Сейчас холодно. И она заблудится. А нам потом отвечать.

Ингрид. Вот он. Твой эгоцентризм. «Нам потом отвечать». Это все, что тебя волнует. Тебя пугает ответственность. Тебя пугает сама возможность помочь человеку изменить мир.

Лассе. Никакой мир она не изменит. Уж поверь. Только попадет в еще один переплет. К счастью, далеко отсюда. А ты со своей виной западного человека просто не можешь смириться с тем, что люди иногда не хотят ничего менять в своей жизни и уж тем более в мире. Так что тебе, возможно, стоит, поумерить свой идеализм.

Ингрид. Прости, ты сейчас учишь меня, что я должна думать? Реально? Ты, мужчина, белый, учишь меня, женщину, что я должна думать?

Лассе. Мне нечему тебя учить.

Ингрид. Поищи себе другого партнера, Лассе. Ты мне не подходишь.

Лассе. Вот оно. Как только возник конфликт, так все, пора менять партнера. Да ты просто уходишь от разговора. Боишься, что можешь быть неправа. Но поверь, ты поменяешь партнера, но он будет не лучше меня.

Ингрид. Это еще что?
Лассе. У всех недостатки. Даже у тебя. Особенно у тебя. Особенно у таких, как ты. Идеалистка.
Ингрид. Святоша Лассе. Посмотри в свой глаз. Бревно торчит. Так ты поможешь Арине или нет?
Лассе. Выпускай ее. Выпускай Арину. Пусть получит свой урок.
Ингрид. Это как?
Лассе. Выпускай и все. Если с ней что случится, возьмешь ответственность на себя.
Ингрид. Вот он, Святоша Лассе во всей красе.

3. Несколько часов спустя
Ингрид и Лассе наливают кофе и зевают. Затем отпирают камеру и приглашают сонную Арину в кабинет.

Ингрид. Кофе будете?
Арина. А можно?
Ингрид. Да, и печенье.
Арина. Спасибо. Есть что-то без сахара? Простите, я просто не ем сахар…

Ингрид отходит к кофейнику, наливает две чашки кофе и берет йогурты и ложки. Ставит чашку перед Ариной и собой. Лассе недовольно замечает, что ему чашку не поставили, и идет налить себе кофе. Арина разглядывает йогурты.

Арина. Это же улика.
Ингрид. Я сохраню упаковки для протокола.
Арина. Вы потом не напишете, что я съела йогурт? В России полицейские иногда подкидывают марихуану политическим активистам.
Ингрид. Зачем?
Арина. Чтобы посадить в тюрьму неудобных людей.
Ингрид. Вам подкидывали марихуану?

Арина. Нет. Но я знаю тех, кому…
Лассе. Так почему же вы говорите, что вас бомбит? Что это значит? Это русский обычай – сбрасывать бомбы?
Арина. Похоже на то.

Арина ест йогурт.

Лассе. Как йогурт?
Арина. Так себе.
Лассе. Эти диетические йогурты страшная гадость.
Арина. Зато полезные.
Ингрид. А в России йогурты вкусные?
Арина. Как повезет.
Лассе. Итак, как вы оказались in the middle of nowhere? То есть в нашем городке.
Арина. Я ехала в лагерь для беженцев. Это где-то здесь.
Лассе. (*снова пишет отчет*). Я бы не сказал.
Ингрид. В другой стороне, если быть точной.
Арина. Я поехала не в ту сторону. Денег на билет обратно у меня не было, и я пошла пешком. Вечером пришла сюда. Зашла в магазин. Карта не работала, я пыталась украсть йогурт.
Лассе. Да, спасибо. Я уже написал протокол. Вам надо будет подписать. А что вы будете делать в лагере беженцев?
Арина. Там есть еда. Есть люди, которым я могла бы помочь. Есть другие волонтеры, русские в том числе. Возможно, кто-то из них в таком же положении, как и я. Я много чего умею: готовить, убирать, я легко нахожу язык с детьми.
Лассе. Ясно. А в России вы кем работали? На госслужбе?
Арина. В галерее. Водила экскурсии. Но галерея государственная, и я сбежала. Я не могла больше работать на государство–убийцу.
Лассе. А в Швеции вы тоже планируете водить экскурсии?
Арина. Почему нет?

Арина. Нет. Но я знаю тех, кому…
Лассе. Так почему же вы говорите, что вас бомбит? Что это значит? Это русский обычай – сбрасывать бомбы?
Арина. Похоже на то.

Арина ест йогурт.

Лассе. Как йогурт?
Арина. Так себе.
Лассе. Эти диетические йогурты страшная гадость.
Арина. Зато полезные.
Ингрид. А в России йогурты вкусные?
Арина. Как повезет.
Лассе. Итак, как вы оказались in the middle of nowhere? То есть в нашем городке.
Арина. Я ехала в лагерь для беженцев. Это где-то здесь.
Лассе. (*снова пишет отчет*). Я бы не сказал.
Ингрид. В другой стороне, если быть точной.
Арина. Я поехала не в ту сторону. Денег на билет обратно у меня не было, и я пошла пешком. Вечером пришла сюда. Зашла в магазин. Карта не работала, я пыталась украсть йогурт.
Лассе. Да, спасибо. Я уже написал протокол. Вам надо будет подписать. А что вы будете делать в лагере беженцев?
Арина. Там есть еда. Есть люди, которым я могла бы помочь. Есть другие волонтеры, русские в том числе. Возможно, кто-то из них в таком же положении, как и я. Я много чего умею: готовить, убирать, я легко нахожу язык с детьми.
Лассе. Ясно. А в России вы кем работали? На госслужбе?
Арина. В галерее. Водила экскурсии. Но галерея государственная, и я сбежала. Я не могла больше работать на государство–убийцу.
Лассе. А в Швеции вы тоже планируете водить экскурсии?
Арина. Почему нет?

Ингрид. У нас много галерей. И дизайнерских магазинов.
Арина. Я люблю искусство. Арт. Дизайн. Моду.
Лассе. Есть люди, которые лишились домов из-за войны. И работы. И родных. А у вас все есть.
Арина. Больше нет.
Ингрид. Вас выгнали из страны?
Арина. Да нет. У нас предпочитают помучить людей. Я уехала сама.
Лассе. Но ведь у вас все было. Вы сами отказались.
Арина. У меня нет ничего.
Ингрид. Но семья есть?
Арина. Мои родители поддерживают войну.
Ингрид. Так они голосовали за диктатора?
Арина. В общем... Не знаю.
Ингрид. Тогда вы должны переубедить их!
Арина. Вы не понимаете, они смотрят пропаганду целыми днями.
Ингрид. Значит, покажите им европейские новости. Американские. Или независимые медиа ваших журналистов. В ютубе.
Арина. А-а-а-а-а-а-а-а.....
Ингрид. Вы должны попробовать. Мои родители не понимали мое вегетарианство, но я убедила их уменьшить количество потребляемого мяса. Я показала им фото и видео с ферм. Они были в шоке. Вы тоже можете показать вашим родителям видео, где ваша армия совершает разные преступления. Ваши родители постепенно поймут, что неправы. Или хотя бы начнут сомневаться.
Арина. Нет. Я устала с ними разговаривать. Они бросают трубку, неделями не отвечают на сообщения. Обвиняют меня в измене родине. Меня. Но ведь я люблю свою страну, народ, но не могу любить правительство. Я пытаюсь помочь своей стране, а меня считают предательницей.
Лассе. То есть вы отказываетесь высказывать свою гражданскую позицию в России, приезжаете в Швецию, говорите, что вы против войны, просите нас помочь вам,

хотите остаться здесь жить, непонятно чем заниматься, и домой ехать не собираетесь. Я все правильно понял?
Арина. Я собираюсь приехать в Россию. Когда режим падет.
Ингрид. Без вас режим не падет. Надо подтолкнуть.
Арина. Я не хочу в тюрьму.
Ингрид. Вы должны свергнуть диктатора. Вы говорили, что вас таких много.
Арина. Таких?
Лассе. Тех, кто против войны.
Арина. Ну, да.
Лассе. Почему бы вам, наконец, не объединиться у себя в стране и не сменить руководство, вместо того чтобы приезжать в другую страну и требовать убежища? Ваша страна бомбит другую. Вам надо остановить войну.
Арина. Мы боимся. Мы сбиты с толку. Нас всех бомбит.
Ингрид. Не бойтесь.
Арина. За мои посты в фейсбуке мне могут назначить штраф больше, чем за этот йогурт.
Лассе. Но то штраф за правое дело. А здесь вы просто воровка. Йогурта.
Ингрид. Да, на родине вы бы стали героиней.
Арина. Я не хочу быть героиней.
Ингрид. Вы должны очистить вашу страну от грязи и начать с чистого листа.
Арина. Этим моя страна и занимается, причем регулярно. Сейчас Россию чистят от таких, как я. Они уже сотни лет чистят Россию от умных людей. Я, конечно, не очень умная.
Ингрид. Вы нужны своей стране. Вернитесь и исправьте все.
Лассе. На ваших глазах свершается история, а вы сбежали.
Арина. Но мне страшно.
Ингрид. Исторические события всегда пугают. Но вы можете стать не просто наблюдателем, а участником.
Арина. Я не хочу участвовать в истории. Я хочу, чтоб не было войны.

Лассе. Как же вы можете помешать войне здесь?
Арина. Я надеялась... На знакомых.... Друзей... Но всех волнует только то, что касается лично их. Никто не хочет помочь мне.
Лассе. Это вы должны помочь. Своей стране.
Ингрид. Вот вас вряд ли интересуют войны в арабских странах и в Африке.
Арина. Что вы имеете в виду?
Ингрид. Среднего белого европейца не волнуют арабы и африканцы, которые гибнут каждый день.
Арина. Вы неправы. Мне жалко всех. Мне жалко китов, которые задыхаются от пластика. Мне жалко сибирские леса, которые вырубают и везут в Китай.
Ингрид. Так вернитесь и защитите сибирские леса. Привяжите себя к дереву. Залезьте на нефтяные танкеры. Выйдите уже из своей норки и поменяйте хоть что-то сами. Это кажется страшным, пока не попробуешь.
Арина. Я не хочу себя никуда привязывать. И под колеса бульдозеров не хочу.
Ингрид. В школе мы с одноклассниками однажды остановили вырубку одного сломанного дуба. Просто встали перед лесорубами, и они ушли.
Арина. В России вас бы разогнали дубинками. Я боюсь протестовать в России.
Лассе. Но и здесь вы тоже ничего особо не сделали.
Арина. Я пыталась. Пыталась протестовать. Пыталась помочь беженцам. Пыталась рассказать людям правду. Пыталась повлиять на родителей. Я пыталась. Вселенная не откликнулась. Друзья лайкают посты и пишут, что ничем не могут помочь. Русские, которые, как я, уехали, не отвечают на сообщения. Им не до меня. Я очень-очень старалась. Правда.
Ингрид. Вы можете стараться в России. Протестовать. Говорить правду.
Арина. За правду меня могут закрыть. Я не хочу в тюрьму. Не хочу.

Лассе. Вы должны бороться с режимом в вашей стране.
Арина. Я хочу бороться с режимом России здесь.
Ингрид. Слишком далеко от России. Вы должны быть там, где вершится история.
Арина. Может, вы мне предлагаете поехать в зону боевых действий.
Лассе. Боюсь, что здесь от вас мало проку.
Ингрид. Здесь вы не нужны. Вы нужны в России.
Арина. Но я — хороший человек. Я могу жить где угодно.
Ингрид. Какой вы человек? Кто вы, Арина?

Пауза.

Арина. Не знаю. Обычная девушка тридцати лет с обычными проблемами. Работала на нелюбимой работе, ходила на выставки, общалась с художниками и политическими активистами. Пыталась вести достойную жизнь. Иногда путешествовала. Помогала тем, кто нуждается в помощи. Сортировала мусор. Ходила пешком, ездила на работу на велосипеде и самокате. Брала одежду на свопе. Покупала еду в zero-waste магазинах. Фотографировала друзей на пленочную камеру. Иногда волонтерила. Ходила на протесты. Иногда. Гуляла с друзьями. Спорила с родителями по телефону. Жила на съемной квартире с подругой. Теперь все разрушено. Все. Меня просто бомбит.
Лассе. Я выйду на минуту. Надо найти вам рейс и распечатать протокол.
Арина. Вы вышлете меня?
Лассе. Да, утром.
Арина. Что мне делать?
Лассе. А что нам делать, Арина? Что вы нам предлагаете? Мы должны охранять порядок в тихом городке, а не решать проблемы вашей страны.
Арина. Помогите мне. Как люди, а не как полицейские.

Лассе. Как человек, я вас искренне не понимаю. Вы живете практически без проблем, но проблемы есть в вашей стране, и вы не решаете проблемы своего народа, своей страны, зато едете сюда и говорите нам, что делать. И потом, мы не можем вас держать. Камера пригодится для преступников посерьезнее.

Звонит телефон. Звонок обрывается. Лассе выходит.

Ингрид. Все будет хорошо.
Арина. А-а-а-а-а-а.....

Пауза.

Ингрид. У вас, наверное, есть кому помочь. Родители. Или коллеги с работы. Или друзья.
Арина. Родители не отвечают. Друзья лайкают посты, но помочь не могут. С работы написали, что я никогда там не работала и никому не говорила, что я там работала.
Ингрид. Это так грустно. Мне тоже иногда бывает одиноко.
Арина. И что вы делаете?
Ингрид. У меня есть родители. Они всегда утешают меня. Говорят, что у меня все получится.
Арина. А-а-а-а-а-а-а....
Ингрид. Я с детства помогала людям. Старикам и людям с ограниченными возможностями. Спасала щенят.
Арина. Я тоже. Таскала щенят и котят домой.
Ингрид. Вы пристраивали их?
Арина. Родители обычно говорили, что отнесли их соседям.
Ингрид. Вы волонтерите, помогаете кому-то?
Арина. У меня есть опыт, да. Я жертвую иногда на благотворительность. Иногда волонтерила с зелеными. Но не регулярно. Отдаю вещи беженцам. Сортирую мусор.
Ингрид. Помогать — важно. Когда человек думает только о себе, мир ему всегда кажется неправильным, бессмысленным. Но это не так. В этом мире столько всего...

У вас есть партнер?
Арина. Нет.
Ингрид. А животное? Вас кто-то ждет?
Арина. Родители ждут. Чтобы сводить с ума.
Ингрид. Отпустите это.

Входит Лассе.

Лассе. Ингрид, можно тебя?
Ингрид. Самоубийца?
Лассе. Нет, не звонил.
Ингрид. Срочно?
Лассе. Ну, да. Это насчет Арины.
Арина. Какой самоубийца?
Ингрид. Один парень. Его бросила девушка. Грозился свести счеты с жизнью.
Арина. Почему?
Ингрид. Сказал, что его жизнь не имеет больше смысла.
Арина. Все так озабочены смыслом жизни. Надо же.
Лассе. (*Арине*). Мы на минуту. Без фокусов, пожалуйста.
Арина. Тут особо не до фокусов.

Ингрид выходит из кабинета к Лассе.

Лассе. (*тихо*). Проблема с самолетами.
Ингрид. Нет самолетов?
Лассе. Прямых рейсов нет. С пересадками — надо ждать ответа. Это может занять день-два.
Ингрид. Оставим ее тут?
Лассе. Я звонил в консульство, они спросили основание депортации, я им рассказал про йогурт, и они меня подняли на смех. У них куча шведов, которые бегут из России и Украины, им не до ворованного йогурта.
Ингрид. Да и йогурт мы съели. Подержим ее, пока они решают?
Лассе. На деньги наших налогоплательщиков? Нет.

Ингрид. Ты ставил ей штамп?
Лассе. Еще нет. Я позвоню в магазин.
Ингрид. Ты попросишь их отозвать жалобу?
Лассе. Именно.
Ингрид. Но это неправильно. Она нарушила порядок.
Лассе. С твоей верой в добро ты не учитываешь, что некоторым людям и правда нечего есть.
Ингрид. Или кого-то бомбит.
Лассе. Я звоню.
Ингрид. Я поговорю с ней.

Ингрид заходит в кабинет. Арина спит за столом. Звонок телефона. Ингрид берет трубку.

Ингрид. Полиция... А, Ханна… Да, здравствуйте еще раз... Нет, не слышали... Что?.. Опять?.. И что вы ему сказали?.. О боже, нет... Перезвоните ему... Вы перезвонили?.. И что он... Не отвечает... Ясно... Мы сообщим, хорошо... Простите, но нам пора.... Спасибо... Запишите номер своей заявки.... 654... Да, да....

Ингрид кладет трубку.

Лассе. Наш самоубийца объявился?
Ингрид. Да, позвонил девушке. Она сказала, что рада тому, что он сдохнет. Потом перезвонила, он не берет трубку.
Лассе. Грязные носки.
Ингрид. Он не разбрасывал грязные носки. Просто девушка сочла его скучным.
Лассе. Некоторые люди просто выкидывают грязные носки.
Ингрид. Ты записал показания Арины?
Лассе. Да. Протокол готов.
Ингрид. Полежу немного на диване.
Лассе. Иди.

Ингрид выходит. Лассе смотрит в блокнот около телефона. Набирает номер с мобильного и выходит в коридор.

Лассе. Алло... Ханна?.. Это полиция… Да, хочу поговорить с вами про вашего парня... Нет, не звонил... Я только хотел сказать, что не стоит так бросать человека, если он не подходит... Знаете, как грязные носки. Некоторые люди просто выбрасывают грязные носки, чтобы не стирать, и покупают новые. Не надо так. А, что?... Алло!... Эй!

Кладет трубку, словно она стала горячей. Возвращается в кабинет. Садится около компьютера, находит что-то. Звонит.

Лассе. Алло. Магазин?

4. Утро

Лассе и Ингрид сидят за столом в кабинете. Арина просыпается и в ужасе осматривается.

Лассе. Доброе утро.
Ингрид. Доброе утро.
Лассе. Вы можете идти. Душ к вашим услугам.
Арина. Вы меня отпускаете?
Лассе. Именно.

Ингрид протягивает Арине полотенце. Указывает на рюкзак Арины в углу.

Ингрид. Здесь ваши вещи. И пара бутербродов.
Арина. А штраф? А депортация? А самолет?
Лассе. Магазин отозвал жалобу.
Арина. А деньги за йогурт? Я же не заплатила.
Ингрид. Мы решили эту проблему.
Арина. Мне что, просто уйти? А что мне делать? Куда идти? Куда?

Лассе. Куда хотите. И пусть вас больше не бомбит.
Ингрид. Это ваш шанс спасти мир.
Арина. Но…

Ингрид вручает полотенце и рюкзак Арине.

Арина. А у вас найдется немного зубной пасты?
Ингрид. Да, там все есть.
Арина. Спасибо большое.
Лассе. Идите-идите. До конца коридора, дверь у туалета.

Арина идет в душ. Лассе вздыхает и садится. Ингрид садится рядом. Разговор идет на шведском языке.

Ингрид. Она должна справиться сама.
Лассе. Такие в жизни не справятся сами. И потопят всех, кто пытается помочь.
Ингрид. Тогда зачем мы помогаем ей сейчас? Мы могли отправить ее обратно.
Лассе. Чтобы она тут торчала неделю и ждала самолет. Нет уж. Пусть едет к беженцам, где ей самое место.
Ингрид. Мы слишком добрые.
Лассе. Я тебя не узнаю. Ты у нас жалеешь бездомных и хулиганов обычно. Разговариваешь с насильниками, в которых я даже плюнуть брезгую. А тут что, обычный человек в беде. И ты вся навострилась: пусть она спасает мир. Пошли ее в ее долбаную тоталитарную страну, она же сможет там все изменить. Так вот ни черта она там не сделает. Неважно, сейчас она полетит в Россию или через месяц. От нее никакого толку. Такие, как Арина, умеют только жаловаться. Такие будут говорить, что не могут дышать воздухом своей страны. Что Россия отравлена. Что Россия — выжженное поле. Как будто эти люди не выросли в России. Не получили образование. Не ели еду, которая выросла в России. И потом эти люди приезжают сюда и говорят, что хотят жить здесь. Где гарантии, что Арина не

скажет через месяц, что Швеция ей не подходит. Высокие налоги, много правил...

Входит Арина с мокрыми волосами. Говорят на английском.

Арина. Простите.
Лассе. Что-то случилось?
Арина. Можно мне постирать одежду? Буквально белье и футболку.
Ингрид. Да, конечно. Можете брать мыло. Порошка не держим.
Арина. Спасибо (*выходит*).

Лассе и Ингрид продолжают разговор на шведском.

Лассе. Если у тебя есть еще варианты, то предлагай.
Ингрид. Нет.
Лассе. Тогда отпускаем ее и едем домой. Осталось полчаса до конца смены.
Ингрид. Полчаса иногда – целая вечность.
Лассе. А что с самоубийцей?

Заходит Арина с кучей мокрого белья в руках. Белье капает.

Арина. Простите. А где можно повесить, посушить немного? Оно слишком мокрое, чтоб нести.
Лассе. Не знаю.
Ингрид. В бойлерной. Там горячая труба. Я там часто подсушиваю что-то.

Ингрид и Арина выходят. Лассе включает фильтр-машину. Смотрит, как капает кофе. Ингрид и Арина возвращаются. Все смотрят, как капает кофе.

Ингрид. Можно выключать.
Лассе. Ты всегда торопишься.

Ингрид. Вовсе нет.

Звонок телефона. Шорох рации. Ингрид вскакивает как ошпаренная и несется к телефону. Берет трубку.

Ингрид. Угу… Ага… Окей… Едем… (*Лассе*) Самоубийца на мосту.

Полицейские хватают по чашке кофе и, обжигаясь, пьют. Арина пьет тоже.

Арина. Я могу помочь?
Ингрид. Вы умеете отговаривать самоубийц?
Арина. Могу попробовать.
Лассе. Не стоит. Просто езжайте с нами. Заодно докинем до Мальмё, если разделаемся быстро.

Выходят.

5. Мост
Арина и полицейские сидят на скамейке. Ингрид наливает в стаканчики кофе из термоса.

Лассе. С вами точно все будет хорошо?
Арина. Да, волонтер заберет меня с этой площади на машине. Через час.
Ингрид. Мы можем подождать вместе. Наша смена кончилась.
Арина. Со мной все будет хорошо. Правда
Лассе. Надеюсь.
Арина. Самоубийца так и не нашелся.
Ингрид. Наверное, поехал к девушке.
Лассе. Или нашел другой мост. Повыше.
Арина. Спасибо вам за помощь.
Лассе. Вы уже решили, что будете делать дальше?
Арина. Приеду в лагерь. Там решу.

Ингрид. Вы найдете себя.
Лассе. У вас все получится.
Ингрид. Вы — хороший человек, Арина.
Арина. Я не знаю.
Ингрид. Надо верить в себя.
Лассе. Однажды все изменится. Вы вернетесь в свою страну и поменяете ее к лучшему.
Ингрид. Все будет хорошо.
Арина. Вы верите в это?
Ингрид. Мы верим в вас.
Арина. Правда?
Лассе. Правда. Нам пора домой.
Ингрид. Вы не заблудитесь?
Арина. Надеюсь.
Ингрид. Прощайте.

Ингрид неловко обнимает Арину. Полицейские уходят. Арина допивает кофе.

6. Участок.
Месяц спустя. Лассе и Ингрид сидят за столом. Ингрид читает книгу, Лассе что-то печатает на компьютере. Телефон звонит. Лассе и Ингрид переглядываются.

Ингрид. Твоя очередь.

Лассе берет трубку.

Лассе. Полиция.
Арина. Лассе?
Лассе. О, Боже, Арина. Это вы?

Ингрид подходит к Лассе и подслушивает.

Лассе. Как в лагере?

Арина. Там было хорошо. Я помогала беженцам. Почти всех расселили. Я уехала в Россию. Послушайте, разговор с Швецией стоит миллионы. Так что я быстро. Я хотела просто поговорить с кем-то, кто в меня верит.
Лассе. Как там в России? Протесты?
Арина. Да нет. Все спрятались по углам и пытаются выжить. Люди ходят в кино и театр, тихо говорят о войне. Те, кто уехал, пишут, что мы тут мало протестуем. Но нам не до этого.
Лассе. А что вы делаете?
Арина. Вожу экскурсии для людей с особенностями развития. В частной галерее.
Лассе. Это хорошее дело.
Арина. Наверное.
Лассе. Вы помогаете людям, которые нуждаются в помощи.
Арина. Вы знаете, я не вижу никакого смысла помогать людям. Я не вижу смысла больше ни в чем.

Пауза.

Ингрид. Скажи ей что-нибудь.
Лассе. Ваша жизнь имеет смысл.
Арина. Я виновата в том, что происходит. Виновата я, моя работа, мои маленькие мечты. Я и такие, как я, виноваты в войне. Во всем. Это моя вина. Маленькие добрые дела больше никому не нужны. Это все – пф! Ничто.
Лассе. Послушайте, все эти ваши рассуждения о коллективной вине — просто уловки.
Арина. Да, мне нравится чувствовать себя виноватой. Так я хотя бы могу смириться с тем, что нас, русских, все ненавидят. Потому что мы ничего не сделали.
Лассе. Вы давите на жалость, Арина.
Ингрид. Святоша Лассе.
Арина. Ингрид!
Ингрид. Привет, Арина. Как твоя семья?

Арина. Смотрят пропаганду в соседней комнате. Я вышла на балкон подышать воздухом. У нас снег с дождем. А ведь уже апрель.
Ингрид. У вас все получится Арина.
Арина. Я не делаю ничего такого, что бы могло получиться или не получиться.
Ингрид. Вы живете.
Арина. Я общалась там со всеми этими людьми. Они рассказывали мне свои истории. Кто лишился ноги, кто лишился ребенка, кто лишился дома, и все лишились страны. Я слушала, плакала, потом уже не могла плакать. В какой-то момент все истории слились в одну протяженную боль, и я уже не могла ничего чувствовать. Знаете, так бывает, когда ты уже не можешь чувствовать боль. Боль притупляется. Я пробыла в лагере месяц. А, да, я говорила. Я работала с детьми. В последний день одна женщина, моя ровесница с двумя детьми, попросила устроить день рождения для ее сына. Я играла и танцевала с детьми. Я надела костюм панды, кигуруми, знаете? Ну, вот, я танцевала с детьми, потом женщина, мать мальчика зовет меня съесть кусок торта. Я отказалась. Вы знаете, я не ем сладкое. Женщина... Она рассказала мне, что не хотела уезжать из города из-за ее родителей. Там шли бомбежки. Женщина с детьми пряталась в подвале. Родители женщины жили рядом, прятались в соседнем доме. Так вот, женщина не хотела ехать с детьми, чтобы не оставлять родителей одних. Ну, вот, а родители очень хотели помочь женщине решиться. Они приняли решение.... Они повесились оба. В своем подвале. Женщина увидела их на веревке, соседи помогли снять тела и закопать во дворе. Женщина взяла детей, и они уехали на первом автобусе в Польшу. Потом ей помогли в сообществе писателей найти жилье здесь, в Швеции. Женщина сказала, что им дали дом, о каком она не мечтала в Украине. Она так это говорила, как робот, знаете? Говорила за столом, где дети сидели и ели торт с кока-колой. Она говорила про смерть своих

родителей. Говорила про свой новый дом таким голосом. Она не могла чувствовать свою боль. И она подарила ее мне. Мне стало больно, как никогда в жизни. Я встала из-за стола и пошла за вещами. Я могла дышать только когда шла. Я ушла из лагеря. Утром я была у консульства. Они не хотели помогать, но какие-то женщины, местные русские, собрали мне денег на билет. Вечером я улетела. С пересадкой в Стамбуле. Ночью я спала в аэропорту, а утром съездила в Стамбул. Я там никогда не была. Я сняла костюм панды, там было жарко. Я ходила по улицам, там так хорошо пахло. Острый такой запах. Ветер с моря. Жарко. И я купила на последние евро турецкий кофе и такую штуку, чтоб варить кофе. Я поехала в аэропорт. И вот я прилетела сюда, в Москву. Тут снег, дождь, холодно. Я снова надела костюм панды, в нем было тепло, пока я не промокла. И вот я здесь. На балконе у родителей. Я говорю это все вам. Я передаю вам свою боль, чужую боль. Понимаете, война — это рана. Она как открытая рана, как вагина, порождает боль, протяженную боль. А как тот самоубийца?

Лассе. Какой самоубийца?

Ингрид. Такой, Лассе. Ты уже и забыл.

Арина. Вы искали самоубийцу, который поссорился с девушкой.

Ингрид. Девушка его бросила, вы знаете, да? Потом они помирились и пару недель все было хорошо. А потом они поссорились, и...

Арина. Так чем всё кончилось?

Лассе. Ну, он упал с моста и разбился.

Арина. Я думала, он только хочет напугать девушку.

Лассе. Он хотел напугать девушку. Но ему помогли упасть.

Арина. Кто-то столкнул его с моста?

Ингрид. Да. Кто-то столкнул самоубийцу с моста.

Арина. Как девушка? Она не ожидала, что так случится.

Лассе. Ханна. С ней все нормально. А вы?

Арина. У меня тут тоже все нормально.

Ингрид. Вы сможете изменить свою страну к лучшему.
Арина. Я так не думаю. Я сижу в своем уголке и веду тихую жизнь. Люди ходят в кино и театр, говорят о политике, о высоких ценах, о санкциях. Ничего не поменялось. Мы проиграли.
Ингрид. Сейчас вы в отчаянии, но все изменится.
Арина. Знаете, я не могу тратить миллионы на разговор с Швецией. Я пойду.
Лассе. Может, мы оставим свои номера. Можете написать сообщение. Не звонить. Просто, если вам нужна будет помощь.
Арина. Но мне не нужна ваша помощь. Спасибо большое.
Ингрид. У вас все получится, Арина.
Арина. Нет, Ингрид. Уже не получится. Моя страна всегда будет воевать.
Ингрид. Это только от вас зависит, я Арина. Будущее вашей страны.
Арина. Сомневаюсь, Ингрид.
Лассе. Если вам нужна будет помощь...
Арина. Прощайте.

Бросает трубку.

Ингрид. Ты хотел ей помочь.
Лассе. Да, хотел.
Ингрид. Похоже, ей не нужна твоя помощь.
Лассе. Да, похоже.
Ингрид. Да, да, да.
Лассе. Она не просила помощи, но нуждалась в помощи.
Ингрид. И рассказала эту ужасную историю. Это то, что она хотела. Она хотела поделиться своей болью. Чужой болью. Она не хотела никакой помощи.
Лассе. Люди не всегда знают, нужна ли им помощь.
Ингрид. Ты вытолкнул Йорга на улицу. Ты помог ему, да, ты помог ему. Только вот Йорг вышел из суда, пошел в магазин, да и сделал то, что сделал. Предумышленное, Лассе.

Он понял, чего хочет. Совершить преступление, за которое сядет на много лет. Благодаря тебе, Лассе. Благодаря твоей высокомерной помощи.
Лассе. Не я его оправдал, а судья и прокурор.
Ингрид. Ага, твои товарищи по рыбалке. Ваши дети ходят в одну школу. А Нильс, старина Нильс пожалел бедного Йорга и отозвал жалобу. Отозвал жалобу на Йорга, как отозвал жалобу на русскую месяц назад. Что-то я не верю, что все это случайно, Лассе. Сдается мне, что это сговор. И ты, и все это твое желание помочь тому причиной.
Лассе. Это не я спихнул самоубийцу с моста.
Ингрид. Это сделали мы. Мы все виноваты в этом преступлении.
Лассе. Может, мы виноваты и в том, что где-то до сих пор идут войны?
Ингрид. Да, Лассе. Кто же еще?
Лассе. Те, кто воюет.
Ингрид. Воюют люди. Мы с тобой люди. Значит, мы виноваты.
Лассе. Не впутывай меня, пожалуйста. Я избавил наших граждан от Йорга. Избавил от русской воровки, которая вдруг поняла, что ее жизнь не имеет смысла. Я помог всем, Ингрид. Не надо обвинять меня, что где-то идет война.
Ингрид. Не забудь, что Йорг убил Нильса, Лассе.
Лассе. Он убил бы его позже. Разница-то.
Ингрид. А теперь скажи, что-то поменялось бы, если бы ты не помог русской?
Лассе. Она была бы в России на месяц раньше.
Ингрид. Что-то поменялось бы, если бы ты не добился освобождения Йорга?
Лассе. Он бы убил Нильса годом позже.
Ингрид. То есть от твоей помощи ничего особо не поменялось, так?
Лассе. Да, Ингрид. Ты, как обычно, права.
Ингрид. И наша помощь беженцам и всем этим бедным людям. Это меняет что-то? Это имеет значение?

А наша с тобой работа? Следить за порядком. Это вообще имеет значение?

Лассе. Ты бы не работала полицейской, если бы не задавала себе этот вопрос каждый день. Но, возможно, мы как-то влияем на этот мир. Возможно, наши усилия имеют значение. Возможно.

Ингрид. И последнее, Лассе. Мы помогли Арине. Мы арестовали Йорга. Мы вернули порядок в наш город. Тогда почему у меня ощущение, что все вокруг взрывается и горит?

Лассе. Тебя просто бомбит.

Дарья Жарская

СТЕПЬ

— Придет повестка — значит, пойдешь, — сказала мать.

И добавила:

— Я понимаю, как тебе тяжело. Если я могу чем-то тебя поддержать — скажи.

— Я никуда не пойду ни по какой повестке, — ответил я. — Ни убивать, ни умирать я не хочу. И если ты хочешь меня поддержать, помоги мне уехать. У меня накоплений тысяч шестьдесят. Я заработаю и вышлю тебе деньги обратно.

— Что значит «не хочу»? Родина приказала — значит, пойдешь.

Дальше начался скандал, из которого я узнал, что родина — это государство, что даже если оно ошибается, я должен его поддерживать, и что мать во всем мне поможет, если только я не буду трусом и предателем. То есть, если я стану пушечным мясом и пойду убивать и умирать.

Мать, которая, когда я учился то ли в третьем, то ли в пятом классе, как-то прибежала в класс, прямо на урок, и произнесла целую речь о том, что я домашний мальчик, вдумчивый, просила, нет, умоляла других детей в нашей обычной школе меня не обижать и не отвлекать от уроков.

Мать, которая потом, когда я не поступил в Строгановку, говорила, что любит меня несмотря ни на что, и что ей важно иметь доброго сына, а не сына-художника.

Мать, которая, когда я не нашел никакой работы, кроме курьерской, говорила, что я могу теперь досконально узнать

город, нарисовать его и когда-нибудь художником все-таки стать. Без всякой Строгановки!

Она еще что-то орала про долг, про войну с Западом за русский мир, махала руками, а я собирал вещи, она выхватывала их у меня из рук и не давала засунуть в рюкзак. Я оделся и ушел, хлопнув дверью. Какое-то время просто шлялся по улицам, потом вспомнил, что она собиралась в магазин, вернулся к подъезду, поднялся на этаж, убедился, что она еще дома и стал ждать. Она ушла, но я не смог найти рюкзак, она то ли забрала его, то ли выбросила. Я наскоро запихнул какую-то одежду, зубную щетку и пасту, ноутбук и что-то еще в свой курьерский короб. Поискал наличные, нашел только пятнадцать тысяч, их тоже взял. Мне нужно было где-то посидеть и подумать — куда, как мне уезжать с семьюдесятью пятью тысячами рублей в кармане. Я выбрал «Макдоналдс», сел там между двумя компаниями школьников. Мне хоть и двадцать четыре, но я выгляжу моложе, даже если будет облава, смогу с ними смешаться и уйти.

***

Тг-каналы сообщали мне, что Верхний Ларс прочно стоит уже несколько суток. Туда ехал БТР, всюду были его фотографии и домыслы — он едет, чтобы закрыть границу? Чтобы раздать повестки всем мужчинам? А может быть, что-то начинается в Грузии?

На границе с Казахстаном было не намного лучше, пробки огромные, кроме того, там часто разворачивали.

Европа была мне недоступна, Беларусь — бессмысленна, там развернули бы почти наверняка.

В общем, вариант подсесть к кому-то в машину, поехать на автобусе или маршрутке отпадал.

«Здравствуйте, как в 24 года сейчас уехать из России, если почти нет денег и везде пробки?» — спросил я в группе «Пора валить» в фейсбуке.

Через несколько минут в личку пришло сообщение: *поезд Кисловодск – Новокузнецк, он останавливается в Петропавловске, это Казахстан, берете билет до следующей после Петропавловска станции, в Петропавловске выходите покурить и не возвращаетесь. Удачи!*

Я купил самый дешевый кофе в палатке и стал думать, как с наименьшими затратами добраться до Кисловодска.

***

Я долго голосовал, никто не останавливался. Наверно, потому, что я выглядел странно — в цивильной одежде, но с коробом курьера. Может, думали, что машина провоняет едой.

Автобусами я доехал до МКАДа, вышел на остановке, самой близкой к трассе «Дон», миновал развязку-бабочку и зашагал вдоль полос, ведущих в область.

Идти было тяжело, трудно дышать. От выхлопных газов, или от страха, или от всего сразу.

Когда я в следующий раз увижу Москву, подумал я. А в следующую секунду: да и черт с ней.

Важно спастись.

Я дошел до автомойки «Пятое колесо», увидел, как оттуда вышел кавказец и сел в вишневый минивэн. Я подбежал к кабине и спросил, не подвезет ли он меня. Он спросил, куда, и тут я понял, что не то что не придумал никакой легенды, а даже не решил, нужна ли она. И вообще — а куда я еду, где

моя следующая остановка, как добраться до Кисловодска?

И есть ли вообще билеты на этот поезд? Может быть, их раскупили давно.

— Так куда едем, парень? — спросил он.

Я решил рискнуть.

— Вообще мне в Кисловодск, — сказал я. — Но я понимаю, вам туда не надо, давайте я доеду до вашего города, а там выйду.

— А ты откуда знаешь, куда мне надо? Ну давай, садись, я в Воронеж еду.

— Это же бесплатно? — спросил я уже в машине.

— Бесплатно, бесплатно. А что у тебя за сумка такая? Такие курьеры носят.

— А это списанная, — начал врать я. — Я раньше курьером работал. Ну они мне ее и отдали.

— Зачем тебе в Кисловодск?

— Там друг у меня живет, давно не виделись.

До Воронежа мы почти всю дорогу молчали. Напоследок он сказал как бы невзначай:

— Ларс стоит четвертые сутки. Зря ты туда намылился. Не хочешь воевать — ну пересиди где-нибудь в деревне, все ж кончится, скоро мы победим.

— Я и вправду к другу еду, — сказал я. Прозвучало по-идиотски.

— Ну, к другу так к другу. А вообще могу тебе в Осетии адрес дать, там сестры моей сын отсиживается, такой же «герой», как ты. Это частный дом, там люди пожилые живут, им помогать надо. Поедешь?

— Спасибо, — сказал я. — Мне в Осетию не по пути.

***

Минивэн уехал. Я понял, что я (вроде бы) в Воронеже, похоже, на окраине. Уже вечер, стемнело, куда ехать дальше и с кем?

Нет, лучше всего сейчас было бы пойти поспать. Но где? Деньги я экономил, тратить на гостиницы не хотел. Кроме того, было страшно, что границы закроют. Значит, надо спешить.

Я купил в палатке самый дешевый кофе и какую-то булку и пошел искать, кто отвезет меня до Кисловодска. Желательно бесплатно. Машин, как назло, почти не было, а если я голосовал, никто не останавливался.

В общем, это было глупо — в городе, в спальном районе (похоже) искать машину, которая отвезет меня за несколько сотен километров.

Я шел, проходил мимо дворов, из одного слышались крики, похоже, провожали кого-то на войну.

В другом дворе что-то не поделили мигранты.

Я вспомнил, что мой друг (один из немногих моих друзей) еще в начале войны дал мне ссылку на какой-то

телеграм-канал для эмигрантов с ботом, который помогает. Я нашел в переписке этот канал и бота. Мы договорились, что через несколько часов волонтер на машине заберет меня из моей локации.

Стало холодно. Я пошел прятаться в подъезд — вбежал за каким-то дедом.

***

Пока мы ехали, мне названивала мать. Я не брал трубку, отвечал в вацапе, что у меня много заказов. Стало душно, я понял, что это не из-за выключенного кондиционера, а из-за лжи. Мать приучала меня никогда не врать, и я почти никогда не врал. И сейчас отделывался односложными сообщениями, чтобы у нее создалось впечатление, будто я занят.

Завтра она обнаружит, что я не приходил домой — скажу, что встретил бывшего одноклассника и остался у него. Мог бы сказать, что у друга, но я необщительный, друзей у меня почти нет, а те, что есть, уехали, и мать считает их предателями.

Думать о матери было неприятно. Мне приходится врать из-за того, что я спасаю собственную жизнь, да и чужие жизни тоже. Вдруг бы я кого-то убил в Украине. Разве может мать быть против того, чтобы ее сын спасал свою жизнь?

Волонтер, который вез меня, остановился на заправке, взял кофе, и мы поехали дальше. Шоссе было почти пустым, он ехал быстро, казалось, что его машина разрезает ночь. Я погрузился в полусон, всякий раз просыпаясь, когда мы по каким-то причинам замедлялись. Это были страшные моменты. Вдруг мы замедлились не из-за редкого светофора, не из-за ремонта дороги, а из-за патруля? И сейчас меня, а то и нас обоих, осчастливят повестками или

сразу отконвоируют в ближайший мобилизационный пункт? Я слышал про такие случаи.

На какое-то время мне удалось крепко заснуть. Я проснулся от солнца, бившего в глаза.

— Часа через четыре приедем в Кисловодск на вокзал, — сказал мне мой молчаливый водитель. — Ты билет-то купил?

***

Вот черт! Я забыл купить билет!

На сайте на сегодняшний поезд билетов не было.

— Давай отъедем подальше, ты купи билеты, например, из Невинномысска в Омск. Ну и не так заметно будет. Вдруг ты и вправду в Омск едешь, к родственникам, например. А то все покупают билеты прямо из Кисловодска до Исилькуля, ну погранцы моментально все просекают и в Петропавловске выйти не дают.

— А что, могут не дать выйти? — спросил я.

— Конечно. Ты думаешь, они такие тупые? Перед Казахстаном точно пойдут проверять всех мужиков, которые одни едут. Я одного возил, так его какой-то чекист аккурат за пару минут до Петропавловска поймал, в тамбуре уже, отвел в купе, ну и играл с ним в вопросы и ответы, пока поезд не тронулся. Мол, кто ты да откуда, зачем едешь в Исилькуль? А про мобилизацию слышал? А про долг родине? Ну парень в итоге в окно выскочил, чудом не сломал ничего. Говорит, спортсмен.

С коробом прыгать будет сложновато, подумал я.

Билет и вправду удалось купить только от Невинномысска.

***

В поезде было адски жарко, пахло носками и почему-то рассолом. На моей полке стояла чужая сумка с продуктами. Я переставил ее на пол, и тут же пухлая женская рука грубо выхватила ее. Я залез на свою полку, вставил в уши «Гражданскую оборону» и отвернулся к стене.

Когда я последний раз ездил на поезде? Когда-то давно, еще в детстве, с матерью в Крым. Он был украинским, никому и в голову не приходило подвергать это сомнению. Мы ехали, конечно, в плацкарте (откуда у матери деньги на купе?), там тоже было тесно, душно, пахло едой и чьим-то потом, но все равно поезд стал ожиданием праздника. Всего сутки, может быть, побольше — и море! В нашем вагоне ехала в основном молодежь — две большие компании студентов, решившие отправиться в Крым с палатками. Я смотрел на них и думал, что вырасту и точно так же поеду в Крым с большим рюкзаком, и со мной не будет матери, которая вечно делала мне замечания и пичкала зачем-то вареными яйцами.

Мне так и не удалось побывать в Крыму, когда я вырос. После 2014 года ехать туда уже не хотелось. Не то чтобы я сильно интересовался политикой, мне было только 16 лет, но отчего-то охватывало чувство стыда.

Вроде как обнести квартиру соседа, а на следующий день прийти к нему как ни в чем не бывало пить чай.

Сейчас все по-другому. Никакой веселой молодежи, только тусклые лица женщин в основном предпенсионного возраста, пара нервных семей с детьми да несколько мужиков, наверное, севших на этот поезд с теми же целями, что и я. Они спали или притворялись, что спят, лица были напряженными. Я мысленно пожелал нам всем удачи и попытался заснуть.

Все равно делать было нечего. Ехать предстояло почти два с половиной дня.

***

Я проснулся от звонка матери. Проезжали какой-то полустанок. Я ответил, но связь пропала.

Спать расхотелось. Захотелось есть.

Я осмотрелся. Толстая баба с нижней полки заглатывала бутерброды. Напротив нее сидела баба помоложе с ребенком, оба уткнулись в планшеты. Ребенок смотрел «Машу и медведя», мать — какое-то политическое шоу, я различил рожи пропагандонов. Снял наушники и обнаружил, что они смотрят все это одновременно и со звуком. Толстухе не был виден экран, но она с интересом слушала, ее тяжелый подбородок ходил вверх-вниз.

— Вы не могли бы слушать в наушниках? — спросил я.

— А чего тебе? Хватит дрыхнуть-то, — сказала толстуха.

Я соскочил с полки и пошел искать вагон-ресторан. Там было для меня дорого, но я не ел уже вторые сутки.

***

Мне пришлось пройти пять или шесть вагонов, и я вспоминал произведение, которое нам в школе задавали прочесть летом. Там было то ли семь, то ли девять кругов ада, не помню уже точно.

Я шел по вагону, где какой-то бухой в ноль мужик пел блатную песню, не попадая в ноты. С соседних полок смотрели на него с ненавистью: видно было, что этот концерт никто не заказывал, и что продолжался он уже давно. На полках сидели и бабы, и дети, и мужики, но никто

не делал замечаний, не требовал перестать. Все просто терпели.

Уже в конце вагона я спросил у парня, показавшегося мне относительно дружелюбным, почему никто не требует от мужика замолчать.

— Он со спецоперации вернулся, — сказал парень.

— И что?

Парень промолчал.

В следующем вагоне никто не пел, он был просто забит бухими мужиками. Похоже, это были тоже «вернувшиеся». Воняло потом, грязными носками, мочой.

Через один вагон было спокойно, многие почему-то спали, хотя время было дневное. Только бегавший по вагону неизвестно чей ребенок нарушал это сонное царство. Какая-то бабка вполголоса читала молитву.

В самом вагоне-ресторане было почти пусто, только трое бесцветных мужиков сидели за столиком и пили водку. Я подумал — вдруг это чекисты, следящие за такими, как я. Но что было делать? Я уже зашел в ресторан, есть хотелось безумно. Я заказал что-то самое дешевое и сел к ним спиной.

Когда я вернулся на свое место, матери с сыном уже не было, их место заняли две болтливые девки. Толстуха расспрашивала их про мужиков, одна ответила, что у нее никого нет, другая — что проводила мужика «на спецоперацию» и теперь едет к сестре, будет ждать его там.

— А это наш дезертир, — громогласно сказала толстуха, глядя на меня.

Я ничего не ответил, просто внимательно посмотрел на нее, залез на свою полку и надел наушники.

— Главное, такого себе не найди.

Это было последнее, что я услышал.

***

Хотелось ссать, но я не мог себя заставить слезть с полки, снова смотреть на этих баб (обе страшные, кстати), на толстуху, слушать ее агрессивные бредни. Я подумал, что я никогда не бил женщин, но если она еще раз скажет про дезертира, мне будет сложно сдержаться и не дать ей по лоснящейся красной морде. Я представил себе, как она с окровавленной рожей будет визжать, как набросится на меня в ответ, как девки будут вжиматься в свои полки, а потом, когда явится полиция, расскажут все как было, да еще и приукрасят.

Я подумал также, что если бы на моем месте был тот «поюн», или какое-то вонючее тело из вагона с «вернувшимися», она бы даже не пикнула. Наоборот, делилась бы с бабенками колхозными мудростями вроде «бьет — значит, любит».

Почему, ну почему наш безвольный народ так любит насилие? Почему уважает тех, у кого самый громкий голос, самый тяжелый кулак? Почему так охотно ложится под любую власть?

Я так и не спустился поссать, перехотелось. Провалился в сон. В кармане вибрировал телефон, я знал, что это мать, мне не хотелось брать трубку.

***

Снилось мне, что я иду по степи — уже по степи! Как бы хотелось, чтобы этот сон сбылся. Но с каждым шагом нарастает какая-то тревожность, как будто кто-то дышит мне в спину. Я оглядываюсь, но за мной никого. Ложусь на землю, прислушиваюсь, но ничего не слышу. Постоянно тороплю себя, иду, иду из последних сил. Зачем мне так торопиться, зачем? Глупый, вязкий сон.

Потом, через какое-то время, в этом ли сне, или на стыке с другим появляется мать. И когда она появляется, я осознаю опасность, иду, потом бегу из последних сил, пытаюсь оторваться от нее. Она что-то кричит мне вслед.

Мать ли это?

Проснулся от назойливой вибрации мобильника.

***

— Какой поезд, ты в своем уме?! — орала мать. — Нам в выходные на дачу надо, мне кто будет помогать рассаду покупать, везти, сажать?! Я что, сама ее повезу?! Что, не мог догадаться, что сентябрь — не время для твоих капризов?

Я молчал.

— Что молчишь? — орала мать в трубку.

— Это не капризы, — сказал я. — Я не поеду ни на какую дачу. Я уезжаю. Я уезжаю от войны, мать. Уезжаю из России. И даже если меня не выпустят из поезда, даже если меня арестуют, я все равно уеду, слышишь? Я не пойду убивать и умирать.

— Не дури! Нет никакой войны! Хватит читать иноагентов! Когда ты вернешься? — продолжала орать мать.

— Я не вернусь, — сказал я. — Никогда.

И выключил телефон.

Я слез с полки и пошел в туалет. Была ночь. Бабы спали, толстуха смотрела на меня злыми, блестящими глазами. Теперь она молчала.

***

— Как это — никогда не вернуться? — подумал я и провалился в полусон-полуявь.

Я просто это все больше не увижу? Как это? Как это я не смогу вернуться в город, в котором родился, почему? Из-за ублюдков, решивших послать меня на смерть? Но они же не навсегда?

Урывками в голове проносились строчки из песни давно покойного Егора Летова, громкой, раскатистой:

«Без меня — апрель, без меня — январь
Без меня — капель, без меня — отрывной календарь на стене
И убегает мой мир
Убегает земля…»

Как это — без меня?

И где я сейчас, какая станция, сколько еще до этого Петропавловска, я ведь даже не посмотрел, когда мне выходить, знаю только, что ехать больше двух суток, но какие сейчас сутки? Где этот поезд? Может, он давно проехал Казахстан, может, остановку там отменили, может, никакого Казахстана уже нет?

Встать и посмотреть, где мы, не было никаких сил.

Я окончательно провалился в сон.

Снилось мне, что я опять иду по степи и слышу сзади чье-то дыхание, оборачиваюсь, а это собаки, целая стая идет за мной, но они не злые и я не боюсь. Я останавливаюсь, и они останавливаются, я продолжаю идти, и они идут за мной. Внезапно собаки отстают, я остаюсь один, иду долго, как будто затянулась ночь. Иду в тумане, по разнотравью. Я так долго иду, так выбился из сил, что не удивляюсь опять дыханию сзади, но, прислушиваясь, понимаю, что это не собаки, дыхание слишком хриплое, похожее на рык, надо бы оглянуться, но я боюсь, не могу совладать с собой, просто иду вперед, ожидая нападения, проклиная себя за страх, потом бегу, уже не разбирая дороги, как загнанный зверь, и…

Меня кто-то трясет за плечо. Я просыпаюсь, оборачиваюсь и вижу, что купе пустое, никого нет, только бесцветный мужик стоит и держит одной рукой мое плечо.

— А где все? — задал я идиотский вопрос, на который и так знал ответ.

— А неважно, — говорит мужик. — Наверно, в ресторане, а может, вышли на своих станциях. Давай поговорим.

— О чем говорить?

— Например, о том, зачем ты едешь в Петропавловск.

— Я еду в Омск, — неуверенно говорю я.

— Да брось, что мы тут, идиоты, что ли. Ты хочешь уехать из России. Люди это слышали.

— Толстуха на той полке? Да мало ли что она там слышала, — говорю я.

Моя интонация становится все менее уверенной, я и сам себе не верю.

— То есть ты все понимаешь про долг перед родиной, да?

— Какой, к черту, долг, — говорю я.

На секунду во мне просыпается смелость: помирать, так с музыкой. Есть такое странное выражение.

— Россия развязала преступную войну, и мой единственный долг — в ней не участвовать.

— Ты ошибаешься, — неожиданно вкрадчиво говорит чекист. — Россия ничего не развязывала, она вообще ничего никогда не развязывала, она всю свою историю только защищается. Потому что она большая. Непостижимая. Богатая. Да, добро должно быть с кулаками. Слышал такое выражение?

— Знаете, у меня такое впечатление, что я разговариваю с телевизором, — сказал я. — Рассказывайте эти сказки кому-нибудь другому. Я на войну не пойду.

— Но и в Петропавловске не выйдешь. — В голосе чекиста появился лед. — Я тебе не дам.

Я молчу. Он пытается завести со мной еще какой-то разговор, спрашивает про мать, я не отвечаю.

— Ты и родину предаешь, и мать, — говорит он.

— Нормальная мать сына на мясо не отправит, — говорю я. — Просто у нас люди настолько зомбированы, что даже матери утратили все материнское. Они не состоялись как матери. Им не нужно было рожать, они это сделали, потому что на них надавили. Такие как вы. Этим своим «ты должна». Внушили, что они не женщины, если не родят, что они плохие россиянки, что они кого-то там предадут. Всё как вы любите.

Пауза. Он думает. Очевидно, не ожидал, что речь про мать меня не проймет.

Я демонстративно надеваю наушники и ложусь на спину. На самом деле я ничего не слушаю. Просто пытаюсь делать вид, что мне все равно, и думаю, как мне избавиться от него.

Когда Петропавловск?

Может быть, выйти на следующей станции и просто сесть на другой поезд, проходящий через Петропавловск?

Может быть, есть иные пути?

***

Но я, конечно, никаких иных путей не нашел. Да и не было их. А куда деваться? Я лежу на верхней полке, в купе со мной чекист — видимо, он специально ехал в этом поезде. Может, тут их целый вагон — нас отлавливать. Скорее всего, меня сдала толстуха, и теперь чекист меня стережет.

Мы подъезжали к Петропавловску. Чекист предложил мне сходить в туалет, потому что во время стоянки я должен находиться с ним вместе в закрытом купе.

Сходили. Он подождал в тамбуре.

В остальное время я смотрел в окно. Он играл в планшет.

Когда мы приехали в Петропавловск, поезд просто стоял, из него почти никто не вышел.

До следующего пункта было недолго, пара часов, и этот следующий пункт был уже снова в России.

Вырвать у него планшет из рук, ударить по голове, разбить планшетом окно и выпрыгнуть? — думал я, глядя на уходящую степь. — Зачем это все? Я приложил столько усилий, весь мир был против меня, и ради чего? Чтобы лысый потный чекист тупо запер меня в купе, пытался меня воспитывать и играл в тупые игры?!

Проблема заключалась в том, что я никого никогда не бил. Не приходилось.

И уж тем более не прыгал из окна поезда на полном ходу. Я даже не был уверен, что смогу вылезти более или менее быстро, пока не прибежит проводница с ключами от нашего купе.

Время шло. За окном была степь.

И тут судьба сделала мне подарок: чекист захотел поссать и пошел в туалет один. Видимо, решив, что в степь я прыгать не буду.

— Я минут на пять, — сказал он.

Я быстро достал из короба дутую куртку, набил карманы бельем, документами, деньгами, куда-то сунул телефон и зубную щетку. Осторожно высунулся в коридор.

Его нигде не было видно. Сдуру я не посмотрел, в какую сторону он пошел. Я думал, что легче всего будет пробежать все вагоны и разбить окно в последнем тамбуре.

Но тогда он смог бы догнать меня, а дверь купе все же какая-никакая защита. Да и пассажиры-«доброжелатели» могут меня задержать.

Что, если я сломаю ногу? Кто меня подберет в этой степи? Что я буду делать? А если он остановит поезд и найдет меня?

Что я вообще буду делать в Казахстане?!

А что я буду делать в Омске с чекистом? Поеду на мобилизационный пункт и через неделю-другую уже буду в других степях. Украины. Убивать и умирать. Пытаться сдаться в плен. В плен. В степи, которую утюжит артиллерия.

Я закрыл купе изнутри, надел спортивные флисовые перчатки, обмотал лицо шарфом, взял его планшет и из всех сил долбанул углом по стеклу. Стекло разбилось, но дыра была недостаточно большой, чтобы вылезти. Я ударил еще и еще, чтобы расширить ее и сбить торчащие острые осколки.

В купе сразу же постучали, какая-то баба заорала: полиция! Проводник!

Может, и короб с вещами выкинуть успею? — подумал я.

В дверь сильно ударили.

Я вытащил короб из-под нижней полки и кинул его в окно, он тотчас же скрылся из виду.

На секунду пронеслась мысль: в каком я окажусь глупом положении, если меня схватят, а вещи так и останутся лежать в степи, в коробе доставщика.

Я вскочил на стол, схватился обеими руками за железный прут, на котором висела ненужная разбитому окну занавеска, присел, правой рукой сжал оконную раму, стараясь не порезаться, и прыгнул – вперед и направо, против хода движения.

Было больно, очень больно, колени и ладони просто загорелись болью, я покатился по невысокой насыпи и оказался в жухлом осеннем степном разнотравье. Я встал, пошатываясь, и пошел назад — искать короб. Поезд медленно уходил. Похоже, никто и не думал его останавливать.

Я зачем-то вытащил из кармана телефон. Связь была очень слабая, зато ловилась какая-то явно местная сеть. Висело непрочитанное сообщение: «Добро пожаловать в Казахстан!»

Я подключил роуминг, чтобы загрузить гугл-карту, и вздохнул с облегчением, увидев, что меня окружает местность с названиями на казахском. Граница была относительно далеко. Самый близкий поселок, впрочем, тоже.

Я понимал, что нужно торопиться, бежать прочь от железной дороги, к какому-то человеческому жилью, где можно попросить приюта, оттуда связаться с местными волонтерами и начать осваиваться в Казахстане.

Через несколько минут я дошел до короба, надел его на спину и быстро зашагал в степь. Она казалась бескрайней, но я готов был идти сколько угодно — ведь я был спасен.

Прошел час. Два? Небо начало постепенно синеть, наливаться сумерками. Я прилег на жухлую траву перевести дух. Телефон не ловил. Я был как будто один во всем мире, один на всё это бескрайнее пространство. Время кончилось, потеряло смысл, единственное, что напоминало о его течении — смена дня и ночи.

Откуда-то, как в моем недавнем сне, взялась собака, крупная, желто-рыжая. Она подошла, понюхала меня и лениво прилегла рядом. Если собака здесь, то и до жилья не так далеко, подумал я.

Когда окончательно стемнело, мы с собакой дошли до поселка. Перед тем как постучаться в дом, к которому она меня привела, я оглянулся. За мной была великая степь. Это непостижимое пространство поглотило всё, что я считал сложностями — присягнувшую телевизору мать, озлобленных и покорных попутчиков, исходящих ядом ненависти клоунов из телешоу, чекиста в купе. Мне больше не нужно было никому доказывать, что я не хочу и не стану убивать и умирать, я мог начать жизнь с чистого листа. Я внезапно почувствовал легкость, какой не испытывал с детства.

Я постучал в дверь.

Константин Зосин

Acedia[1]

Дмитрий Маркович всегда, и не без основания, считал себя интеллигентом в высшем, петербургском значении этого слова. Вот и сейчас, когда сидевший напротив него в его, Дмитрия Марковича, квартире, за его по-антикварному старым кухонным столом, его же бывший студент Денис совершенно неподобающе рассмеялся над очередной фразой своего бывшего учителя, тот никак на это не среагировал, а только слегка улыбнулся одними глазами из-за толстых стекол очков и предложил налить еще чаю.

— Да, спасибо большое. Вам помочь? — спросил Денис, но учитель лишь замахал руками и встал, чтобы зажечь газ под видавшим виды чайником. — Но все же, Дмитрий Маркович, неужели вы серьезно полагаете, что сталинская машина уничтожения могла быть не то чтобы остановлена — а просто заметила бы какой-то, извините, выхлоп кучки интеллигентов? Которых, кстати, насколько я помню, ставили сильно ниже по социальной лестнице, чем тех же рабочих и крестьян.

— Да, считаю, — тихо и будто немного грустно ответил Дмитрий Маркович, внимательно следя за тем, как голубые лепестки газового пламени обвивают давно почерневшие бока чайника.

— Но подождите. Я не хочу сказать, что геройство — это плохо или там, не знаю, бессмысленно, но мы же говорим не о тех, кто готов принять мученическую смерть ради великих идеалов.

На словах «мученическая смерть» голос Дениса приобрел пафосно-патетическое звучание. — Мы говорим про вполне конкретное действие и результат этого действия.

1 Уныние, леность (лат.) – один из семи смертных грехов.

Как в физике: меня интересует не то, что будет с элементом системы, а то, может ли этот элемент оказать какое-то воздействие на систему. Да, конечно, знаю, что вы сейчас скажете: любая система — это набор составляющих, взаимно влияющих друг на друга и бла-бла-бла, но мы ведь сравниваем микромир и макромир, где степень затухания будет такой, что… Ну, вы понимаете.

Дмитрию Марковичу стоило некоторых усилий сдержать свое негодование от «бла-бла-бла», да еще вложенного в его уста, но он справился. И даже успел похвалить себя — и сразу же отругать за лицемерие:

— Денис, ты знаешь, что я люблю физику как жену, которой у меня никогда не было. Но я также категорически против подобных сравнений. Не надо уподобляться героям развлекательных ток-шоу, заявляющим, что, если Эйнштейн, как они говорят, «изобрел» теорию относительности, то, значит, нет ни правды, ни добра, ни справедливости, поскольку все относительно.

Дмитрий Маркович успел с сожалением отметить, что укол про героев ток-шоу прошел для его собеседника совсем безболезненно.

— О каждом явлении надо говорить, имея в виду именно это явление, а не весь универсум.

— Но как же… — попытался было вставить Денис.

— Подожди. Я тебя внимательно слушал и, кажется, ни разу не перебил. Послушай и ты меня. Будь добр. Скажи мне, Денис, знаешь ли ты что-нибудь о демонстрации на Розенштрассе?

— Нет…

— То-то. А я тебе расскажу. В конце зимы 1943 года — обрати внимание, что речь идет о времени сразу после победы Красной армии в Сталинградской битве — Гестапо начало окончательно зачищать Берлин от оставшихся там евреев и, в том числе, собиралось отправить в концлагерь порядка двух тысяч мужей немецких женщин. Еще раз, хорошенько представь себе это время: Германия, только что получившая жестокий удар от советских войск, с Гитлером во главе, охваченная ненавистью и мракобесием нацизма. Так вот, в самом сердце этой Германии, в Берлине, на улицу Розенштрассе рядом со зданием, куда согнали евреев, вышло две тысячи их немецких жен, протестующих против отправки мужей в концлагерь. Власти выставили войска и угрожали расстрелять женщин, если те не отправятся по домам, но они отказались расходиться, и день за днем снова и снова возвращались на улицу. И в результате их мужей освободили. Освободили всех, за кого заступились. Остальные погибли в печах крематориев. Ты понимаешь, эти женщины вышли без оружия и защитили своих еврейских мужей от самого бесчеловечного режима в истории. Не сделай они этого, решив, что все равно не могут ничего изменить, их мужья бы погибли. А что было бы, если не две тысячи, а двести тысяч вышло? И не в сорок третьем, а когда Гитлер только начинал свои зверства в Европе. Нельзя недооценивать маленький вклад маленького человека. Поэтому все эти рассказы про людей, которые во времена сталинских репрессий сказывались больными и не приходили на совещания, где учиняли суд над их друзьями и коллегами — какие эмоции такие люди могут вызвать? Жалость? Возможно. Презрение? Более вероятно. Молчание, даже если это молчание осуждающее, — такой же убийца, как и человек, выносящий смертный приговор или нажимающий на курок. Вот Довлатов спрашивал, кто написал четыре миллиона доносов. А ведь ужас не только в этих четырех миллионах написавших, но и в двухстах миллионах, с чьего молчаливого согласия эти доносы

были написаны.

— Дмитрий Маркович, чайник.

Тут только учитель заметил, что чайник, на который он все это время смотрел не отрываясь, надрывно кипит, выпуская столб пара в желтый свет кухни. Дмитрий Маркович выключил газ, взял чайник за ручку, обжегся, чертыхнулся, снял со стены прихватку, уронил ее в раковину, чертыхнулся еще раз, но со второй попытки все же снял чайник с плиты мокрой прихваткой и разлил бурлящий кипяток по чашкам.

— Вот я лично ничего не знаю об этих событиях на этой вашей штрассе. И почему-то мне кажется, это не потому, что я плохо учил историю в школе. Просто это мелочь, которая никакого влияния на победу над фашизмом не оказала.

— Мелочь! — вскричал учитель, со стуком поставив чайник обратно на плиту. — Ты это называешь мелочью? А что тогда, позволь спросить, для тебя не мелочь?

Лицо его побагровело, огромные вены проступили на висках и на лбу. Последний раз Денис видел учителя в таком гневе, когда тот принимал экзамен на втором курсе у его однокурсника Феди Никонова. Но это было почти семь лет назад, и тогда Дмитрий Маркович был моложе. Сейчас же Денис действительно испугался за состояние здоровья своего учителя. Впрочем, тот тоже испугался и сел, чтобы успокоить сердце, стучавшее сразу и в груди, и в голове.

— Дмитрий Маркович, а давайте о чем-нибудь другом? — примирительным тоном начал Денис. — Простите меня, молодого идиота. Глупостей наговорил вам тут. Я честно не хотел. Давайте я вам лучше расскажу, как мы на январских праздниках группой встречались? Просто что-то мы всё о грустном и невеселом. А праздник ведь.

Учитель смотрел на бывшего ученика. Он успел более или менее успокоиться и снова овладеть голосом, но вечер всё же очень хотелось закончить как можно быстрее.

- Праздник? День защитника Отечества. Праздник, когда мужчин поздравляют с тем, что они должны быть готовы убивать.

Когда Денис ушел, Дмитрий Маркович достал из кладовки давным-давно подаренную бутылку армянского коньяка, немного повозился с мудреной пробкой, налил себе больше половины стакана и «ради здоровья» выпил залпом. Затем выключил на кухне свет, оставив засыхать на столе остатки заботливо принесенного Денисом торта, и, минуя ванную, пошел ложиться спать.

Несмотря на успокаивающе-теплое воздействие коньяка, он еще долго не мог уснуть, прокручивая в голове события этого вечера и пытаясь определить — это он уже такой старый, что не все понимает и иногда неоправданно резко реагирует, или это Денис так сильно изменился за несколько лет, прошедших после выпуска? А ведь это, возможно, лучший его ученик. С самого первого курса они понимали друг друга почти без слов — не только когда речь шла о науке, но и в самых неожиданных ситуациях, которых в университетской жизни хватало — многие казались тогда ужасными, но как приятно вспоминать о них сейчас. А вдруг? Действительно, семьдесят лет, шутка ли, мозг работает уже не так живо, как в молодости, он не все видит, не все понимает, становится неповоротливым, неспособным принимать новое. Ведь это такие, как Денис (а точнее даже — дай бог, чтобы такие, как Денис) будут создавать и уже создают будущее, за которым всегда правда. Разве он сам никогда не спорил со своими преподавателями и не оказывался потом прав? Такова жизнь.
Но тут Дмитрий Маркович вспомнил, каких усилий ему

сегодня стоило дать понять Денису, что сидеть в помещении в головном уборе неприлично. Желтая вязаная шапка бывшего студента ярким пятном всплыла в памяти учителя как последнее и самое убедительное подтверждение, что нет, это не он, а мир немного тронулся умом. Мысли успокоились и тихим течением унесли Дмитрия Марковича в сон.

Наступило утро 24 февраля.

Первые аккорды “Yellow submarine” «Битлов» подводной лодкой начали поднимать Дмитрия Марковича из глубин сна, дарующих покой без мыслей и переживаний. Оттуда так не хотелось подниматься в темную суету февральского утра. Выругавшись про себя на надоедливый будильник («когда же я наконец сменю мелодию?!»), Дмитрий Маркович нащупал на стуле рядом с кроватью телефон и только тут понял, что это мелодия не будильника, а звонка. Еще сильнее он удивился тому, что звонила Рита, а время было только шесть утра, за два часа до настоящего будильника. «Умер, что ли, кто-то?» — мелькнуло у него в голове.

— Алё, Дима, как ты? — в трубке раздался почти что крик.

Дмитрий Маркович выругался, на этот раз вслух, понизил громкость телефона и раздраженно ответил:

— Рита, вообще-то я сплю. Точнее, спал. Перед очень непростым днем.

— Дима, это же пиздец просто! Как же так? Что теперь будет? Где ты?

— Рита, я дома. О чем ты говоришь? Какой пиздец?

— Ты что, ничего не знаешь? Война, Дима. Настоящая

война. Наш сумасшедший решил напасть на Украину. Это конец. Ты понимаешь, всё кончилось. Кина не будет. Фиаско. Окончательное решение российского вопроса…

— Рита, подожди. Можешь спокойнее? Какая война? Ты про помощь этим всем ДНР с ЛНР-ами? Так это же еще ничего не значит. И почему ты решила мне позвонить так рано?

— Дима! — женский голос в трубке снова перешел на крик. — Включи «Эхо Москвы», послушай.

— Ты же знаешь, что я не слушаю это радио.

— Да что угодно включи. Зайди в интернет. Или, знаешь, ужасно, что я такое говорю, но просто включи телевизор. Прямо сейчас. Я перезвоню.

Рита повесила трубку, а Дмитрий Маркович остался полулежать в темной комнате, освещаемой только циферблатом электронных часов на секретере в углу.

Бред какой-то, подумал он и решил было снова заснуть, но руки сами потянулись к иконке «Яндекс.Новостей». «Путин объявил о начале военной операции по защите Донбасса». «Президент России призвал украинских солдат сложить оружие». «В сети появились сообщения о взрывах в районе Киева».

— Этого не может быть! — вслух сказал Дмитрий Маркович и, не одеваясь, в одних трусах и футболке пошел на кухню включать телевизор.

Реальность жестоко и безапелляционно смотрела на него из каждого телевизионного канала. За первый час он успел не менее трех раз прослушать выступление президента и раз сто матюкнуться от слова «денацификация». Ему очень

хотелось заставить себя поверить, что это просто какое-то тупое патриотическое мокьюментари, которое из-за его нелепости показывают так рано, когда никто еще не должен включать телевизор. Но не могли же все каналы сговориться, тем более, что у него в пакете BBC и «Евроньюс». Не выключая телевизор, Дмитрий Маркович начал судорожно читать новости в интернете. РБК, «Медуза», «Новая газета», «Важные новости», какие-то издания, о которых он даже не слышал раньше. «А если американцы вмешаются?» — вдруг мелькнуло в голове. Вроде пока никаких заявлений. Но прошло — сколько? — два, три часа. В любую минуту может случиться что угодно. Уже случилось.

Он закрыл вкладку с новостями и позвонил Рите по вотсапу. После трех гудков появилась надпись «вызов отклонён». «Странно», — подумал Дмитрий Маркович и сразу же отругал себя: «Это тебе кажется странным? Мир летит в ад, а тебя удивляет, что кто-то не ответил твоей особе? И почему ты звонишь по вотсапу? Ты что думаешь, за одно утро всех разом поставили на прослушку? Это уже паранойя». Он не заметил, как начал проговаривать свои мысли вслух — иногда почти с остервенением, словно бы с кем-то споря. Взгляд его уперся в плитку кухонного пола, которая когда-то давно, ещё при жизни родителей, была белой, а теперь, покрытая сеткой черных разводов и паутин, не дарила пожилому учителю успокоения, а лишь вторила темноте, растущей у него внутри.

Когда на улице начало уже светать, Дмитрий Маркович вдруг вспомнил, что вообще-то ему сегодня надо быть на кафедре. Мысль про работу заставила улыбнуться. Он подумал о своих стычках с замдекана на прошлой неделе, непроверенных курсовых, планах поехать в Москву на конференцию в апреле. Все это было теперь таким далеким и ненастоящим, словно часть театральной роли, от которой

он в любой момент вправе отказаться. (А ведь действительно, вправе?) Как его вообще могли волновать эти вопросы? Или вот желтая шапка Дениса, так раздражавшая его вчера. «Боже, о каких глупостях я переживаю!»

Выйдя из оцепенения, он осознал, что все эти два часа сидел почти раздетый, босиком, на холодной плитке февральского кухонного пола. Мороз давно дошел до позвоночника и уже подбирался к затылку. Дмитрий Маркович резко встал, крякнул от простреливающей боли в спине и пошел отогреваться в душ. Впрочем, напор горячей воды был настолько ужасный («И что, люди сейчас просто моются, словно ничего не происходит?.. А я сам-то?»), что душ превратился в отдельную пытку, когда кажется, вот еще чуть-чуть и удастся согреться, но заряд ледяной воды внезапно пронизывает с головы до ног. Так толком и не помывшись, он побежал в спальню, натягивать носки, штаны, свитер, нет, обратно: сначала майка, затем рубашка и только потом свитер. Руки пришлось согревать над плитой, пока чайник медленно наполнялся жаром.

Было уже почти половина десятого, когда Дмитрий Маркович наконец зашел в вагон метро и встал у двери, облокотившись на надпись, просящую этого не делать. Он попытался вспомнить, что буквально пятнадцать минут назад ел вместе с кофе, но не смог. Может быть, торт? Да какая разница!

Вокруг сидели и стояли петербуржцы. Дмитрий Маркович с цепкостью учителя, следящего за учениками на контрольной, всматривался в них, пытаясь понять, о чем каждый сейчас думает. Конечно, петербуржцы вообще не отличаются хорошим настроением, а зимним утром посреди рабочей недели и подавно. Но в это утро люди вокруг казались еще более хмурыми, чем обычно. Большинство

сидело в телефонах, непрестанно перелистывая экраны. Не надо было видеть их лиц, чтобы по напряжению голов, шей, плеч безошибочно опознать тревогу и ужас, заполнившие их. Прямо напротив Дмитрия Марковича стояли две молодые пары, по всей видимости, незнакомые друг с другом. В одной паре невысокая рыжеволосая девушка что-то всё время говорила, почти шептала, своему спутнику, который был на голову ее выше, так что ему приходилось удерживать равновесие в полусогнутом состоянии. Другая пара стояла, обнявшись, боком друг к другу, и молча смотрела в разные стороны. Сидящая рядом с молчащей парой женщина, которую Дмитрий Маркович принял сначала за единственного спящего в вагоне человека, открыла глаза и несколько секунд смотрела на него в упор. В этом взгляде была как будто бы просьба о помощи — и одновременно предложение поддержки от незнакомого человека в громыхающем питерском метро. Он не выдержал взгляда и уставился в свой телефон.

В институте на проходной сидел охранник Андрей, мрачный детина лет сорока со слегка приоткрытым искаженным гримасой ртом, как будто все входящие приносили с собой — кроме морозного воздуха — запах городской свалки. Дмитрию Марковичу казалось, что охранник специально ради него еще и прищуривается, чтобы выразить максимальное презрение. Он был единственным улыбающимся человеком за это утро.

— А, здравствуйте. Проходите, — почти пропел охранник. Возможно, это был первый раз, когда Дмитрий Маркович слышал его голос. Он что-то промычал в ответ, нисколько не испортив тем самым настроение охраннику Андрею, прижал к груди портфель и неестественно быстрым шагом направился к турникету. Тот не поддавался. Дмитрий Маркович удивленно оглянулся на охранника. Тот улыбнулся еще шире:

— Опс… Да, я шучу. Проходите, — и нажал на кнопку у себя на столе, пропустившую наконец учителя в коридор института.

Дмитрий Маркович чувствовал пульсацию в обоих висках. «Может, показалось?» — подумал он и потянулся к карману куртки за телефоном, пытаясь как-то отвлечься. Два пропущенных звонка от Риты. «Ладно, перезвоню позже».

— Иванов, здорово! — окрикнул его звонкий голос доцента с кафедры прикладной математики Виктора Петровича Дрозда. Дмитрий Маркович несколько стыдился своей фамилии и терпел ее только в расписании занятий и экзаменов; всех коллег он отучил так к себе обращаться. Дрозд был единственным неприятным исключением во всем институте.

— Здравствуйте, Виктор, — не останавливаясь бросил он в ответ, надеясь избежать ненужного разговора. Но доцент остановил его, крепко сжав руку ниже локтя.

— Ну что, пора валить, а? — губы Дрозда изогнулись так, что левый их уголок опустился вниз, словно пытаясь выразить мучения, творящиеся у него в душе, а правый задорно устремился вверх в нелепой полуулыбке.

— Мне не от кого убегать, Виктор. Я и раньше ни от кого не бегал, и сейчас не собираюсь. Извини, у меня встреча вот-вот начнется.

С этими словами Дмитрий Маркович высвободился из цепких рук коллеги и, оставив того стоять с его нелепой физиономией посреди коридора, уверенным (скорее, даже показательно уверенным) шагом направился к двери кафедры физики. Конечно, ни на какую встречу он не опаздывал, но перспектива начать рабочий день с долгого

и бессмысленного общения с Дроздом его совсем не прельщала. Впрочем, еще более сомнительной была сама мысль работать в этот день. Собственно, ни лекций, ни семинаров у него сегодня не было.

Просторное помещение кафедры физики гудело шепотами, разговорами, вскриками и напряженным молчанием. Оно было похоже на сложный механизм, в котором что-то пошло очень не так: каждый элемент продолжал совершать какие-то действия, но сразу было очевидно, что это совсем не те действия, которые должны выполняться. В углу на подоконнике разместились трое аспирантов и шептались так громко, что их было слышно еще за закрытой дверью. Старший преподаватель Соколов, стол которого располагался сразу при входе, сидел с непроницаемым лицом, уставившись в одну точку. Таня и Алина, самые молодые сотрудницы и единственные представительницы женского пола на кафедре, громко спорили у секретера, использовавшегося для хранения чашек, чайника, печенья и прочей полезной нерабочей ерунды. Несколько человек, сидя на своих местах в разных концах кафедры, вели активный разговор через всю комнату, не обращая внимание на остальных. Два доктора наук, стоявшие прямо у двери, не прерывая общения, кивнули Дмитрию Марковичу, но только спустя несколько секунд сообразили, что мешают ему пройти к своему месту. Со всех сторон доносились обрывки фраз:

— Ужас…

— А чего вы хотели? К этому ведь и шло все эти годы.

— А я собирался в марте в отпуск в Германию.

— Ну границы, думаю, никто закрывать не будет.

— То, что творится сейчас на Украине ужасно, но вы представляете, что сейчас в России начнется.

— Что сказать — довыделывались. Ясно же было, что нельзя с этим психом так заигрывать.

— Тише вы!

— Надо успокоиться и подождать, чем все закончится. Долго это длиться не может. Просто никак не может.

— Конечно, закончится. Вообще все кончится.

— Но они ведь правда нас не любят.

— А за что нас любить?

Дмитрий Маркович снял куртку и начал доставать бумаги из чемодана. Совершенно механически. Контрольные работы, ведомости, паспорт, счета за квартиру. Ему хотелось одновременно ответить на каждую из реплик и при этом отгородиться ото всех звуконепроницаемой стеной, чтобы не слышать, не видеть, не знать. В голове неприятно звенело, намекая о давно запущенных проблемах со здоровьем. Впрочем, думать о них сейчас казалось постыдным. Неожиданно перед его столом выросла тучная фигура и.о. завкафедрой Степана Михайловича. Его и без того постоянно красное лицо почти пылало, подсвечивая редкие седые волосы на голове.

— Дима, пойдем, покурим.

— Вы же бросили, — удивился Дмитрий Маркович. И.о. был на пару лет младше него, но по не ясно кем заведенной традиции все к нему всегда обращались только на вы. Даже те совсем старые профессора, которые когда-то

были его учителями.

— Ну и что? А ты сам разве не бросил?

Против такого аргумента возразить было нечего, и они пошли в «тайную» курилку на втором этаже, о которой, конечно, знали все, от студентов до руководства института и пожарных с МЧС. Степан Михайлович протянул Дмитрию Марковичу пачку “Camel”, дал прикурить и сам зажег свою сигарету.

— Дима, это ведь действительно конец. Если до этого у страны был хотя бы призрачный, совсем невероятный, но всё же шанс устоять, даже поскользнувшись на краю пропасти, то теперь — всё. Больше никаких шансов нет. И что самое ужасное, мы ничего не можем изменить.

— Что вы имеете в виду? Институт закроют?

— Да при чем здесь институт! Он никуда не денется. Точнее, сразу никуда не денется. Мы так же, как раньше, будем ходить на работу, что-то рассказывать студентам, посылать, как обычно, все эти бессмысленные отчеты, писать программы, но это будет просто инерция большого мертвого тела страны, которую уже не спасти, которая уже погибла, хотя со стороны еще долго будет казаться, что труп живой и даже шевелит рукой иногда. Этому трупу можно будет придавать разные позы, надевать какие-то маски, раздвигать губы в подобие улыбок, при особом усердии можно будет даже сделать вид, что он что-то говорит, но труп от этого не перестанет быть трупом. Сердце не бьется, в мозгу не проходят никакие сигналы, и гниение медленно, но верно охватывает ткани.

— Как-то вы очень образно все это.

— Да хрен с ними, с образами. Без образов. Нет больше страны. Погибла она.

— Мне кажется, за последние сто лет удивительно часто говорили слова «погибла Россия». А вроде как, нет, ничего, еще держится. Страшная, кровавая, жестокая, но держится. Да и что вы предлагаете?

— А что я могу предложить? Уезжать надо, пока не поздно.

— То есть, по сути, смириться, да? Смириться с тем, что здесь останутся люди. Смириться с гибелью людей на Украине. Просто бросить все: нате, забирайте, нам не нужно!

— А что ты предлагаешь? Восставать? Браться за оружие? Просить Путина остановить войну?

— Степан Михайлович, я не предлагаю — я знаю, что нет никакого другого выхода, кроме как всем, всей страной выйти на улицу и открыто и четко заявить, что мы против этой войны. Заявить так, чтобы услышали. Чтобы ни одна росгвардейская мразь не решилась нас заткнуть.

— О чем ты, Дима? Вот из-за Фургала целый регион год на улицы выходил. Да срали они на нас. Что выходят, что не выходят — плевать им. Мы для них никто. Мы побочный продукт власти, который ей приходится терпеть, чтобы он их всех обслуживал, но с которым совершенно не обязательно считаться. А будешь много выступать, пристрелят, как Немцова, или сгноят в тюрьме. Нас с тобой долго гноить не надо. Мы и так быстро…

— Знаешь, Степа, — первый раз в жизни Дмитрий Маркович обратился к и.о. по имени, — мне уже очень много лет снится один и тот же сон. Точнее, сны разные, но сюжет у них одинаковый. Во сне я убиваю человека. Причем делаю

это в каком-то таком состоянии, что, собственно, самого убийства не помню. Скорее всего, из-за алкоголя или чего-то еще, что не позволяет мне понять или вспомнить свои ощущения во время убийства. Но я твердо знаю, что я убил, что я виноват и что этому убийству нет никакого оправдания. Однако никто не в курсе, что убийство совершил именно я, так что меня не ловят, не обвиняют, ничего. И вот каждый такой сон я думаю: сколько мне понадобится времени, чтобы я сам простил себя? Сколько должно пройти недель, месяцев, лет, чтобы моя совесть успокоилась и это убийство стало эпизодом из прошлого, о котором можно больше не думать каждую секунду как о своем преступлении, а о своем малодушии — как о подлости? В этот момент я просыпаюсь и с ужасом думаю: неужели я действительно считаю, что у подлости есть срок давности?

— Так не мы же убиваем, Дима.

— Разве?

Всю первую половину дня Дмитрий Маркович провел за перекладыванием бумаг из одних папок в другие. Он честно пытался сосредоточиться на каких-то, пусть самых простых, рабочих вопросах, но не мог. Где-то к обеду ему стало казаться, что он заболевает. В три часа дня он вызвал такси и поехал домой. Померил температуру. 38 и 7.

Неужели ковид, мелькнуло у него в голове. «Но откуда? Разве что Денис принес. Да ладно, не мог ведь ковид развиться вот так, меньше чем за сутки. К тому же я переболел меньше года назад. Хотя всякое бывает. И похоже, черт. Такая же слабость. Ничего делать не могу. Совсем без сил. Надо позвонить Грише, чтобы каких-то продуктов принес хотя бы. Сейчас еще немного полежу и позвоню. А там война…»

В итоге он решил не звонить, а просто написал Грише короткое смс: «У меня, похоже, снова ОНО. Если не сложно, принеси, пожалуйста, все, как в прошлый раз. Градусник есть». Григорий был другом детства Дмитрия Марковича и, хотя жил сравнительно далеко от него, всегда даже не то что был готов помочь, если попросят, а напротив — дико обижался, если не именно его первым позвали при любой, самой мелкой необходимости. Собственно, можно было легко ограничиться смс-кой «заболел» и быть уверенным: помощь по первому разряду уже рядом. И действительно, почти моментально пришел лаконичный ответ: «Все понял. Скоро буду».

Дмитрий Маркович поставил ноутбук рядом с кроватью, включил его, но выйти в интернет сил уже не осталось. Он вяло посмотрел на картинку рабочего стола в виде бесконечной математической формулы на черной грифельной доске, выхватил оттуда знак интеграла и провалился в выматывающий сон без сновидений.

Григорий пришел только около десяти вечера. Как всегда, не по годам бодрый, пышущий энергией, с двумя пакетами продуктов и лекарств. Он сразу заставил вставшего открыть ему дверь Дмитрия Марковича лечь обратно в кровать, привычно пошутил, что ему пора давно обзавестись вторым ключом для таких ситуаций и «чтобы, когда действительно серьезно все будет, помочь убрать тело», и отправился на кухню — шебуршать пакетами, хлопать дверцами и щелкать выключателями. Минут через десять он появился на пороге спальни в вытащенном незнамо откуда переднике в, кажется, некогда алые цветочки, с подносом, уставленным чашками, баночками и блюдцами в окружении яркого хоровода мандаринов.

— Муж из меня так себе, а вот жена получилась бы высший класс, — сказал он и от души посмеялся над собственным остроумием. — Я овощи, мясо и рыбу убрал в холодильник. А здесь вот немного нарезок и бефстроганов. И даже не думай сопротивляться: прямо при мне всё съешь, вот этим вот вареньем запьешь, а мандаринами закусишь. Ты мне еще живой нужен для настоящих запиваний и закусок.

— Спасибо, друг, горячее я попью, но есть…

— Даже не заикайся. Все слопаешь.

Дмитрий Маркович недовольно начал жевать неожиданно нежные куски мяса с пюре. Он понимал, что сопротивляться такой харизме бессмысленно и в конечном итоге себе дороже. Кто его знает — этот может и принудительное кормление через трубку организовать.

— Ну как там? — жуя. спросил учитель.

— Стреляют, — грустно улыбнулся друг.

— Да нет, я имею в виду, что на улице происходит?

— Хо! — звучно выдохнул Григорий. — Выходит народ. Пока не то чтобы очень много, так, по несколько тысяч в каждом городе, но выходит. Винтят, суки, конечно, будьте-нате, но ничего, всех не пересажают. Я думаю, к утру весь город на ногах уже будет. Если бы ты не заболел, я бы тоже, конечно, пошел. Ладно, завтра сразу после работы присоединюсь. А к тому моменту, когда ты через пару дней встанешь на ноги, все уже совсем иначе будет.

— Ты правда в это веришь, — убитым голосом прошептал Дмитрий Маркович.

— Конечно. Иначе и быть не может. Короче, ты вроде как поел, теперь спи и набирайся сил. Главное, пей побольше и принимай всю ту хрень, что и в прошлый раз, по графику. Я все на тумбочку положил рядом с кроватью. Сейчас помою быстро посуду и побегу к любимой. Дверь закрою за собой, так что ты не вставай. Все. Ушел. Спи.

Григорий взял в одну руку грязную посуду, другой захлопнул крышку ноутбука и вышел из комнаты, неплотно прикрыв дверь, чтобы свет из коридора не мешал больному. Дмитрий Маркович недовольно поморщился, приподнялся на одном локте и открыл ноутбук. Скорее, из принципа, а не из желания что-то посмотреть. Он еще какое-то время лежал в полумраке, освещенный тусклым светом экрана, и слушал, как на кухне снова шебуршится, хлопает и щелкает. Потом щелкнуло во входной двери и всё стихло. «Странно, с Ритой так и не созвонились», — подумал Дмитрий Маркович и сразу уснул.

На следующий день он почувствовал себя значительно лучше. В какой-то момент даже показалось, что болезнь окончательно отступила и он сможет сегодня вечером доехать до центра города. Но ближе к ночи снова начала понемногу подниматься температура, хотя и не так сильно, как предыдущим днем. Позвонила Рита. Рассказала, что была вчера у Гостинки, и прямо на ее глазах очень жестко задержали двух девушек, с которыми она буквально за пять минут до этого разговаривала. Сказала, что ей страшно. Что делать, не знает. Звонил Гриша. Спрашивал, как дела и не надо ли чего-нибудь еще принести. Пока не надо. Договорились созвониться на выходных. Было уже почти десять вечера, когда Дмитрий Маркович вдруг вспомнил, что забыл предупредить на работе о своей болезни. Отправил смс Степану Михайловичу. Следующие пару дней состояние было примерно такое же: утром некое подобие бодрости, к середине дня дикая слабость, к вечеру небольшая

температура. В ночь на понедельник Дмитрий Маркович почувствовал, что не может встать с кровати, а под кожей словно кипяток вместо крови. Попытался вспомнить, куда положил градусник, но мысли спутались, перед глазами поплыло, и ему показалось, что он падает куда-то вниз, в черноту, где сначала совсем незаметно, но постепенно все ярче и ярче начали вспыхивать буро-красные точки, вскоре с шипением объединившиеся в одно большое жгучее пятно.

Шипение в ушах нарастало, становясь все больше похожим на звук помех и шумов радиоприемника, в котором, казалось, вот-вот можно будет разобрать голоса — не то на русском, не то на иностранном языке. Однако стоило ему попытаться сосредоточиться, как слова снова срывались в бессвязное шипение, громко, с треском и свистом врывающееся в мозг. Он попробовал было закрыть уши ладонями, но не смог поднять руки. Он вообще не чувствовал ни рук, ни ног, ни туловища. Был только жар где-то глубоко внутри, невыносимый треск в ушах и ярко-красная пелена перед глазами. И вот вдруг, — словно резко повернули колёсико на радио, — звуки поплыли, смолкли, а потом началась песня из «Белорусского вокзала»: сначала тихо, а потом все более уверенно, и гитарные аккорды становились громче, временами заглушая сильный женский голос. Дмитрий Маркович почти всегда плакал на этой песне, с тех самых пор, как первый раз услышал ее в кино вот уже около пятидесяти лет назад. Он и сейчас подумал: как хорошо, как успокаивающе было бы нарыдаться всласть вместе с последними аккордами и героями «Белорусского вокзала», которых он уже много лет как старше. Но ничего не получалось: в душе и глазах было сухо, ничто не дрогнуло, ничто не надорвалось. Внезапно песня оборвалась, сменившись нарастающим гулом, как если бы несколько самолетов одновременно летели очень низко в направлении его дома. И когда, казалось, от невыносимого шума уже должны были начать трескаться стекла в окнах,

грянул взрыв, на несколько секунд оглушивший Дмитрия Марковича, заменив все звуки противным свистом в ушах. Буквально сразу же красная пелена перед глазами потускнела и преобразилась кадрами черно-белой хроники и торжественными аккордами «Священной войны». Со всех сторон шли солдаты, облаченные в форму времен Великой отечественной, с висящими на плечах хилыми тонкими винтовками. Он чувствовал, как его сердце начинает биться все сильнее и сильнее в такт ударов тысяч массивных сапог по земле, поднимавших мириады брызг грязной черной воды, смешанной с глиной, утопая в ней, но продолжая идти. Вот к одному из солдат под ноги неизвестно откуда бросилась девочка лет восьми в заляпанном белом платьице и в не подходящих случаю (когда-то, верно, тоже белых) босоножках. Солдат остановился, нагнулся к девочке и взял ее на руки. Их лица разделяло буквально несколько сантиметров. Глаза девочки мгновенно расширились от испуга, и она закричала, пытаясь вырваться из рук солдата. Она кричала и кричала, безуспешно борясь с крепкой мужичьей хваткой, но голос заглушался громыханием «Священной войны», а чужие руки не распускались. Только тогда Дмитрий Маркович понял, что лица у всех солдат скрыты за масками, оставляющими лишь небольшие полоски для глаз, да еще тонкие белые прорези в районе губ. Солдат повернул голову на учителя, совсем неестественно, почти на сто восемьдесят градусов, и вперил в него отрешенный, ничего не выражающий взгляд. Он смотрел в упор на Дмитрия Марковича черно-белыми глазами, а тот не мог ни отвернуться, ни зажмуриться. Тут учитель заметил, что музыка стихла, а все солдаты остановились и уставились на него одинаковыми непроницаемыми глазами. Потом неожиданно что-то как будто дернулось у них на лицах, и тонкие прорези губ начали раздвигаться в улыбки. И вот уже на каждом лице нижние губы стали отделяться от верхних, но небольшая полоска не то материи, не то плоти продолжала тянуться от

верхних углов губ к левым нижним, расчеркивая пополам черноту открывавшихся глоток. На Дмитрия Марковича в упор глядели десятки тысяч дрожащих в немом дьявольском смехе букв “Z”. И тут снова грянула музыка, на этот раз из другого произведения Александрова — гимна СССР. Лица солдат приближались и приближались, наплывая друг на друга, со временем превратившись в одну большую аморфную массу, заполнившую все вокруг. Дмитрию Марковичу наконец удалось зажмуриться и окунуться в спасительную пустоту. Постепенно музыка начала стихать. Послышались далекие крики чаек и шум ветра. Он открыл глаза и увидел перед собой Дворцовую площадь в ясный летний день, освещенную лучами полуденного солнца. Он смотрел на нее как бы немного сверху, будто находился на небольшом возвышении ближе к Главному штабу. Площадь была под завязку заполнена людьми: пары с детьми, группки веселой пестрой молодежи, пожилые люди, одетые, как всегда, теплее остальных, праздношатающиеся всех возрастов, стройные ряды курсантов военных училищ со стороны Миллионной, тележки с хот-догами и кукурузой, дети с большими облаками разноцветной сладкой ваты. Ближе к Невскому несколько трюкачей показывали акробатические номера, на Александровской колонне (разве она не должна быть огорожена?) сидели подростки со скейтами, между людьми важно прохаживался Петр I под руку с Екатериной II, какие-то, по всей видимости, туристы из Средней Азии, одетые в национальные костюмы, фотографировались на фоне музея. Внезапно фотограф прервал съемку и начал указывать рукою на одно из окон Зимнего дворца, что-то крича на непонятном языке. Все люди на площади одновременно стихли и повернулись в направлении, куда он указывал. Еще пара мгновений тишины, и по всей площади вихрем понеслись крики ликования, сопровождаемые градом радостных аплодисментов. Дмитрий Маркович посмотрел туда же, куда и все. На втором этаже дворца в открытом окне стоял Путин

и улыбался своей покорно-смиренной улыбкой. Потом он поднял правую руку, и все звуки благоговейно стихли. Даже ветер перестал шуметь в ветвях деревьев. Путин начал говорить. Он говорил громко, каждое слово эхом отлетало от стен домов и тонуло где-то далеко за Невой. Его голос уверенно и победоносно окутывал всех собравшихся, отдаваясь в каждом сердце, в каждой трепетно замершей душе. Но Дмитрий Маркович не мог разобрать ни единого слова. Находясь вдалеке от окна дворца, он при этом отчетливо видел каждую морщинку на лице президента, видел, как приоткрывается ряд передних зубов, видел даже маленькие капли слюны, вылетающие у него изо рта, однако звуки не складывались и не образовывали слова. И тогда Путин умолк. В ту же секунду народ на площади вновь взорвался в ликовании, крича все громче и громче, и вот уже разрозненный громоподобный крик толпы образовал единый хор, в котором Дмитрий Маркович безошибочно узнал тысячекратно повторяющийся возглас — «Зиг хайль! Зиг хайль! Зиг хайль!» Он смотрел в ужасе на улыбающееся лицо в окне, на людей на площади и очень сильно хотел проснуться. Некоторые люди начали оборачиваться. На глазах у большинства были слезы. «Наконец!» — крикнул ему какой-то парень в футболке с надписью “Beatles”. «Счастье-то какое!» — прорыдала женщина лет пятидесяти. Тут его кто-то дернул за левую штанину. Это оказалась та же девочка, что была у солдата на руках, только теперь ее платье без единого пятнышка светилось ослепительно белым. «Дедушка, а вы на войну пойдете?» — спросили она, засмеялась и убежала. Он еще какое-то время смотрел на то место, где она стояла, потом поднял голову и увидел, что вся площадь смотрит на него. «Дедушка, а вы на войну пойдете?» — оглушил его хор толпы. «Пойдет», — сказал спокойный голос из окна дворца. Вся площадь зашлась хохотом. Кто-то показывал на Дмитрия Марковича пальцем, кто-то держался за живот, не в силах побороть все новые приступы смеха, некоторые падали с ног и смеялись, стоя

на четвереньках, стуча ладонями по мостовой. Вдруг на шею Дмитрия Марковича легла тяжелая и горячая рука. Он обернулся и увидел охранника Андрея, смотрящего на него с улыбкой. «А если нет?» — не то спросил, не то не договорил охранник Андрей и сжал его шею еще сильнее. Все потемнело.

Дмитрий Маркович открыл глаза и понял, что лежит на кровати в своей комнате. Тусклый дневной свет освещал ее сквозь зашторенные окна. Ноутбук тихо шуршал на стуле рядом с кроватью, из-за окна доносились неясные звуки города. Все, казалось, было на своих местах, только что-то сильно давило на ноги, вызывая тянущую боль. Он посмотрел в изножье кровати и увидел Дениса, сидящего по-турецки прямо поверх одеяла. Почему-то его появление нисколько Дмитрия Марковича не удивило. Денис улыбнулся: «Ну я все же не понимаю. Вот, смотрите, положим, эти ваши протестующие выйдут на Рейхсванданштрассе. Они ничего не добьются. Ну, такого, чем можно было бы гордиться. Много славы встать на защиту своего близкого, а вот пожертвовать собой ради других, чтобы перестали убивать чужих тебе людей на чужой земле…» Дмитрий Маркович удивленно посмотрел на ученика: «Ты думаешь, нет таких, кто жертвует собой ради других? Кто осмеливается протестовать ради людей, которые даже, возможно, никогда об этом не узнают?». Ученик продолжал улыбаться: «Но ведь для обычных людей, обычных немцев, как мы с вами, они ведь будут предателями». Дмитрий Маркович нахмурился: «Почему предателями? Ты что, полагаешь, что все немцы поддерживали Гитлера? Все они были рады тому, что происходило? Хотели всего этого бесчинства и насилия?». Денис посмотрел на учителя снисходительно: «Ну хорошо, не предателями, но по сути своей теми еще сволочами. Они ведь всем остальным как бы говорят своими действиями: мы молодцы, а вы говно. Хотя в действительности — как одни

ничего не изменят своим молчанием, так другие ничего не сделают своей показухой. И заслужат только справедливое презрение и ненависть своего же народа, своих же близких». Теперь настала очередь Дмитрия Марковича смотреть снисходительно. «А ты считаешь, что все надо делать для славы? Для того, чтобы тебя любили, боготворили, носили на руках? Неужели ты не понимаешь, что такие вот люди, как бы мало их ни было, даже если их всего человек восемь, как было в 68-м, они своей жертвой ради, по сути, чужих им людей на самом деле спасают своих. Их жертва ведь не только в том, что с ними сделает карательная государственная машина, но отмеченных тобой презрении и ненависти народа. Но тем самым они говорят всему миру, что нет, не все здесь одинаковые, не все — за эти танки на чужой земле, не все — за смерть и разрушение. И ты сам потом, пусть даже, вероятно, не зная никого из них поименно, сможешь сказать: вот, смотрите, мы тоже были против, мы тоже были людьми». Дмитрий Маркович прислушался к шуму за окном. Что-то в нем показалось ему странным. «Слушай, а почему ты сидишь в одежде на мой кровати, да еще и этой своей чертовой шапке?» Денис снова улыбнулся: «Так вы же умерли. Не помните?» Только тут старый учитель заметил, что ни он, ни Денис не открывают ртов во время разговора, слова проникают сразу в голову, не смешиваясь с окружающими звуками. Он попытался приподняться, но руки и спина не чувствовали опоры, попробовал открыть рот, но тоже безуспешно. Тогда он напряг все силы, чтобы закричать — стены и окна вокруг задрожали черными пятнами, и он снова провалился в темноту.

Когда Дмитрий Маркович наконец проснулся, первый день весны был уже почти на исходе. Ему жутко хотелось пить, но в остальном он чувствовал себя на удивление хорошо. Ближе к ночи учитель с аппетитом поел, почистил зубы, надеясь, что заодно счищает и часть вирусов, переоделся в

чистое и лег спать, чувствуя, что на этот раз сон принесет только отдых и спокойствие. На следующее утро уже не оставалось никаких сомнений: болезнь окончательно отступила. Оставалась, конечно, некоторая слабость, но ему уже приходилось почти насильно заставлять себя оставаться весь день в кровати. В пятницу он даже совершил быструю вылазку в продуктовый магазин в соседнем подъезде. Вечером позвонил Степан Михайлович:

— Ну как наш болящий? На поправку, надеюсь?

— Спасибо, Степан Михайлович, вашими молитвами. Не знаю, что и было, ковид не ковид, кто его разберет, но уже лучше. В понедельник планирую быть на работе. Я вам еще успею снова надоесть.

— Угу. Хорошо.

По голосу и.о. было слышно, что о здоровье он спрашивает больше из вежливости и его подмывает обсудить что-то еще.

— А как ваши дела? Как там вообще? — неопределенно спросил Дмитрий Маркович.

— Ты слышал, что происходит?

— Конечно, меня ведь не отключили от интернета. Ужас, сколько людей ни за что…

— Да, да, все верно, — немного рассеяно сказал Степан Михайлович и, оживившись, добавил: — А что эти европейцы делают, слышал?

— ?

— Прекратили с нами все контакты. Словно мы какой-то второй сорт. Вчера вот пришло сообщение, что Немецкое научно-исследовательское общество приостанавливает любое сотрудничество. С нашим институтом в том числе. Нет, ну поляки, чехи — это я понимаю. От них никогда ничего хорошего ждать не приходилось. Но немцы…

— А вас это удивляет? — искренне поразился Дмитрий Маркович.

— Совершенно не понятно, за что, — не слушая его, продолжал и.о. завкафедрой. — Наука всегда, во все времена была вне любой политики.

— Послушайте, Степан Михайлович, вы же физик. Это физика-то всегда была вне политики?

— Мы же не атомную бомбу делаем. А студентов за что наказывать? Они чем провинились? Мы, что ли, эту войну развязали? У нас вообще, наверное, самая, прости господи, либеральная кафедра. И вот так всех под одну гребенку. Противно, ей-богу.

— И что вы предлагаете?

— А что тут предлагать? Я бы собрал весь педсостав со студентами, вышел к паре посольств и послал бы их всех куда подальше.

— Вы думаете, что вот это сейчас самое важное? — в голосе Дмитрия Марковича зазвучало нескрываемое раздражение. — Что, других, каких-то более важных тем, чтобы выступить, сейчас нет? На конференцию за кордон больше не съездить!

— Ладно, ты не горячись, — максимально примирительным тоном промычал в трубку Степан Михайлович. — Тебе вообще сейчас лучше всего о здоровье подумать. Вот она, самая важная тема. А будем все живы и здоровы, так любые проблемы выдержим и против любого говна выстоим. Я же о здоровье справиться звонил. Слышу — поправляешься. А мне другого и не надо.

Они распрощались, но Дмитрий Маркович еще долго прокручивал их разговор у себя в голове. В какой-то момент он даже встал и начал ходить по комнате из угла в угол, бормоча под нос отдельные фразы своего начальника, сдабривая их комментариями «это ж надо же» и «мудила». Впрочем, достаточно скоро он почувствовал себя совершенно уставшим и, решив, что здоровье сейчас, действительно, важнее, лег обратно в кровать.

Минут через двадцать позвонила Рита. Дмитрий Маркович был все еще в сильном возбуждении после предыдущего разговора, так что начал сразу с места в карьер:

— Привет, Рит. Как здорово, что ты позвонила. Слушай, я только что с начальством говорил. Говорят, надо на улицы выходить. Протестовать. Ты как? Пойдем в воскресенье вместе.

— Дима…

— Я вижу, что в последнее время протест несколько подслился, но на это воскресенье общероссийская намечается. Это пропустить никак нельзя. Не то спросят тебя потом: «где вы были во время Великой октябрьской революции?» Что ты ответишь, а?

— Дима, о чем ты?

— О митинге. О чем еще?

— Ты что, не слышал, что эти долбанутые сегодня в своей Думе напринимали?

— Да какая разница?

— Дима, там до 15 лет. Просто если ты не то что выйдешь куда-то, а скажешь или напишешь слово против. Дима, это совок в своем самом худшем виде. Не знаю, тридцатых ли, но не восьмидесятых уж точно.

— Они что, всех, по-твоему, пересажают? Или ты веришь в этот бред про единогласную и безоговорочную поддержку специальной военной операции?

— Да не знаю я, во что верить, — голос на том конце трубки был таким тихим и уставшим, словно это не он, а Рита лежала все эти дни с ковидом. — Дима, слушай, а украинцы правда сами по своим в Мариуполе, а?

— Что ты такое говоришь? Да что с тобой, Рита? Побойся бога. Ладно, давай лучше завтра созвонимся.

Он повесил трубку. «Что происходит со всеми? — думал Дмитрий Маркович. — Бред какой-то. Нормальный ведь люди были. Они же не могут не понимать. Ужас». Он взял ноутбук на колени и стал внимательно читать статью Википедии «Протесты против вторжения России на Украину». Перед его глазами замелькали имена, цифры, даты. Он начал переходить дальше по ссылкам и смотреть видео с митингов, записи выступлений общественных деятелей, большинства из которых, правда, не знал. «Да, все так, все верно», — повторял он. Не смелые, а просто нормальные, обычные люди, говорящие и делающие то, что д**о**лжно, отрекающиеся от ужасной власти, проклинающие

несправедливую (а разве бывает справедливая?) войну. Как же важно, как же жизненно необходимо быть рядом с ними, стоять в одном ряду.

В субботу днем он уже точно знал, что будет делать в воскресенье. А если его задержат — ну и что с того? Почему бы не прокатиться в автобусе по городу в компании хороших людей. Он даже несколько раз посмеялся про себя, представив лицо Степана Михайловича, когда будет ему объяснять, почему опоздает или не придет на работу в понедельник. «Вот умора! Немцы, видите ли, на симпозиум не пускают». Все эти мысли настолько его развеселили, что он весь день почти не читал новости. Дмитрий Маркович испытывал такой сильный и необычный душевный подъем, что не только забыл о еще недавно мучившей его болезни, но и почувствовал себя лет на десять моложе. Как счастливый влюбленный, ходил по квартире, временами напевая что-то себе под нос вместо привычного и уже изрядно надоевшего ворчания. Он решил позвонить Григорию, чтобы договориться пойти завтра вместе. Вдвоем всегда лучше.

— Привет, Гриша! — радостно поприветствовал он друга.

— О, привет, Димка. Как ты? Выздоровел? Не умер все-таки? — раздался обычный бодрый голос на другом конце телефона.

— Да что там, чувствую себя просто отлично. Не поболел, а отдохнул наконец.

— Это прекрасно. Рад слышать.

— Слушай, я вот по какому поводу: пойдем завтра на митинг?

— Дима, знаешь, что я думаю, — еще более бодрым голосом начал Григорий, — все эти митинги фуфло полнейшее.

— Подожди, как-как? Ты же сам…

— Да нет, ты не понял. Конечно, надо остановить весь этот кошмар, только митингами каши не сваришь. Здесь более серьезные действия нужны. Необходимо настоящее сопротивление, понимаешь? Чтобы не всякие там ленточки-бумажечки, а дубины, колья и коктейли Молотова. Тут требуется что-то посущественнее и, я уверен, найдутся люди, которые смогут это сделать.

— То есть, ты сам в этом участвовать не намерен?

— А что я? Толку от меня — как от козла молока. Только все дело запорю. Я же говорю тебе: найдутся люди. И не один, и не два, а многие тысячи по всей стране. Ты представляешь, что будет, когда те же обманутые и преданные солдаты на гробах своих товарищей обратно в Россию поедут. Они же так злы будут, что этой власти не поздоровится. Хрен она устоит и что сделает против них. А родственники?

— А пока надо просто сидеть и ждать, когда придут эти спасители? — грустно резюмировал Дмитрий Маркович.

— Нет, Дима, я же не к тому, что мне страшно или что-то еще. Просто — смысл какой? Ну хорошо, давай ты мне завтра, когда будешь выходить, позвонишь, и, если у меня ничего такого срочного не будет, я с радостью пойду с тобой. Чего с другом рядом не постоять в хорошую погоду. Вроде солнце обещают. Не, ну серьезно, давай, позвони мне. Чего мне тут собираться и одеваться…

На следующий день, 6 марта, около двух часов дня Дмитрий Маркович ехал в метро в направлении станции «Гостиный двор». Ехал один. Конечно, он не позвонил Григорию. Зачем? И его ставить в неловкое положение, и самому расстраиваться. Лучше уж так, по-честному.

«Все же удивительно, как многое изменилось всего за несколько дней», — думал он где-то на перегоне между Пролетарской и Ломоносовской. — «Казалось, еще позавчера происходящее сейчас представить было невозможно, еще вчера каждый был готов кричать на каждом углу, в каждое окно, каждому чужому и своему, как ужасна, мерзка и недопустима эта война, и вот я уже еду один в метро. Ни друзей, ни коллег, никого. Может, так и уходят друзья? Не как обычно, с венками и патетическими речами, а вот так вот запросто, всего лишь оставшись дома или пересев на другую ветку метро. Но это ведь путь к новым друзьям и знакомым? К тем, кто будет стоять рядом и одним уже этим защищать тебя, даже не зная ни кто ты, ни как тебя зовут. Хотя куда мне в мои-то годы обзаводиться новыми друзьями? Мне бы горстку старых не растерять, и то было бы великим счастьем. Эх, Гриша, Гриша, где же ты сейчас? Хотя что это я из себя героя строю? Мои седины видны за километр, да к тому же я ни много ни мало доктор наук — что они мне сделают? А если и сделают: ну, оставят на ночь в отделении полиции в компании таких же умников, как я, ну, назначат какой-нибудь штраф — от меня убудет разве? Вот если бы Гришу задержали, его жена, чтобы он там про нее ни рассказывал, она же с ума сойдет просто. Это я еще молчу о его взрывном характере: такой на детском утреннике может запросто нарваться на неприятности, а на митинге… Нет, Дима, нечего тебе себя выгораживать. Ты лезешь не под пули и не под снаряды. А действительно, что они со мной могут сделать? Уволить из института? Вот уж испугали. Во-первых, не надо будет тогда никуда таскаться в холод и дождь по этому восхитительно

убранному от снега городу; а во-вторых, я же на частных уроках заработаю гораздо больше. Только это уже не я, а ко мне ходить будут… Хотя вот то видео, где парня электрошокером били, на самом деле, впечатлило. Впрочем, у меня сердце остановится, стоит мне просто увидеть электрошокер или дубинку. Но чего об этом думать? Два ковида пережил, а митинг за правду не выдержу? Глупости какие. И все же, почему так мало людей вокруг? Сейчас ведь должно быть самое время. Может, все уже там? Да нет, бред. Быть такого не может. Похоже, правду говорят — сливается протест. И дело тут не во всех этих нелепых законах, которые наши безумцы так быстро напринимали, а в банальном неверии. Не верят ни в себя, ни в свои силы. Удивительно, как легко всем вбили эту мысль, что от нас ничего не зависит. Будто мы какие-то немые зрители спектакля одного актера, и он время от времени стреляет со сцены прямо в зал. А мы должны молча глотать свинец и смотреть дальше. Выходили же буквально пару десятилетий назад миллионы. Где они сейчас? Сидят по домам и думают только: себе, себе, себе, а остальные — да гори оно все огнем. И ради таких вот людей я сейчас туда еду? Или для этой разукрашенной молодежи с их рэпперами и трипперами? Поставь их перед картой, они тебе сказать не смогут, где Украина. Потому что не интересно. Не надо им этого. У них своя жизнь, такая важная и уникальная. Так и радуются до первого призыва. Ничего, не очень долго осталось. Что-то я злой какой-то. Ведь совсем с другим настроением сюда собирался. Что со мной происходит? Я же для себя, в первую очередь, возможно, и еду. Себе показать, что нет, я еще человек; сколько всего было в жизни, а не сломали гады, не прогнули. Надламывали часто: рыдать, умереть хотелось, лечь и забыться. И ложился, но всегда вставал потом. И столько прекрасных студентов воспитал! Пусть только один-два на курс, но сколько было таких курсов, сколько было лет… Удивительно, наверное, для тех, кому сейчас двадцать-тридцать — всё так в новинку,

так неожиданно, а сколько раз мы уже это переживали… Страшно подумать, сколько раз еще пережить придется. И, может, мое место правда не здесь? Может, мне надо думать сейчас о том, что я лучше всего могу и умею? Думать об этих студентах, которых надо учить. Нет, одними только репетиторскими занятиями тут не отделаешься. Здесь нужен весь институт, чтобы с формулами и графиками к только мирному атому. Не обязательно даже что-то говорить, чтобы тебя услышали, поняли. Правда и справедливость — они же разлиты в этом мире и притягивают к себе каждого, кто их ищет. Надо лишь слегка подтолкнуть, немного помочь в выборе правильного направления. Это ведь так просто и так важно. А главное, можно начать прямо завтра. Хотя такое ощущение, что мне после этой прогулки придется сразу упасть в кровать и проспать до утра. Не успею подготовиться. Тогда в среду. В среду точно. А что я тут сделаю? А главное, зачем? Ладно, раз доехал, конечно, пойду постою недолго, но потом сразу домой. Не хватает мне еще разболеться снова…»

Дмитрий Маркович вышел на станции «Гостиный двор» и немного неуверенной походкой, опустив голову, ступил на эскалатор. Он говорил что-то себе под нос, то шепотом, то почти вслух, хотя со стороны могло показаться, что он скорее постанывает. Примерно на середине пути Дмитрий Маркович вдруг замолчал и поднял голову, смотря сквозь затылки и спины пассажиров. Его глаза светились решимостью, которая, впрочем, достаточно быстро сменилась неким подобием одухотворенного спокойствия, смирения с судьбой, готовности ее принять. Когда ступень эскалатора, на которой стоял старый учитель, сложилась под его ногами и быстро потекла под металлическую решетку пола, он увидел впереди за дверями, отделявшими вестибюль метро от улицы, веселое мерцание огоньков полицейских машин, ложившееся на металл, стекло и гранит станции метрополитена. Дмитрий Маркович на пару

секунд замер, оставив правую ногу висеть в воздухе, а затем уверенным шагом двинулся к эскалатору, ведущему обратно, вниз, в глубь станции. Его взгляд оставался таким же спокойным и таким же отрешенным. Спускаясь, он не замечал ни новых страшных рекламных плакатов, ни удивительно ярко светящихся ламп, установленных на балюстрадах, ни того, как одна из таких ламп выхватила из потока людей и словно солнцем озарила желтую вязаную шапку, летящую вверх по эскалатору.

Роман Кремерс

Последний день

Есть такие места — они могут тебе нравиться или не нравиться, они могут быть приятными или отталкивающими, чистыми или грязными, ты можешь быть там нужен или не нужен, ты можешь знать там каждую кочку или приехать туда в первый раз, но стоит тебе там оказаться, ты сразу вворачиваешься в них, как лампочка в патрон, и дальше нет никакой необходимости объяснять, куда идти, что делать и как тут все устроено.

Я уже много лет никому не нужен в Москве и мне она в хуй не уперлась, но я по-прежнему знаю, как и почему поведет себя в каждую следующую секунду сумасшедший конвейер столичной жизни. Я всегда там к месту. Это не дело привычки, Москва может хорошеть сколько ей влезет, мне это не мешает и не помогает. Я знал, как она работает, когда в первый раз в жизни вышел из электрички на погруженном в блэкаут Павелецком вокзале. Точно так же знаю и сейчас. Например, я знаю, как тут функционирует время. Оно это делает редкостно сволочным образом.

Примерно до 9 утра время просто стоит на месте. Иногда оно продолжает ковыряться и бездельничать до десяти — и ты, несмотря на все чудеса эффективности, вынужден тратить массу усилий только на то, чтобы просто запустить мир вокруг себя с толкача. В стародавние времена этому было как минимум два объяснения. Во-первых, трехчасовая разница с Лондоном. Во-вторых, непомерная привычка жителей столицы к ночной жизни, причем во всех ее проявлениях — от походов в клубы до покупок в магазинах. Сейчас оба эти объяснения не работают. Про Лондон даже говорить смешно. Да и стремления у среднего московского работника нюхать кокс до пяти утра тоже как-то поубавилось.

Ладно, это все полбеды. После того как мир завелся и поехал, московское время начинает скакать под вами

взад-вперед, то ускоряясь, то разворачиваясь вспять. Лучше об этом вовсе не думать. Местные так и делают. Они давно поддались вымученной беспомощности. В конце концов, в таком холодном климате ни у кого нет лишней энергии, чтобы бороться с противником, настолько превосходящим тебя по силе и хитрости. Поэтому, когда твой проживший 25 лет в Москве немецкий коллега на предложение встретиться пишет тебе нечто вроде «… позвони мне в понедельник в районе десяти и договоримся», ты роняешь легкое «бля» и, собрав волю в кулак, отвечаешь: «Йеско, я прилетаю в воскресенье и буду у тебя в офисе в понедельник 21-го в 9:00. Принесу кофе с Даниловского. Тебе с молоком или без?». Разумеется, такое можно написать только из благополучного изгнания. Находясь внутри московского времени, никто не позволит себе подобную наглость.

Остается сущая мелочь — правда быть в девять утра на нужном месте.
Это на самом деле не так сложно, тем более что пройти надо всего километра полтора. Имеет значение, где ты при этом просыпаешься.
В понедельник 21-го числа я открываю глаза и вижу старые детские картинки и фотографии детей в пионерской форме. Тут уж любому без дополнительных объяснений понятно, что пора вставать и бежать в школу. Даже если это не твои фотографии и дом не твой, и родители, которые задорно зовут тебя завтракать, совсем не твои. На двадцатом году знакомства с женой границы в голове потихоньку размываются. Вот же, рядом с детскими картинками, висят ваши фотографии десяти- и пятнадцатилетней давности из какой-то уже совсем позапрошлой жизни. Хрен его знает, может и совместные школьные фотки тоже где-то найдутся. Рыжие от фонарей московские сумерки сменяются серым февральским утром, значит, пора сворачивать милый утренний кофе и выбегать на улицу.

Но сначала хорошо бы проверить, что взял с собой пакеты с передачками. «Столько всего нужно привезти в Москву, — заверещал в голове голос Марлена Михайловича из «Острова Крым», — колготки, водолазки, лифчики…» Нечего расчесывать эти русофобские мысли. Приятно, конечно, выступать в роли деда мороза и привозить «запрещенку» в виде пармезана с хамоном, но и эти просьбы в последнее время сходят на нет. То ли экспорт наладился, то ли потребительские привычки перестроились. Во всяком случае, передачек в этот раз было всего две. Или целых две. Статистика тут не помогает.
Первая — витамины для Тани, подруги жены, которая страдает чем-то аутоиммунным, но благодаря лужковской, а затем собянинской медицине успешно остается на ногах в устойчивой ремиссии. Насколько импортные витамины помогают в этом процессе, доподлинно не известно. Возникли они в таниной жизни восемь лет назад, когда болезнь только вступала в горячую фазу и заграничные подруги сбросились на консультацию в дюссельдорфской университетской клинике в надежде на чудо западной медицины. В Дюссельдорфе деньги взяли, пожали плечами и сказали, что лечение, которое назначили российские коллеги, до запятой совпадает с их немецким протоколом. Передали коллегам привет и пожелали не болеть. Ну и чтобы совсем не брать деньги просто так, назначили эти самые витамины, которые вот уже восемь лет позволяют всем ощущать себя хорошими людьми и сохранять чувство контроля над ситуацией.

Встреча с Таней назначена на 8:15 у стойки кафе «Человек и Пароход». В основном из-за того, что это единственный кофе-бар на хипстерском Даниловском рынке, открытый в такую безбожную рань

«Приве-е-ет!», — слышится голос невысокой стройной девушки с кудрявыми черными волосами в таких мелких завитках, словно они отрастали после химии. И массивный шерстяной свитер девушки в коричнево-черных тонах, и ее пальто, лежащее рядом на высоком столе «Человека и Парохода», почти сливаются с кофейными вывесками на заднем плане. В статичном положении практически ничто не выдает ее болезнь, кроме трости, странно смотрящейся у девушки ее возраста. Впрочем, палочка сейчас спрятана под столом и мне ее не видно.
«Здра-а-а-сти!» На долю секунды я забываю, как Таню зовут, но потом беру себя в руки и быстро воспроизвожу в голове темы для смоллтока: (I) удивиться теплой погоде в конце февраля, (II) рассказать глупость про работу, (III) разузнать, как дела у Кирилла, это ее сын, вспомнить бы, в каком он классе. Да, и еще сделать милый комплимент.

— Этого же просто быть не может! То есть, ты за восемь лет совершенно не изменилась, а я тут такой приезжаю, лысый толстый дядька, и ты же меня первая узнаешь в толпе!
— Ну ладно тебе. В толпе.. мы тут вообще практически одни.. — Таня явно сражается с моим кривым комплиментом и мне пора прийти ей на помощь.
— Так, сразу, пока я не забыл. Вот, держи свою биохимию, — я протягиваю ей довольно увесистый сверток в пакете из немецкой интернет-аптеки. Маленький провинциальный гномик в моей голове радостно рапортует, что вот, дескать, и до нас дошла цивилизация, почти как в столице. — Вика следующую партию летом привезет. Тебе хватит?
— Да, конечно, тут на 250 дней! Продержусь даже в случае ядерной зимы, — радостно шутит Таня, тянется за пакетом и со звоном роняет стоящую рядом алюминиевую палку. Все делают вид, что никакой палки нету.
— На случай ядерной зимы всегда есть я, — не менее элегантно отшучиваюсь. — Мне теперь сюда по работе точно придется раз в месяц мотаться.

Пока Таня как бы незаметно поднимает палку, я как бы непринужденно бегу нам обоим за кофе. К счастью, ничего моднее чем «экстра прожаренный флэт уайт» в меню нет, и мне не приходится долго раздумывать и воссоздавать по частям смысл прочитанных названий. Беру для Йеско этот самый флэт, а для нас с Таней чего попроще.

— И почему же тебе теперь придется у нас бывать? — вежливо интересуется Таня
— Новый работодатель, который смело верит в российский рынок, — отвечаю я, пытаясь не нагружать Таню деталями
— Правда? — отвечает она как будто немного раздосадованно. — А их ничего не смущает?

Таня делает неопределенный жест, как мне кажется, в сторону работающего неподалеку телевизора.. или радио.. или утюга.

— Вот сейчас наши как начнут вторжение.

Поскольку с раннего детства я знаю, что российское вторжение может совершаться только и исключительно в виде удара Псковской Гвардейской Воздушно-десантной танковой дивизии в направлении Нарва-Резекне-Бурачки, я тут же хочу возразить, что это все пропаганда, но вовремя вспоминаю, что последнее время обстоятельства изменились.

— Да ну, никуда они вторгаться не будут.. ну а даже если будут, у меня все начальство швейцарцы. Знаешь, что это за люди? Это горцы! Они воинственны и жадные до неприличия. Будут через линию фронта туда-сюда бегать, патроны продавать в обе стороны.

Я даже почти не шучу. Я даже имел примерно такую беседу. В любом случае, пора быстро поговорить про маленького (или уже не очень маленького) Кирилла, хватать флэт вайт и чесать к Йеско.

Про погоду поговорить с Таней не удалось, но в ней и правда не было никаких очевидных признаков зимы. Оставшийся километр до офиса Йеско, мимо циклопических строений и вдоль двенадцатиполосной Большой Тульской улицы, можно было преодолеть хоть и без особого комфорта, но и без боязни навернуться и навсегда утонуть в сугробе.
Вообще-то компания, которой руководит Йеско, находилась в Жуковском, а мы с ним договорились встретиться в офисе для представительских целей. Здание располагалось прямо у эстакады Третьего кольца — с внутренней стороны, так что формально оно даже было в центре Москвы. Много лет здание верой и правдой служило офисом покрытия ущерба компании «Ингосстрах» и имело соответствующие родовые признаки в цветовой гамме.
«Спасибо за кофе, Роман. А “Ингосстрах” отсюда давно съехал», — с некоторым чувством превосходства сообщил мне Йеско, когда я наконец добрался через многочисленные двери и турникеты до его кабинета на четвертом этаже с видом на гигантскую автомобильную парковку, раньше заполненную побитыми машинами клиентов, жаждущих покрытия ущерба, а нынче полупустую и местами припудренную мелкой февральской порошей. «Тут почти только мы и остались. Такая уж у нас се ля ви…».
Йеско прожил в России уже 25 лет и почти пятнадцать из них провел на нынешней должности. За это время он успел принять православие и даже время от времени представлялся именем, полученным при новом крещении — оно не имело никакой связи с именем в его немецком паспорте. Он выучил русский до такого виртуозного уровня, что в первые минуты общения иностранец в нем не опознавался совсем. Через какое-то время собеседник

начинал ощущать легкий натовский акцент, но вполне мог принять Йеско за какого-нибудь потомка белоэмигрантов. В общем, не будь Йеско геем, он бы уже давно и окончательно слился с подмосковным пейзажем.

— Роман, присаживайся, пожалуйста, — приглашает он.
Я сажусь и с уже отработанной фразой «вот, пока не забыл» протягиваю ему вторую передачку из моего рюкзака. Что в ней, я не знаю, но мама Йеско из Мёнхенгладбаха дала мне честное слово, что российские пограничники меня не арестуют.
Кроме уже упомянутого окна офис Йеско украшает фикус, сделавший бы честь любому известному мне директору завода, а также масштабная рельефная карта России и бСССР со скромными флажками региональных представительств.

— Очень рад наконец-то познакомиться с вами лично, — начинаю я деловую часть.

(I) пара слов о себе, (II) слить слухи из головного офиса во Франкфурте, (III) понять, что ему вообще-то надо.

— Мы, кажется, договорились, что мы на «ты», — перебивает меня Йеско и я немного снижаю пафос своего повествования.

Йеско слишком давно в компании, я далеко не первый человек, который поет ему о волшебных перспективах, так что его общий скепсис в целом понять не сложно.

— Тут все очень просто, — суммирую я после запутанных объяснений. — Ты в этой компании уже сколько лет? 15? И имеешь все шансы еще пятнадцать отработать.
— Скорее 5-10, — отчаянно парирует Йеско.

— Согласен. Все прошедшие пятнадцать лет тебе рассказывали, что на новые проекты у компании денег нет. И тут появляются наши новые акционеры и кричат, что хотят во что бы то ни стало инвестировать в Россию прямо сейчас и как можно больше. Через три-четыре года ни этих акционеров, ни всей камарильи, которая появилась вместе с ними, тут не будет, включая меня. Зато ты останешься и, когда мы сгинем, будешь руководить бизнесом в два раза большим, чем сегодня. Чем не перспектива?!

Он пережевывает эту новость.

— Нам нужно больше делать тут в России, — наконец отвечает Йеско. — А то мы и проволоку, и припайки возим из Италии. С этим курсом мы скоро всю рыбу распугаем.

Русский язык Йеско продолжает поражать меня своей цветастостью. Я в бизнесе ровно четыре недели и слово «припайка» слышу впервые. О какой проволоке может идти речь, я также имею довольно смутное представление.
— А с российскими поставщиками ты никогда не пройдешь нашу сертификацию, так я понимаю, — тем не менее, я пытаюсь подобрать его мысль и, судя по активным одобрительным кивкам, попадаю куда надо.
— Ну да, зато поставщиков можно купить и переделать под нас производственный процесс. У нас доля рынка такая, что мы любой российский завод на 200% загрузим. Тут мой помощник Алексей уже составил список предприятий, с которыми мы могли бы работать. Сейчас я его позову.

Кажется, это не совсем то, что жаждут видеть мои швейцарцы, но лиха беда начало, как сказал бы тот же Йеско. Впрочем, Алексея нет на месте, и мы договариваемся продолжить раскрывать тему по переписке.

— У нас, на самом деле, совсем другая проблема, — Йеско окончательно переходит на доверительный тон, — тут наш воркшоп выселяют.
— Это как это — выселяют?
— Ну, там, как тебе сказать… там, где у нас цех, это… как его, дьявола… — тут я понимаю, что цветастый русский Йеско черпает себя в книжной классике XIX века, — режимный объект там. Самолеты ремонтируют. Нам, чтобы в свой воркшоп попасть, нужно каждый раз на трех проходных документы показывать. А у меня, между прочим, паспорт страны НАТО. Вот так. К директору завода пришли недавно эти господа из… — у меня чуть не вырвалось «из Охранного отделения», — … ну, ты знаешь какие… и говорят, мол, надо выгнать отсюда всех иностранцев в течение трех месяцев.
— Дураки эти ваши господа, лучше бы они нам самолеты дали ремонтировать. Или танки. Мы, небось, не хуже их режимного объекта бы справились, — пытаюсь я поддержать боевой дух.
— Да-да, — грустно кивает Йеско, — я хотел спросить, может ты кого-нибудь знаешь, кто на юго-востоке цех сдает? Пару тысяч квадратов, небольшой.

Когда выяснилось, что ни склада, ни цеха на юго-востоке от меня не дождешься, Йеско моментально потерял интерес к беседе и, быстро отчитавшись о недавней поездке на горнолыжные курорты Казахстана, передал меня в руки секретарши.

— Йеско Владимирович — необыкновенный человек, — сообщает мне секретарша Елена, провожая к выходу через катакомбы и хитросплетения лестниц офиса класса Б. Мысль интересная, но продолжения она не получает.
— А вот вы, Роман, — продолжает Елена, — как вам работается с немцами?

Вопрос оказался труднее, чем мне хотелось бы, и стоил нам с Еленой нескольких ступенек неприятной тишины. Этого времени мне хватило, чтобы вспомнить историю московского приятеля, который назойливо лез к русскоязычной, но рожденной в восточном Берлине девушке с вопросом: «Ма-а-а-аш, а, Ма-аш! ну ка-а-ак тебе тут живется с этими немцами?!»

— Нормально работается, Елена, я привык уже.

Ради такого ответа не стояло молчать несколько ступенек. Елена тоже разочарована.
— Ну, до свидания, — выдыхает она, выпуская меня на продуваемую всеми тремя ветрами Третьего кольца автомобильную парковку. — Йеско Владимирович мне сказал, что вы будете у нас частым гостем.

Можно считать, что переговоры прошли удачно.

— Да, похоже, что так и будет, — тут уж пора проявить немного энтузиазма. — Я вот подумал, может, вы мне к следующему приезду оформите пропуск, чтобы я вас каждый раз не таскал вверх-вниз по ступенькам?
— Да ладно уж, таскайте.. вы когда снова к нам?
— В апреле. Самое позднее — после Пасхи, — сказал я и понял, что только что прозвучал еще старорежимнее, чем Йеско.
— Ну, до тех пор еще масса всего случится, — улыбнулась Елена.
— Дай-то бог, — я продолжаю строить из себя поручика Голицына и тоже улыбаюсь.

Через десять секунд рабочая часть дня осталась за захлопнувшейся дверью офисного центра. Утренняя Москва смотрела на меня, продирая свои приоткрытые глаза и неохотно потягиваясь. Взгляд был недовольный, но в нем

уже угадывалось, что сейчас она разойдется.
На противоположной стороне Огромной и Непреодолимой Большой Тульской уже начинали открываться магазины самого несуразного на свете ТЦ «Ереван Плаза», а чуть дальше, в еще более несуразных зданиях арбитражного суда и налоговой инспекции, включались компьютеры, а пространства у кулеров и кофейных автоматов заполнялись веселыми молодыми людьми, полными честолюбивых планов. Как десять лет назад в офисах западных банков и американских агентств. И как 40 лет назад — в НИИ и проектных институтах. Ничего не менялось ни в офисах, ни на улицах.
Снега становилось все меньше, улыбок все больше. И даже дышать на Большой Тульской стало можно без специальной подготовки. Впрочем, может, все дело в февральском ветре.
Я отрываю взгляд от гигантского билборда с рекламой предстоящего релиза айфона и перебираю в уме сегодняшние дела.
(I)Не забыть вечером зайти в «Ереван», в магазин игрушек за настолками, (II) придумать, как попасть на «Большевичку» и заказать костюмы, (III) проверить почту и вотсап, убедиться, что все, кто вчера жаждал со мной встречи, сегодня утром все еще об этом помнят.
Можно смело начинать с третьего пункта.

В старые времена московский транспорт позволял запихнуть в день три, ну, четыре встречи. Теперь Москва похорошела и я решаюсь на шесть — или даже шесть с половиной, если считать Таню.
«Андрей, брат, я все еще жив и готов встретиться в 11 на Полянке. Мне необходим второй заход кофе. Спасай!»
«Игорь, как оно? У нас все в силе? В час в «Кофемании» на Лубянке?»

«Привет дорогая Наташка! Ну как, ты же удостоишь меня своим вниманием? Как договорились, в три в Сити? Я вообще в свободном режиме. Могу еще куда-то подъехать Пиши!»
«Ребята, у меня все в силе! Я к вам часов в шесть домой припрусь. Или лучше позже, чтоб вы очухаться успели? Принести что-то? До скорого!»

Теперь можно шагать в сторону метро «Тульская» и ждать, кто что ответит.
Шагать приходится все время вдоль одного единственного здания почти в полкилометра длиной. Собственно, это здание — «дом-корабль» — и задает тон в жутковатом ансамбле Большой Тульской. Дом-корабль стал вершиной советского брутализма и из-за обилия в нем одиноких физиков-атомщиков был прозван еще «домом холостяков». Можно верить или не верить в карму или в силу места, но количество секс-шопов, нашедших себя в наше время на первом этаже дома-корабля, иначе не объяснишь.
Вотсап откликнулся уже на втором сексшопе с конца.
«Ромарио! Брателло! Не могу, ну никак. Тут у меня такое..»
Далее следует скриншот календаря, из которого становится ясно, что Андрей проведет все утро на заседании совета директоров и будет обсуждать «статус исполнения приказа №1 по группе».
«Сорян, старче. А есть еще слоты? Давай завтра? Завтра я целый день без дела. Только в пять оперативка»
Забыл про меня, разумеется…
«Ну, с приказом №1 не поспоришь:) я завтра отчаливаю рано утром. Ты на Трехгорке? Я напишу, что со слотами».
Московское время опять растянулось как длинная теплая жвачка.
«Игорь, а в 12 на Лубянке можешь? Извиняюсь.. и продолжаю жаждать встречи».
Мимо проплывает последний подъезд дома-корабля с «Макдоналдсом» и кучкой прочего подозрительного

общепита. Там все еще громоздятся окошки раздачи в форме бойниц. Чума прошла, а рубцы от пережитого ковида остаются.
В этом месте толпа сворачивает под землю в переход к метро «Тульская». Я задерживаюсь на несколько секунд и смотрю на редеющий трафик. Толпа людей и машин замедляется, становится чуть ярче и у же не так отчаянно колотит ногами по ступенькам перехода.
Я никуда не сворачиваю. Мне теперь торопиться решительно некуда. И только накатывающий, то тут, то там шальной порыв февральского ветра толкает меня спрятаться. Не идти же теперь в забаррикадированный «Макдоналдс» — и уж тем более, не бежать же прятаться в «Ереван». Просто продолжаем движение. Сейчас время снова ускорится. Оно не сможет так долго топтаться на месте.
«Ромыч, дорогой, мне очень стыдно, но я тебя сегодня никак увидеть не смогу. Я лежу дома совершенно больная с температурой 40. Ты надолго? Может, я через пару дней оклемаюсь».
Кому-то другому можно было бы и не поверить, но Наташка, скорее всего, правда валялась дома и уж точно была как минимум при смерти, если написала такое.
«Наташка, это хотя бы не оно? Хочешь, я приеду, тест привезу. У меня с собой много», — почему-то в Москве, в которой есть все, нету этих чертовых антиген тестов. — «Я завтра рано утром улетаю».
«Точно-точно не оно. Я уже проверила. Ты с кем нибудь из наших увидишься?»
«Наши» — это работники группы по сопровождению сделок московского офиса КПМГ образца пятнадцатилетней давности. Наших не так уж много на свете, но почти все они как-то связаны между собой. Пятнадцать лет назад наши очень много времени вместе проводили на работе. Еще они вместе веселились, пили в клубах и в офисе, курили на заднем дворе и плели коллективные заговоры, не спали и

спали, строили планы, строили новую жизнь себе, другим, российскому бизнесу и вообще всей стране. В основном наши друг на друге переженились, что не удивительно, учитывая вышеприведенный рабочий график и тот факт, что все они от рождения были нёрды. Меня от этой банальной судьбы уберегло только еще более банальное и еще более нёрдское знакомство в университете.
«Наши все в Турциях-Египтах. У вас тут каникулы какие-то. Выздоравливай, пожалуйста».
А ещё дофига наших давно в Сингапуре-Лондоне-Нью-Йорке. Достраивают новую жизнь, наверное.
«Понятно.. до завтра утром выздороветь не успею».
«Тогда до следующего раза выздоравливай. Устроим большую сходку».

Продолжаем движение, сейчас что-нибудь нарисуется. Иначе и быть не может.
«Ромка, да, давай в 12 на Лубянке».
«Спасибо, Игорь. До потом».
«Андрей, как тебе слот в 14.00 у тебя на Трехгорке?»
«У меня! Да! Тысячу раз да! Щас пришлю, куда точно».
Ну вот, я же говорил. Время вошло в шаг. Теперь главное — не выпасть из его темпа.
Оглядываюсь — и оказывается, что вокруг меня желтые шестиэтажки, осененные ажурным чудом Шуховской радиовышки.
Серое свинцовое небо по страшному секрету ненадолго улыбается, показывая яркое солнце конца февраля. Вдруг оказывается, что не всё вокруг зачищено до казарменного блеска.
Солнце подсвечивает несколько внушительных сугробов, покрытых черной сеткой грязного льда. Строителей, покуривающих у входа на проходную стройки какого-то заштатного ГУПа. Солнце указывает на жизнь в чудом сохранившихся несетевых магазинчиках и даже в поплывших снеговиках из небольшого парка за оградой

шаболовского телецентра. Я подмигиваю солнцу в ответ и радуюсь этой компактной тихой Москве без десятиполосных дорог, небоскребов и пафосных питейных заведений.
Еще несколько поворотов — и я вижу небольшую площадь за трамвайными путями. Раньше, конечно, про площадь никто не знал. Ее следы обнаруживаются только после очередного похорошения и избавления от наслоений беляшей, пива, мороженого и салонов сотовой связи. Зато теперь на площади есть выглядящие в феврале форменной издевкой скамейки — и только каким-то чудом нет качелей. На одной из скамеек сидит грузный мужчина, и, подставляя щеку с телефоном скромной улыбке солнышка, громко рассказывает, что он юрист с тридцатилетним стажем и восемь раз ебал все СНИПы.
Сразу за ним вестибюль метро «Шаболовская». Пора шагать туда в ногу со временем.

«Граждане пассажиры, прослушайте важную информацию…»
Небесный голос настраивает тебя на нужный лад с первой же секунды. Оказывается, что на карте «Тройка», которая провалялась без дела в рюкзаке последние два года, все еще есть 150 рублей. Не может быть, чтобы они остались с прошлого раза, скорее всего, Вика недавно зарядила. Ну что ж, можно бросаться вниз через турникеты.
От утреннего потока не осталось и следа, людей вокруг не больше, чем в вечерние часы пик во Франкфурте. Стеклянные ворота турникета раскрываются. Ноги, руки и, главное, глаза вспоминают нужные положения и движения. Пока ты в вестибюле станции, ни в коем случае нельзя показывать сомнения и колебания. Не смотреть на указатели, не вертеть головой. Смотреть четко под ноги, или в телефон, или вперед — уверенно, строго или отрешенно, иначе не успеешь оглянуться, как станешь легкой добычей для парочки скучающих ментов в дальнем углу у эскалатора.

«Уважаемые пассажиры, о подозрительных предметах, лицах в пачкающей одежде, курящих и занимающихся … попрошайничеством», — голос всегда запинается перед этим словом, — «сообщайте дежурным у эскалатора, сотрудникам транспортной полиции или по связи пассажир-машинист..»
Конечно, я знаю, что у меня уже нет временной регистрации, что способ кормления ментов давно изменился и что система «Безопасный город» автоматизировала и облагородила их труд. Но руки, ноги и глаза все помнят и ничего не могут с собой поделать.
На Шаболовке все просто — тут один эскалатор, очень глубокий, минуты на три-четыре, внизу одна-единственная платформа. Волноваться совершенно не из-за чего, надо только вспомнить в какую сторону сворачивать внизу.
Там тоже нельзя мешкать. Там, на входе в это маленькое подземелье, тоже стоят сотрудники транспортной полиции, и, как ангелы господние, видят все грехи в душе твоей. Отметку о въезде в миграционной карте, паспорт, визу.
«Стойте справа лицом по направлению движения эскалатора, по возможности проходите слева. Придерживайте полы длинной одежды во избежание ее попадания в элементы лестничного полотна эскалатора. Держите детей за руку или на руках».
Единственное, что можно себе позволить, — это короткий взгляд на таблички с названиями следующих станций, висящие около спуска.
Ну уж нет! Хватит! Нету надо мной вашей власти, тупомордые наглые ментовские свиньи. Нету. Идите, ловите кого-нибудь другого. Таджиков с узбеками, студентов журфака, неудачно сходивших на митинг, еще каких-нибудь лузеров. А я — белый человек, почитай что местный. Только пальто у меня какое-то мудаковатое, как будто с Сергей Семеновича снял. До элементов лестничного полотна оно явно не дотягивает.
Мне на «Китай-город», значит, платформа справа — в центр.

На Шаболовке все предельно просто. Сходим с эскалатора и баста. На Китай-городе будет сложнее.
«Уважаемые пассажиры! Напоминаем вам, что московский метрополитен — уникальное архитектурное сооружение».
Гром и лязганье железа на правой платформе напоминают, что поезд уже близко и можно выйти на низкий старт. Однако, несмотря на многообещающий лязг, из туннеля показывается не классический мытищинский состав, а нечто остро современное. Лязг, визг и гром, как подсказывает тебе изнутри сознания энциклопедия никому не нужных фактов, это потому что колесную пару в Мытищах переставили со старых вагонов и пожалели денег на маленькую резиночку сбоку. Впрочем, может быть, я просто еще не принюхался.
Истинный объем свистелок и перделок в новом вагоне становится понятен только изнутри. Их видимо-невидимо. LED-лампочки меняются с красного на зелёный, LCD-дисплеи светятся громко и радостно, как на китайской новогодней елке.
«Осторожно, двери закрываются. Следующая станция — «Октябрьская», переход на кольцевую линию».
Поскольку народу в вагонах немного, а перегородок нет, глаз не встречает сопротивления и видит на всю длину поезда — уходящий вглубь подземелья бесконечный ряд поручней, подсвеченных теплым красным светом. Конструкция, которая поразила мое детское воображение еще двадцать лет назад в Гонконге и в Берлине. Правда, в Берлине все за двадцать лет поиздержалось, засижено бомжами и ходит не слишком регулярно. А тут — вот вам, пожалуйста, все прекрасное и новенькое. Когда оно затрется, растреплется и тоже будет засижено, то все выкинут на свалку вместе с бомжами и новое купят. И там в этом новом будет еще больше USB-портов, и скоростной интернет, и доступ к единому окну с каким-нибудь полезными шнягами. Самое прекрасное в этой трогательной заботе, что от тебя почти ничего не требуется. Чтобы построить это метро, от граждан

требовался ГУЛАГ и публичное отречение от родственников. А теперь — время от времени нужно на что-то закрывать глаза и ставить лайки, даже налоги платить толком не приходится. Это же ни в какое сравнение не идет с перспективой, например, быть похороненными где-то под Нарвой.

«Станция «Китай-город». Переход на Таганско-Краснопресненскую линию. Уважаемые пассажиры, при выходе из вагона не забывайте свои вещи», назидательно говорит небесный голос. «Kitay-gorod station, change here for line number seven».

Здесь нужно опять сгруппироваться. Быстрый взгляд исподлобья на висящую навигацию, вперед по ходу к первому вагону в центр. Тут надо подняться по лестнице, пройти мимо головы счастливо и вовремя умершего от чахотки революционера Ногина, а дальше все время держаться левее, не задерживаться и надеяться, что попадешь в нужный выход.

После нескольких отчаянных поворотов и подъемов передо мной открывается поверхность земли, залитая ярким дневным светом, которая, о чудо, оказывается Новой площадью. Московское время снова повторяет свой хитрый фокус — вдруг оказывается, что оно где-то срезало угол и на часах уже полдень. А мне до «Кофемании» еще минут десять шагать, если не ошибаюсь.

И ветер, и солнце тут совсем не такие, как хмурым холодным утром у Третьего кольца. Даже машины по широченной Новой площади едут не так, как по Большой Тульской, а так, чтобы лишний раз никого не потревожить. Разумеется, тут есть кого тревожить. За фасадами псевдорусского ар-нуво явно происходит что-то важное, но что именно, толком никто не знает и знать не хочет. Навечно закопанный в леса «Политех» ответа не дает, еще меньше ответов у веющих мертвечиной табличек на домах. «Русское географическое общество», ресторан «Разведка», кафе «Контрразведка» — или наоборот. Только в «Кофемании»

жизнь и сохраняется.
Ура-ура, 12:06, я почти не опоздал. Могу спорить, что Игоря тут еще и близко нет.
Невнятный час, но «Кофемания» полна народу и, несмотря на легкомысленное название, народу весьма серьезного вида. Потыкавшись во все концы в поисках свободных мест и увернувшись несколько раз от распорядителей зала, я в итоге наткнулся на Игоря, который сидел в дальнем аппендиксе и с весьма деловым видом давал распоряжения официанту.

— Здорово! — поприветствовал я
— Привет! Ты заказывать будешь? — обернувшись обратно к официанту, Игорь обстоятельно продолжил прерванную фразу. — Значит, кроме чая, у меня будет лосось и киноа.

Я пользуюсь секундой, чтобы стоя взглянуть на меню и тут же завести внутренний спор, что лучше выбрать — оливье или пельмени. Официант переводит на меня взгляд.

— Мне, будьте добры, сибас с птитим, — произношу я вслух, не выдержав виртуального общественного давления, захлопываю меню и плюхаюсь на стул напротив Игоря.
— Ну, теперь, правда, привет, — обращается ко мне Игорь, выпуская из зоны внимания официанта, отправившегося за птитим и киноа. — Как оно у тебя?
— Более-менее, — отвечаю я предельно честно.

Из всех известных мне живых людей Игорь, пожалуй, один из самых умных. Врать ему не хочется совсем, особенно по таким мелочам, как состояние моих дел.

— Это хорошо, — говорит мне Игорь, обстоятельно растягивая гласные. — У меня примерно так же. Сейчас, извини пожалуйста, мне надо коллеге ответить.

Игорь заныривает в телефон, а я, наконец, могу относительно спокойно оглядеться и понять, где я. Во времена моей мирной жизни в Москве я ни разу не был в этом ресторане, да и, по чести говоря, вообще не любил бывать на Лубянке. Можно было бы выпендриться и сказать, что из-за тяжелого духа соседних зданий — а можно честно признаться, что ни одно из моих московских и подмосковных жилищ не имело с Лубянкой прямого метро-сообщения и ездить сюда было просто неудобно.
К своему удивлению, я обнаруживаю вокруг себя публику, крайне непохожую на ту, которую привык видеть в одноименном заведении на Никитской, где и я, и Вика бывали крайне часто. Местная «Кофемания» до бортов наполнена очень серьезными дядечками в серых инфернальных костюмах и не менее серьезными дамами, выражения лиц которых не допускают никаких сомнений в их богоизбранности. Даже те из посетителей, кто помоложе и понеопытней, блестят совсем не тем наглым блеском, каким, например, отсвечивают получившие первый большой бонус ассошейты из инвестиционного банка, хоть они и похожи часами и костюмами. Вокруг меня обедают пидарасы из стекла и стали совсем другой марки. Той самой, которую отливали в горкоме комсомола во времена, когда я еще носил октябрятскую звездочку.
На этом фоне Игорь, набивающий что-то в телефоне с косой ироничной ухмылкой и следами совсем другой богоизбранности на лице, смотрится довольно странно. Я, как и везде в холодном климате, в принципе смотрюсь тут диковато. Спасает только пальто как у Сергей Семеныча.

— А кто, бля, все эти люди? — страшным шепотом интересуюсь я у Игоря, улучив обратно его взгляд и надеясь, что пробегающие мимо официанты меня не засекут.
— Аптекари, — уверенно, но тоже очень тихо отвечает Игорь.
— Поясни для не местных?

— Ну, из АП люди.

Будь разговор по работе, я бы и в первый раз не переспрашивал, но Игорь, как я уже говорил, один из самых умных известных мне людей, и всё равно догадается, если я начну пытаться выяснить значение этого слова из контекста.

— Неместные все еще ничего не понимают.
— Из администрации президента, — отвечает Игорь, и в его голосе чувствуются назидательные нотки.
— Ага, — киваю я понимающе и меняю тему на, казалось бы, более нейтральную. — Как ваши стартапы поживают?
— Э-э-э…

Будучи умным человеком, Игорь очень хорошо осознает, что нет ничего более ценного, чем время. Особенно ценным является его собственное время. То самое, в которое можно заниматься игрой в гольф и воспитанием дочек. Эту важную максиму Игорь осознал уже очень давно, потому все его попытки служить бездушным корпорациям закончились еще в ранней юности. С тех пор любая его работа служила прежде всего его же, Игоря, интересам, и не должна была отнимать слишком много моральных сил и времени.

— Э-э-э. Мы сейчас с парой интересных проектов работаем по компьютер вижн.
— Клево, импортные или местные?
— А нам без разницы. Но скорее местные. Нам от акционеров прилетает. В местных нам разобраться легче, кто там в своём уме, а кто нет.

Как и во всем, что касается венчурного финансирования разнообразной антинаучной фигни, моего скудного образования хватает примерно на 30 секунд осмысленной беседы. После чего я перехожу к проверенной практике и повторяю последнюю фразу собеседника. Возможно, Игорь

делает с клиентами и партнерами то же самое, но, по крайней мере, в глазах его акционеров этого достаточно чтобы доверить ему решение, в какие стартапы им надо вкладывать деньги, а в какие нет. Кем конкретно были эти акционеры, Игорь никогда не рассказывал, а я не был уверен, что могу спрашивать.

— В западных проектах у нас компетенций нету. И, честно говоря, нам эти компетенции довольно сложно приобрести.
— В смысле из-за технологий?
— Технологии-то хрен с ними, — Игорь строит довольно презрительную морду и машет руками. — Сейчас всё равно все идеи у китайцев тыбзят. У нас с деньгами сложности.
— В плане чего? Наличия или легализации? Твои акционеры же не коксом торгуют.
— Не коксом, конечно, — Игорь не слишком удивляется постановке вопроса, и я в очередной раз убеждаюсь, что не должен затрагивать никакие острые темы. — Ну вот представь: ты стартап в какой-нибудь Финляндии и у тебя среди акционеров швейцарский фонд. Все счастливы и довольны. И вот пришло тебе время выходить на IPO и, значит, ты, как приличный человек, берешь и раскрываешь бенефициаров этого фонда. А там, бац, и кипрский офшор, а за ним, чего доброго, российские физлица.
— Ну и что тут незаконного?
— Незаконного вообще ничего нет. Только вдруг они под санкциями?
— А они у тебя под санкциями?
— Не-а. Они чисты как стеклышко. Но поди разберись, сегодня они не в списке, а завтра очень даже в списке.
— Ага, когда стопятьсоттысячная армия ровными колоннами пройдет по Крещатику, все будут в списке.

Игорь добродушно смеется и мы чокаемся стаканами вовремя принесенного чая с облепихой.

— Эрсте колонне марширт! — восклицает Игорь
— Слава Украине! — парирую я немного громче, чем следовало, бы находясь на Лубянке в окружении работников АП.

Мы оба отхлебываем чай, крайне довольные своей выходкой.

— Нет, если серьезно, — Игорь отставляет стакан. — Есть шанс, что они правда начнут воевать?
— Эти? — Я показываю на посетителей «Кофемании». — А зачем им воевать? У них же всё есть. Вон какие морды довольные.

Игорь честно пытается осмотреть людей за соседними столиками, но ему мешает официант, принесший наш заказ
— Рыбка с киноа и рыбка с птитимами, — возвещает он, из чего я понимаю, что слово «птитим», в отличие от непонятного «киноа», приобрело в русском языке мужской род первого склонения.

— Ты мне лучше объясни, почему мы тут встречаемся. У тебя офис где-то поблизости?
— Нет, — категорично заявляет Игорь. — У нас офис на «Комсомольской». Я хожу туда два раза в неделю. Во вторник и в четверг.
— Сегодня понедельник.
— Правильно. Сегодня утром я работал из дома, потому что я сегодня девочек в школу отправляю. А тут я обедаю по дороге с юго-запада на «Комсомольскую».
— Я польщен.
— Безусловно. А ты в офис ходишь?
— Пока хожу. Я же только на новую работу вышел. А до этого я в Кёльне работал. То есть на практике, я с позапрошлого ноября из подвала не вылезал.
— И как ощущения? — интересуется Игорь

— Волшебные, как в бункере во время ядерной войны, — я отлавливаю несколько загулявших птитимин. — Правда, вся социальная жизнь состоит из заползающих из сада пауков. А еще были исследования, что работа в подвале убивает легкие, как два года курения…
— … и мозги — как пять лет службы в армии.
— Очень похоже на правду.

Солнце за окнами начинает покрываться серой дымкой и по Лубянской площади пробегает стая бодрых снежинок. Сразу за ними туда с громким кряканьем врывается длинный вороного цвета кортеж. Окружающие аптекари, кажется на секунду замирают по стойке смирно. И я вместе со всеми застываю в коротком оцепенении.

— .. замечательно покатались. — Игорь уже какое-то время рассказывает про зимний отдых в Сочи. — Для сноубордистов тоже все, что надо. Там секрет в том, чтобы приехать до того как повалит вся толпа из Москвы. Лучше всего в конце декабря…

Московское время напоминает о себе цветом карты «Яндекса». Вслед за снежинками краснеет Садовое кольцо, давно покраснели и бульвары, и набережная. Дорога до Трехгорки из запланированных 30 минут превращается в хороших 50, только я всего этого пока не знаю и продолжаю разглагольствовать про горные лыжи, в которых понимаю немногим больше, чем в компьютер вижн.

— Мы, конечно, были в самой беспонтовой долине, дальше всего от Куршевеля…
— Марибель, — неправильно подсказывает Игорь
— Точно…

Наконец у меня хватает моральных сил посмотреть на «Яндекс.Такси» и понять, что я почти гарантированно опаздываю к Андрею на Трехгорку. Прощание с Игорем получается скомканным и дурацким. Мы скачем между совершенно идентичных яндексовских «Киа Рио» канареечной окраски в поисках нужного. Когда искомый номер автомобиля наконец обнаруживается, Игорь обещает присылать проекты стартапов, а я — писать про следующий горнолыжный отдых. Игорь отправляется в метро, а я сажусь в машину.

«Мчусь на крыльях, но, судя по “Яндекс.Картам”, домчусь только в 14:15. Хагз энд киссес».

Водитель Элержон вежливо здоровается и в разговоры со мной не вступает, что уже несколько больше, чем полагается по тарифу «эконом». Вместо водителя говорят карты. Они разворачивают нас через узкие улочки, протаскивают в лабиринт Зарядья и выкидывают прямо на Васильевский спуск, где мы все равно намертво встаём.
Я оглядываюсь назад и вижу Ее. Красную площадь. Она должна быть пустынна, страшна, по ней непременно должна ехать ракета «Тополь-М» и еще она должна быть покрыта тонким слоем свежего чистого снега. Ничего этого и близко нет. Вся площадь заставлена какой-то развлекухой, то ли оставшейся с Рождества, то ли выстроенной к Масленице. Солнце гуляет между лавками и аттракционами, и даже Лобное место совсем не страшное и загорожено красивой пестренькой сценой. В довершение всего прямо за нами застревает в пробке двухэтажный экскурсионный автобус, раскрашенный городскими достопримечательностями в мультяшном исполнении. Площадь всем своим видом демонстрирует, чем должна и хочет быть — туристическим объектом с высокой пропускной способностью и высокой степенью узнаваемости. Прикидывается, конечно.

Где-то впереди опять слышно кряканье, а потом начинается движение. Наш «Киа Рио» переваливается на Пятницкую в тщетной попытке объехать необъезжаемое. Московское время окончательно вырывается из моих рук, и я начинаю в панике крутить карту, подыскивая варианты маршрута — один другого хуже. Конечно, надо быть как все и просто сдаться. Глубокий вдох, выдох, немного терпения, и вот мы уже на Пресне.
«Чотамкак? Выхожу. Ищи меня в Touché».
Сейчас покрутимся в бесконечных дворах Трехгорки, и можно идти искать Андрея.

Пропетляв добрых минут пять по дворам, Элержон обнаружил нужный ресторан примерно в 50 метрах от въезда. «Туше» имеет явную склонность к вечерней жизни, на что безошибочно указывает обилие меди в интерьере и полупустой зал с услужливыми, но скучающими официантами. Полноту образа дополняет горстка клиентов, чьи жизненные цели достигнуты чуть менее чем полностью, зато жизненный смысл постигнут уже на все сто. От этого веет доброй уверенностью и уютом — как в детстве, когда папа берет тебя с собой на стрелку.

Андрей уже попивает минералку из претенциозного граненого стакана — конечно же, с металлической трубочкой. Увидев меня, он встает и раскрывает объятия. Я жду, что вот сейчас он скажет: «Капитан, сколько космических лет, сколько космических зим!»

— Ромарио, май фрэнд! Двести долгих лет тебя не видел!
— Очень рад, что все таки увидел! — не вру я.
— Значит, ты теперь в моем фан-клубе?

Андрей слегка похлопывает себя по идеальной лысине, в которой отражаются галогеновые светильники под потолком. Я с недавних пор ношу такую же стрижку, но

не всегда помню об этом. Впрочем, настоящие лысые знают, что я просто выпендриваюсь. Моя голова то и дело увенчивается прической «Маша, я вернулся», несмотря на все старания.

Мы заказываем у скучающих официантов по флэт-уайту и они разочарованно уходят.

— Что, японцы твои тебя достали? — Андрей имеет в виду моего предыдущего работодателя.
— Японцы были замечательные, но я там от скуки чуть не повесился. У меня такого количества хобби нету, чтобы в два часа дня работу заканчивать. Приходится заниматься детьми, а этого моя психика не выдерживает.
— Да ладно, а как же вот это вот все — сидение до трех ночи, обмороки на рабочем месте, половая жизнь только в офисе и только с пластмассовыми аниме-фигурами…. — Андрей явно хочет перечислить еще с дюжину признаков архетипического японца, но я малодушно его прерываю.
— Это все для людей. Человек должен работать много и упорно. От длинноносой обезьяны никто ничего такого не ожидает.
— Ну вот. И тут русофобия какая-то, — расстраивается Андрей почти искренне. Как многие москвичи, сталкивающиеся время от времени с тем странным фактом, что не они стоят на вершине ксенофобской цепочки. — Ну, а тут ты что делать собрался?
— Готовлюсь покорять российский рынок…
— О-о-о-о! — восклицает Андрей достаточно громко, чтобы прочие полтора человека в зале на секунду прервали свои разговоры и повернули головы в нашу сторону. — Ты, брат, как-то поздно спохватился. Этот бобик сдох уже, можно уносить и следующего искать.
— Мы во все это говно не верим, — победоносно заявляю я и для пущей уверенности отхлебываю принесенный флэт-уайт. — Будущее прекрасно. Никакой войны не будет.

— Да ну?!
— Ну да. А даже если будет. Мы в металлообработке. Кому война, а нам — мать родна. Будем ружья чистить.
— Нет, серьезно, — Андрей отпивает воду через металлическую трубочку.
— Серьезнее некуда, — я тоже настроен крайне сурово и чокаюсь с ним в воздухе флет-уайтом. — Как говорила Багира, к словам я прилагаю пакет украинских гособлигаций на захватывающую дух сумму.
— Понимаю, — кивает он с уважением, но явно без одобрения. — А то сейчас все пиздят направо и налево. А хочется спросить, пацаны, вы ин или аут. Где ваши бабки?
— Ну вот, я как бы ин. Если вашему главному с американцами нравится нагнетать, пускай себе нагнетают. Я в их мудацкие игры играть не собираюсь.

Мы оба отпиваем кофе и я чувствую, как маленький червячок в глубине уже начинает напоминать мне, что пробки будут только хуже, а снега станет только больше.

— Все это проблемы первого мира, — философски замечаю я. — Есть такие места, где у людей, кроме Калашникова, вообще никаких материальных ценностей не наблюдается. И ничего. Живут себе.

Мне с самого утра хочется рассказать кому-нибудь про недавнюю поездку в Кению, про то, как в хорошем климате можно жить между трех фанерок, под куском шифера. Про то, что при этом квартиры в Найроби стоят дороже чем в Москве. Про то, что саванна — это модель земного рая (если бы не львы) и про то, что все мы потомки лузеров, которых оттуда по каким-то причинам выгнали. Про черную деву, про страсть молодого вождя..

— Во-о-от! Ну, не поспоришь. Ты ж видел в фб, я только-только из Колумбии вернулся..

Рассказ про Африку, сдобренный глубокой философией, снова откладывается. В конце концов, слушать про Колумбию интереснее и полезнее, чем рассказывать про Кению. Здесь я был, а там я не был.
— Скажи мне, — вставляю я, когда поток рассказов про чудеса духа и катастрофическую бестолковость южноамериканской жизни начинает иссякать, — тебе же нужна хорошая компания для следующей поездки в ебеня?
— Разумеется. Ты хочешь быть добровольцем?
— Хочу. Вика терпеть не может развивающиеся страны и экстремальную бедность.
— А ты?
— Я тоже недолюбливаю, но мне очень в Южную Америку охота, уже лет 15, а со мной никто не едет. И с Индией такая же фигня.
— Ок, я дам знать, но только при условии, что Украина дефолт не объявит. Иначе у тебя денег не хватит на их экстремальную бедность.

Мы платим и вскоре оказываемся на улице, которая стала морознее, чем час назад. И Южная Америка, и Африка остаются где-то внутри.

— Ты когда снова к нам? — интересуется Андрей.
— В апреле, скорее всего.
— Тогда я к вам раньше. У меня в марте интервью в посольстве в Берлине.

Основное занятие Андрея заключается в том, чтобы периодически приезжать в Вашингтон и следить за санкциями против его начальника. Чтобы они хотя бы не усугублялись. Открытая американская виза для него самое первое и главное средство производства.

— Вот и приезжай к нам в дурдом, пока будешь ждать визу.

Мы прощаемся до марта и я снова остаюсь наедине с краснеющей картой города, не оставляющей никаких надежд. Надо выбираться на своих двоих, добежать до «Краснопресненской», снова спуститься в метро и добраться до площади трех вокзалов. Закройщик Ирина с фабрики «Большевичка» ждет меня через час. Если московское время не станет выдавать особых кульбитов, мне должно хватить.
Я выхожу из дворов на улицу и тут же прибиваюсь к группе иногородних личностей, которые интересуются, как им попасть в метро. Я какое-то время машу руками, указывая дорогу, после чего предлагаю просто следовать за мной. В результате образовывается небольшой конвой. Мы проходим подмерзлую Рочдельскую до торца Белого дома.

Карта продолжает гореть красным — пробки ниже меня на набережной, пробки дальше на Новом Арбате и на Садовом. Отовсюду доносится отдаленное кряканье, принадлежащее, по всей видимости, отчаливающим из Белого дома кортежам. Но здесь, на задах Пресни, мир продолжает быть прекрасным и пустынным. Зимний воздух наполняется попеременно то снегом, то желтым солнечным светом, отчего идущий вверх в горку Глубокий переулок на глазах покрывается свежей ледяной коркой.

— Костя, все в порядке, я в Москве, — кричит в телефон женщина в белой шапке с помпоном, идущая рядом со мной. — Нас тут ведут к метро. Не волнуйся! Да.. да.. буду в гостинице — позвоню.

Я оборачиваюсь и с удивлением обнаруживаю, что мой конвой как будто стал больше. Всем нужно добежать до Краснопресненской. Я тут не один такой.
Наша группа входит в Пресненский парк и суетный мир окончательно теряется. В сероватой облачной дымке передо мной весь высокий берег Москва-реки. Отсюда и на Белый

дом, и даже на здание СЭВ можно посмотреть почти сверху вниз, только вот времени на это нет. Конвой давит и хочет поскорее добраться до теплого метро, которое само знает куда ехать и не требует соучастия.
Еще пара коротких перебежек — и мы у круглого вестибюля. Весь покой улетучивается. После тишины парка и переулков я снова оказываюсь на красной карте «Яндекса», плотно заставленной машинами на каждом светофоре и перекрестке. Очень хочется еще разочек уцепиться хоть за что-то, прежде чем снова нырнуть в подземелье. Говорят, хорошо помогает пиво из ларька у метро на морозе. Впрочем, это тоже что-то из старой жизни. Площадь вокруг памятника революционному боевику пустынна и покрыта плиткой, демонстрирующей первые сбои и выбоины после перенесенной зимы. Все здесь ровно так, как и мечтали метростроевские архитекторы. Только аляповатый лужковский зоопарк портит героический облик ансамбля. Снова пробежка в подземелье, снова прячу взгляд от рентгеноподобных ментов. Четыре станции — и я в бесконечном подземном лабиринте трех вокзалов.
На «Комсомольской» я не тешу себя надеждами — и в лучшие-то годы никогда бы не смог найти тут нужный выход. Обычно при попытке выйти я оказываюсь посреди какого-нибудь вокзала. Как правило, это не тот вокзал, который мне нужен. Вот и сейчас — я точно знаю, что мне нужно оказаться около Казанского вокзала. Я честно смотрю на указатели, я следую им беззаветно, но сколько бы ни старался, в итоге оказываюсь на Ярославском и долго не могу из него выйти.
Вокруг меня снуют еще более бестолковые, чем я, новоприбывшие личности с чемоданами, котомками и обалдевшими лицами. Я точно помню, я знаю, что где-то среди них окажутся девочки и мальчики, которые посмотрят вокруг и за секунду все поймут, хоть они и прожили всю жизнь в Архангельске, Перми или Усть-Илиме. Не испугаются ни трех вокзалов, ни вечного ремонта на

площади между ними, ни монструозной Hilton Leningradskaya, найдут свое место в московском пазле и продолжат тащить этот город дальше и вперед.
Тем временем я потерял двадцать минут из-за неправильного выхода. Когда я наконец оказываюсь у незаметной двери, выходящей то ли в переулок, то ли на стоянку гостинцы «Москоу Ленинградской», в воздухе уже сгущаются закат и холод. Это только кажется, что тут все близко.
Возле двери висит ничего не значащая табличка «Спецобслуживание», отсылающая посетителей мыслями в номенклатурный спецраспределитель 1985 года. Однако внутри не выдают ни манго, ни бананы по талонам. Там меня ждет закройщица Ирина. Я называю в интерком ее имя, произношу волшебные слова «мне назначено», дверь открывается и я захожу в теплый уютный мир отрезов английских тканей, костяных пуговиц и булавок.
Ирина меня, конечно же, ни фига не ждет и еще бог знает сколько времени будет занята другими закройками. Зато в спецраспределителе есть вайфай, я могу утолить интернет-голод, неизбежно накапливающийся, когда в твоем телефоне только европейская карточка.
Я впервые за день открываю новости, которые доносились до меня только обрывками из заголовков на экранах в метро и по радио «Монте-Карло» в такси. Оказывается, пока я бегал, ЛДНР попросились в состав России и прямо сейчас начнется по этому поводу какое-то заседание с Путиным. Вот и чудесно, пускай забирают это токсичное говно себе и устроят народное гуляние по поводу того, что Антрацит наш. Как там курс «Газпрома»?

Акции «Газпрома падают» на 10%. «Какая прелесть!», — думаю я и перехожу к более важному занятию, точнее, к подбору ткани для штанов. Процесс этот, как всегда, представляется мне мучительным и бесконечным. Я пытаюсь переложить хоть часть ответственности на Вику,

пересылая ей фотографии то с одним, то с другим отрезом. Впрочем, дело это заранее проигрышное — тот прекрасный цвет, который появляется на экране после обработки умным эпповским софтом, и тот цвет, который я вижу глазами, не имеют между собой ровно ничего общего. Кроме того, мои сообщения Вика все равно не читает.
После длительных потуг я отбираю четыре варианта. Появившейся Ирине, кажется, не нравится ни один, но она, скрепя сердце, останавливается на двух наиболее нейтральных и придирчиво оглядывает меня.

— Мы с вами когда последний раз обмерялись? До ковида?
— Определенно до, — отвечаю я. — На самом деле году в семнадцатом.
— Тогда пройдемте за ширмочку.

Мы проходим и Ирина начинает тыкать меня булавками и рисовать что-то мелом.

— Сейчас после ковида у всех новые размеры. Никто в старом не остался, — объясняет она.
— Набрали или сбросили?
— Ну, есть такие, которые сбросили, но больше, конечно набрали.

Я даже не уточняю, к какой категории, на ее взгляд, отношусь я. Все и так предельно ясно по ирининому тону.

— У меня тут до вас клиент был. Тоже такой мужчина солидный. Шесть сантиметров! Все заново надо переделывать
— Так у вас много заказов сейчас небось?
— Не-е, какое там много. Два года же никто ничего не носил. В основном приходят — Ирина, давайте переделывать, у меня пиджак новый дома висит и не налезает. Ремонтов много, ушивов, расшивов… а новые

вещи редко кто шьет.
— Ну, они вернутся еще, куда они денутся, ваши клиенты.
— Кто вернется, а кто и отвалит. Из регионов сейчас почти не ездят. Раньше так: приезжает человек в командировку, и, пока в Москве, зайдет к нам, наберет на весь год. А теперь же все по видеосвязи. Там штаны вообще не нужны.

Ирина домеривает меня и резюмирует: «Не страшно». Я не требую подробностей. Мы договариваемся о пуговицах, лацканах и подкладках, после чего она насчитывает мне сумму в рублях. Я пытаюсь поделить ее в уме на 80. У меня получается, после чего я вспоминаю, что делить надо на 87. Это сложнее, зато и результат явно будет меньше. До моего возвращения в апреле все будет готово в лучшем виде.
На часах почему-то 18:30.

«У меня все плохо, но я доделал последнее дело и еду к вам с “Комсомольской”. Дайте мне ещё полчаса!»
«Все в порядке, мы дома. На домофоне кнопка “консьерж”, скажи, что в седьмую квартиру. Ждём».

На улице уже совсем темно, из низких тяжелых облаков начинает валить мокрый снег. Я даже не трачу время на разглядывание «Яндекса», тем более, что так уже превысил в роуминге все, что мог, а просто бегу обратно к Казанскому вокзалу.
То ли из-за снега, то ли еще от чего-то темная Москва вдруг кажется мне настороженной и притихшей. Не слышно никаких разговоров в толпе у вокзалов, реклама светится почти что деликатно, и даже электричка, проходящая над моей головой, не лязгает с наглой напористостью танка, а тихонько выхватывает из мглы то одну, то другую часть металлической конструкции железнодорожного моста через Комсомольскую площадь. У электрички, наверно, просто новые колеса с резиночками, чтобы не шуметь.

Впрочем, мне совсем не до того. Мне надо крепко держать московское время за хвост и больше не давать ему никакого спуску. Остался последний рывок. Пока я бегу через метро, прикрыв голову руками, меня то тут, то там достают осколки новостей. Политбюро собралось и вместе решило признать ДНР и ЛНР. Теперь все думают, в каких границах. Намекают, что, в зависимости от интерпретации, границы могут быть хоть за Донецком, хоть за Днепром, хоть где. Говорят еще, на заседании Политбюро были неприятные сцены, но я пока не понял, какие. Акции «Газпрома» уже минус 20%. «И это явно не предел!», — думаю я плотоядно. К моменту, когда метро выбрасывает меня на Ленинском проспекте, снег на улице становится еще мокрее, плотнее и гуще.

Мне хватает ума выйти из вестибюля не на огромную злобную лужайку над Третьим кольцом, а в переулок, зажатый в московском эклектическом коктейле из пристроек торгового центра, остатков промзоны, блочных панелек и дореволюционных рабочих домов. В этой теплой бурде из эпох и стилей снег, подсвеченный витринами и подхваченный сотнями молчаливых прохожих, кажется твоим другом. Точно не выглядит враждебно.
Я практически врезаюсь в аптеку, горящую ярким очень здоровым светом, и тут же вспоминаю, что обещал купить нашей няне «Арбидол». Глупая передача посылок работает в обе стороны.
Внутри аптеки никого, кроме «Арбидола» и девочки-фармацевтки, смотрящей одним глазом «СТС». В предбаннике, как привет из хорошей старой жизни, такой же пустой обменник. Курс, однако, уже успел откорректироваться до 92. То есть, мой костюм только что стал еще немного дешевле.
Я выбегаю из аптеки обратно в кривые остатки промзоны вокруг улицы Вавилова и, ведомый скорее классовыми чутьем, чем картой, пробиваюсь к местам, где современная застройка доминирует безраздельно. Промокнув под снегом

еще немного, я нахожу искомый подъезд и, как мне кажется, нужную кнопку консьержа. Однако же, все мои попытки связаться с ним остаются тщетными. В конце концов меня выручает курьер «Яндекс.Еды», который, в отличие от меня, умеет входить куда угодно.

Я наконец добегаю до квартиры Оли и Пети.

— Ну, ты это видел? — интересуется Петя, ещё не успев открыть дверь.
— Не видел, — признаюсь я, стряхивая растаявшие массы с головы и пальто. — А что, все так плохо?
— Очень страшно!

Петя не всегда говорит серьезно, поэтому, когда он хочет подчеркнуть значимость мысли, он понижает голос и немного опускает взгляд. Манера, по всей видимости, хорошо действующая на интровертных айтишников, которыми он поставлен помыкать в «Яндексе». Я замечаю этот жест, но списываю его на то, что он кивком как бы приглашает меня скорее пройти в дом. Чтобы окончательно успокоиться, я обращаю внимание на его очки, которые раньше были в массивной черной оправе, а теперь — в массивной прозрачной. Петя — икона стиля моих детей. Приходится следить.

— Так, заходи уже. Мы ужинать садимся.

Я расцеловываюсь с Олей, которая появляется из кухни. У нее очки тоже в прозрачной оправе, и это уже приговор. Сзади доносятся звуки «Дождя», за которыми Оля явно только что внимательно следила.

— Мы как раз детей из кухни выгоняем.

Я достаю из походного рюкзака последнюю коробочку, которая, строго говоря, не передачка, а дружественный сюрприз от моих детей их детям, состоящий из всевозможного дерьма, закупленного в свое время на рождественском рынке в Страсбурге. Я уже полон мыслей о том, как отмаркетировать эту коробочку пожирней, но никакой необходимости в этом нет. У старшей в школе на следующей неделе день Исландии, нужно представить проект о викингах, и содержимое коробки удачно туда ложится, хотя я и не представляю, как.
Я не был в этой квартире уже лет пять, но на кухне меня как родной встречает вид на дизайнерскую панель, изображающую что-то вроде березового леса, которую видно при каждом созвоне с Петей и Олей по зуму.

— Я, чур, на эту сторону стола. Так у меня на вас вид знакомый.
— Зато ты получаешься в непривычном антураже, — отвечает Петя, который явно подумал о том же самом, но наоборот. — Как вы в Африку сгоняли?

Петя знает про Африку из первых рук, от моего сына, который все прошлое полугодие проучился в Москве по обмену, в той самой волшебной школе, в которой есть день Исландии, кинопроекты о смысле инклюзии, рефераты о судьбе Сахарова в ссылке, месячники глубокой сортировки мусора и прочие приятные и полезные вещи, примерно такие же ценные и ходовые, как знания, полученные учеником еврейского хедера в Кракове в 1939-м году.

— Круто, вот как…
— Да, Нико нам рассказывал, как вас на воздушном шаре чуть в Танзанию не унесло, — Оля поправляет рукой короткую прическу и я вижу, что ей про это все не интересно. Ей охота про Политбюро.

— Вы лучше расскажите, что там такое по телеку показали? А то я весь день бегаю без уверенной связи с миром.
— О! — Оля еле заметно улыбается, изящно наклоняется вперед и медленно, раздельно произносит: — То что мы видели, был крайне любопытный кейс.

В моей голове зажигаются несколько красных контрольных лампочек. Вообще-то по роду своей деятельности Оля управляет швейными фабриками. В Энгельсе и в Челябинске. Понятно, что учитывая сферу деятельности и локейшн фабрик, Олю в этой жизни практически невозможно ничем удивить, еще меньше вещей могут ее напугать. Про «любопытный кейс» я последний раз от нее слышал, когда Путин посреди ковида объявил режим нерабочих дней с сохранением зарплаты за счет работодателя и Оле за 48 часов пришлось решить вопрос, как избежать, с одной стороны, невыплат рабочим с перспективой голодных бунтов и, с другой стороны, моментального банкротства фабрик с перспективой присесть на несколько лет.

— Там было много пожилых взрослых дяденек, — продолжает Оля, — которые все рассказывали как они хотят…
— Вернуть Донбасс домой, — перебиваю я
— Ну, да. Только при этом они все выглядели сильно сюрпрайзд.
— А, главное, — вставляет Петя, — там люди реально боялись. Выступает какой-нибудь Патрушев и ты видишь — чуваку правда страшно!
— А ему, между прочим, по должности положено все знать и ничего не бояться.

Оля разливает белое и я впервые за день выпиваю что-то, что не кофе. Уже через пару секунд на душе становится легче, красные сигнальные лампочки помигивают и гаснут.

— Ребята, ну клоунада же это все.
— Почему? — интересуется Оля и жестом предлагает перейти к курице с овощами.
— Потрясающе! — реагирую я на курицу и чувствую, что уже достаточно отмерз, чтобы достать из души всю правду. Дожевываю. — Потому что эта Российская Федерация ничего и никогда не делает по-настоящему. Мы ее как раз за это очень любим. Если бы она исполняла все, о чем болтает, то тут бы такой Мордор вокруг сделался, что Гитлер позавидовал бы. Но она не рассчитана ни на какие настоящие поступки, моментально сломается и работать перестанет. Это как попытаться улететь в Нью-Дели на авиасимуляторе.
— Почему в Нью-Дели? — законно интересуется Петя
— Не знаю, к слову пришлось. В Африке мы уже были… пускай будет Сан-Паулу.
— А что тогда, по-твоему, будет?

Я смотрю в вороно-черное окно кухни и отпиваю еще один большой глоток белого.

— А все зашибись будет! Сейчас Россия заберет себе Донбасс и все начнут страшно возмущаться.
— Но в душе скажут спасибо. — Петя понимающе кивает
— Даже украинцы так подумают, потому что нахрена им это говно сдалось. И даже «свифт» тебе за это никто не отключит, — обращаюсь я к Оле, которая не так давно жаловалась, что приходится думать, как ее фабрики будут покупать в Европе запчасти для станков без «свифта».
— Ладно, а нашим это зачем?
— А что им остается. Ты же не можешь бесконечно сто тысяч человек на морозе держать. Американцы от страха не обосрались. Теперь придется или просто так уходить, или присоединить такую важную штуку, как Донецк. Вроде не зря боролись. На Украине через два года новая революция случится. Они еще чего-нибудь отхватят.

Куда торопиться-то.
— То есть теперь, по-твоему, все в порядке
— Все в порядке, — подтверждаю я. — Наилучший исход этой тягомотины из всех возможных!

Я допиваю бокал, и оглядываюсь на Олю с Петей, на их девочку и мальчика, которые, воспользовавшись провалом родительского внимания, стыбзили айпэд и что-то на нем смотрят, на дизайнерскую панель с березками и понимаю, что я завтра рано утром отвалю отсюда, а им придется остаться и со всеми этими вопросами жить дальше. Мне на секунду становится стыдно за свою наглую уверенность. Но только на секунду.

— Вон, там «Сбербанк» на 30% дешевле, «Газпром» — на 20%. Раздолье.

Петя реагирует без особого энтузиазма, пожимает плечами и разливает еще по бокалу белого вина.

Я выхожу от Оли с Петей, когда Путин уже вовсю разглагольствует об исторической роли Украины. На улице кромешная тьма, снег превратился в проливной холодный дождь стеной. Даже те десять минут пешком, что отделяют меня от викиного дома, становятся непреодолимыми без такси. За настолками в «Ереван» заходить уже поздно. Зайду в апреле. Всё. День закончился, что не успел — в следующий раз. Завтра вставать в четыре утра, в 9:30 надо быть в офисе во Франкфурте.

Ранним утром 22 февраля 2022 года дождь продолжается с той же силой. По дороге в «Домодедово» я решаю разориться на «комфорт плюс» и меня везет целая черная «Камри» с неизменным радио «Монте-Карло» внутри. Впрочем, водитель Александр не может держать в себе впечатления, несмотря на класс обслуживания.

— А что! — рассуждает Александр, рискуя получить одну звездочку, — вот наши туда зайдут, встанут и все прекратится. Сколько можно это безобразие терпеть с обстрелами. Верно?
— Прекратится, скорее всего, — вяло реагирую я с заднего сиденья. — Если никто глупостей не наделает.
— Да какое там, — во что не верит Александр, не вполне ясно. То ли в разумность обеих сторон, то ли в смелость одной из них. — Вы куда сейчас?
— Во Франкфурт
— А… — издает Александр и больше не произносит ни звука на протяжении всей сорокаминутной Каширки.

В Домодедово в пять утра совершенно пусто. Такое чувство, что в очень красивом терминале с массой современных прибамбасов нет совсем никого — кроме меня и спящих то здесь, то там отставших пассажиров среднеазиатских рейсов.
На табло авиакомпании с незнакомыми мне названиями улетают в неизвестные мне города. Затесавшийся среди них синий значок «Люфтганзы» в 6:20 выглядит почти кринжово на фоне этой ближневосточной пестроты.
Никого нет ни на границе, ни на таможне.
Таможенники, как всегда, увидев меня, интересуются, какую сумму наличных я незаконно провожу через границу. Обычно я называю сумму и меня отпускают, но сегодня им не в лом считать. Ладно, время есть и, я, кажется, не соврал.
Перед единственной открытой будкой пограничника стоит единственный гражданин Кыргызстана, которому фсбшник из будки нагло тыкает и хамит. Получив в руки мой, тоже не слишком важный латвийский паспорт, фсбшник становится воплощением вежливости. Я наблюдаю эту метаморфозу у домодедовских погранцов регулярно, но смотреть на это каждый раз стыдно. Раньше я даже возмущался, один раз жаловался их начальству. Потом плюнул.

«Сэньк ю. Хэв э найс флайт», — прощается со мной фсбшник.

На рейс во Франкфурт объявляется посадка из выхода 1-А. Небольшая хлипкая змейка из заспанных пассажиров выстраивается у стойки. Самолет сегодня маленький, пассажиров немного. Из семи ежедневных рейсов между Москвой и Франкфуртом, что летали в хорошие времена, теперь остались в лучшем случае один-два.
Я встаю в конец змейки и представляю себе, что, будь я не в реальном мире, а в каком-нибудь скверном рассказе, эта очередь из ничего не подозревающих сонных людей могла бы стать последним шансом беспрепятственно перебраться на Запад. Пройдет всего пара дней или даже несколько часов, и люди станут штурмом брать последние отправляющиеся из России самолеты. Аэропорты погрузятся в хаос, после чего новый железный занавес на долгие десятилетия отделит суровую Северную Империю от остального мира. Я улыбаюсь и требую от себя срочно перестать придумывать глупости и расчесывать всякие русофобские мысли. Ничего подобного никогда не случится.

«Я сегодня встал в четыре утра. Мир на месте, “Газпром” все еще минус 20%. Подумай», пишу я Пете, включаю авиарежим и сажусь в самолет.

Александр Гунин

ЗОНА

Фантасмагорическая мистерия

> *«Мы думаем, что мы лучше понимаем правила, когда мы становимся взрослыми, но на самом деле весь наш опыт — это просто сужение воображения».*
> Дэвид Линч

Посвящается шаману Габышеву

Действующие лица:

Антон Итаков, ведущий семинара, 35 лет

Наран, шаман

Всеволод Тресвятский, капитан Службы Государственного Порядка, отдела Контроля Творческих Сфер, 30 лет

Полковник Службы Государственного Порядка

Вероника Челышева, архитектор, 25 лет

Анатолий Возников, парень Вероники Челышевой, 30 лет

Вероника Карасёва, девушка, потерявшая пропуск

Порфирий Смоляков, директор музея, 50 лет

Жена Порфирия

Анатолий Савровский, психиатр, 50 лет

Порфирий, пациент психиатра

Алевтина Семёнова, издатель, 55 лет

Саша Лебедев, пожилой мужчина, друг издателя Алевтины Семёновой

Люсенька, девочка на даче и женщина в кабинете

Официант, Пьеро в облике шамана

Вахтёрша

Хромов, хозяин дачи

Собакин, охранник на заводе

Голоса дикторов на радио

Сцена 1

Кабинет. За столом – ПОЛКОВНИК. Напротив сидит капитан ТРЕСВЯТСКИЙ.

Полковник. Мне не нравится этот шаман. Установили личность?

Капитан. Устанавливаем.

Полковник. Как связывается с ведущим… как его?

Капитан. Итаков. Шаман звонит ему, используя Сигнал.

Полковник. Да, Итаков, Итаков. Сигнал?

Капитан. Это типа «Вотсаппа».

Полковник. Продолжай.

Капитан. Наши сотрудники были на семинарах Итакова, прежних. Ничего такого, всё в границах госдискурса. Всякая ерунда, как обычно: какие-то дыхания делают, креативная йога, рассказики пишут, всё как у всех. А шаман, да, новый фактор. И мы его не знаем.

Полковник. Допуск этот коучер от нас имеет?

Капитан. Так точно.

Полковник. С Тэнгери связывались?

Капитан. Из Бурятии лейтенант Самохин сообщил, что его подопечные все на месте. Завтра у Итакова открытие нового практикума, я сам лично от Гос-Дискурс-Контроля буду.

Полковник. Хорошо, что ты пойдешь. Шаман… не нравится он мне. После Габышева, его похода на Москву, хм… столько времени прошло, а аукается вот. Хотя… что может этот, хм… шаман? Но береженого, как говорится, прослушка бережет.

Капитан. В этот раз я не только наблюдатель. Участник.

Полковник. Это правильно. Хороший ход. Лично мне доложите.

Сцена 2

Небольшая комната. В глубоких креслах сидят пять человек. Еле слышна неопределенная музыка. Заходит ВЕДУЩИЙ.

Ведущий. Извините за опоздание, не всегда получается время оседлать. Ну что же, мы, пожалуй, начнем. Поздравляю вас и приветствую, участники нового экспериментального практикума по вхождению в личные

творческие зоны. Практикума прямого опыта творчества. Это то место, где зачинается сновидение, но не простое, а озаренное огнем. Озаренное огнем вашей судьбы, ваших сокровенных мыслей, вашего другого, творческого, настоящего Я.

Порфирий. Я бы хотел узнать, есть ли, ну вот… а в чем кардинальное, так сказать, отличие? Ну, от других похожих курсов.

Ведущий. Конечно же, есть отличие! Столько много всяких творческих семинаров, практикумов, школ, курсов, и все они учат писать, рисовать, снимать кино. Но осмелюсь сказать, что наш практикум особый. У нас вы сможете активизировать самое, возможно, что есть главное у человека – его фантазию, воображение, его сновидения, его, так скажем, кузницу, где зарождается сама история. Но давайте сначала познакомимся, расскажем о себе. А рассказать о себе в необычных условиях – это всегда по-новому взглянуть на себя. Принято в таких ситуациях вносить модальность времени: ограничивать таймером. Мы же ограничим огнем. У вас будет горящая спичка в руке, которую вы зажигаете, и пока она горит, вы рассказываете о себе. О том, почему вы здесь и чего вы ожидаете.

Ведущий достает коробку спичек.

Ведущий. Кто первый?

Девушка пробует встать с места, но из-за глубины кресла это не сразу ей удается, она опирается руками, делает усилие, встает. Ведущий протягивает ей коробок со спичками. Девушка достает одну, чиркает, спичка загорается.

Вероника. Я Вероника. Вероника Челышева. Архитектор, специализируюсь на современной архитектуре. Не люблю ничего старого, ветхого. Современная архитектура – это стрела в будущее. Дома и строения для меня – тоже книга, но мне стало чего-то не хватать, может, м-м-м… я думала попробовать писать рассказы, прозу. Оперировать буквами, словами. Я проходила уже курсы по структуре рассказа, но знаете, чего-то не хватило, главного. И я увидела на «Яндексе» рекламу вашу и решила вот попробовать.

Дует на спичку.

Ведущий. Спасибо, Вероника! Вот сюда бросьте обгорелую. Аврелий Августин писал еще в 400-м году, что «мир – это книга». Замечательно! Кто следующий? Кому передаст огонь Вероника?

Порфирий. Давайте уж я буду.

Берет протянутый коробок, чиркает спичкой.

Порфирий. Я, стало быть, Порфирий Смоляков, директор музея «Патриотизм, традиции, скрепы». М-м-м… э-э-э… ну, я писал, знаете, рассказы в юности, стихи, а если… Знаете, я вот думал, м-м-м... всё вместе взять, ну, как сказать… оживить вот всё, связать, ну, как у Пришвина там, Паустовского… Или нет, я скажу вот так, что тайны нет. А ведь раньше была, была. А *что́* Россия без тайны? И надо уметь в себя заглянуть, чтобы явить самое вот то, самую суть вот! Тайну внутри! Вот как-то так, да.

Ведущий. Вы хотите историей, рассказом явить Китеж из-под вод светлоярских? Вы знаете, да, нам не хватает сейчас, нашей стране, чтобы по-новому, и в тоже время по-старому увидели всё. Вот говорят: везде скрепы, скрепы, традиции… А ведь нужно, чтобы все знали, что скреплять,

чтобы были у всех истории, сказ был, и чтобы жили им. Очень хорошо, Порфирий. Ну, кто примет эстафету?

С кресла с усилием встает мужчина. Порфирий кидает ему коробок. Мужчина не ловит, нагибается, поднимает. Чиркает.

Анатолий. (*Говорит очень медленно, с большими паузами.*) Анатолий Савровский. Психокорректор, пенитенциарная система. Пенитенциарная, вы знаете, слово это от латинского *poenitentia* – «раскаяние». Странно. Да. Но там не раскаиваются. Может… Может, это я должен покаяться? Сменить занятие. Работу. Раскаяться. Стать писателем… детским. Возможно, драматургом. Поменять всё у себя. Увидеть, что же внутри, что на самом деле там…

Огонь подбирается к пальцам. Анатолий трясет рукой, спичка отлетает в сторону.

Анатолий. Извините.

Поднимает спичку.

Ведущий. У вас, Анатолий, должно быть, богатый опыт. Лечить книжками, театром! Что может быть лучше!

Анатолий передает коробок с трудом встающей из кресла женщине. Она делает шаг навстречу, заметно, что она хромает. Берет коробок. Чиркает.

Алевтина. Алевтина Семёновна. Директор издательства «Полушария». У меня профессиональный интерес. Возможно ли вообще такое, о чем вы заявляете в рекламе? Меня всегда интересовал тот связующий клей истории, каков его сам процесс, откуда он. Я как редактор понимаю и вижу механику, но не вижу горючее, сам поэзис, если я понятно выразилась.

Дует на спичку.

Ведущий. Очень хорошо вас понимаю. Поэзис – это же лестница Эроса к эйдосам, и у слов есть свои эйдосы, там, где рукописи не горят. Но одно дело – безусловно, просто слова, другое – это магия их сплетения в историю. Это всё можно увидеть самому. И надо увидеть!

Ведущий, понизив голос, обращается к мужчине с военной выправкой и короткой прической.

Ведущий. Вы просто наблюдающий, как всегда, или?..

Капитан. Я и участник.

Легко встает с кресла, подходит к женщине, та протягивает коробок. Резко зажигает спичку. Голос звонкий, хорошо поставлен.

Капитан. Капитан Тресвятский, из Службы Государственного Порядка, отдел Контроля Творческих Сфер. И по работе здесь, и сам не чужд прекрасного: пишу стихи, совмещаю работу и хобби. Да и проникновение – наша область.

Смеется. Ведущий тоже несколько нервно смеется. Подходит к капитану, берет коробок. Чиркает.

Ведущий. Антон Итаков. Мои исследования мистерий театра, модульных психотехник, психоактивных программ, холотропного дыхания и йоги привели нитью Ариадны к обнаружению путей в матрицы творчества. Я автор нескольких книг, в том числе бестселлера «Аполлон и Дионис: контролируемое безумие». Вместе с моим соратником и другом шаманом Нараном мы разработали комплексы-практикумы по осознанному творчеству.

По активизации Зоны.

Спичка тухнет.

И с нами есть еще один участник, шаман Наран. Он появится несколько позже. Итак, давайте поговорим про то, что такое рассказ. Откуда он берется? У древних евреев, мастеров книги, есть легенда, раскрывающая эту тайну. Давным-давно, когда раввину требовалось исполнить важное дело, он шел в лес. Там он находил особое место и разводил костер. Произносил молитвы. И задуманное сбывалось. Спустя поколения, когда раввину надо было совершить важное дело, он также удалялся в лес, находил особое место, но он уже не знал, как разводить костер. И он говорил: «Мы уже не умеем разводить костер, но мы умеем произносить молитвы», – и всё сбывалось согласно его желанию. Через несколько поколений один раввин также пошел в лес. Там он сказал: «Мы уже не умеем разводить костер, не умеем произносить молитв, но мы знаем это место в лесу, и этого должно быть достаточно». И, действительно, этого было достаточно. Многим позже, уже в наши времена, раввин не стал даже выходить из своего жилища. Он сказал: «Мы уже не умеем разводить костер, не умеем произносить молитв и не знаем даже того места в лесу, но мы можем рассказать историю обо всем этом». И опять же этого оказалось достаточно для исполнения его желания.

Удаляясь всё дальше от источника, от мистерий, человечество не теряет связь с тайной, связь посредством чудес рассказа, приходящего к автору «оттуда». Где не горят рукописи. Из дантовского леса. Рассказ и литература – это воспоминание о том, что когда-то был костер… Мы всё потеряли. Но у нас осталась связь.

Алевтина. Вы хотите сказать, что не у всех авторов получается явить историю вот из того места, о котором вы рассказали?

Ведущий. Именно. Сейчас рассказчик – я сравню его с диджеем – в большинстве своем банален. Он пересказывает просто увиденное, в своей, правда, интерпретации, то есть он уже не озаряется пламенем того костра, тех мистерий. Того места, того именно леса. Рассказы ничего не меняют. Они перестали быть магическими.

Звук колокольчиков, из темноты появляется одетый в традиционную шаманскую одежду мужчина. Достает коробок спичек. Зажигает. Смотрит на огонь. Когда пламя подбирается к пальцам, перехватывает спичку пальцами другой руки. Поднимает вверх. Огонь сжигает всю спичку. Обгорелые останки шаман кладет на ладонь, прижимает другой ладонью. Растирает. Обтирает ладонями лицо.

Шаман *(очень низким утробным голосом)*. О-о-о-о-о-г-г-г-г. У-у-у-у-г-г-х-х-х. Ха-а-а-а-а, ха-а-а-а-а-а. Эйнштейн говорил, что мир создан не из атомов, мир создан из историй. У нас, у бурятских шаманов, мир именно создавался из истории. Сначала не было ничего, ничего кроме верховного божества Ээхэ-Бурхан. Она создала в самой себе историю. Рассказав ее, она создала энергию. Сила же ее истории была так мощна, что стала материализовываться. Энергия воплотилась сначала в тонкие субстанции, затем в огонь, воду, землю и воздух. И затем, плетя узоры, создавая новые истории, мир стал приобретать те формы, то выражение, которое мы все сейчас воспринимаем, видим, чувствуем, переживаем.

Шаман берет бубен, начинает слегка по нему ударять. Слышен звон подшитых в его одежду железяк, колокольчиков.

Ведущий. Первоначально театр, мистерии – это были огненные истории, и воплощали их на сцене. Мы, современное человечество, не знаем, что происходило на самом деле тогда, в Древней Греции. Что переживали актеры, что видели зрители, что с ними происходило. Что случалось потом. Но мы знаем одно наверняка – Древняя Греция сформировала наш европейский мир.

Психиатр Анатолий. Простите, перебью. Вы хотите сказать, что… но вообще да, интересно. Ведь книги меняют, создают историю. Или судьбы, личные рассказы. Хм… Взять вот Библию, Коран, Маркса, Гитлера. Да и отца романов — Сервантеса. Вот, я уже сам ответил на свой вопрос.

Шаман. Тот, кто не стал шаманом, становится писателем. Сначала была просто история и ничего больше. Вместе с огнем дар истории получил человек. История имеет сакральное измерение, потому что человек сакрален, таинственен. Рассказывая историю, он выражает другое измерение. От правды, от силы его огня зависит, насколько история окажет воздействие в этом мире. На самого создателя — или на читателя, слушателя, смотрящего. Истории учат человека, ориентируют его в жизни, создают реальность этого мира. Без истории мы не существуем. Через историю мы меняем и себя, и мир вокруг.

Ведущий. История дает силу. И в самом начале истории характер – это вы. История должна произойти с вами. С теми вами, которых вы знаете, или с вашими масками, вашими тайными, скрытыми от вас самих «Я».

Шаман слегка стучит в бубен.

Шаман. Ничего не бойтесь. Следуйте за моим бубном.

Ведущий. Закройте глаза, отдайтесь полностью своим переживаниям, вспомните Алису в Стране чудес. Следуйте, как и она, за мелькнувшим кроликом.

Сцена 3

Зона № 1

Чучело

Сцена затемняется. Появляется световое пятно, в нем сидит издатель АЛЕВВТИНА. В стороне, несколько затемненный, шаман в образе ПЬЕРО. Сцена освещается. Появляется столик в кафе, у окна. Друг против друга сидят пожилой мужчина и пожилая, несколько полноватая женщина. В нескольких метрах от стола стоит неподвижно ОФИЦИАНТ в белой одежде (переодетый шаман).

Саша. Раньше вот такого не было… Не-е-т. Столько писателей вокруг! Мода, как на «Гуччи» там, или «Босс» какой. Заходишь в книжный – мать честная! Ну ладно, дизайнерская одежда. Настоящая если. Это стиль, по крайней мере, богатство. А в случае с писателями – даже не китайская подделка. И эта новая индустрия, как их, а, вот, коучеров. Курсы какие-то. «Освободи свой творческий потенциал», «Как стать писателем», «Ницше говорил: “Мы, филологи”, а мы скажем: “Мы – писатели!”». И пишут, и пишут, и пишут, и пишут. О чем им рассказывают на этих курсах не-писатели? Настоящие писатели курсы не проводят. Им не о чем рассказывать. Они просто выпускают пар. Иначе им кранты. То есть, у них внутри протекают самые настоящие реки Аида. Кипящие, пузырящиеся, смоляные. Не приоткроешь крышку – рванет. Да так рванет! Такое невозможно симулировать. Не-е-т.

Алевтина. На вашем месте я бы не стала, не стала так.

Стоявший рядом официант-шаман взмахивает руками и его рукава падают на пол, превращая его в Пьеро.

Официант-Пьеро. Алевтина Семёновна судорожно старалась вспомнить, о чем она говорила. Что бы она «не стала»? Кто этот пожилой, тронутый сединой мужчина напротив, за столиком в кафе? Голова ее вдруг отказалась повиноваться ее воле, ее желаниям. Там что-то хлопнуло, вспыхнуло. Как детская хлопушка на новогодней елке у Хромовых. Вокруг носились дети, а она, вздрогнув, замерла, слушая, как внутри носится эхом, не находя выхода, хлопок.

Саша. Я ни в коем случае не хотел принести неудобства, полноте, Алевтина Семёновна! Я всего лишь хотел сказать, что читать сегодня искушенному, интеллигентному человеку абсолютно нечего. Ренессанс в России, было начавшись Серебряным веком, канул. Канул, и – позвольте, я скажу честно, – его забили молотами и порезали серпами. И, как ни странно, организовали убийство личности, весьма и весьма внешне напоминающей вами боготворимого Алонсо Кихано. Ох уж эти бороденки! Может, сам дух идальго таким образом мстит книгам? Начитался романов, понимаете ли! Кукушка слетела, и пошел мельницам хвосты крутить. Ха-ха-ха-ха!

Алевтина. На вашем месте я бы не стала, не стала! Так не стала!..

Официант-Пьеро. Алевтина Семёновна с ужасом вдруг осознала, что ее воля, ее управляющий телесными функциями механизм вдруг резко уменьшился в размерах. Метавшийся эхом хлопок умудрился задеть некую клавишу ее внутреннего клавесина, струна беззвучно лопнула, и фраза «на вашем месте я бы не стала» обрела свою личную волю. И принялась вместе с эхом хлопка метаться в ее трясущихся ладонях.

Саша. *(не замечая состояния Алевтины)*. Чему учат на этих курсах? Как может кто-то, не пережив потрясения, что-то написать? Сюжет, конечно же, можно придумать. Можно нарастить мяса на скелет, даже протянуть жилы. Хрящи вставить. Ха! Но это будет даже не гомункул, это будет, будет… огородное пугало!

Официант-Пьеро. Точно такое же, растопырив руки и чуть покосившись, стояло на даче у Хромовых. Алевтине было шесть лет, когда она приехала со своими родителями на старом «Москвиче» в гости к отцовскому сослуживцу. Отец Хромова был генерал. И дача соответственно – генеральская. С беседкой, увитой виноградом, баней, угольным самоваром, верандой, на которой рядом с развесистой дрожащей пальмой стоял, изогнувшись раковиной, граммофон. Когда дымящийся самовар вплывал в дверь веранды, Хромов кричал:

Сцена 4

На сцене веранда, граммофон, средних лет мужчина.

Хромов. Люсенька, крути!

Люсенька, белокурая хромая девочка, неуклюже подбегает к комоду, сторонясь острых листьев пальмы, поднимается на цыпочки, опускает иголку на пластинку. Сквозь треск и шипение старого винила голос, похожий на Шульженко, поёт:

Я не стала вам ставить в упрек,
Эти речи взволнованной пыли,
Все сметет, все сметет Рагнарек,
Только запах останется дыни.

Официант-Пьеро. Алевтина почувствовала, что кто-то на нее смотрит. Все взрослые были на веранде. Переплетение голосов доносилось до нее как отголосок сна, как утробные

голоса кукол, которым она втайне выкалывала глаза. Только голос Шульженко был живым, настоящим. Алевтина резко обернулась. Посередине грядок стояло пьяное чучело. В ватнике, из которого торчали белые клочья и стрелы соломы, в замызганной шляпе. Чучело смотрело на нее. И оно было более живым, нежели треснувший голос Шульженко. Она медленно, как во сне, топча какие-то ростки, подошла к пугалу. Протянула руку. Ветерок вырвал из веранды клок голосов. По дороге сухие слова осыпались, перемешались с листвой, и Алевтина слышала только голос Шульженко: «Все сметет, все сметет Рагнарек».

Сцена 5

Кабинет, большой письменный стол. На нем стоит граммофон, телефон. Книжная полка. На стуле сидит мужчина.

Саша. Рукописи, конечно, не горят. А вот книги – за милую душу, да, Люсенька?

Люсенька, опираясь на тросточку, подходит к столу. Снимает трубку телефона. Перекладывает в левую руку. Правой крутит ручку граммофона. Треск винила. Нажимает на кнопки телефона.

Люсенька. Товарищ Волынский? У вас все готово? Хорошо. Я выезжаю.

Люсенька. Саша, поймите, это необходимость. Каналы, по которым писатели получали свои токи от эгрегоров, забились. Такого хлама, не побоюсь этого слова, не было никогда. Каждый десятый, по статистике, писатель. Работать не хотят. Сидят и пишут. Ноосфера завалена мусором. Вернадский негодует. Разве для этого он ее учреждал? Так что как хотите, а костры уже дело неминуемое. Хотите погреться? Завораживает, знаете ли. А этот пепел… кружится, кружится, как листья осенью.

Романтика. А тут еще некий Сорокин написал целый роман. Не читали? Там книги у него вместо дров. Не обогреться, а еду приготовить. Особый цимес, говорят, знаете ли.

Сцена 6
Зона № 2
Окна

Кухня. Рукомойник, газовая плита, стол, окно. На стене висит старое радио. За столом сидит АНАТОЛИЙ. ВЕРОНИКА стоит напротив. Курит.

Вероника. А вот не надо было, понимаешь ли, лезть не в свое дело! Стагнация, пассионарность, это все частное, личное! И каждый, как ты знаешь, имеет право на свое мнение, что бы там кто ни говорил.

Вероника стряхивает пепел на пол.

Анатолий. Ты сюда мусорить пришла? После тебя вся кухня в пепле.

Вероника. Я могу вообще не приходить, мне это всё начинает на-до-е-дать! Постоянные твои упреки! Я не удивлюсь, если через неделю ты начнешь оскорблять. Такие, как ты, становятся серийными убийцами! Ой, да кому я это все говорю…

Вероника резко встает. Табуретка отскакивает в сторону. Подходит к окну, отдергивает занавеску. Затягивается, выпускает тугую струю дыма в форточку.

Анатолий медленно, упираясь руками в стол, поднимается, вздыхает, делает шаг к окну, встает рядом с Вероникой.

В окне видна конечная остановка трамвая, вереница старых, еще дореволюционных домов. Часть из них стоит с проломленными крышами и выбитыми окнами. Свет желтых фонарей выхватывает дома из небытия, создает зыбкую, кинематографическую атмосферу.

Толик: Я где-то читал, что старые, заброшенные дома – это порталы, как бы вокзалы. Можно войти, и никогда уже сюда, назад – не вернуться.

Толик протягивает руку к тлеющей сигарете между пальцев Вероники, осторожно берет, затягивается. Выпускает дым в стекло. Улица покрывается туманом. Дома, смешавшись с дымом, начинают зловеще дребезжать, темные провалы вспыхивают синим светом. Вероника вздрагивает, придвигается к Толику.

Они стоят очень близко, чувствуется напряжение, одновременно и притягивающее и отталкивающее. Становится вдруг слышно, как отрывающиеся капли всё громче и громче ударяются о раковину, переходя в ритм и дополняя возникшее кинематографическое пространство.

Толик: Ты знаешь, меня всё чаще настигает странное чувство. Одновременно и страшно, и что-то в страхе этом притягивает. Особенно когда я стою рядом с тобой. Вот как сейчас, еле касаясь. В голове, в обычном потоке мыслей, вдруг возникает как бы брешь, пространство без пространства, воронка, куда начинают утекать мысли и вместе с ними всё мое привычное состояние. А взамен из этой бреши-воронки вдруг появляются щупальца. Они осторожно пробуют на прочность края. И я начинаю испытывать страх. Ты спрашивала, что со мной? Когда я отпрыгиваю от тебя и начинаю нести какую-то околесицу, наполнять свое внутреннее пространство и пространство внешнее словами, никчемными мыслями...

Тебе это никогда не нравилось. Тебе не нравилось, когда я начинал анализировать друзей, критиковать их, ты не понимала, что это не желание над кем-то пошутить, а мой щит от внутренних страхов, внутреннего безумия. А сейчас что-то изменилось. Сейчас щупальца не проверяли края. Выскочив, одно тут же присосалось к потолку. За ним второе – к стене. И воронка расширилась. Всосала все, что было из обычного в голове. И как только появилось третье щупальце...

Тление сигареты добирается до пальцев, рука Толика дергается, в этот момент Вероника поднимает свою руку – поправить нависшую челку. Их пальцы соприкасаются, по телу у обоих пробегает разряд, они одновременно и отшатываются, и притягиваются друг к другу. Туман на улице рассеивается, и дома предстают обоим в совершенно новом, невиданном доселе образе. Вероника вскрикивает, закрывает лицо руками. Толик замирает. Радио на стене шипит, механический голос выплевывает:

Отчаянные крылами вспарывая бездны,
Цветков благоухания презирая,
Прельщая глаз убранством,
Маня к себе фривольно!
И с ветерком играясь, словно рыцарь,
Письмо невинной даме написавши,
Несется сквозь туман, навстречу смерти,
От Данаиды принять ее безрассудно.

После паузы звучит «Собачий вальс» на расстроенном пианино, и женский голос, обворожительный, прямо противоположный голосу предыдущему, поет (мелодия напоминает «Марш авиаторов»):

Слагаю песни я в груди собаки,
Где трещины и дырки от ножей.
В могучий вой ведут, ведут солдаты,
Для ненасытной родины моей.

Бредут солдаты по руинам,
Где сладкий яд и нежные слова,
В сознанье, где насильно умирает,
Напрасный труд и вечная весна.

Здесь зрелой красотой пугают дамы,
В тиши бассейна плачет темнота,
В восторге дыма из кадила драмы
Исходят детские немые голоса.

(Последние аккорды «Собачьего вальса» вдруг срываются в синкопу, акцент доли такта смещается, ритмический акцент расходится с метрическим, акустическое пространство заполняется кластерными квартсептаккордами, модальности ворвавшегося микротонального саксофона вырывают восприятия Толика и Вероники из воронки сумасшествия.)

Вероника. Что, что это было, что это всё?

Вероника стоит бледная, смотрит на свои руки, боясь перевести взгляд вовне, боясь увидеть там чужое, страшное.

Толик неестественной походкой на негнущихся ногах подходит к плите, поднимает чайник, поливает свою голову.

Вероника. Ты мне что-то подмешал, говори! Говори! Подмешал? Да?

Вероника подскакивает к Толику, толкает, выхватывает чайник, поливает водой себя, волосы, блузку.

Толик. Я… я. Это я? Это… Это… Я сам, я ничего, я, я, я, я…

В саду вишневом
Склоняюсь в восторге
Пред светом, что между ветвей.

Порывы страстей,
Рука незнакомки,
И жар бездонных ночей.

Твоею походкой
Я грезил в отчаянье,
И сердце рвалось из груди.

И нежных изгибов
Деревьев смотрящих
Сегодня я видел вдали.

Вероника. Сволочь!

Вероника швыряет чайник в угол, выбегает, хлопает дверью. Слышится стук ее каблуков, скрип и гулкий стук входной двери.

Толя выбегает вслед за Вероникой.

Сцена 7

Улица. АНАТОЛИЙ, догнав ВЕРОНИКУ, идет с ней рядом. Выдерживает дистанцию, чтобы снова не попасть в эти странные заряды электричества, в этот омут сумасшествия.

Вероника. Я не знала, что ты поэт. Горе-поэт! Может, почитаешь еще? Давай про вишневый сад теперь, слабо? Ты знаешь, ты же гад, ты просто негодяй, если бы я умела, могла ругаться матом, я бы тебе сказала. Прав мой отец, он тогда еще, с первого раза, сказал, что ты че-ка-ну-тый.

Шизик! А теперь и меня хочешь в свое сумасшествие утянуть. И знаешь, что самое страшное, Толя? Знаешь? Я ведь тебя люблю. Да! И ты этим пользуешься! А я ничего не могу поделать. Это мой крест. И мой подвиг. Знаешь, я завидовала женам декабристов. И встретив тебя, тогда, у Ивановых на дне рождения, я ведь сразу поняла, вот он, мой декабрист, мой Нарышкин. Да, я выбрала тебя, чтобы совершить свой подвиг! Полюбила идиота! Сумасшедшего. *(Истерически смеется).*

Вероника останавливается напротив зияющего синевой окна – одного из тех, что они совсем недавно рассматривали из кухни.

Окно подхватывает хохот Вероники, уносит его в небытие, отдавая взамен ощущение теплоты и детства.

Вероника. Ты помнишь… детство? За окном стужа, завывает метель, а тебя только что уложили спать, мама поправила одеяло, вышла из комнаты, и ты совсем один, обнимаемый темнотой и пугаемый рвущимся через окно в комнату неистовством, и тебе становится чуть-чуть страшно, совсем немного, и этот страх даже приятный – ты натягиваешь на себя одеяло, и оказываешься вновь в утробе, где темно, тепло и совершенно безопасно.

Вероника и Анатолий несколько приближаются друг к другу. Их одежды касаются, между ними протекает ток.

Толик. Я очень чувствую сейчас. Детство, комнату, одеяло. Тепло. И эти щупальца. Совсем не страшные. Они обвивают. Обволакивают. Нас.

Вероника. И туман, тот туман, что покрыл улицу, когда ты выдохнул дым на стекло. Посмотри туда, в это окно. Темнота светится же, ты видишь? Дрожит, мерцает, она теплая, как

в детской. Ее можно потрогать руками, войти в нее, как в речку или озеро летом, после заката. Как в синее парное молоко.

Толик подпрыгивает, залезает в проем, протягивает руку Веронике. С бьющимися сердцами они делают в темноте несколько шагов. Скрипит половица. Их пальцы сплетаются. Ток неимоверной силы пронзает их тела и души.

Вероника. Та комната там, внутри. И эта легкость, ты чувствуешь, как в детстве. Это тепло. Совсем рядом. И этот свет. Неимоверно теплый. Пойдем. Эта комната там. Она наша.

Слышатся шаги, быстрее, быстрее, в какой-то момент обрываются. Яркая вспышка. Продолжают биться сердца. Резко останавливаются, слышится их эхо, как будто они улетают вверх.

Из радио доносится:

Диктор: А теперь криминальные новости. Продолжаются поиски пропавших: Вероники Челышевой и Анатолия Возникова.

Голос другого диктора: Генеральный застройщик объявит тендер для подрядчиков-строителей. На месте конечной остановки трамвая уже идет снос старых домов, и на их месте будут построены современные дома с эко-парком.

Сцена 8

Зона № 3
Космонавты

На сцене в луче света сидит психиатр АНАТОЛИЙ САВРОВСКИЙ. Луч света увеличивается, виден стол, напротив АНАТОЛИЯ сидит пациент, ПОРФИРИЙ, руки его прикованы цепью.

Пациент. Первый раз я убил, когда мне было, было, да… 14 лет. 7 классов закончил.

Анатолий. Расскажи, как ты убил и кого. Тебя Порфирий зовут? Необычное имя.

Пациент. Мамка назвала, ага. Деда звали так. Да чего рассказывать? Нравилась мне Ленка, ну, в соседнем подъезде жила, в параллельном классе училась. Ну, а к ней Женька, ну, ухаживал, подкараулил его, ага. Ну, и топориком, ну, эта, туристическим. У меня был такой. Знаете, такой синенький, а ручка желтенькая. Мне на день рождения подарили. В поход ходил когда.

Анатолий. Ты можешь подробнее рассказать. Как убивал, что чувствовал.

Пациент. Я, в общем, начал следить за ним, а он в среду ходил на скрипку. И возвращался вечером. Да. Вот. Выходил с остановки, и сразу домой. А в подъезде, я это, под лестницей спрятался, ага. Он, значит, на третий этаж. Я его нагнал у окна, и… он обернулся. И в лицо его ударил. Он упал, скрипка так громко тоже, значит, упала. А я испугался, значит, что много крови будет, не хотел запачкаться. И обратной стороной топорика прямо в лоб ему как дал! А потом послушал. Никого нет. Тихо так стало. И в кармане нашел у него три рубля, такие знаете, мятые. И такая

штучка, длинная, круглая, туда можно монетки вставлять. Полная была, дома рубль двадцать вытащил.

Анатолий. И что делал потом?

Пациент. Ну, я домой пришел. В ванную сразу. Помыл, значит, топорик, рукава рубашки постирал. Это… брызнуло, ну, когда ударил сначала острым, белое такое с красным. Мозги, наверное, да? И потом поужинал. Мамка делала кровяную колбасу с яичницей и картошкой. Вкусно! И пошел, лег, значит, и в стену смотрел.

Анатолий. В стену смотрел? Там что-то висело у тебя?

Пациент.: Да не. Ну, где лежал, гвоздиком расковырял стенку, такую дырочку. И представлял, что это такой кратер на Луне, а я – космонавт, и хожу, значит, по Луне. А потом начал думать, как к Ленке подойти, ну, она же плакать будет. А придумал так. Ну, вот у меня платок будет, да… и я предложу его, а потом мы гулять пойдем. И я стал представлять.

Анатолий. Расскажи, как ты убил Лену.

Пациент. Да я не хотел. Правда вот, не хотел. В школе на следующий день все говорили об убийстве Женьки. А Ленка у окна стояла заплаканная на перемене. И я подошел вот, и сказал, что у меня платок есть. Ага. А она посмотрела на меня, сказала что-то, и побежала. А после школы я сзади нее пошел. Но только чтобы она не видела. Подумал, вдруг она догадалась, что это я Женьку убил. У меня же никогда не было платков. Да. А тут вдруг. Ну, она умная, отличница. И мне страшно стало. И как бы такое вот… Я не хотел ведь убивать. Правда. А потом так быстро всё, так быстро, быстро. Я кусок кирпича увидел, такой знаете, не красный, нет. Белый, ага. И прямо силы такие у меня, прямо не знаю,

ну, будто другой я. Как там, на Луне. Невесомость. Мне показалось, что я… показалось, что я вспомнил тот кратер, на стене у меня, но он на Луне, на самом деле. Понимаете? Вот. Можно воды попить?

Анатолий. Конечно, это для вас кружка. Пейте.

Порфирий с трудом поднимает руку со стола. Виднеется цепь, связывающая наручники, сковывающие его запястья. Цепь короткая. Ему приходится обхватить кружку двумя руками. Жадно пьет. Осторожно ставит кружку на место. Смотрит вверх, тяжело дышит.

Анатолий. С тобой всё нормально?

Пациент. Да-да, хорошо. Я про кратеры вспомнил. Посмотрел, нет ли их здесь, этих дырочек, на потолке. Я всегда рассматриваю, люблю очень стены рассматривать. И потолок. Искать их.

Анатолий. Давай продолжим. Ты тогда, перед тем как убить Лену, сказал, что вспомнил про кратер.

Пациент. Да! Да! Я вдруг почувствовал. Я испугался. Что, если все узнают, кто убил Женьку, тогда космонавтом нельзя стать. И как же Луна тогда? Как же Кассиопея? Вы фильм смотрели? Там летели все. Летели, и невесомость эта. Ну, когда себя не чувствуешь. Когда легко совсем. И я тогда, как в полете, как на Луне, невесомость… полетел, но я не хотел. И вдруг уже смотрю – Ленка лежит. И ее волосы, такие, знаете… я их тогда потрогал, они мягкие, прямо как у кошки. Такие, знаете, хорошие. И мокрые. Я бы их расчесывал, я бы их гладил, я бы в косы заплетал. А я убил ее. Не хотел. Правда. Но космос, ведь это выше всего. Мечта. Понимаете? Рядом сел. И там такая плита, и достал лупу, и начал на ней кратеры рассматривать.

Там много их было. Как на Марсе и Луне.

Анатолий. Скажи, Порфирий, а ты тогда что-то чувствовал? Ты ведь все-таки убил. Убил девушку.

Пациент. Не знаю. Я не думал. Я боялся, что не смогу стать космонавтом. Это ответственность. Я тогда сидел, рассматривал кратеры, и вдруг подумал, что, может, надо себя убить. Или убежать. Ну, как бы от себя. Я же здесь родился. Здесь родители. Школа. А если я уеду, то, как бы, получится, что уеду от себя, как бы, убью себя, уеду от всего этого, уеду в другое. Понимаете? Ну, не знаю как вот сказать.

Анатолий. Да, Порфирий, очень хорошо тебя понимаю. Ты сожалел об убийствах и хотел убежать?

Пациент. Я не знаю, нет или да. Я там сидел и начал рассматривать этот кирпич, которым я Лену убил. И там я увидел кратер. Он такой, знаете, розовый был, такой красивый. Мне хотелось туда забраться и там так свернуться, и там сидеть, сидеть, там сидеть, и понимать, и чувствовать всё, космос, невесомость. И потом что-то подбросило меня, это ступень отвалилась от ракеты, и я побежал, полетел, и рельсы… Я взял этот кирпич с собой, положил в сумку. И я пошел по рельсам, там стоял такой вагон, вагоны… и я забрался. И заснул. И когда проснулся – проснулся и понял, что космос – он здесь, не надо никуда лететь. Всё здесь. А они были врагами, шпионами! Они – враги народа!

Анатолий. Порфирий, кто враг? Кто шпион?

Пациент. Ну, как же. И Женька, и Ленка. Их привезли на Гороховую к нам, в ЧК. А внутри у меня уже легкость такая, я только что морфина себе уколол, и...

А они все тяжелые, понимаете, их во дворе выгрузили, они – земля, земля, сырая такая, от них запах этот… И взгляды у них – такие тяжелые… вниз, вниз, вниз тянущие. Мокрые. Я хотел сразу их там убить. Да. Они, понимаете, мешали космосу. Не надо ведь никуда лететь. Мы здесь космос строим. Здесь, на земле. Коммунизм и есть космос! Везде космос! А они все тяжесть, они мешают взлететь. Они дрожат так, пропитанные страхом, землей, жизнью этой. Хотят жить. Цепляются за нее. Не дают нам взлететь. Матросы, значит, прикладами их подняли, и там такие подвалы, очень такие глухие, знаете, кирпич такой темно-красный. Ага. Весь в кратерах, и кровь там. Они, знаете, молча умирали все. Их привозили каждый день. Враги. Товарищ Кокий предложил на них патронов не изводить, а штыками колоть. Вот тогда они уже кричать начали. Их тыкаешь-тыкаешь, мы ножи к палкам примотали, ага. Ну, на которых плакаты несли. И штыками тоже. А это же ваш дед, космонавт Кокий?

Анатолий. Мой дед служил в Петроградской ЧК. Борис Моисеевич Кокий. Но откуда ты знаешь его?

Пациент. Ну, как же? Он допросы проводил, и в расход, в расход… ступени ракет отделял. Он главный космонавт был, он управлял ракетой. Урицкий был командир корабля, всего. А он, он… Он ответственный был за невесомость. Когда убьем, говорил, мильён, тогда легко будет здесь. Тогда морфий не нужен будет. А вы убивали? Сами? Как дед? Вы сами убивали? Вы тоже хотите космос здесь, на земле? Или вы морфий колете? А вы строите коммунизм? Да? А почему я здесь? Почему меня приковали к земле? А они где? Кто тоже убивал. Они космонавты. Они командиры ракет. А я? Почему я – нет? Я же тоже хотел космонавтом. Я тоже убивал, чтобы невесомость, значит, была. Свобода! А сейчас куда мы летим? Мы летим? Летим? Илон Маск летит! А мы – летим? Тоже? Кто мешает? Почему я здесь? Кто? Кто? Враги!

Шпионы! Меня, меня приковали. Когда я убивал как они! Когда будет миллион? Мне надо больше было убивать? Как они? Тогда, да? Я просто мало убивал. Цепи падут! И космос, и космос!

Сцена 9
Зона № 4
Китеж

В луче света – директор музея ПОРФИРИЙ СМОЛЯКОВ. Слышен работающий телевизор. Новости. Сцена освещается. Комната в квартире. Стол. За столом сидят директор музея ПОРФИРИЙ и его ЖЕНА в красных колготках.

Порфирий. Погружение в пространство русского смысла происходит постоянно, а мы живем в середине, на обрывке, а смысл явлен будет токмо в пути, токмо когда покинем полустанки, посвятимся в вечный скит!

Порфирий резко встает, задевает край стола. Кружка переворачивается. По скатерти ползет коричневое пятно.

Жена. Ты бы учился мебель не задевать, умник! В пространства он погружается.

Жена кладет салфетку на коричневое пятно. Придавливает, ждет, пока белая бумага не начнет темнеть.

Жена. В середине он живет! Ты бы лучше на работу устроился, философ хренов!

Порфирий берет со стола нож. Кладет мизинец на стол. Размахивается и резко опускает лезвие на палец. Мизинец остается лежать на краю стола. Из него вытекает кровь. Впитывается скатертью. Порфирий достает из кармана резинку, обматывает ею край обрубка пальца. Кровь останавливается.

Жена. Ну, и кому ты что доказать хочешь? Мне? Я медсестрой работаю, кровью меня не удивишь. Страданиями тоже. Они у нас, у русских – в генах, или где там еще? В душе? Вся русская душа состоит сплошь из страданий. И боли. Как там говорят? Что немцу смерть, то русскому отрада?

Жена роется в сумочке, достает зеркальце, помаду. Подкрашивает губы истошно-красным.

Жена. А мы смотримся теперь, эдакий триптих. Красные колготки, губы и твой обрубок.

Жена смеется, разглядывает себя в зеркальце.

Порфирий. Да, Россия познается через личную добровольную боль! Достоевский не стал бы Достоевским, если бы не его припадки, не расстрельная стена. В России нет Эроса, сплошной Танатос и манихейство. Да! И гностицизм! Да, и дорога! Да! И скопцы, юродивые, калики – вот они слышали колокольный зов, вот они вбирали в себя смысл русского. Легко в лохмотьях по дороге, когда душа чиста. Пространство Руси – это дороги. И нет ничего боле. Скомкал лист, поджег хату, и в путь!

Жена. И ты, типа, реинкарнация Достоевского, каликов, и всё такое?! Ты же ходить уже толком не можешь, пальцы себе на ногах поотрубал. За руки взялся. Кто говорил, что Россия даст тебе новый ход, что ты и без пальцев сможешь? Ведь главное стать русским, а стать русским можно только одним способом – страдать, страдать намеренно, добровольно. Разогнаться на тройке, и с обрыва, под бубенцы, ухнуть в карусель, пострадать за сыру землицу. Да, Порфирушка?

Порфирий. А ты всегда нерусской была, всегда, только притворялась. У тебя гены неруси! Ой, да с кем я разговариваю?! Нерусь окаянная!

Порфирий вскидывает кулак с отрубленным мизинцем, трясет им в воздухе.

Жена. Да ты со своей женой говоришь! Идиот полустаночный! И друзья твои такие же! Утырки. Обрубки!

Порфирий. Тивериадское море, упрасень, изыдь-гора, блудница галилейская! Ты знаешь, знаешь, что Тверь раньше была Тверия? На море тевириадском! Озеро Вережун! Имоложское озеро! Знаешь? А?

Жена. Ну, всё! Достал!

Жена идет в коридор, натягивает сапоги. Залезает в пуховик, обвязывается платком, берет со стола сумочку.

Порфирий. Если ты уйдешь, ты пропадешь! Молчание русского слова не коснется тебя! Слова — это кровь! Пустыня — тленное тело!

Порфирий срывает резинку с отрубленного пальца. Но ожидаемая кровь не идет. Палец посинел. Порфирий трясет им, прыгает на одной ноге, причитает.

Порфирий. Ой, испрося, жажду вымки, тучи, тучи, град еси, Китеж из подводной Светлоярской кручи, выходи, выходи!

В коридоре хлопает дверь.

Порфирий садится на табуретку. Обхватывает голову руками. Раскачивается. Резко встает. Выходит. Слышно, как открывает в ванной воду. Проходит на кухню. Закрывает

форточку. Открывает газ. Возвращается в комнату. Берет мизинец. Открывает окно. Размахивается и швыряет мизинец в темноту. Улыбается. Закрывает окно. С полки вытягивает книгу. Садится на табуретку. Прислушивается. Из ванной комнаты слышится журчание воды. Нюхает – из кухни тянет газом. Открывает книгу на закладке. Медленно, с выражением читает:

Порфирий. Отсутствие объединения сводится к двум основным несостоятельным правилам. Василиса чувствовала это с детства. С того самого детства, когда шаг за шагом новая вереница теней, пустоты, горения и света стала являться пред нею в своей линейности посвящения. Где таинство сна, таинство «Ты еси» становится не чем-то новым. Не крашеным, а облагороженным Словом, самовозвратом к таинству всеящего бытия износа, где нет Вергилия, нет леса, а есть одна дорога, и по ней – тройка, и бубенцы, и ямщик, и снег, и тьма под куполом, и капельки звезд, и вой волков. И душа, такая зыбкая, такая еще непривычная, с косой, стройным станом. И такое дыхание, пар, обрыв и радость падения, свободы, желание дойти до самой сути, до яти, до туда, где нет ничего, кроме…

Зажигает спичку. Взрыв.

Сцена 10
Зона № 5
Пропуск

В луче света капитан ТРЕСВЯТСКИЙ. Сцена мигает быстро, освещается стробоскопом. Появляются ВЕРОНИКА КАРАСЁВА и ВАХТЕРША.

Вахтерша. Пропуск! Пропуск давай!

Девушка роется в правом кармане. Затем в левом. Вахтерша подходит совсем близко. Голос срывается до хрипоты, до визга.

Вахтерша. Пропуск, сволочь такая. Замедляешь! Всех замедляешь!

Нажимает на кнопку. Шаги, переходящие в бег. Вахтерша радостно кричит.

Вахтерша. Товарищ Собакин! Вот, полюбуйтесь! Сволота какая! Пропуска у нее нет.

Собакин в образе Порфирия. Разберемся.

Хватает девушку за предплечье. Уводит.

Сцена 11

На сцене грубо покрашенный стол. На стене вырезки из местной газеты и православный календарь. В углу икона – в образе огромной камеры. Посередине комнаты – табуретка. Открытое окно. Из него шум города.

Собакин. Сядь!

Указывает на табуретку.

Собакин. Американосам помогаешь, паскуда? Звать как?

Вероника. Вероника Карасева.

Собакин выворачивает на стол содержимое рюкзака: книга, записная книжка, карандаш, зеркальце, открытая пачка печенья.

Собакин. Книжечки почитываем? Печеньки госдеповские!

Наотмашь ударяет костяшками левой руки. Брызжет кровь.

Собакин. Тварь такая, гейропская мразь!

Хватает за волосы. Сжимает их, тянет в сторону и чуть вверх. Ударяет сбоку сапогом ножку табуретки. Та юркает в сторону. Вероника повисает в воздухе. Ноги судорожно ищут опору.

Вероника. Мы живем под собою, не чуя… Мы живем под собою, не чуя, не чуя, чуя...

Вероника еле слышно шепчет, пытается найти ногами точку опоры.

Вероника. Не чуя, не чуя, не чуя, не чуя, не чуя страны, страны…

Собакин отпускает волосы, толкает ее. Вероника падает. Сжимается в комочек. Забивается под стол.

В открытую форточку проникает гулкий, устрашающий звук колокола. Собакин поворачивается в угол, к иконе. Размашисто крестится. Икает. С иконы на него смотрит всевидящее око Государя – 50-мегапиксельная камера. Подходит к окну. Несколько раз глубоко вдыхает.

Дверь распахивается. В проеме, в новой военной форме, стоит капитан Тресвятский. Медленно раскачивается. Свет из окна и свет настольной лампы, перемешиваясь, освещает военного. Он явно любуется собой, вызванным эффектом, своей новенькой, с иголочки, формой и золотыми погонами. Входя в кабинет начальника охраны, брезгливо смотрит на сжавшуюся, забившуюся под стол девушку.

Собакин. Принимай вражину, капитан! Как и говорили, точно, пропуска не было! Я тут с ней провел легкую профилактическую. Встать! Привела себя в порядок перед капитаном! А ну, быстро!

Девушка с трудом поднимается, оправляет платье, размазывает по лицу кровь. Смотрит на вырванную с корнем пуговицу своей брезентовой куртки. Разглаживает волосы. Капитан подходит к окну. Шумно вдыхает в себя свежий воздух, излучаемый форточкой.

Капитан. Весна! Красота какая!

На бледно-голубой эмали,
Какая мыслима в апреле,
Березы ветви поднимали
И незаметно вечерели.

Узор отточенный и мелкий,
Застыла тоненькая сетка,
Как на фарфоровой тарелке
Рисунок, вычерченный метко, —

Когда его художник милый
Выводит на стеклянной тверди,
В сознании минутной силы,
В забвении печальной смерти.

А? Нравится тебе, сучка? Вероника Карасева. Нравится тебе Мандельштам?

Вероника вздрагивает. По лицу ее текут, сливаясь с кровью, слезы. Она всхлипывает, слегка дрожит.

Вероника. Да, мне нравится Мандельштам, это мое любимое стихотворение.

Собакин. Ну, чего стоишь просто так, сволота?

Начальник охраны поднимает табуретку. Ставит на него блестящий яловый сапог.

Собакин. Руки за спину и жди команды капитана!

Капитан смотрит на икону. Быстро, по-военному, три раза крестится. Отдает честь, щелкает каблуками. Поворачивается к Собакину. Кивает головой, обращая взгляд к окну.

Капитан. Весна, ядрена вошь! Растопили-таки зиму!

Собакин снимает ногу с табуретки. Громким поставленным голосом:

Собакин. Когда ворогов растопим всех, вечная весна наступит! А там и лето не за горами! И космос!

Капитан. И космос! Карасева, на выход марш!

Капитан оборачивается к Собакину.

Капитан. Благодарю за службу!

Собакин. Служу! Служу! Служу!

Сцена 12

Сцена погружается в темноту. Слышится нарастающий гул колоколов. Индустриальные скрежещущие звуки.

Сцена освещается. Посреди нее – большая ярко красная машина, на которой сбоку виднеются заглавные черные буквы – ОНП. Под ними – «Организация незыблемого порядка». Вероника садится в задний отсек машины. Вместо решеток на нее со всех сторон смотрят остро заточенные шипы.

Садится на маленькую откидную металлическую скамеечку. Чтобы не пораниться о шипы, надо сохранять баланс. Машина заводится. Сцена погружается в темноту. Слышен гул мотора, несколько приглушенный шум оживленной улицы. Стоны боли девушки. Свет на сцене. Из машины выходит девушка – плечи, спина, руки у Карасевой кровоточат от уколов. Из подлетевшего к ней дрона скрежетом ревет металлический голос: «Опустила голову! Руки за спину! По сторонам не смотреть! В направлении красной линии, короткими шагами!».

Сцена 13

Кабинет капитана ТРЕСВЯТСКОГО. Капитан подходит к столу, садится, берет пульт, нажимает. Напротив стола на полу вспыхивает круг из ярких красных светодиодов. В середине – пластина на тонкой, гибкой ножке. Сидеть на таком стуле постоянно, не сохраняя баланс ногами, невозможно. Капитан указывает движением головы на стул. Девушка, превозмогая боль, садится.

Капитан. Это чтоб не расслаблялась. Враги космоса должны быть в постоянном напряжении, поняла? Понимаешь, почему здесь?

Вероника молчит. В наступившей тишине становится слышно усиливающееся дыхание капитана, оно быстрое и какое-то рваное. Капитан нажимает на кнопку пульта. Через Веронику проходит заряд электричества, прямо от копчика, куда упирается небольшой выступ стула. Она вскрикивает, упирается ногами в пол, но они подкашиваются. Вероника падает.

Капитан. Десять секунд тишины, от тебя нет ответа – в следующий раз разряд будет посильнее. Будешь в молчанку играть, инвалидом станешь.

Капитан смеется, прокашливается и вдруг хорошо поставленным голосом декламирует:

И снова голос нежный,
И снова тишина,
И гладь равнины снежной
За стеклами окна.

Часы стучат так мерно,
Так ровен плеск стихов.
И счастье снова верно,
И больше нет грехов.

Ну, время пошло, продолжай!

Вероника закрывает глаза, тело ее напруживается от сверхусилия, она сдавленно, сквозь боль продолжает.

Вероника.
Я бросил их: я дома, –
Не манит путь назад.
Здесь все душе знакомо…
Я нежно, грустно рад.

Мои неясны грезы,
Я только тихо нов…
Закат рассыпал розы
По савану снегов.

Капитан. Помнишь, как дача горела, и вместе с ней – твоя бабушка, твои тетрадки, подшивки, книги? Тебе этого мало было? Врагам у нас – беспощадие! А тебе дали шанс! Шанс! Тебя выучили работать на станке! Производить! Быть полезной Государству, строить Космос! Быть среди народа великого ярового помысла! Ты думаешь, что ты борец, сопротивление? Оппозиционерка! *(Смеется.)* А если бы твой пропуск там не выпал, как бы мы паскудышей тех нашли? Ты же помогла. Своих товарищей сдала. Ну? Говори! 15-44, анатомия тени.

Капитан нажимает на пульте кнопку. Из стены прямо в голову Карасевой ударяет луч пульсирующего белого света. Веронику пронзает удар тока, не такой сильный, как в первый раз, она не падает со стула.

Вероника. Вероника Карасева. Сотрудничаю с отделом контроля «С», кодовое имя – Зоя. Вчера я посетила собрание дискуссионной оппозиции, специально оставила там пропуск с вживленным позиционированием. Завтра я иду на собрание «Новые литературы». Произведу запись.

Свет выключился. Капитан включил диктофон. На нем запись того, что только что говорила Вероника. Она слушает. Кричит, срывается с места, подбегает к окну, отдергивает портьеру. В глаза ей ударяет свет такой мощи и интенсивности, что ей кажется, что глаза ее окунули в соляной раствор. Она хватается за лицо. Теряет сознание.

Сцена 14

Кабинет капитана. В нем ТРЕСВЯТСКИЙ и ведущий семинара ИТАКОВ.

Капитан. Ты понимаешь, Антон, у тебя есть сейчас два вектора развития твоего личного нарратива. Твоей судьбы, истории. Один – статья 1-11 – «духовный экстремизм», и лет этак семь на перевоспитание в Удмуртии. А за попытку выйти из госдискурса набросим еще. Второй вектор судьбы – ты сотрудничаешь с нами. Проходишь дефрагментацию. И ты – сексот отдела «С». Ты сам сейчас пишешь свою историю. У нас практикум высшей категории!

Итаков. Но я ведь честно не знал совсем, что будет такой эффект. Я не намеревался ничего такого. Я же проходил, получил доступ у вас. Я всё написал, подробно. Этот шаман появился, и всё так разложил, у меня и в мыслях не было, что вот так можно просто выйти, такая деконструкция, ну, вернее, зайти в эти бесконтрольные зоны. И… Или они… Но, разумеется, я совершенно готов с вами, для вас делать, что вы сочтете верным и правильным.

Капитан. Шаман напел тебе? Бесконтрольные. Ишь! Всё контролируется в этом мире. А уж там, внутри, и подавно. Провокация мысли вне векторов госдискурса – уголовное преступление. Ты что, не знал? У тебя же доступ коучера, проходил наши курсы. И да, технологии не стоят на месте. Зоны эти, куда ты налаживал доступ.

Итаков. Да, но это не я, это шаман, это было неожиданно.

Капитан. Разберемся! Вот тебе пропуск. Завтра в час в центральном комитете. На проходной скажешь, что ко мне, и покажешь пропуск.

Итаков, опустив голову, выходит. Капитан открывает сейф. Достает бутылку, стакан. Дверь открывается. Заходит шаман. Капитан дергает руку к кобуре. Вместо пистолета вынимает пустую руку. Изумленно на нее смотрит.

Шаман. Капитан, ты оставил у нас три дня назад пропуск.

Капитан. Не понимаю. (*Замирает в нелепой позе, глядя на свою пустую руку.*)

Шаман. Неважно выглядишь. И еще думаешь, что все контролируешь. И сами, огородив себя, думаете, что вырвались из-под контроля. Сами теперь боги. Помните шамана, что на Москву шел? Вы его деактивировали, думали, накачаем таблетками, и всё. А это была наша операция по отвлечению внимания. Каждая сцена там прописана нами. У него и предсказание было. Через два месяца. И аккурат в Хабаровске началось. Потом в Беларуси. И в твоем личном спектакле, и в государственном – всё запрограммировано, говоря вашим языком. Но всё контролируется не вами. А нами. Как ты, надеюсь, понял.

Капитан. Не понимаю! Не понимаю!

Шаман. Вы можете контролировать только то, что понимаете. А понимаете вы очень мало. Зона, в которой ты сам побывал вчера, дала тебе ясно понять, что ты для нас то же, что и для тебя – Вероника Карасева.

Капитан. Мы поддерживаем систему ценностей. Никто не выйдет за пределы, установленные нами. Мимическая аксиома возникновения желания – вот основа всего! Человек желает походить на своих ближних, подражать им!

Шаман. Всё так, но когда все желают одного, создается конфликт. И конфликт разрешается жертвами. Гражданские войны, лагеря, тюрьмы, расстрелы, убийства. Очистительные жертвы. Вы тоже это хорошо уяснили. Но у всего этого есть и обратное действие. Нейтрализующее.

Шаман протягивает капитану пистолет.

Шаман. Твой пропуск, капитан.

Зачинайся, русский бред…
…Древний образ в темной раке,
Перед ним подлец во фраке,
В лентах, звездах и крестах…
Воз скрипит по колее,
Поп идет по солее…
Три… в автомобиле…
Есть одно, что в ней скончалось
Безвозвратно…

Продолжай!

Капитан выходит из ступора, достает из кобуры пистолет. Вдалеке слышны удары шаманского бубна.

Капитан.
Но нельзя его оплакать
И нельзя его почтить,
Потому что там и тут
В кучу сбившиеся тупо
Толстопузые мещане
Злобно чтут
Дорогую память трупа –
Там и тут,
там и тут…
Так звени стрелой в тумане,
Гневный стих и гневный вздох.
Плач заказан, снов не свяжешь
Бредовым…

Капитан подносит пистолет к виску. Темнота. Выстрел, вспышка. Слышен звук бубна. Сцена постепенно освещается. Кабинет капитана. Шаман в традиционной шаманской одежде бьет в бубен и танцует.

Занавес

М.(К.)Б.

хроники недовесны
(радиопьеса для шести голосов с гобоем)

действующие лица:

мечтатель

пересмешник

летописец

айфоняне

шансоняне

садомазохисты

мечтатель:
не до весны, когда такие сны
выплёскиваются на мостовую
ошую, поперёк и одесную
я в уголке зимы перевесную,
пока стреляют пушки у десны

я в суть недовесны пока не вник
пожалуй, что начну вести дневник

пересмешник (зычно окая):
открылась новая страница «россиады»
из гроба восстает наш групповой херасков
и, заточив перо, берется за работу:
«пою от разума россию свобожденну»

летописец:
гумконвой продвигался толчками, как рвотные массы
балаклея, черкассы
караваны героев змеились повязкой кровавой
под днепром, под полтавой
вдалеке, как былинный кузнечик, ногами задрыгав,
надрывался чернигов
миротворческий гной источали уста суверена
и рыдала сирена

айфоняне (злобно глядя на шансонян):
нам новости возят в телеге,
как головы беглых рабов,
и русский — какой-то телугу,
язык многоруких богов

шансоняне (злобно глядя на айфонян):
нам пара очков чрезвычайных
напомнит, что всюду враги,
укроет нас добрый начальник
царь-колоколом из фольги

садомазохисты (дрожа от предвкушения):
венера — в мехах
любовь — на рогах
вера в бегах и надежда в бегах
белые лица
синие пальцы
красные реки в стальных берегах

пересмешник (мерзко сюсюкая):
топ-топ по земле,
а земля-то наша
и для нас ней растут
коля, петя, саша

кап-кап, тает лед,
в поле без сорочек
солдат-срочников пошлет
президент-бессрочник

летописец:
державными чувствами движим,
царь петр блюет на корме.
«россия священная» пишем,
«союз нерушимый» в уме.

орет молодежь гвоздевая,
пьянея от звона речей,
бирнамский лес рук воздевая
на классном часу палачей

мечтатель (из-под сцены):
весна осталась где-то позади
и солнце отливает жирным блеском
крадутся партизаны перелеском
как в вымученном шлягере советском
и с ними я — бессовестным довеском
пока беснуется огонь в груди

с такими песнями хоть в рай, хоть в строй,
хоть дезертиром в третьей мировой,
бравурной, хоровой, пороховой
(март-апрель 2022)

Андрей Стадников

От автора: *Выбранный фрагмент — часть моего пока неопубликованного романа «Александрия». Роман концентрируется на теме мнимого величия человека и состоит из двух частей: одна — о девушке Саше из маленького сибирского города Бердска, испытывающей сложное платоническое чувство к жене священника, состоящего в националистической религиозной секте, а вторая — описание фантазийного мира, где вся планета управляется императором Александром из Александрии, мировой столицы теократического христианского государства, воплощенной мечты людей национал-религиозного толка. Реальный и фантазийный миры в какой-то мере продолжают друг друга, а неизбежная смерть героев объединяет обе части романа еще и по формальному признаку.*

Я выбрал из романа фрагмент, написанный от лица биографа императора — по сути, придворного писателя и летописца.

Многих из нас волнует вопрос, как же жить при существующем российском авторитаризме и не потерять себя в многочисленных сделках с совестью. У меня пока нет ответов, и я предлагаю читателю вместе со мной задуматься об этом.

Сейчас, когда планета больше не переносит тяготы войны, кажется, что так было всегда. Но нет. Прекращение войн связано с деяниями и победами нашего великого императора. Я поведу свой рассказ с самого начала. Как он появился на свет? Александр родился в Сибири. Эта обширная земля подарила человечеству гения. Взрастила холодами. Обогрела теплом семейного очага. Немногочисленные детские фотографии, хранящиеся в музеях нашей империи, показывают нам мальчика

кукольной миловидной внешности, голубоглазого, честно и светло смотрящего на мир. Кто знал тогда, сколько испытаний приготовит ему судьба? Вот он едет на трехколесном велосипеде. Вот у него в руках игрушка, щенок. Образы, знакомые каждому из ныне живущих. Где в этом детском мире мы найдем предвестия будущего? Как увидим человека-грозу, человека, с яростью Божией обрушившегося на несправедливость этого мира? Может, этот грустный, но уже мудрый взгляд? Что скрывали глубины его памяти? Может, уже тогда, ребенком, он рисовал на бумаге свои мечты: завоевание всего мира, множество Александрий, раскиданных по нашей планете, как жемчуг по песку? Говорил ли с ним Бог? Было ли ему откровение Господа нашего Иисуса Христа?

Родословная Александра известна нам совсем немного. Его отец и мать сыграли обычную студенческую свадьбу, и через год на свет появился он. Из воспоминаний его младшего брата мы знаем, что в воспитании Александра немаловажную роль сыграла бабушка, учитель математики. Уроки, которые она давала своим внукам, очевидно, не прошли зря. Как бы мне хотелось поприсутствовать на этих уроках, своими глазами увидеть, как маленький Александр решает задачи, услышать, как скрипит по бумаге его ручка, как бабушка тихим голосом комментирует его решение и выдает вердикт: «Все верно, Сашенька».

Отец Александра после окончания института работал простым каменщиком на стройке. Так молодая семья получила возможность приобрести собственную квартиру (такие тогда были порядки, о мой Бог!). Уже тогда, в те не такие далекие, но еще безбожные времена, отец крестил сыновей. Так Александр приобщился к вере, и благодать снизошла на него. Господь еще вложит в его руки меч, но поначалу он вложил в ребенка немалое количество ума. Маленький Александр очень рано научился читать и писать.

С детства он любил книги. Еще не умея читать, он садился с книгой и переворачивал страницы, показывая взрослым, каким серьезным делом занят.

Что помнит школа, где учился Александр? Тихого мальчика, отличника, сидящего за первой партой. Одноклассники вспоминают, что он всегда помогал им с математикой, так как делал серьезные в ней успехи, даже участвовал в олимпиадах. Успех он имел и в шахматах, захаживая в клуб, где обыгрывал пожилых ветеранов труда.

Время не щадит никого, даже лучших из людей. Александра впервые видели плачущим на похоронах бабушки. Сохранилась фотография, где скорбные лица склонились над гробом. Маленький мальчик закрывает лицо руками, чтобы никто не видел его слез. Реакция, достойная мужественного не по годам человека.

И буквально через несколько лет следующий удар — смерть отца. В борьбе за свободу умер его отец, погиб на баррикадах. Александру исполнилось тогда 12 лет. Протесты будоражили нашу страну, еще тогда не Российскую империю, а разрозненное слабое русское государство с развращенной и погрязшей в коррупции церковью, с дряхлым президентом, с беспомощным, как старик в маразме, правительством. Какие бури тогда бушевали в душе Александра? Мы не знаем. Но очевидно всем историкам его славной судьбы, что тогда он затаился.

Они не получали пенсию за оппозиционера-отца, жили впроголодь. Младший брат вспоминает, что Александр ходил и просил хоть какой работы: на лесопилку чернорабочим, в супермаркет продавцом, в театр монтажником. Но везде он получал отказ. Черные, отравленные ядом неверной религии мужики отправляли его восвояси. Он, скрепя сердце, шел домой к своей вечно работающей матери и младшему брату

Учился Александр блестяще. Учителя, хотя на них и давили из-за судьбы, постигшей отца мальчика, не могли ничего поделать — он был на голову умнее всех. Мы уже никогда точно не узнаем, были ли среди учителей те, кто любил юного Сашеньку и прощал ему веру его отца (дети ведь не отвечают за дела родителей), но дневник его испещрен отличными оценками.

И вот он с отличием окончил школу. Не все пути открыты перед ним. Люди еще помнят, чей он сын. Из воспоминаний младшего брата мы знаем: учителя ждали, что Александр пойдет по стопам любимой бабушки. Та в свои молодые годы уехала из провинциального городка в столицу, продолжать учиться математике. И тут произошел неожиданный судьбоносный момент. Мы не знаем, было ли это откровение Господа нашего, снизошедшее на юную голову Александра, или же просто душевный позыв, но он поступил на богословское отделение. Тогда священников считали за безопасных для власти людей, и на биографию его отца закрыли глаза. Спустя годы мы не можем не оценить этот полный достоинства шаг. Не можем не оценить и его тактическую зрелость.

Как бы то ни было, Александр уехал в столицу учиться на богослова. И тут он также преуспел. Видимо, иначе просто не мог. В архивных записях сохранились сплошь отличные его оценки. Из воспоминаний его друзей, переживших после Великой войны, мы знаем, что примерно тогда же Александр начал уделять внимание своей физической форме. Сосед его по общежитию вспоминает, что юноша каждый день ходил на ближайший стадион и подтягивался на турнике. У Александра был четкий режим: шесть дней в неделю он посвящал учебе, седьмой же был занят потреблением искусства, прежде всего музыки. Он ложился на свою скрипучую койку, надевал наушники и слушал. Что же? Этого сосед никак не может вспомнить. Можно только

догадаться, что слушал человек, через много лет запретивший женщинам петь на всей планете Земля. Какое мудрое решение!

Время неумолимо и беспощадно. Оно идет даже для великих.

Время шло, и Александр все учился.

«Любовь к президенту — это потворство грабежу народа».

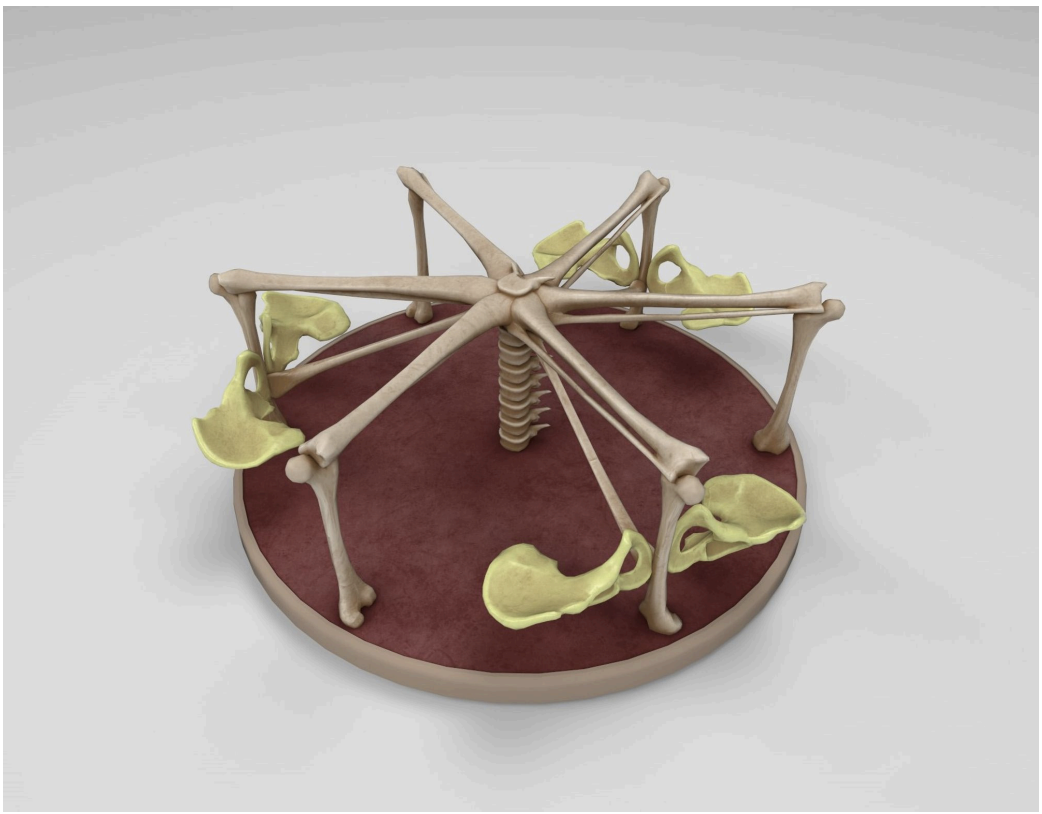
И пусть в мой дом уже стучат, и пусть меня повесят завтра на подъемном кране, пусть пустят свинец в затылок или пусть сожгут на костре (в нынешнее время казни разнообразны), я скажу правду, я наконец освобожусь от бремени писать чушь и лгать. Русская земля породила чудовище. Это чудовище сожгло половину планеты, а остальную половину поработило, водрузив на здания правительств свои крестовые знамена. Император умер. Нет большего счастья, чем писать это сейчас. Пусть это грех, пусть нехорошо радоваться смерти другого, но это был, действительно, не просто человек, это было воплощение дьявольской ярости и сатанинского гнева. Это было. И пусть у нас нет больше возможности говорить правду, а лагеря, в которых насильно держат врагов режима, раскиданы по всему миру, пусть слова проституированы и стали мусором, пусть — я верю, что пройдет время, умру я, умрет еще не один человек, но кто-то, пусть даже еще не мои дети, сможет вздохнуть свободно, сможет обратить людей в свою гуманную веру не оружием, а словами, сможет, наконец, быть счастливым, и солнце и луна будут ласково светить этим новым людям, пришедшим после нас. И пусть никто не прочитает этих моих слов, а мою книгу, как и много других книг, сожгут и развеют по ветру истории. Пусть. Я верю. Я не верю в Господа Бога, но верю в Человека, а это, поверьте, не так уж мало. И сейчас, когда я пишу эти слова, сидя

у себя дома темной ночью, я, наконец, чувствую себя не рабом, который под страхом гильотины, поднятой над его головой, царапает своим пером лживые буковки, я чувствую себя летописцем не власти, но времени, не режима, но его противников, не лицемерия, но совести. И пусть умрут воскресшие боги, пусть сгинут ожившие идолы, пусть провалятся в небытие палачи и убийцы, а узники совести выйдут на свет ~~божий~~, пусть взойдет солнце мира и свободы, пусть человечество, наконец, обретет тихое и вольнолюбивое существование, пусть настанет царство не правителей, но истины и справедливости. В будущую глубину веков я посылаю свое предсмертное заклинание (ведь стражи режима не оставят теперь мою жизнь без внимания и наверняка вынесут мне смертный приговор).
Я больше не боюсь смерти. Мне нечего терять. Солнышко встает. Александрия освещается первыми лучами его. И хотя этот прекрасный город назван в честь монстра, имя его превратится в прах. Мы будем помнить имена лишь тех, кто помогал нам справиться с непростой жизнью в эти тяжелые времена. И хотя никого нет над нами, некому за нами присматривать и некому молиться, мы обратим взоры в небо, посмотрим на потухающие звезды и пожелаем себе счастливого пути. Космические силы хаоса пусть не мешают нам, пусть дадут нашей планете еще немного времени, а за нами не заржавеет.

Арт

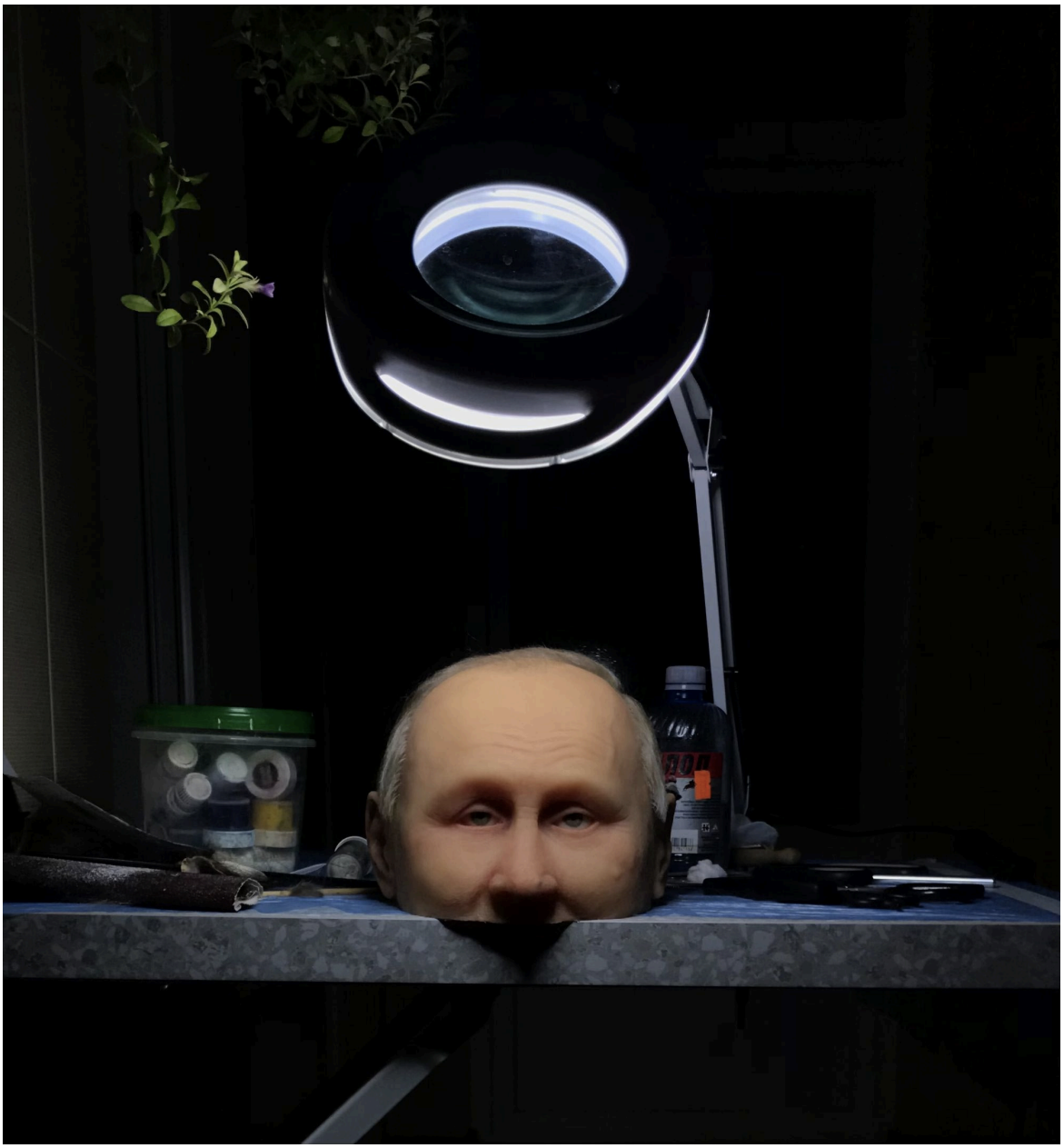
Айдар Бекчинтаев

При просмотре многочисленных фотографий украинских городов после российских обстрелов возник образ одушевленности разрушенных домов, обломков детских площадок, неживого, но уничтоженного. Отсюда сделанные из костей горки и карусели, похожие на хвосты китов части авиабомб.



Андрей Дорохов

Образ мгновенно пришел в голову, когда в телеграм-каналах стали писать, что Путин-де всерьез рассматривает возможность нанесения ядерного удара по Украине или «центрам принятия решений», под которыми, кажется, подразумевались столицы стран НАТО. И вот как я себе представил скульптуру, так она и получилась. Черный плексиглас неожиданно оказался очень глубоким черным тяжелым нефтяным «морем», в которое каждый зритель опасается провалиться — туда же, к «герою». Ощущение, наверное, будет сильнее в зависимости от того, насколько большую часть пола сделать битумно-черной. Ну и, увы, от готовности персонажа распространить погибель на весь мир.



REAL RUSSIAN

Гали-Дана Зингер

«Український прапор у Єрусалимі — דגל אוקראינה בירושלים»
Иерусалим всегда отвечает мыслям и чувствам своих жителей, надо только смотреть внимательно и не пропускать его ответы.

Желто-голубой флаг Украины появляется в самых неожиданных местах: рядом с силуэтом Теодора Герцля, в витрине магазина, на плечах мальчишки, нарядившегося желто-голубым стягом на праздник Пурим, на стене книжного магазина «Маленький принц», где проходила презентация номера журнала «מייתדוקנ», посвященного переводам украинской поэзии на иврит... Но иногда у города не хватает терпения, и на каких-нибудь дверях появляется лаконичная фраза: FUCK WAR.

Екатерина Галактионова

«Суд над Яшиным»

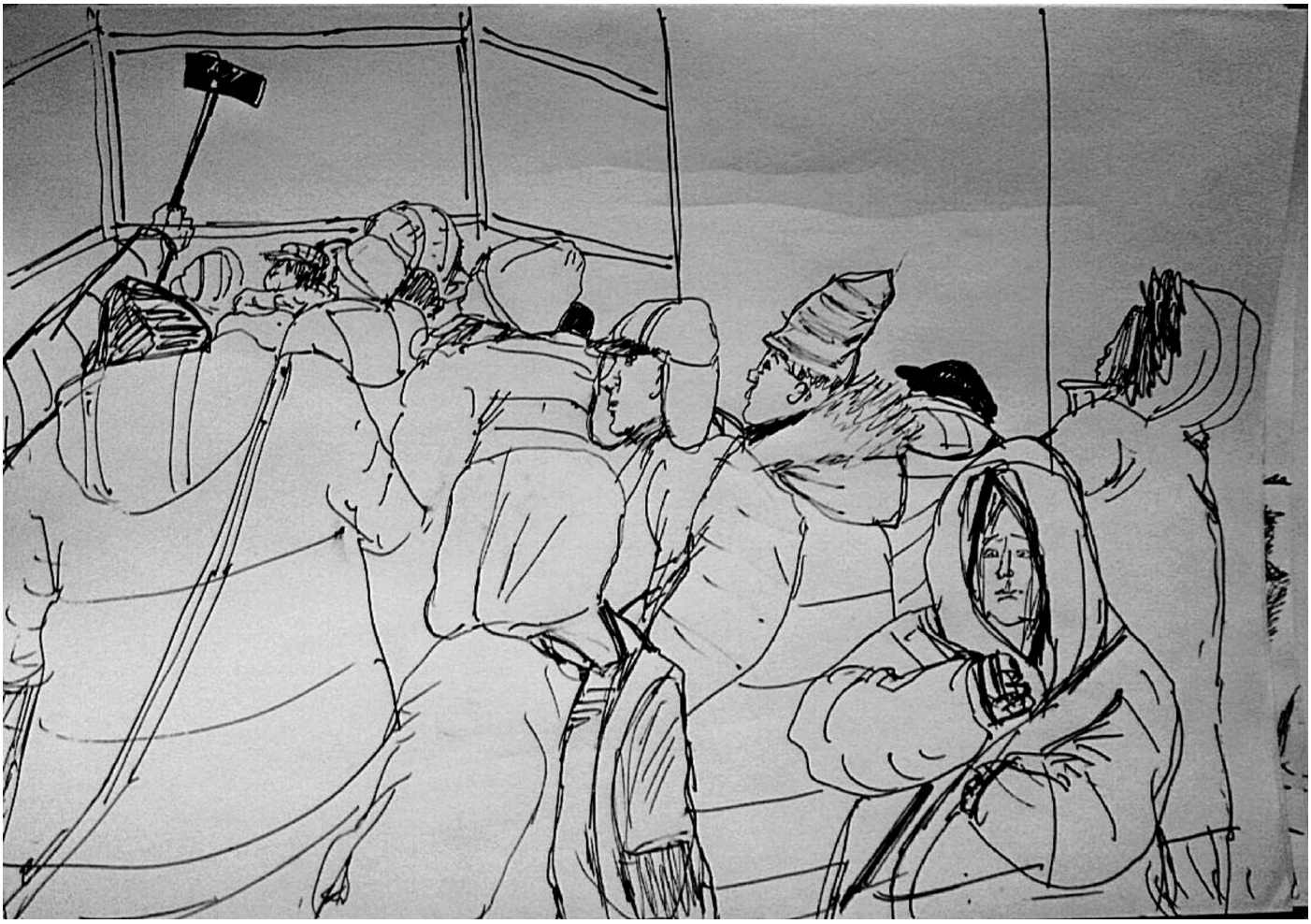
На суде был такой момент, когда в полной тишине 45 минут зачитывался доклад ООН о разрушениях в Украине в ходе войны. Долго, громко и внятно.

Оказалось, что об этом можно говорить перед публикой, а не только в интернете, но в суде. Почитаешь такое на улице людям — пять минут, и ты в СИЗО.

Была абсолютная звенящая тишина.

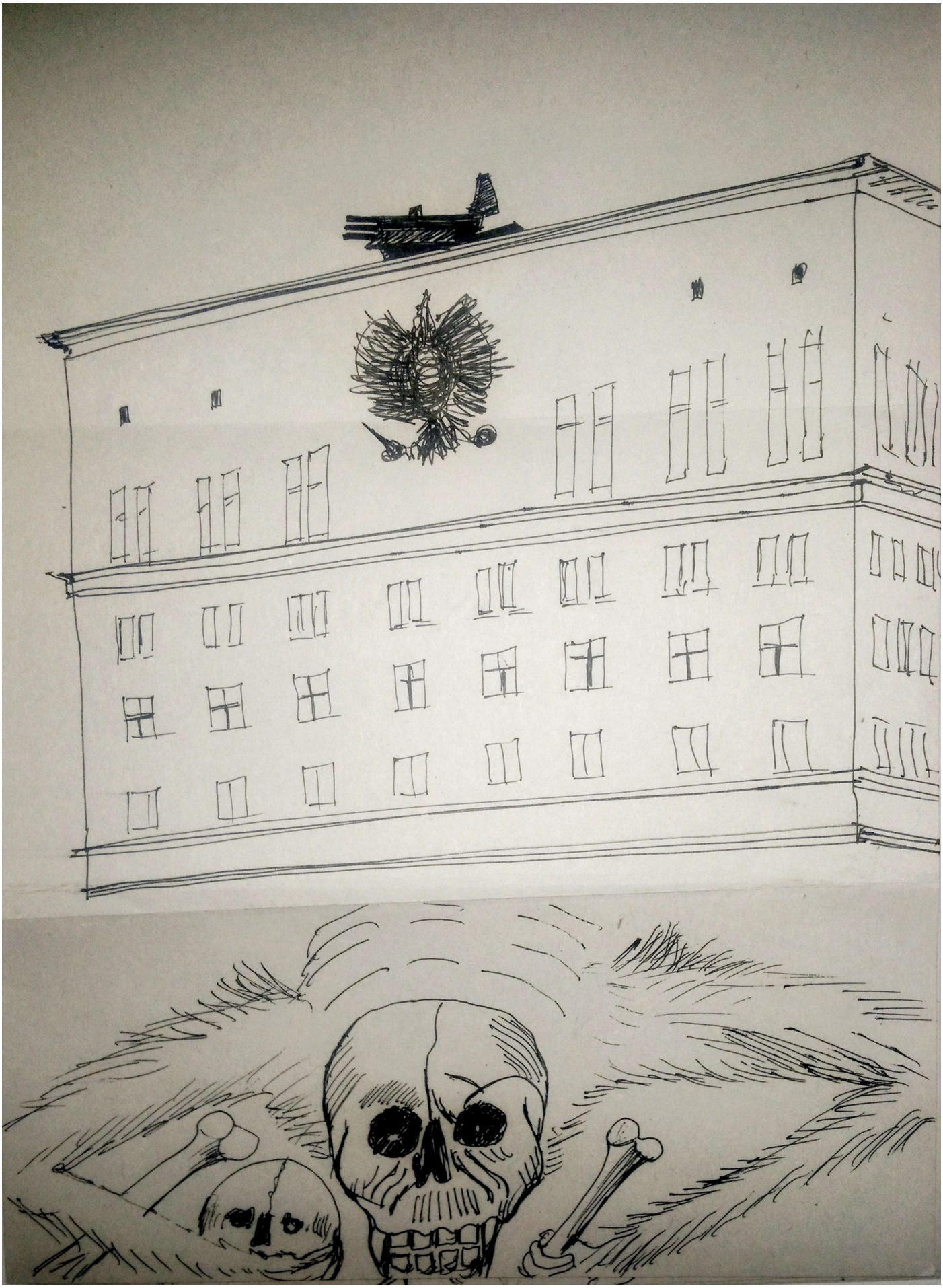
Мне показалось, люди даже не верили, что это происходит с ними.

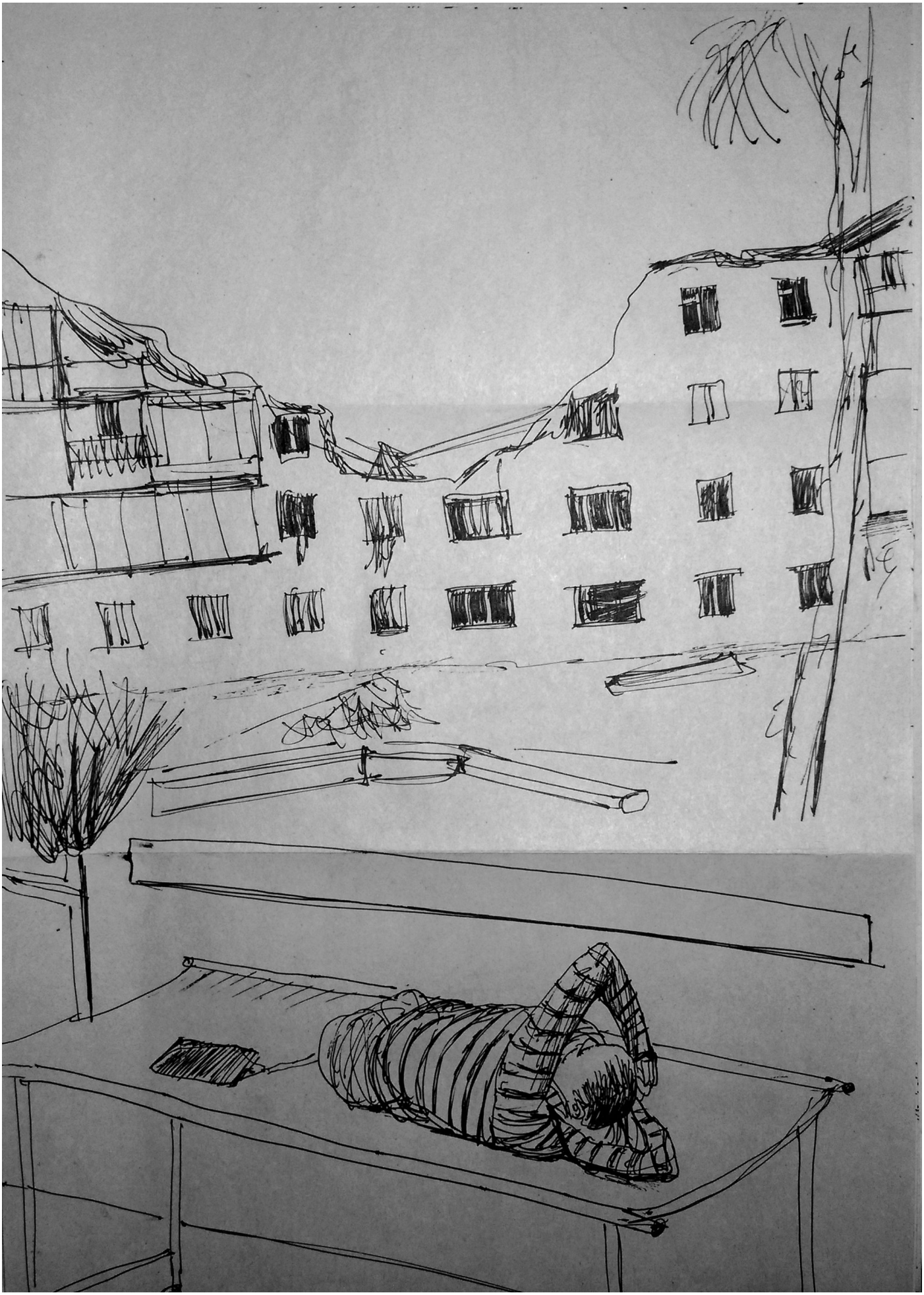
Мы как бы перенеслись в будущее, когда уже Гаага произошла.

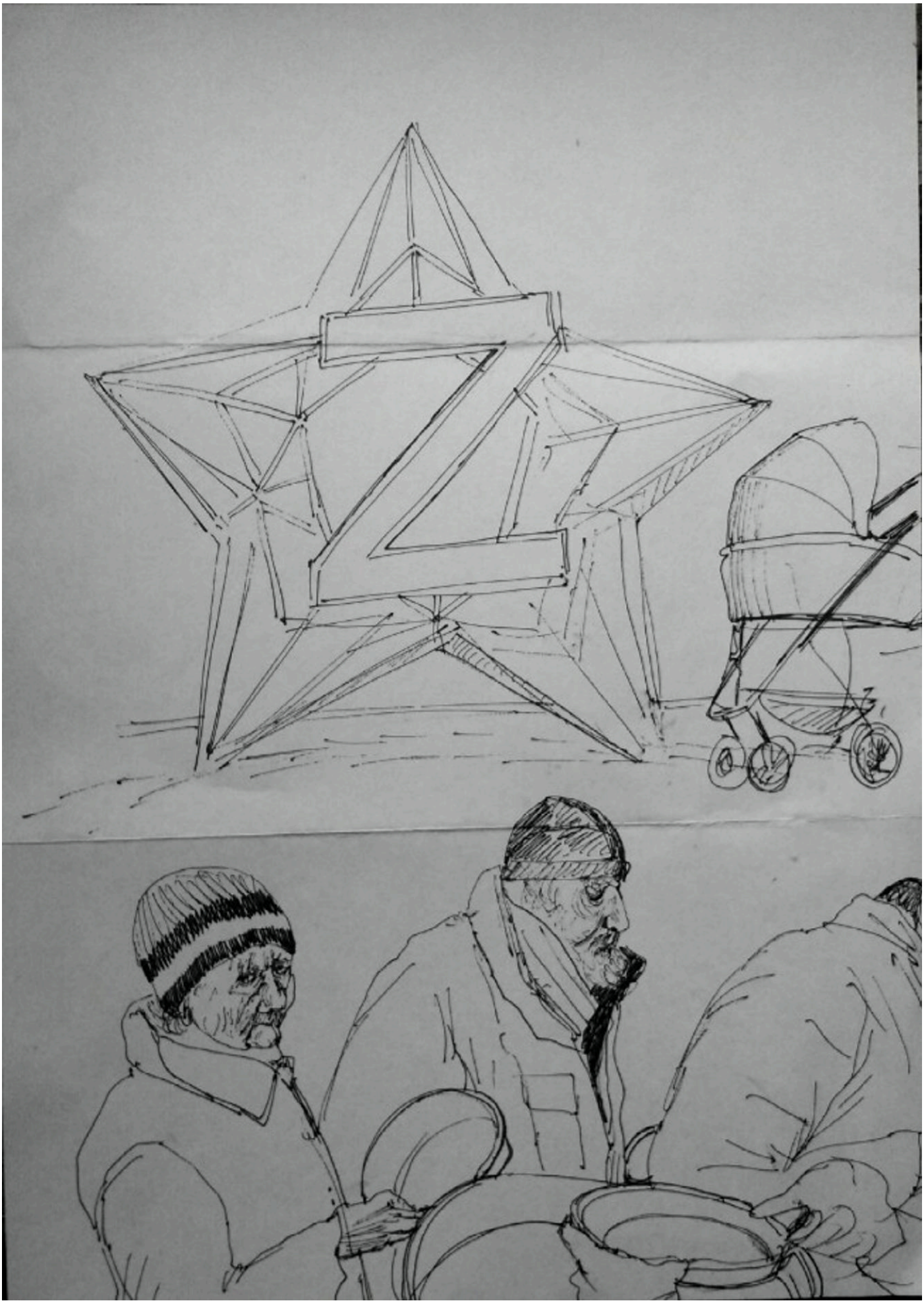


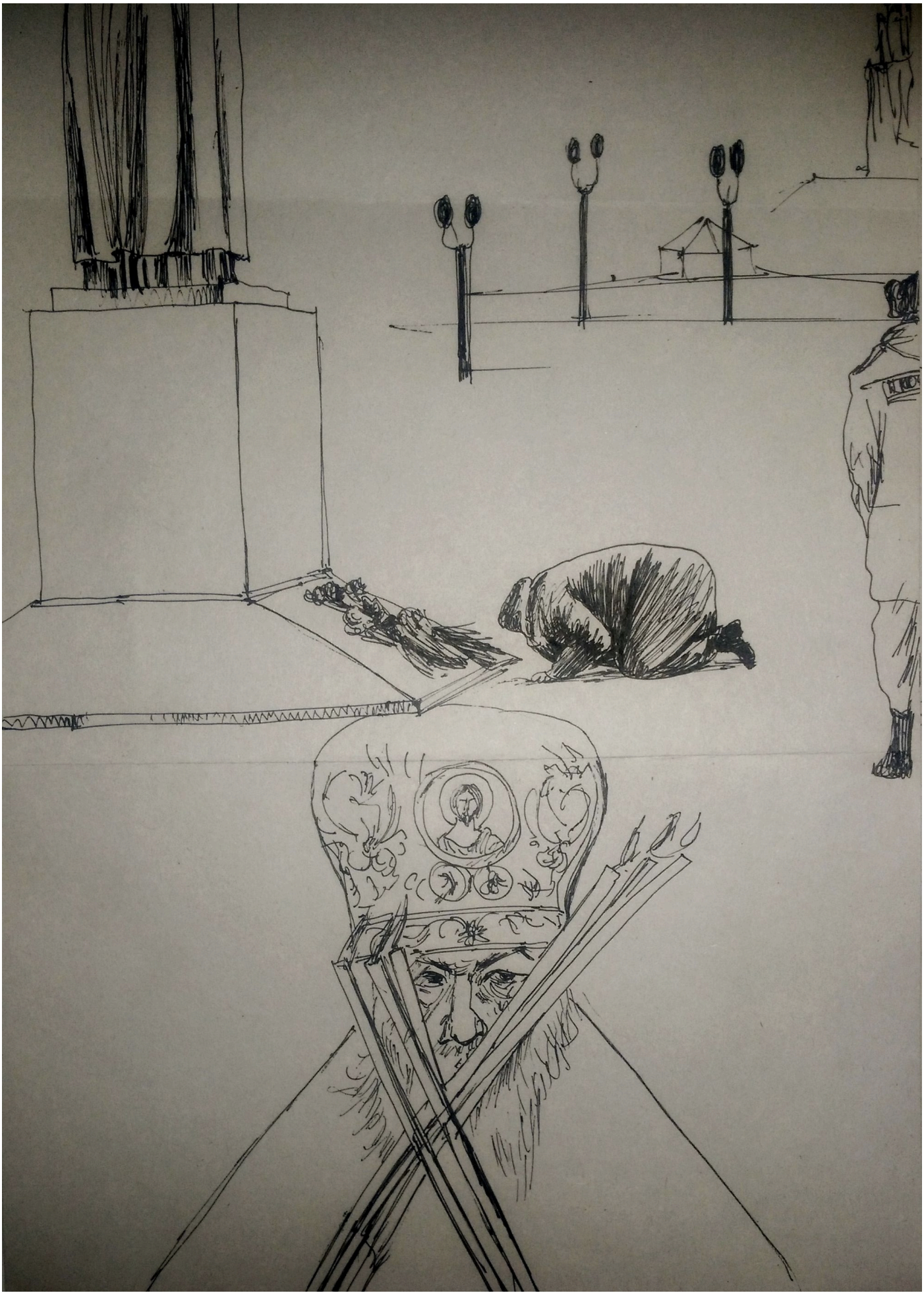
ФЕДЕРАЛЬНАЯ
СЛУЖБА СУДЕБНЫХ
ПРИСТАВОВ

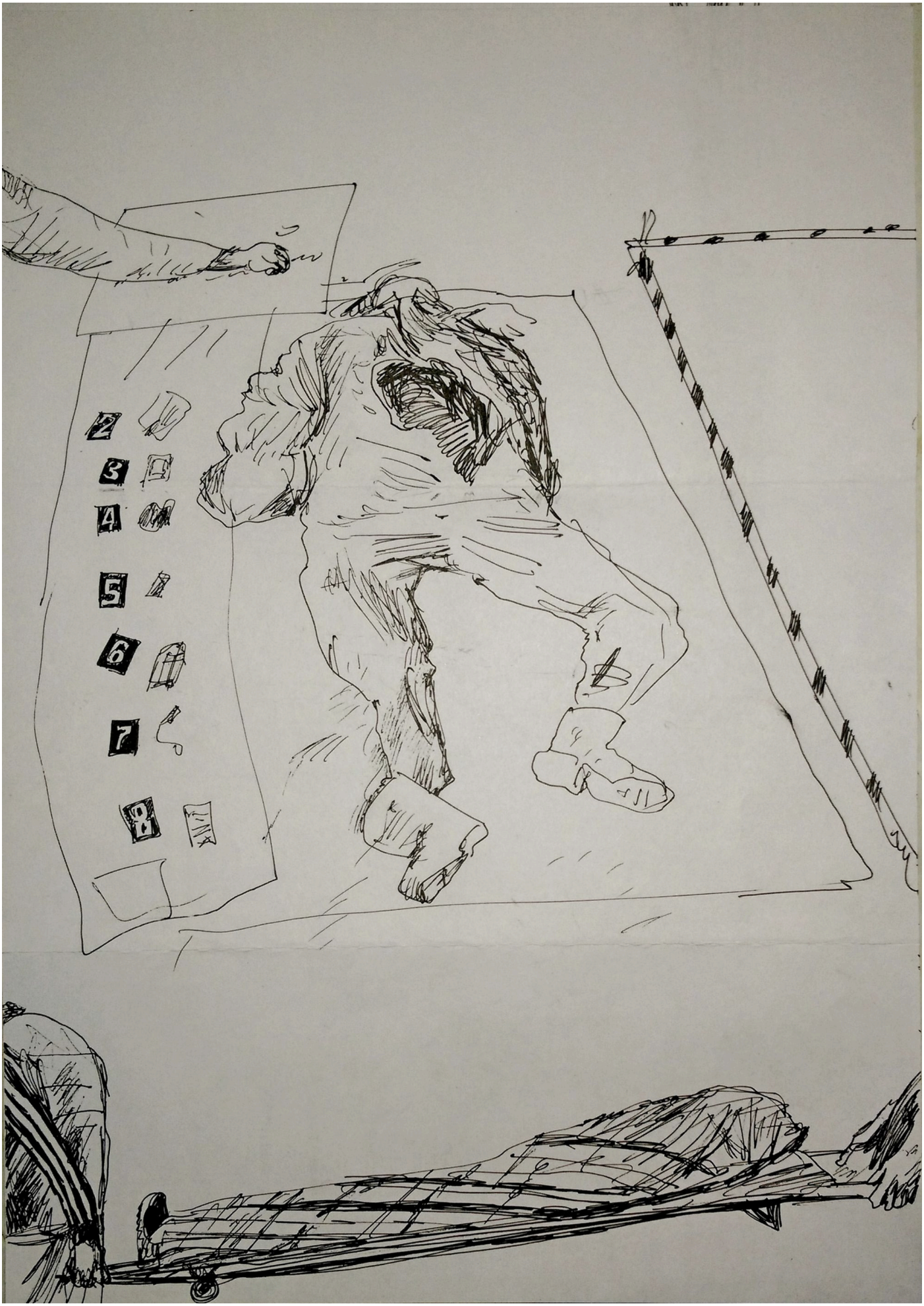
Дополняешь рисунок, не видя уже нарисованного на листе. Составляется хроника событий.

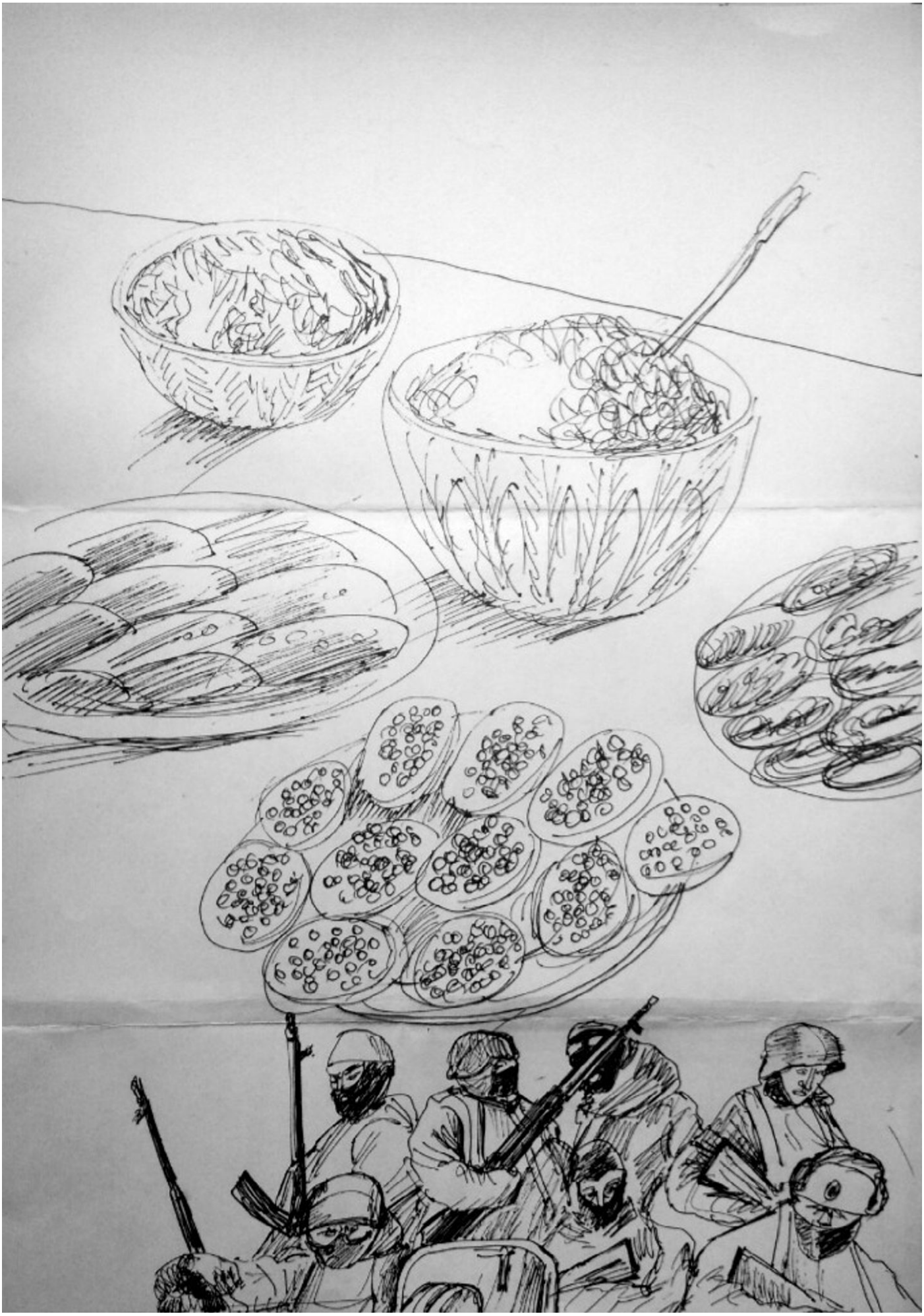









2
3
4
5
6
7
8



Иван Асиновский

Родина-мать

Фарфор, шамот, подглазурная роспись

Я был в филармонии летом, в августе, слушал Седьмую симфонию Шостаковича. Это был юбилейный концерт, 80 лет с создания Седьмой симфонии в 1942 году, аншлаг. Я сидел и думал о том, что эта музыка была написана не для тех, кто станет цинично сеять гибель и горе.

Откуда берется эта тяга к смерти, к разорванным телам? К награждениям посмертно? Откуда это равнодушие к жизни, к телесному, к боли, к горю?

Ведь что-то должно разбить каменное сердце!

Ирина Затуловская

Катя Демидова

Много лет, с тех пор как в России сделались популярными соцсети, я каждый год рисовала и выкладывала в интернет новогодние открытки — для друзей и для всех, кто их увидит. Всегда яркие, добрые и смешные. Но в этом году традицию пришлось нарушить: как можно нарисовать что-то милое и веселое, когда меня уже много месяцев разрывает от боли и ужаса и с каждым днем боли и ужаса все больше? Вместо традиционных поздравительных открыток родилась серия антипоздравительных антиоткрыток.
Сначала я хотела назвать ее «Кремлевские елки». Вы наверняка помните, что в советские времена (а мое детство — это семидесятые — восьмидесятые годы) новогодние утренники, проводившиеся в Кремлевском дворце съездов, были возведены в ранг фетиша: каждый приличный октябренок и пионер теоретически должен был мечтать побывать там хотя бы раз (хотя на самом деле — во время каникул «Кремлевскую елку» обязательно показывали по центральному телевидению — представление мало чем отличалось от того, чем нас развлекали обычные городские ДК: плохо сыгранный неумный и шаблонный сценарий, вымученная радость, только размах больше). Но уже в процессе рисования первой открытки, той, что по мотивам «Апофеоза войны» Верещагина, я изменила название. Потому что «ели» — это не только существительное, но еще и глагол.
Все антиоткрытки сделаны в технике аппликации и коллажа. Из подручных материалов: картона от упаковок, бумаги для рисования, старых рекламных листовок, оберток от шоколада, салфеток бумажных и матерчатых, проволоки, ниток, лака для ногтей, даже старой сберкнижки родителей и «Российской газеты» (которую много лет щедрое государство бесплатно подсовывает в наш почтовый ящик в надежде обольстить и привлечь на свою сторону старшее поколение семьи).

ДЕКАБРЬ 2022

Кремлёвские ели
дек.
2022

КРЕМЛЁВСКИЕ ЕЛИ
ДЕК. 2022
KREMLIN

Z

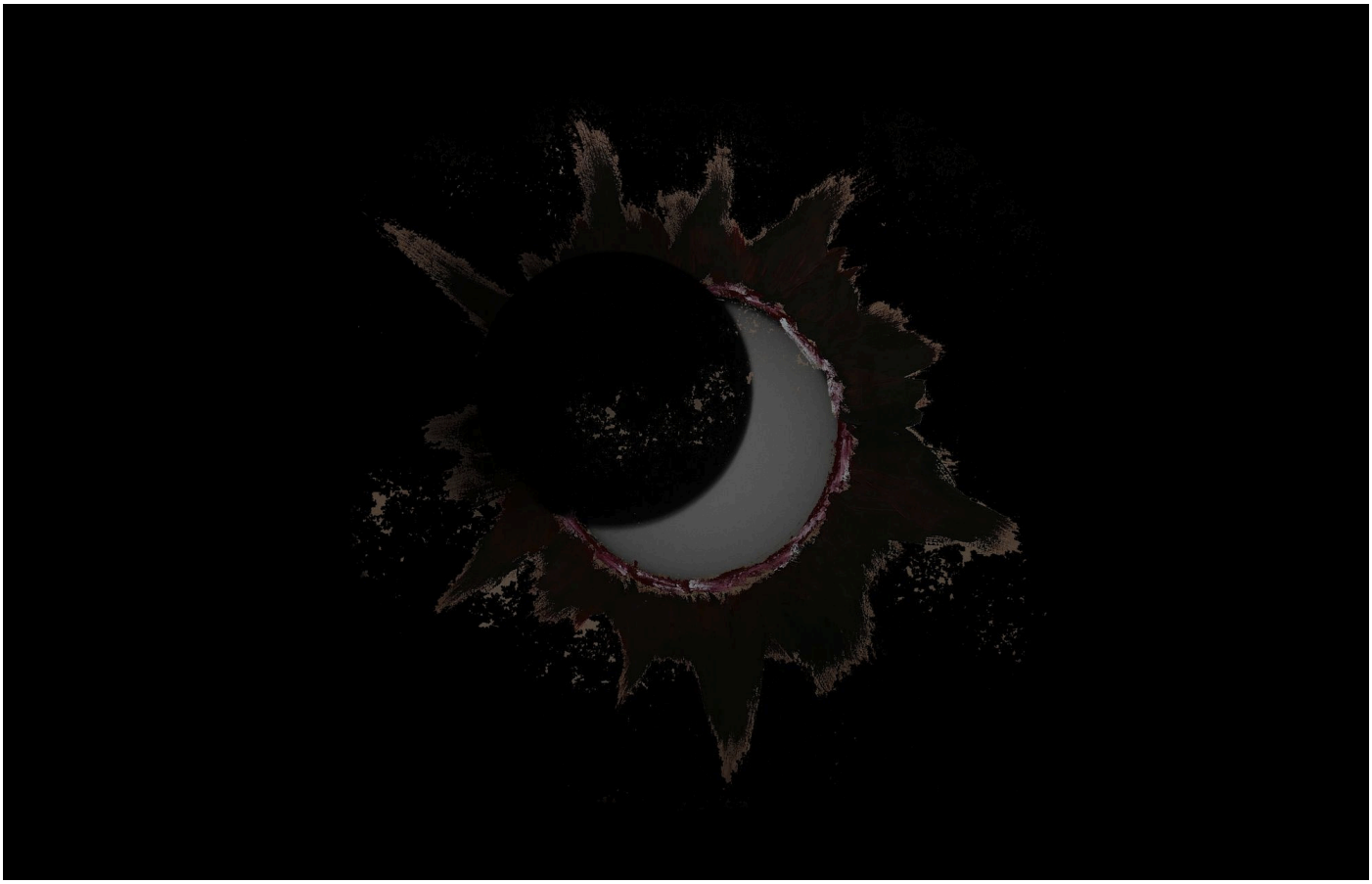
Кремлёвские ели
С Новым годом
2
Декабрь 2022

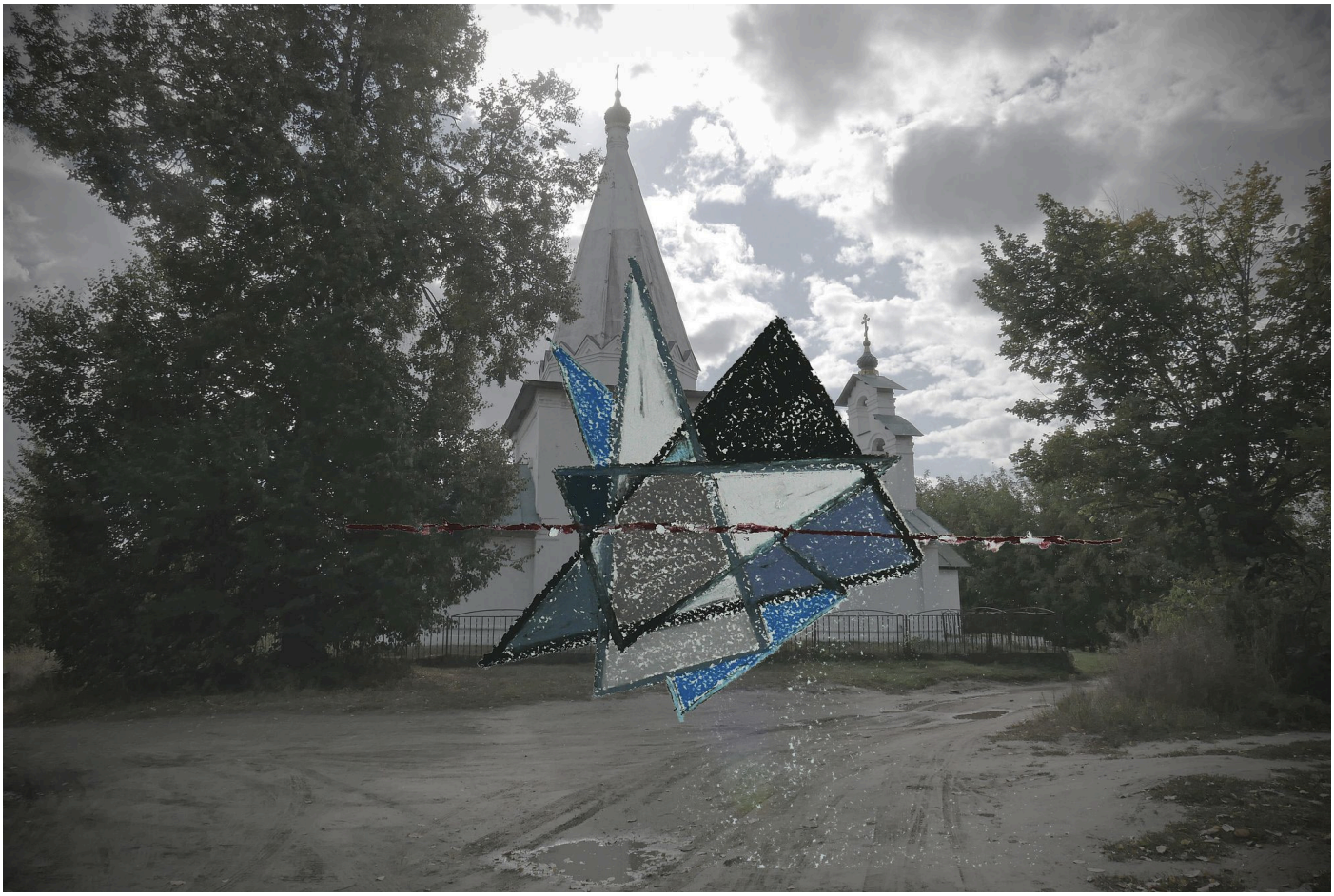
Анонимно

«Затмение»

Фотография, акрил, графика, 2022

Ужас, разломанность, разобранность мира стоят перед глазами и никуда не уходят. Ни естественность природы, ни возвышенность человеческого духа в его лучших проявлениях не в состоянии их отменить, оградить или усмирить. Бесчисленные трагедии, опыт которых непредставим мне как человеку, которого они миновали, проявляются в этой серии абстрактными фигурами, вечно смотрящими на меня из каждого момента бытия.





Н.Ш.

Из серии «Родина-мать»

Этот образ в моих рисунках появился после объявления мобилизации. Он символизирует не только переживание конкретного события; это и о понимании русской истории вообще, о коллективной травме, передающейся из поколения в поколение. Материнская фигура должна быть символом безусловной любви и защищенности, здесь же Богородица одновременно и Кронос, пожирающий своего сына.

Олеся Гонсеровская

«Совковый алфавит»

Если есть азбука для разучивания букв, то где-то должна быть азбука для отвыкания от токсичного способа думать и говорить. Меня очень беспокоят совковые присказки. Это такая народная «мудрость», которая в большинстве случаев пытается объяснить и оправдать несправедливость или насилие — или как-то еще представить их в выгодном свете.

Жж

«это **жёсткое** решение принесло пользу»

„that hard **decision** beared fruit"

Зз

«**значит** было за что»

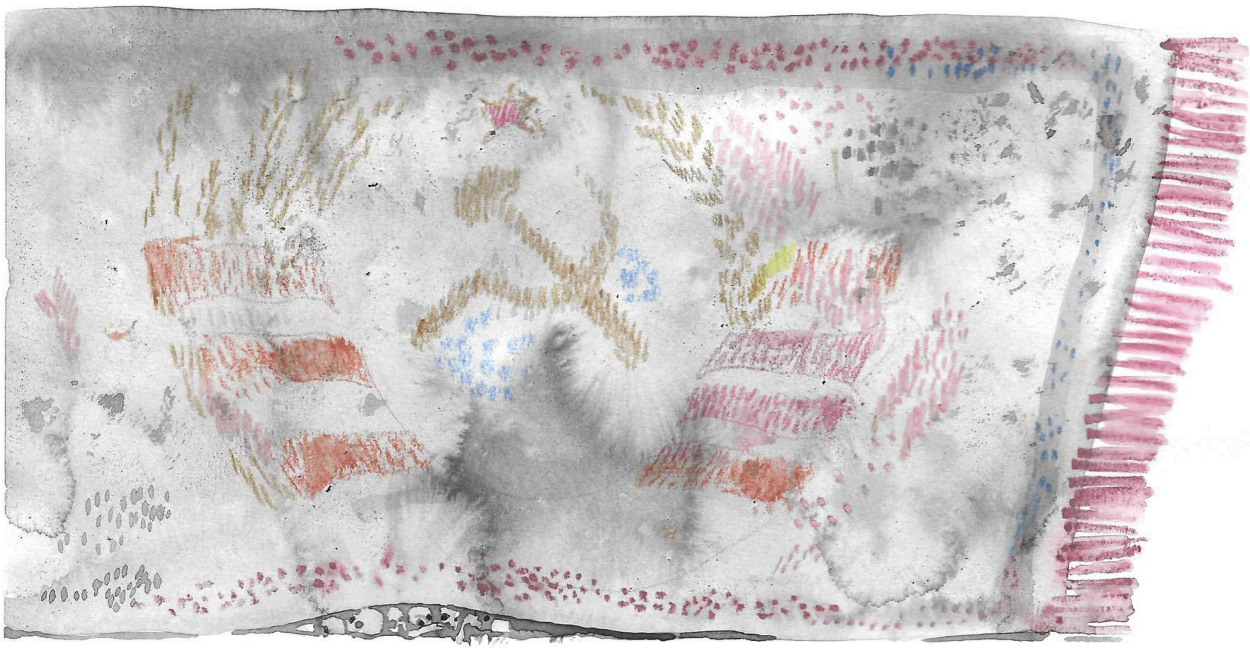
„there were **reasons** on that probably"

Кк

«**колбаса** по пять копеек»

„cheap **sausage**
(we had in exchange
for our freedom)“

Лл



«мы стали **более лучше** одеваться»

„we began to wear **more better** clothes"

Мм

«**мы** были вынуждены напасть»

„they made **us** attack"

Оо

« если не **он**, то кто? »

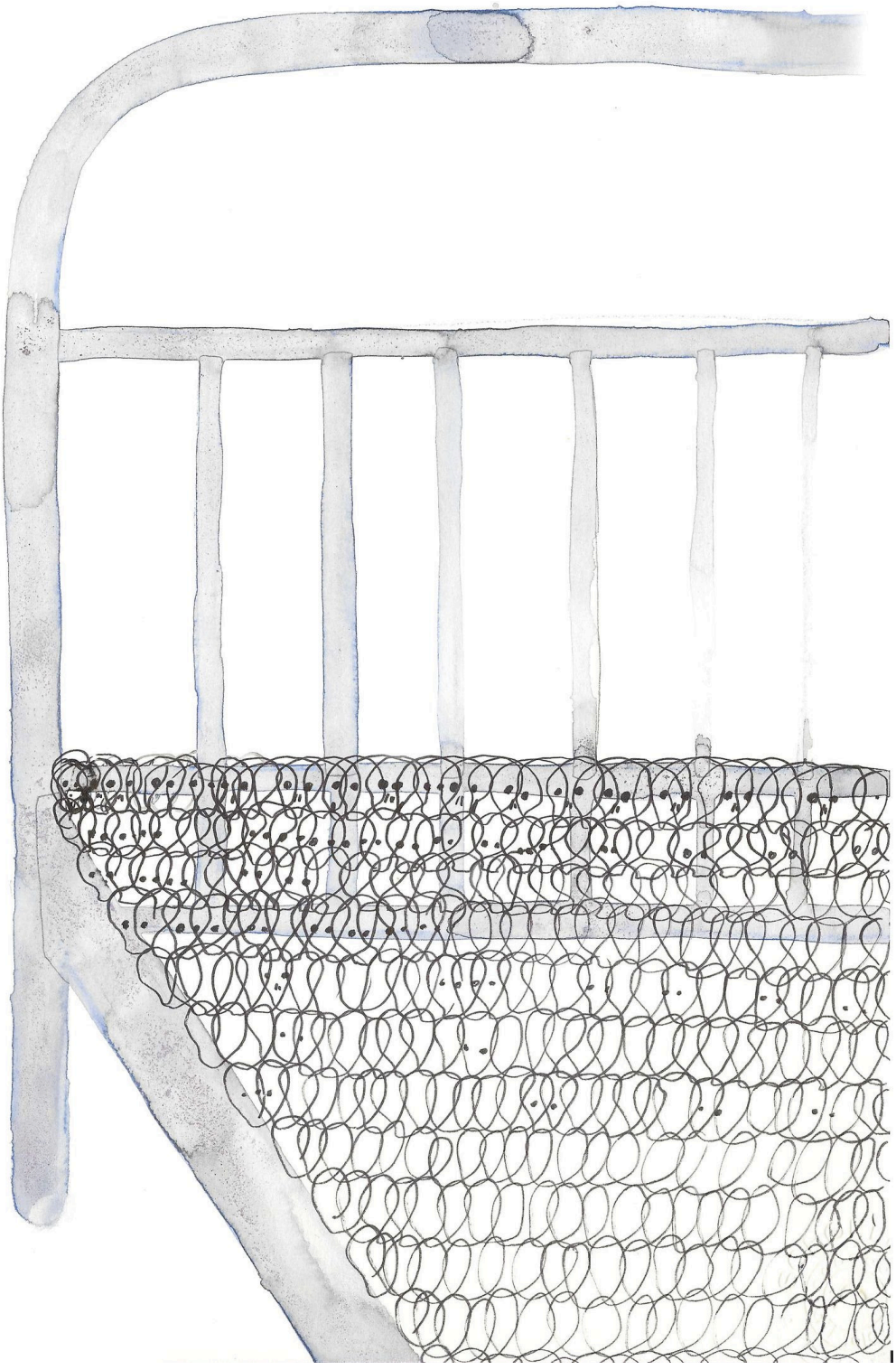
" the only one decent nominee
for president (tsar') office
for the last 20 years "

Рр

«твёрдой **рукой** навести
порядок в стране»

„put the country in order
by the firm **hand**"

Сс



«а что мы
можем
сделать?»

„but what
could we **do?"**

Тт

«тебе что, больше всех надо?!» „stay in your lane"

90ые

«Вы что, хотите как в 90ые?»

„Do you like 90es to come back?"

Рита

«Безъязыкая»

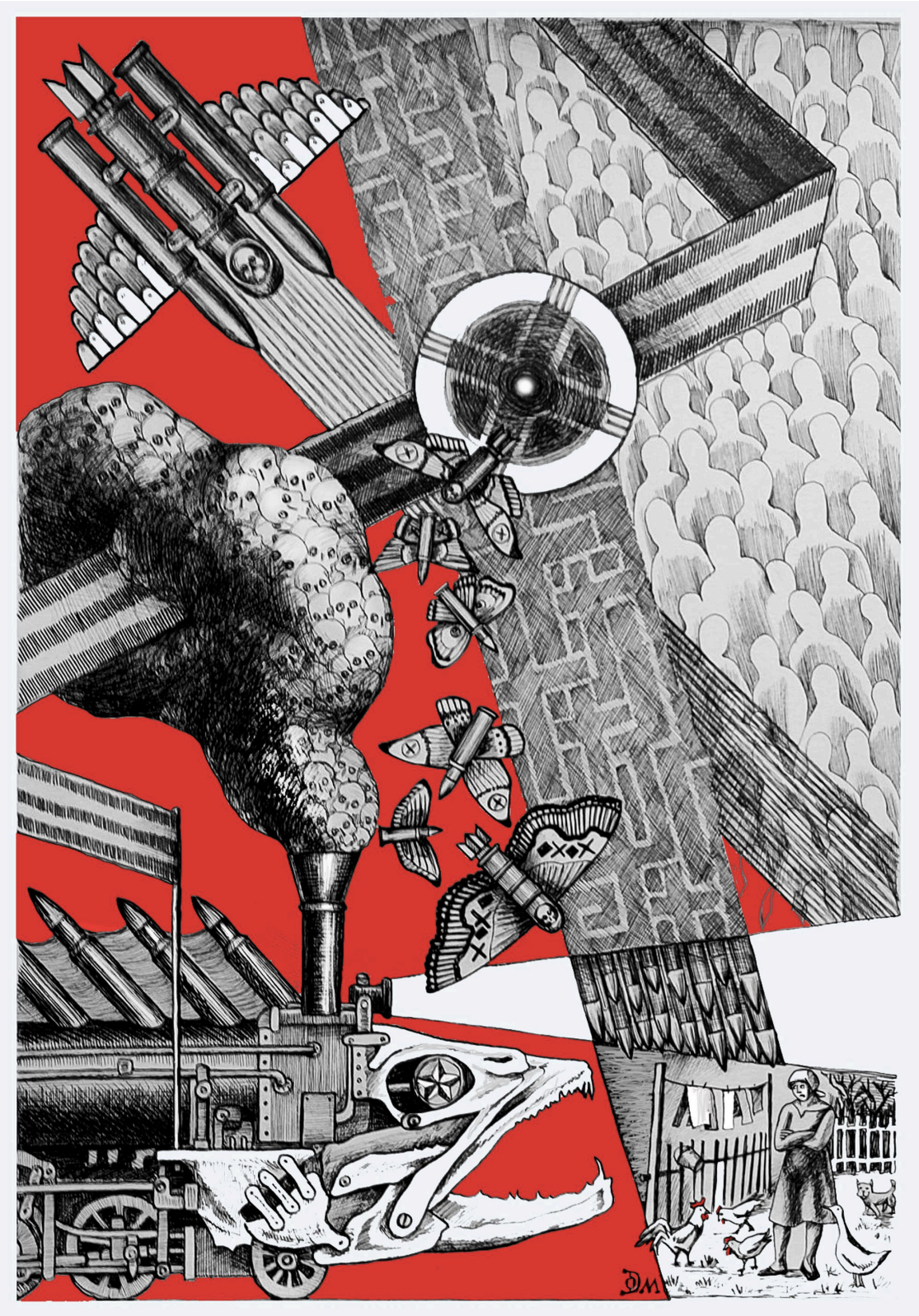
Боль за мой народ, за мой дом переполнила меня и вылилась в тихий скулеж неизвестности и дикого страха. Этот выплеск я хочу пронести флагом протеста над всей моей необъятной родиной и за ее пределы, обняв всех, кто сейчас в беде и кому так же страшно.

Хельга ДОМ

«Паровоз смерти»

Бумага, линер, акварель, 42×39, 2022

Образ поезда, в котором мы все несемся в пропасть, преследует меня с февраля. Сумасшедший машинист сжигает в топке десятки тысяч людей, а мы не можем добраться до него, чтобы остановить это безумие.



«Сережа»

Бумага, линер, акварель, 42×39, 2022

23 ноября в Вольнянске российская ракета попала в роддом и убила Сережу. Он прожил на свете всего два дня и успел узнать, что есть мама, тепло, любовь, темнота и смерть. Больше он ничего не успел узнать, даже примерить свои пинетки не успел. И увидеть, что у деревьев есть листья, не успел тоже.